КАЗАКИ

ДОНЦЫ, УРАЛЬЦЫ, КУБАНЦЫ, ТЕРЦЫ.

Очерки изъ Исторіи и стародавняго казацкаго быта въ общедоступномъ изложеніи, для чтенія въ войскахъ, семьѣ и школѣ.

СОСТАВИЛЪ

Конст. Конст. АБАЗА.

Издалъ В. Березовскій

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1890.

371.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ является какъ бы продолженіемъ «Военно-исторической христоматіи», изданной 3 года тому назадъ. Самый бѣглый обзоръ нашей лѣтописи военныхъ событій показываетъ насколько значительно по численности и дѣйствительно по результатамъ было участіе казаковъ въ общемъ составѣ русскихъ войскъ. Помимо того, ихъ собственная исторія — водвореніе на далекихъ окраинахъ, особенности сложившагося тамъ военнаго и хозяйственнаго быта, борьба съ сосѣдями, возвышавшаяся порою до героизма, расширеніе границъ и охрана юной колонизаціи—все это заслуживаетъ не меньшаго вниманія и представляетъ своеобразный интересъ. Составитель задался мыслью извлечь наиболѣе благодарный для воспитательныхъ цѣлей матеріалъ, сгруппировать и расположить его въ видѣ очерковъ, доступныхъ обыкновенному читателю, не спеціалисту. Какъ и въ предыдущемъ случаѣ, т. е. при составленіи христоматіи, онъ заносилъ лишь строго провѣренные факты, не позволялъ себѣ ни вымысловъ, ни искаженій, пополняя лишь немногими деталями картины и дорисовывая образы дѣйствующихъ лицъ, выдвинутыхъ исторіей казачества. Эта послѣдняя, въ такомъ общедоступномъ изложеніи, можетъ, по мнѣнію составителя, прійтись по вкусу и юношеству, склонному вообще ко всему героическому, и найти доступъ въ войска, гдѣ знакомство съ казаками особенно желательно въ виду довольно распространеннаго мнѣнія, будто казаки мастера лишь «промыслить» и что активная ихъ роль на полѣ битвы начинается съ того момента, когда разбитый непріятель уже обратился въ бѣгство. Наконецъ, сколько извѣстно, у самихъ казаковъ нѣтъ популярныхъ разсказовъ изъ исторіи своего войска, разсказовъ, которые бы давали возможность воскресить въ памяти славное прошедшее и въ то же время ознакомиться съ собратами. Составитель на первый разъ обработалъ 4 войска, помѣстивъ ихъ въ порядкѣ старшинства, за исключеніемъ терцевъ, которымъ слѣдовало бы стоять раньше. Это отступленіе сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы нѣсколько облегчить пониманіе прежняго, довольно сложнаго, административнаго дѣленія передняго Кавказа.

Исчерпавъ по возможности героическую эпоху казачества, составитель не могъ уже помѣстить участіе казаковъ въ послѣднихъ военныхъ событіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, разнообразная степень ихъ пригодности повидимому достаточно выяснена въ настоящихъ очеркахъ; нѣсколько слабѣе этнографическій эле-

ментъ и не потому, чтобы онъ былъ менѣе важенъ, а по отсутствію современныхъ изслѣдованій. Въ этомъ случаѣ, если и удалось сколько-нибудь пополнить пробѣлы, то лишь благодаря участію любителей старины и знатокамъ казачьяго быта, которымъ составитель выражаетъ сердечную признательность. Всѣ помѣщенныя въ книгѣ виньетки, равно и портретъ знаменитаго атамана, предложены почтеннымъ издателемъ безвозмездно, что, помимо оживленія, дало возможность назначить ей самую умѣренную цѣну.—Кромѣ извѣстныхъ историческихъ трудовъ Карамзина, С. Соловьева, Костомарова, Богдановича и др., нижеподписавшійся пользовался слѣдующими пособіями:

А. «Исторія войска Донскаго» Броневскаго, «Исторія о донскихъ казакахъ»» Ригельмана; «Донцы» Сенюткина; «Трехсотлѣтіе войска Донскаго» Савельева; «Историческіе очерки Дона» и «Военное обозрѣніе земли войска Донскаго» Краснова; «Жизнь графа Платова» Смирнова; «Яковъ Петровичъ Баклановъ» Потто; «Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства» Богалѣя; «Записки Денисова», «Записки Жиркевича», «Записки Манштейна» — въ ж. «Русская Старина»; «Историческій Вѣстникъ» 1886 г., № 12.

Б. «Уральское казачье войско» Рябинина; «Исторія Пугачевскаго бунта» Пушкина; «Пугачевъ и его сообщники» Дубровина; «Уральцы» Желѣзнова; «Уральскій казакъ» Даля; «Изслѣдованіе о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденіяхъ Россіи» Гакстгаузена («Современникъ», 1857 г.); статьи Л. Костенка, Витевскаго, Рябинина и др., помѣщенныя въ ж. «Военный Сборникъ», «Историческій Вѣстникъ», «Древняя и Новая Россія».

В. «Черноморцы» Короленка; «Черноморскіе казаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту» и «Терскіе казаки со стародавнихъ временъ» Попка; «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ» Дубровина; «Подвиги русскихъ войскъ въ странахъ кавказскихъ» Зубова; «Кавказская война» Потто; Памятныя книжки Кубанскаго войска; «Записки стараго казака» въ ж. «Военный Сборникъ»; отдѣльныя статьи въ ж. «Русскій Архивъ», «Р. Вѣстникъ» и «Кіевская Старина» за 1888—90 годы.

Константинъ Абаза.

19 Іюля, 1890 г.

ДОНЦЫ.

I.

Казачьи юрты и добываніе Азова.

Поросшіе густыми камышами берега «тихаго» Дона, его безчисленные островки, обиліе рыбы и дичины, достатокъ въ лѣсѣ и степное приволье — все вмѣстѣ манило къ себѣ изъ Руси бѣдняковъ, бездомовниковъ, на житье на вольное, на казацкое. Тутъ всегда была надежда на поживу: въ степяхъ паслись табуны ногайцевъ, по Волгѣ ходили караваны съ хлѣбомъ, съ солью, съ воинскимъ запасомъ; степью проѣзжали московскіе и турецкіе послы съ богатыми подарками; наконецъ подъ рукой вѣчно шумѣло синее море, по берегамъ котораго стояли въ красѣ и зелени завѣтные города: Трапезонтъ, Синопъ, Цареградъ, Кафа, Керчь. И подобно тому, какъ на низовьяхъ Днѣпра осѣло Запорожское братство, такъ же и на низовьяхъ Дона скопилась вольница, получившая впослѣдствіи названіе «великаго войска Донскаго». Неизвѣстно, гдѣ именно поселились первые удальцы; но когда число ихъ умножилось, они укрѣпились въ городкѣ Раздоры, въ 120 верстахъ отъ турецкой крѣпости Азова, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Донецъ сливается съ Дономъ. Вообще, казачьи городки ставились всегда въ укромныхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь въ лѣсу или за болотомъ, на островкѣ или между густыхъ камышей. Облюбовавъ мѣстечко, обносили его частоколомъ или плетнемъ, а снаружи присыпали изъ небольшой канавы землю — вотъ и вся защита. Казацкимъ жильемъ служили шалаши, а не то землянки. Ничего въ этихъ городкахъ не было заманчиваго для хищныхъ сосѣдей; ихъ строили такъ,

1*

чтобы «не игралъ на нихъ вражескій глазъ».— «Пускай, говорили прадѣды донцовъ, бусурманы жгутъ наши городки, мы въ недѣлю выстроимъ новые, и скорѣе они устанутъ жечь, чѣмъ мы строить новые». Первымъ поселенцамъ случалось по нѣскольку мѣсяцевъ скрываться въ степи, по балкамъ, кормиться однѣми ягодами, да пить изъ лужъ водицу. Многіе погибали отъ нужды, многіе—въ одиночныхъ схваткахъ. Вольная казацкая дружина росла и крѣпла понемногу, пока сплотилась въ «великое» войско. Земли въ ту пору казаки не пахали: привольная степь служила имъ пашней, а добыча—единственной жатвой. Въ то время, какъ одна ватага сторожила на Волгѣ суда, шедшія сверху, другая пробиралась степью къ русскимъ окраинамъ, третья ловила ногайскихъ коней, или же рыскала въ закубанскихъ лѣсахъ. Особенно усилились казаки съ тѣхъ поръ, какъ свели дружбу со своими братьями—запорожцами, или, какъ ихъ звали на Дону, черкасами. Запорожцы хаживали на Донъ въ одиночку, являлись цѣлыми ватагами; они указали донцамъ новый, болѣе прибыльный путь для добычи—«синее» море. И стали тогда казаки съ двухъ сторонъ громить Крымъ, полошить турецкіе берега. О тѣхъ и другихъ прошла по христіанскимъ землямъ слава, какъ объ истыхъ ратоборцахъ и ненавистникахъ невѣрныхъ. Подобно запорожцамъ, донцы сдѣлались передовой стражей своего отечества: тѣ берегли Польшу и Украйну, эти—Москву.

Московскіе государи, начиная съ Ивана Васильевича, по прозванію Грознаго, поняли казачью силу; они начали ласкать казаковъ, награждая ихъ то подарками, то милостивымъ словомъ, а попозже—и царскимъ жалованьемъ. Въ то время, какъ росла казацкая слава, умножалось и богатство донцовъ. Изъ бездомныхъ, оборванныхъ голышей казаки становились обладателями большихъ сокровищъ; дотолѣ безлюдныя, глухія степи, гдѣ рыскали лишь волки да перелетали стадами пугливыя дрофы, покрылись табунами лошадей, стадами скота, оберегаемыми невольниками разныхъ странъ и народовъ. Это было достояніе казаковъ.

Однажды пришла на Донъ большая ватага запорожцевъ и осталась здѣсь навсегда, поселившись поближе къ Азову, но также на берегу Дона, среди зарослей густого камыша. Это мѣсто получило названіе Черкасскихъ юртъ, а позже—Черкасскаго городка, или просто Черкаска. Донцамъ пришлась

по душѣ та беззавѣтная отвага, которою отличались запорожцы. Эти безтрепетные люди, кажется, ничего и никого не боялись, кромѣ Господа Бога да его святыхъ угодниковъ. Зато не полюбилась ихъ разгульная жизнь. Запорожецъ ни во что ставилъ и свою жизнь, и раздобытую кровью копѣйку, тогда какъ донцы были домовиты, любили копить про черный денекъ. Въ Черкасскомъ городкѣ шла гулянка съ утра до вечера, съ вечера до утра; въ Раздорахъ — всегда было тихо, даже какъ-то угрюмо. Молодежи это не нравилось, и она стала чаще да чаще навѣщать своихъ сосѣдей, что повело къ умноженію населенія, и скоро казаки совсѣмъ покинули Раздоры. Черкаскъ сдѣлался главнымъ городомъ, населеніе его смѣшалось съ татарами, греками, особенно по причинѣ частой женитьбы на невольницахъ. Однако буйныя головы не сидѣли на мѣстѣ. Цѣлыми ватагами онѣ рыщутъ по бѣлому свѣту, при чемъ удальство и жажда наживы заводятъ ихъ такъ далеко, какъ, можетъ быть, имъ и не думалось. Они покоряютъ русскому царю цѣлые народы, проникаютъ въ далекія, никому невѣдомыя окраины, и тѣмъ самымъ указываютъ путь мирному переселенцу-землепашцу, купцу или промышленнику. Такъ, въ концѣ царствованія Ивана Васильевича Грознаго, старшина Качалинской станицы Ермакъ Тимоѳеевъ, вмѣсто того, чтобъ охранять границу отъ Астрахани до р. Дона, появился разбойникомъ на Волгѣ. Онъ навелъ страхъ не только на проѣзжихъ купцовъ, но и на всѣ улусы кочевниковъ, подвластныхъ царю. Движеніе по Волгѣ прекратилось; всѣ пути между Москвой и Астраханью были перехвачены. Послѣ того Ермакъ вышелъ въ море, гдѣ повстрѣчалъ заморскихъ пословъ; онъ живо съ ними расправился, суда ихъ потопилъ, а добычу присвоилъ. Грозный царь осудилъ Ермака, съ четырьмя его подручниками, въ томъ числѣ Ивана Кольцо, на смертную казнь. Тогда казаки, спасаясь отъ царскаго войска, бѣжали на Каму, откуда братья Строгоновы вырядили ихъ на завоеваніе Сибири. Вмѣсто плахи, Ермакъ Тимоѳеевичъ прославилъ себя и свою дружину, какъ завоеватель Сибири. Онъ же положилъ начало сибирскому казачеству. Другая буйная ватага, потерпѣвъ крушеніе судовъ на Каспійскомъ морѣ, осѣла въ устьяхъ Терека, откуда ее не могли выгнать ни кумыки, ни тавлинцы; это терскіе казаки. Третій атаманъ, сказываютъ, Нечай, выбралъ для своей дружины въ 800 человѣкъ привольныя мѣста по

Яику, нынѣшнему Уралу, гдѣ обиліе рыбы послужило главною приманкой и причиною обогащенія уральскихъ казаковъ. Какъ на Дону, такъ же въ Сибири, на Уралѣ и на Терекѣ казаки не сидѣли осѣдло, а искали новыхъ мѣстъ для поселенія, новыхъ путей; слабыхъ сосѣдей они покоряли, сильныхъ держали въ трепетѣ частыми набѣгами. Правда, эти задирательства служили помѣхой доброй сосѣдской дружбѣ между Москвой и мусульманскими державами. Жаловался много разъ крымскій ханъ, грозился турецкій султанъ, наконецъ стонали русскіе украинскіе города, разоренные грабежемъ и пожогомъ. Изъ Москвы писали тогда увѣщанія, а подчасъ и угрозы, смотря по винѣ. Однажды царь Михаилъ Ѳедоровичъ прислалъ такую грамоту: «Въ море на грабежъ не ходите и тѣмъ Насъ съ турецкимъ султаномъ не ссорьте. Послушаетесь, тѣмъ службу свою прямую Намъ покажете... Если же, паче чаянія, и послѣ сего Нашему дѣлу съ турками какую поруху учините, опалу на васъ наложимъ, въ Москву для ласки никогда васъ не призовемъ, пошлемъ на васъ рать, велимъ на мѣсто вашего Раздора поставить свою крѣпость, изгонимъ васъ съ Дона и вмѣстѣ съ султаномъ не позволимъ вамъ воровать, какъ нынѣ воруете. Страшитесь моего гнѣва, съ азовцами неукоснительно помиритесь...» Донцы мало внимали угрозамъ, говоря въ кругу: «Мы вѣрны Бѣлому царю, но что беремъ саблею, того не отдаемъ даромъ». Вмѣстѣ съ запорожцами они ограбили и сожгли Воронежъ, убили тамошняго воеводу, въ томъ же году пограбили турецкія суда, послѣ чего выжгли Трапезонтъ и Синопъ. Въ другой разъ казаки разорили возлѣ Цареграда монастырь Іоанна Предтечи. Султанъ Амуратъ выслалъ противъ нихъ цѣлую флотилію, которая захватила семь казачьихъ струговъ. На допросѣ казаки, не убоясь смерти, объявили, что они люди вольные, ходятъ на войну по своей охотѣ, а царскаго указа на то не имѣютъ. Ихъ предали лютой казни. Черезъ два года казаки уже пытались взять Керчь, но, потерпѣвъ неудачу, пограбили окрестности и овладѣли Карасубазаромъ, гдѣ получили знатную добычу.

Вскорѣ послѣ того, а именно въ 1636 году, большая ватага, тысячи въ четыре запорожцевъ и украинскихъ казаковъ, пробиралась въ Персію, въ надеждѣ тамъ поселиться. На Дону ихъ задержали: «Зачѣмъ вамъ, братья, искать далекаго счастья? Мы имѣемъ запасу довольно, возьмемъ съ

вами Азовъ и будемъ свободно ходить на Синее море и на Черное море; тамъ въ одинъ походъ мы добудемъ зипуновъ больше, чѣмъ вы соберете въ Персіи за 10 лѣтъ».

Давно стоялъ Азовъ бѣльмомъ въ глазу у казачества. Пока крѣпость находилась въ рукахъ турокъ, они не могли развернуть своихъ крыльевъ. Азовцы зорко стерегли морской путь, и, какъ увидимъ дальше, много надо было удали, еще больше хитрости, чтобъ проскользнуть мимо крѣпости. Овладѣть Азовомъ, стать хозяевами этой твердыни, сдѣлалось завѣтной думой донцовъ. Они не загадывали о томъ, съумѣютъ ли удержаться,—имъ лишь бы взять его, и въ этомъ дѣлѣ помогъ казакамъ счастливый случай: запорожцы согласились остаться.

Въ ту же зиму были разосланы по всѣмъ городкамъ повѣстки, чтобы казаки готовились на поискъ, а кто не явится, тому не будетъ ни суда, ни расправы. Ранней весной, какъ только прошла «крыга» (ледъ), оба берега покрылись конными, въ то время какъ пѣшіе казаки спускались на стругахъ, поспѣшая къ монастырскому городку, въ 7 верстахъ отъ Черкаска, гдѣ обыкновенно собирались для промысла. Составился кругъ. Вышелъ войсковой атаманъ и приглашалъ казаковъ взять Азовъ. «Любо, любо!» отвѣчали, какъ одинъ, тысячи голосовъ. Походнымъ атаманомъ выбрали Михаила Татаринова, и тотчасъ снарядили въ Москву «легкую станицу», т. е. посольство извѣстить царя о выступленіи «всевеликаго» войска Донскаго подъ Азовъ. Азовскій паша на этотъ разъ какъ-то проглядѣлъ; турки безпечно смотрѣли на сборы и приготовленія казаковъ. Имъ, конечно, не приходило въ голову, чтобы конное войско, безъ артиллеріи, безъ осаднаго парка и инженеровъ, могло затѣять такое нестаточное дѣло, какъ приступить къ крѣпости, окруженной высокими каменными стѣнами, и башнями, вооруженной пушками, защищаемой храбрѣйшей турецкою пѣхотою! Казаки надѣялись взять Азовъ нечаяннымъ нападеніемъ, почему держали свое намѣреніе въ тайнѣ; къ несчастью, въ это самое время имъ довелось провожать турецкаго посла, который гостилъ у нихъ проѣздомъ въ Москву. Хитрый грекъ, Ѳома Кантакузенъ, задарилъ старшинъ расшитыми золотомъ зипунами, обласкалъ остальныхъ казаковъ и на званомъ пиру, когда развязались языки, съумѣлъ выпытать тайный умыселъ. Зорко стерегли казаки всѣ пути, однако Кантакузенъ и тутъ ихъ перехитрилъ, пере-

славши пашѣ грамотку. Въ крѣпости началась суета, установка орудій, сборъ защитниковъ—увидѣли тогда казаки, что они обмануты. Посолъ былъ задержанъ; въ день побѣдоносца Георгія, послѣ молебна, казаки спѣшно выступили всѣмъ войскомъ подъ Азовъ, имѣя при себѣ только четыре фальконета.

Крѣпость приготовилась къ защитѣ. На высокихъ ея стѣнахъ уже стояло 4 тысячи янычаръ; топчіи, или артиллеристы, расхаживали съ зажженными фитилями у своихъ длинныхъ, чудовищныхъ пушекъ. Казаки нисколько не смутились. Отважный Татариновъ прежде всего распорядился занять устье Дона, а также всѣ пути, ведущіе къ Азову—изъ Крыма, съ Кубани, отъ Ногаевъ; послѣ того, какъ крѣпость была обложена, казаки повели къ ней подступы. Между ними находился какой-то нѣмецъ Іоганнъ. Онъ взялся подорвать стѣну при помощи подкопа. Послѣ долгой и трудной съ непривычки работы, нѣмецъ вдругъ объявилъ, что онъ ошибся. Заложили новый подкопъ, а, между прочимъ, окрестности казацкаго табора покрылись татарскими наѣздниками: то была помощь осажденнымъ туркамъ. Степь оживилась, началась перестрѣлка; съ обѣихъ сторонъ ежедневно выѣзжали одиночные всадники показать свою удаль. Вскорѣ и это наскучило. Запорожцы, привыкшіе вершить свои дѣла сразу, налетомъ, стали роптать. Азовцы надъ ними смѣялись: «Сколько подъ Азовомъ ни стоять, а его какъ своихъ ушей вамъ не видать!» кричали они со стѣнъ. Не стерпѣли казаки, ринулись на приступъ. Однако ихъ отбили. Не имѣя артиллеріи, не зная правилъ осадной войны, казаки понадѣялись на счастливый случай; теперь, извѣдавъ неудачу, стали падать духомъ; особенно бранились запорожцы. Дѣйствительно, конца осадѣ не предвидѣлось. Въ это самое время казачьимъ разъѣздамъ удалось перехватить грамоты турецкаго посла, въ которыхъ онъ подробно доносилъ о бѣдствіяхъ Азова и просилъ у султана помощи. Гонца, по обычаю того времени, пытали. Онъ показалъ на толмача, что вся бѣда идетъ отъ него, что онъ чародѣй и накликаетъ христіанскому войску худой конецъ. Разсвирѣпѣвшіе казаки убили Кантакузена, какъ Іуду предателя, и утопили его толмача, какъ лихого колдуна. Чтобы очистить лагерь отъ волшебныхъ чаръ, они отслужили торжественное молебствіе, окропили святой водой таборъ и—успокоились. На третьемъ мѣсяцѣ осады смышленый нѣмецъ довелъ свое дѣло до

конца. Подкопъ былъ готовъ. 19 іюля, на разсвѣтѣ, казаки, выслушавъ молебенъ защитнику Азова Іоанну Крестителю, раздѣлились по отрядамъ и двинулись съ разныхъ сторонъ на приступъ. Къ полудню вся крѣпостная стѣна была въ жестокомъ огнѣ; пушки не умолкая гремѣли, огромныя каменныя ядра взрывали землю; сквозь облака пыли и густого ѣдкаго дыма сумрачно глядѣло багровое солнце. Тамъ, наверху, между зубцами каменной стѣны, янычары, въ упоеніи побѣды, выкрикивали позорную брань, а внизу съ шумными криками надвигались съ разныхъ сторонъ казачьи дружины... Вдругъ, какъ «молнія великая», сверкнулъ подъ стѣною огонь, потомъ что-то треснуло, взлетѣли глыбы земли, камней — часть стѣны обрушилась. Дружно гикнули тогда отборныя сотни, засѣвшія въ своемъ укрѣпленіи напротивъ подкопа, и, какъ одинъ человѣкъ, подъ начальствомъ самого атамана, ринулись въ проломъ. Это были отважнѣйшіе изъ отважныхъ, «рыцари-казаки», какъ они себя величали. Разсѣянные по всей стѣнѣ, обманутые ложными атаками, турки не оказали имъ сопротивленія. Все поле покрылось бѣгущими азовцами, но лишь немногимъ счастливцамъ удалось избѣжать кровавой мести за насмѣшки, за погибшихъ братьевъ, за томленія долгой осадой. Башни и крѣпкій замокъ продержались еще дня три или четыре, пока противъ нихъ не направили турецкія же пушки; затѣмъ ни одного турка не осталось въ Азовѣ.

Нѣкогда богатый генуэзскій городъ, Азовъ запустѣлъ подъ властью турокъ. Его прекрасныя зданія почернѣли отъ времени, полуразрушились; христіанскія церкви были обращены въ мечети; по пустымъ улицамъ и площадямъ бродили тысячи голодныхъ собакъ. Очистивъ городъ отъ труповъ, казаки праздновали новоселье. Пируя на площадяхъ, подъ открытымъ небомъ, они похвалялись, что достали Азовъ «своимъ разумомъ и дородствомъ», что, разоривши гнѣздо невѣрныхъ, освободили отъ нихъ христіанскую землю. Всю доставшуюся добычу снесли въ одно мѣсто и поровну раздѣлили; драгоцѣнные же парчи и сосуды были отправлены въ монастыри, чтобы тамъ молились за упокой убіенныхъ и здравіе живыхъ. Старую церковь Іоанна Крестителя казаки освятили вновь, потомъ приступили къ сооруженію новой, во имя св. Николая Чудотворца. Азовъ былъ объявленъ вольнымъ христіанскимъ городомъ; вскорѣ явились сюда купцы изъ Кафы,

Керчи, Тамани; открылась торговля, христіанское населеніе спѣшило съ разныхъ концовъ занимать пустые турецкіе дома. Казаки, незнакомые дотолѣ съ порядками городской жизни, зажили припѣваючи.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, хотя и попенялъ казакамъ за самовольную расправу съ турецкимъ посломъ, однако не лишилъ ихъ своихъ обычныхъ милостей. Когда же явился въ Москву новый посолъ отъ султана, царь отвѣтствовалъ, что казаки вольные люди, воюютъ на свой страхъ, а если султанъ захочетъ, то можетъ самъ ихъ унять. Русское государство лишь незадолго передъ тѣмъ стряхнуло самозванцевъ; оно едва успокоилось отъ безначалія и смуты, почему не имѣло ни силъ, ни охоты начинать изъ-за отдаленной крѣпости войну съ грозными силами турокъ. Въ ту пору турки были воинственны, сильны и страшны для всей Европы. Борьба съ ними являлась подъ силу лишь однимъ казакамъ— дерзкимъ, изворотливымъ, нападавшимъ врасплохъ, исчезавшимъ какъ вихрь. Такая война утомительна: она истощаетъ силы, вѣчно держитъ врага въ страхѣ. Въ открытомъ же бою турки со своими янычарами и спагами, т. е. коннымъ войскомъ, были непобѣдимы. Конечно, они не могли оставить Азовъ въ рукахъ казаковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе безпрепятственно проходили теперь въ Черное море, берега котораго огласились страшными воплями ограбленныхъ и замученныхъ жертвъ. Султанъ былъ занятъ войной въ Персіи, потомъ онъ умеръ, и такимъ образомъ прошло три года, прежде чѣмъ турки подступили къ Азову. Зато они располагали громадными силами, точно собрались на завоеваніе цѣлой страны. Говорили, что въ осадномъ корпусѣ находилось 6 тыс. наемныхъ мастеровъ изъ разныхъ земель— для веденія подкоповъ, сниманія плановъ, постройки укрѣпленій, мостовъ и т. п.; главную же боевую силу составляли 20 тыс. янычаръ, столько же спаговъ, 40 тыс. татаръ да черкесовъ, а всего съ рабочими около ста тысячъ. Въ началѣ іюня 1641 года вошелъ въ устье Дона турецкій флотъ и выгрузилъ осадную артиллерію: тутъ было болѣе ста пушекъ проломныхъ, 700 мелкихъ съ мортирами, великое число снарядовъ, изобиліе пороху. Черезъ 2 недѣли Азовъ былъ обложенъ отъ рѣки до моря, на протяженіи 40 верстъ. Казаки сѣли въ осаду. Ихъ было всего около семи тысячъ, правда, самыхъ безстрашныхъ, готовыхъ на все. Въ первый

же день явилось въ крѣпость трое пословъ отъ трехъ турецкихъ военачальниковъ: отъ сераскира Гуссейна, отъ крымскаго хана и янычарскаго аги—съ предложеніемъ сдать крѣпость и получить за то 40 тысячъ червонныхъ. «Все равно, говорили послы, вамъ, казакамъ, никакъ не извернуться; вы здѣсь какъ въ западнѣ. Бѣлый царь отъ васъ отказался, помощи изъ Москвы себѣ не чайте». Войсковой атаманъ Петровъ отвѣчалъ за всѣхъ: «Сами волею своею взяли мы Азовъ, сами и отстаивать его будемъ; помощи кромѣ Бога ни отъ кого не ожидаемъ, прельщеній вашихъ не слушаемъ и не словами, а саблями готовы принять васъ, незваныхъ гостей!» На другой же день 30 тыс. лучшихъ турецкихъ войскъ, прикрывшись иноземцами, бросились на приступъ; они потеряли 6 тыс. и со стыдомъ отступили. Сераскиръ заключилъ на два дня перемиріе, при чемъ платилъ тѣмъ же казакамъ за каждаго убитаго мусульманина по червонцу. — Такъ началась достопамятная защита Азова, напоминающая столь же доблестную защиту христіанскими рыцарями города Родоса. Какъ тамъ, такъ и здѣсь сражались братья-воины, исконные враги мусульманъ, сражались въ маломъ числѣ, но съ такою стойкостью, съ такимъ мужествомъ, что привели въ удивленіе весь христіанскій міръ. И если начать сравнивать, кому приходилось горше, то, конечно, казакамъ, потому что за рыцарями уже тогда утвердилась вѣковая слава ихъ доблестей: они были богаты, хорошо вооружены, имѣли отличное, приспособленное къ воинскому дѣлу, устройство; наконецъ за ихъ борьбой участливо слѣдила вся христіанская Европа, тогда какъ казаки бились на далекой окраинѣ Московскаго государства; многіе и не вѣдали, что̀ они были за люди.

Турки насыпали вокругъ крѣпости высокій валъ; казаки сдѣлали вылазку, взяли этотъ валъ, подорвали его и прогнали непріятеля. Тогда турки позади перваго вала насыпали другой, до высоты стѣнъ, втащили болѣе сотни орудій, послѣ чего открыли безостановочную пальбу, продолжавшуюся 16 дней подъ-рядъ. Крѣпостныя стѣны были сбиты до основанія. Казаки для своей защиты устроили вторую линію обороны; по разрушеніи ея—третью и наконецъ — четвертую. Тамъ, сидя въ землянкахъ, они продержались до конца осады. Но они не ждали, пока появятся на валахъ турецкіе бунчуки, а шли навстрѣчу непріятеля подкопами; послѣ каждаго взрыва очередная сотня кидалась на вылазку, побивала оглу-

шенныхъ враговъ, пока поспѣвала къ нимъ помощь. Турецкіе подкопы всегда натыкались на подземныя работы казаковъ, и тутъ послѣдніе брали верхъ, потому что заранѣе готовились къ встрѣчѣ. Сераскиръ, видя безуспѣшность бомбардировки, сталъ ежедневно посылать войска на приступъ. Всегда готовые и къ этому, казаки встрѣчали турокъ мѣткими пулями, потомъ кидались въ сабли, рубились, не уступали ни шагу; во время приступовъ атаманъ зорко слѣдилъ, не ослабѣла ли гдѣ защита, и посылалъ туда немедленно помощь. Въ самомъ пылу боя появлялись на облитыхъ кровью валахъ казацкія жены; онѣ подавали помощь раненымъ, кормили голодныхъ мужей, подносили бойцамъ оружіе, порохъ; онѣ же копали подъ выстрѣлами рвы, таскали на валы землю; въ послѣднюю минуту казачки лили горячую смолу и кипятокъ на головы штурмующихъ. Болѣе трехъ недѣль турки штурмовали ежедневно и — покинули. Они потеряли почти половину пѣхоты, разстрѣляли всѣ снаряды, порохъ; къ тому же сераскиръ поссорился съ крымскимъ ханомъ, который не хотѣлъ посылать на валы свое конное войско. Отъ недостатка кормовъ въ турецкомъ лагерѣ открылся моръ на людей и падежъ на лошадей; гніющіе трупы заражали воздухъ нестерпимымъ смрадомъ. Сераскиръ послалъ въ Царьградъ просьбу, чтобы ему разрѣшили отложить покореніе Азова до будущей весны, но вмѣсто ожидаемаго разрѣшенія получилъ суровый приговоръ: «Возьми Азовъ, или отдай свою голову». Прошло нѣкоторое время, пока его снабдили изъ Царьграда всѣмъ необходимымъ для продолженія осады. Казаки немного отдохнули; они успѣли даже получить изъ Черкаска помощь — и людьми, и припасами, такъ что, когда сераскиръ возобновилъ бомбардированіе, защитники такъ же безтрепетно стояли на своихъ валахъ. Страшное разрушеніе наносили тяжелые снаряды, по 2, по 3 пуда каждый, разметавшіе въ прахъ всѣ городскія постройки; лишь одиноко среди пустырей стояла церковь во имя Іоанна Крестителя. Говорили, что ликъ Предтечи ежедневно орошался слезами. Заступничество небесныхъ силъ ободряло изнемогающихъ борцовъ, добрая половина которыхъ уже полегла на вылазкахъ или на приступахъ. И все-таки казаки сохранили настолько силу духа, что дѣлали по ночамъ вылазки, заманивали непріятеля притворнымъ отступленіемъ, наводили его на подкопъ, а послѣ взрыва снова кидались впередъ съ безумной отвагой. Однажды они уло-

жили такимъ способомъ болѣе тысячи спаговъ. Послѣднія двѣ недѣли осады сераскиръ днемъ штурмовалъ, вечеромъ открывалъ на всю ночь пальбу по развалинамъ крѣпости. Какъ-то туркамъ удалось овладѣть однимъ бастіономъ. Казаки, получившіе въ этотъ самый день подкрѣпленіе въ 300 ч., ударили на враговъ такъ быстро, съ такою смѣлостью, что тѣ сразу опѣшили и побросали оружіе. Бастіонъ снова перешелъ въ ихъ руки.

И турки, и казаки надорвали свои силы въ такой продолжительной и упорной борьбѣ; наступали ея послѣдніе дни; кому-нибудь — туркамъ или христіанамъ—надо было уступить... И тамъ, и здѣсь приходилось одинаково худо. Уцѣлѣвшіе еще отъ побоищъ, израненые, истомленные казаки еле передвигали ноги; одни умирали на ходу, пробираясь въ свои землянки; другіе засыпали вѣчнымъ сномъ, прислонившись къ насыпи. Пуще всего изводила ихъ цынга, эта неизбѣжная спутница тѣсноты и голодовки. И въ лагерѣ сераскира было не лучше, особенно съ наступленіемъ холодовъ и ненастья. Сырой, пронзительный вѣтеръ пробиралъ до костей непривыкшихъ азіатовъ, закутанныхъ въ свои дырявые плащи, босоногихъ и голодныхъ. Крымскій ханъ давно увелъ своихъ татаръ домой. Турки болѣли, мерли какъ мухи. Въ отчаяніи сераскиръ приказалъ испытать послѣднее средство: насадили на стрѣлы грамотки, въ которыхъ обѣщали каждому казаку по тысячѣ талеровъ, если будетъ сдана крѣпость, и спустили эти грамотки въ крѣпость. Турки напрасно ждали отвѣта. «Басурманское прельщеніе» не подѣйствовало. Не о томъ думали тогда казаки: они готовились испить смертную чашу, въ послѣдній разъ сцѣпиться и умереть въ объятіяхъ враговъ, дорого продавши свою жизнь.

Наступалъ праздникъ Покрова. Полуживые защитники собрались въ кругъ, выслушали прощальныя грамоты царю Михаилу Ѳедоровичу и патріарху Филарету Никитичу, гдѣ, между прочимъ, было прописано: «да простятъ ихъ, непотребныхъ и ослушныхъ рабовъ; да простятъ великіе государи ихъ вину и помянутъ души ихъ грѣшныя». Послѣ этого казаки цѣловали крестъ и евангеліе на томъ, чтобы при смертномъ часѣ стоять за-одно, попрощались другъ съ другомъ, и, отдавши по три земныхъ поклона передъ иконами угодника Николая да Іоанна Крестителя, покинули крѣпость. Они изготовились принять смерть, достойную прославленныхъ героевъ древности.

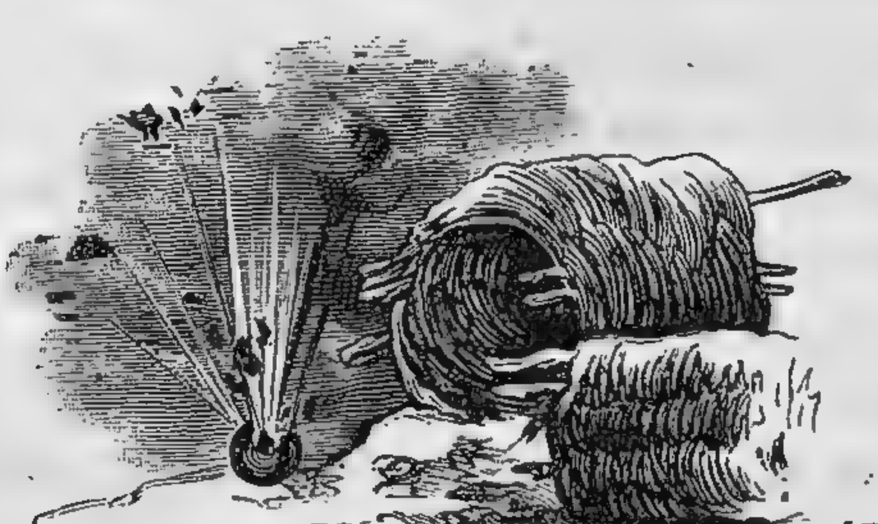
Еще не успѣло обозначиться хмурое октябрьское утро, когда казаки, перепрыгивая черезъ рвы и сползая по насыпямъ, какъ дикія кошки, незамѣтно окружали непріятельскій станъ... Тамъ было тихо, точно поклонники пророка всѣ вымерли: ни оклика, ни шороха. Вотъ всползли казаки на послѣднюю насыпь, разомъ, по знаку атамана, выпрямились, взмахнули саблями — и остолбенѣли: лагерь оказался пустъ, ни единаго турка, лишь голодныя собаки гдѣ-то грызлись за покинутую кость... «Въ уторопь» пустились казаки за турками, настигли ихъ у самаго моря, когда они садились на суда, и, «въ припоръ ружья», открыли по нимъ бѣглый огонь. Въ суматохѣ враги спѣшили поскорѣе уплыть, при чемъ тѣснились, топтали, топили другъ друга и погибали; казаки, столкнувъ послѣднихъ въ воду, схватили большое султанское знамя да шесть малыхъ знаменъ; бóльшая часть осадной артиллеріи, которую не успѣли нагрузить, также имъ досталась.

Столь постыдно закончили турки четырехмѣсячную осаду Азова, потерявъ болѣе половины своей многочисленной разноплеменной арміи. Правда, и казаки потеряли много, но зато выиграли больше, чѣмъ потеряли: въ нихъ стали уважать силу и доблесть; ихъ перестали считать шайкой разбойниковъ, промышлявшихъ грабежомъ. За казаками съ этой поры утвердилось названіе, которое они сами себѣ придумали: «Великое донское войско», въ которомъ былъ свой войсковой урядъ, свои обычаи и сохранялась дѣдовская слава, переходившая изъ рода въ родъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ описаннаго событія въѣзжала въ Москву «знатная» станица, или большое посольство, изъ 24-хъ казаковъ, особенно отличившихся при защитѣ Азова, съ есауломъ Порошинымъ и походнымъ атаманомъ Наумомъ Васильевымъ. Войско донское просило великаго государя прислать воеводу для принятія крѣпости, «ибо имъ, казакамъ, защищать Азова не съ чѣмъ». Станица была принята съ честью; всѣ казаки допущены къ рукѣ. Ихъ наградили по окладу великимъ жалованьемъ, чествовали и угощали во все время пребыванія царскимъ иждивеніемъ. Между тѣмъ, боярская дума разсуждала о казачьемъ дѣлѣ. Станичники доказывали всѣ выгоды удержанія Азова; они ссылались на то, что пока Азовъ былъ за ними, татары ни разу не осмѣлились воевать русскія окраины. Казаки говорили, что они готовы стоять вѣрой и правдой, но безъ царскихъ войскъ имъ

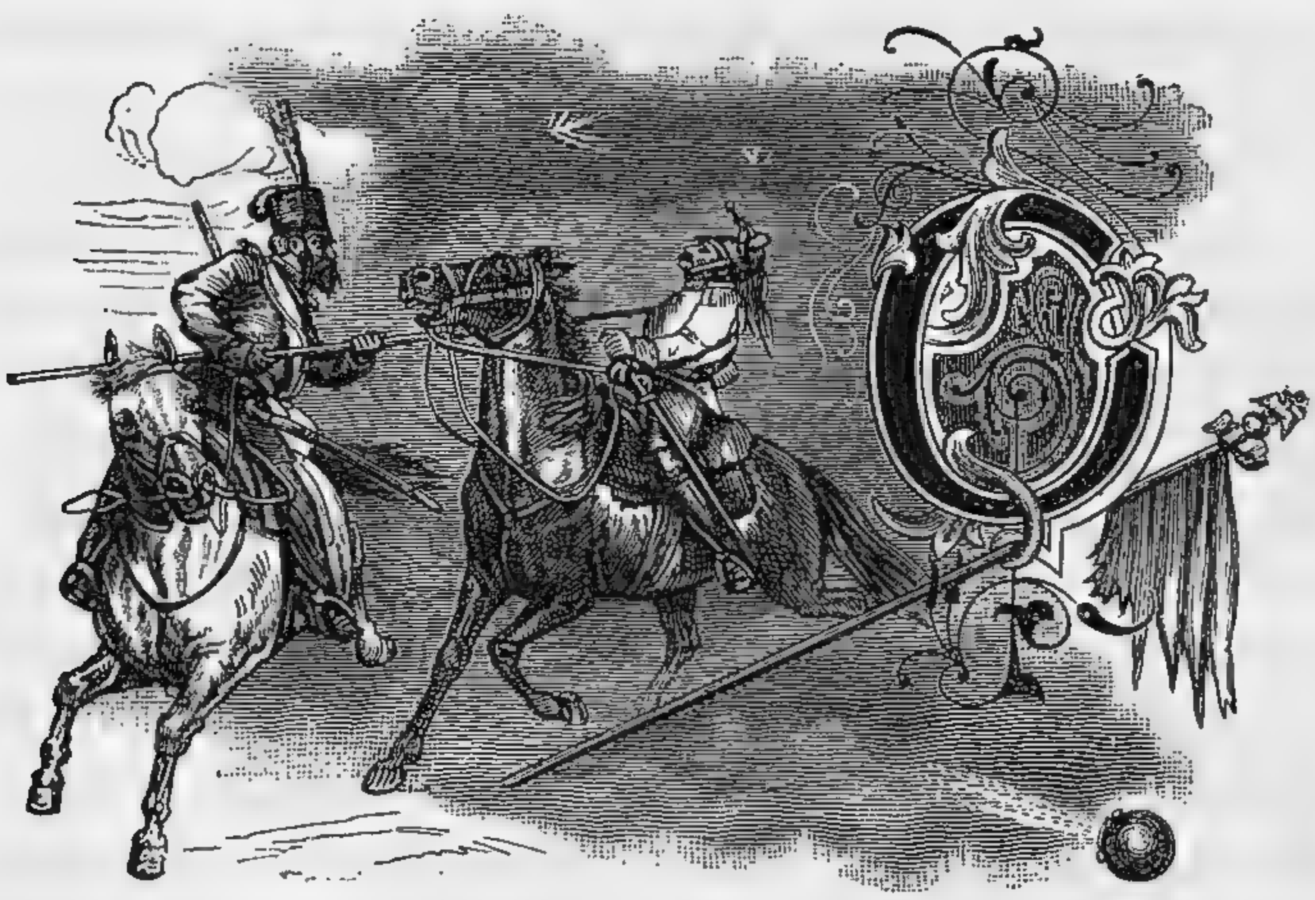
не сдержать Азовъ, потому что отъ великой нужды и истомы оголодали, обнищали до того, что не могутъ снарядить себя даже на морской поискъ. Дума присудила, а царь указалъ послать на Донъ дворянина Желябужскаго съ подьячимъ Башмаковымъ осмотрѣть крѣпость на мѣстѣ. Кромѣ милостивой грамоты, царь пожаловалъ казакамъ въ награду за ихъ службу 5 тыс. рублей деньгами, кромѣ того обѣщалъ прислать по веснѣ хлѣбное жалованье, съѣстные запасы, пороху, свинцу, 200 поставовъ сукна. «А вы, атаманы, писалъ царь, службу свою, дородство и храбрость къ нашему царскому величеству довершите и своей чести и славы не теряйте, а на нашу царскую милость и жалованье будьте надежны».

Прошло два года послѣ достопамятной защиты Азова, когда казаки получили царскій указъ покинуть Азовъ, возвратиться по своимъ куренямъ или же отойти на Донъ, «кому куда пригодно будетъ». Изъ страха войны съ турками, Московское государство отказывалось такимъ образомъ содержать въ отдаленной крѣпости свой гарнизонъ. Тогда казаки вывезли оттуда всѣ запасы, артиллерію, снаряды, подкопали уцѣлѣвшія башни и стѣны; затѣмъ, оставивъ небольшой отрядъ, перешли съ чудотворной иконой Іоанна Крестителя на Махинъ островъ, что противъ устья Аксая. А въ томъ же году появились въ виду Азова 38 турецкихъ галеръ. Казаки, бывшіе въ крѣпости, немедленно взорвали подкопы, и турки принуждены были раскинуть шатры на развалинахъ одной изъ сильнѣйшихъ своихъ крѣпостей. Мустафа-паша, начальствовавшій флотомъ, за неимѣніемъ чего лучшаго, обнесъ городъ частоколомъ, а изъ барочнаго лѣсу подѣлалъ казармы. Нѣсколько позже туркамъ удалось возстановить крѣпость, хотя далеко не въ прежнемъ видѣ—ту строили генуэзцы, мастера этого дѣла— съ тѣмъ, чтобы черезъ сто лѣтъ, послѣ двукратной защиты, навсегда отъ нея отступиться въ нашу пользу.

II.

Какъ донцы жили и воевали въ старину.

Они имѣли свой особенный урядъ, во многомъ схожій съ запорожскимъ, простой и приспособленный къ ихъ воинскому быту. Съ весны они обыкновенно собирались въ главный городъ и располагались большимъ станомъ, что носило названіе «главнаго» войска. Здѣсь казаки вольными голосами избирали войсковую старшину: войскового атамана, въ помощь ему двухъ есауловъ и для отписокъ — дьяка, или войсковаго писаря. Есаулы вѣдали войсковые доходы; они же приводили въ исполненіе приговоры круга. Кру́гомъ называлось собраніе всѣхъ наличныхъ казаковъ, которые обыкновенно сходились гдѣ-нибудь въ чистомъ полѣ или возлѣ войсковой избы. Приговоръ круга считался окончательнымъ: ему подчинялся самъ атаманъ. Въ случаѣ же разномыслія по какому-нибудь важному дѣлу, казаки прибѣгали подъ руку царя; тогда его воля исполнялась безпрекословно. Шумны, зачастую драчливы, были сборища казаковъ; но по первому слуху о непріятелѣ, въ войскѣ водворялся порядокъ, наступала тишина; смолкали самые озорливые и, подъ страхомъ немедленной расправы,

подчинялись выборному начальству. Двойная цѣпь пикетовъ и дальніе конные разъѣзды зорко охраняли войско, стоявшее подъ Черкаскомъ. Этотъ городокъ, затопляемый водой, былъ почти недоступенъ для непріятельской конницы, не имѣвшей артиллеріи. Какъ только получалось вѣрное извѣстіе о появленіи непріятеля — со стороны ли Дона, или отъ Украйны — нѣсколько сотенъ, съ походнымъ атаманомъ впереди, неслись напрямикъ, черезъ степи, въ тылъ противнику, сторожили его на перевозахъ, ожидали у бродовъ, налетомъ отнимали добычу и невольниковъ. Самые дальніе наѣзды казаки совершали ночью, шли по звѣздамъ, нападали во время бури или суроваго ненастья, когда врагъ меньше всего ожидалъ нападенія. Пока онъ опомнится, пока соберется, удальцы уже скрылись во тьмѣ, съ табунами лошадей, съ прелестными плѣнницами. «Казакъ шелъ въ травѣ, вровень съ травой», говорили въ старину: высокій ковыль, кустарникъ, оврагъ, плетень — всѣмъ укрывался казакъ, не брезгалъ ничѣмъ. Вожакъ, что шелъ впереди, узнавалъ по слѣду не только, въ какую сторону прошелъ непріятель, но когда именно — вчера-ли, третьяго дня, и во сколько коней. Переправляясь черезъ рѣки, казаки, подобно татарамъ, клали сѣдло съ вьюкомъ на «салу», или небольшой плотъ изъ камыша и, привязавши его къ лошадиному хвосту, сами цѣплялись за уздечку. Такимъ способомъ они переплывали самыя большія рѣки. Выряжались въ походъ налегкѣ: кромѣ сухарей ничего не брали; одѣвались бѣдно, вооружались ручными пищалями, копьями, саблями; въ большихъ походахъ возили съ собою фальконеты: длинныя малокалиберныя орудія, стрѣлявшія со станковъ свинцовыми ядрами отъ 1 до 2 ф. вѣсомъ. Отрядъ обыкновенно раздѣлялся на сотни и пятидесятки, подъ начальствомъ выборныхъ нарочито для похода есауловъ, сотниковъ, пятидесятниковъ. Смотря по надобности, казаки сражались коннымъ строемъ или же пѣшіе. Если случалось имъ бывать окруженными, они быстро смыкались, батовали лошадей и отстрѣливались изъ-за нихъ до тѣхъ поръ, пока хватало пороху или же пока непріятель, наскучивъ осадой, отходилъ прочь. Нападали же казаки всегда лавой, т. е. длиннымъ разомкнутымъ строемъ, при помощи котораго они охватывали противника съ фланговъ, заскакивали ему съ тыла; за первой лавой слѣдовала другая, потомъ третья... Рѣдко кто могъ устоять, заслышавъ гиканье, завидѣвъ грозно

ощетинившіяся казацкія-пики. При одновременномъ участіи конницы съ пѣхотой, послѣдняя становилась посрединѣ, при своихъ орудіяхъ, а конница на обоихъ флангахъ. Въ этомъ случаѣ пѣшіе казаки стрѣляли залпами, послѣ чего кидались въ рукопашную. Такова была простая, безхитростная тактика казаковъ, разсчитанная на вѣрную удачу надъ противникомъ, съ которымъ имъ приходилось встрѣчаться въ открытомъ полѣ: ногаями, татарами, калмыками или иными кочевниками русскихъ окраинъ. Тотъ же противникъ, появляясь въ предѣлахъ казачьихъ поселеній, всегда встрѣчалъ сопротивленіе, съ какой бы стороны онъ ни зашелъ. Вѣстовая пушка или колоколъ возвѣщали тревогу: станичный есаулъ, схвативъ знамя, скакалъ съ нимъ по улицамъ и зычнымъ голосомъ призывалъ населеніе на защиту стѣны. Старики, жены, подростки — спѣшили отогнать коней и стада въ камыши, чтобы тамъ пересидѣть тревогу; лодки затоплялись въ воду, все прочее имущество закапывалось въ ямы. Особенно часто схватывались казаки со своими ближайшими сосѣдями, азовцами. Тутъ они придирались къ каждому пустому случаю, чтобы учинить «размиръ». Напримѣръ, азовцы, поймавши гдѣ–нибудь на промыслѣ казака, остригутъ ему усы и бороду: немедленно начиналась война. Бывали случаи, что въ день заключенія перемирія происходилъ и разрывъ. Казаки нисколько не дорожили миромъ, потому что война доставляла имъ «зипуны», т. е. кормила ихъ; мало этого: война обогащала ихъ, прославляла по чужимъ землямъ. Частыя войны и вѣчно тревожная жизнь порождали въ казакахъ удаль. Удальцы никогда не переводились на Дону. Задумавъ погулять, или, какъ тогда говорили, «поохотиться», казакъ выходилъ къ станичной избѣ и, кидая вверхъ шапку, выкрикивалъ: «Атаманы-молодцы, послушайте меня! На Синее море, на Черное — поохотиться!» а не то: «На Кубань на рѣку за ясыремъ!» значитъ, за плѣнными; иногда выкликали: «На Волгу-матушку рыбки половить!» — однимъ словомъ, куда кому вздумалось. Охотники всегда находились; въ знакъ согласія, они также кидали вверхъ свои шапки, послѣ чего шли въ складчину въ кабакъ, гдѣ пили водку и выбирали походнаго атамана. Въ назначенный день партія выступала, пѣшая или конная, смотря по уговору. На такіе промыслы выходили небольшими партіями: рѣдко въ 50 чел., больше 5—10, иногда вдвоемъ, ходили даже въ одиночку. И при всемъ томъ

«охотники» полошили сосѣдей, угоняли табуны, скотъ, брали ясырей, женъ, дѣтей, домашній скарбъ — все, что попадало подъ руку. Иные охотники прославили свое имя подвигами, о которыхъ говорилъ весь Донъ. Таковъ былъ напр. Краснощековъ. Разсказывали, что однажды онъ встрѣтился въ кубанскихъ лѣсахъ со знаменитымъ джигитомъ, по прозванію Овчаръ, также вышедшимъ поохотиться. Богатыри знали другъ друга по общей молвѣ, искали случая гдѣ-нибудь сойтись— и встрѣтились. Краснощековъ издали узналъ соперника и поклялся «не спустить съ руки яснаго сокола». И горецъ почуялъ звѣря издалека. Онъ лежалъ надъ обрывомъ рѣки, облокотясь на землю, глядѣлъ прямо на трещавшій передъ нимъ огонекъ. Казалось, онъ не замѣчалъ, что хлещетъ дождь, что свищетъ буря, что близокъ его врагъ; онъ лишь украдкою косилъ глаза, чтобы во-время схватить ружье. Краснощековъ живо сооообразилъ, что ему не подойти на выстрѣлъ своего короткаго ружья. Онъ вдругъ исчезъ. «Тишкомъ и ничкомъ» проползъ казакъ, сколько было нужно, и только успѣлъ выставить въ сторонкѣ свою шапочку-трухменку, какъ мѣткая пуля сбила ее прочь. Тогда онъ поднялся, подошелъ къ Овчару, да «въ припоръ» ружья и убилъ джигита наповалъ. Рѣзвый аргамакъ, богатое ружье остались въ награду счастливому охотнику; было тогда ему, чѣмъ похвастаться! На Дону, какъ и вездѣ, охотники любили хвастнуть. Охота на звѣря шла своимъ чередомъ. Особенно была въ чести, такъ называемая, «большая охота», въ которой принимала участіе почти все войско. Тысячи конныхъ и пѣшихъ казаковъ отправлялись за атаманомъ къ курганамъ «Двухъ братьевъ», неподалеку отъ Черкаска. Атаманъ, окруженный лучшими стрѣлками, становился на курганѣ; обширное займище оцѣпляли казаки. Три выстрѣла изъ пушки означали начало охоты. Въ тотъ же мигъ раздавались въ цѣпи громкіе крики, брань, свистъ, трескотня, отъ которыхъ поднимались оглушенные звѣри. Тамъ, гдѣ-нибудь изъ трущобы, вставалъ дикій вепрь. Просѣкая густые камыши своими страшными клыками, онъ выносился на лугъ, гдѣ его тотчасъ окружали лучшіе наѣздники. Разъяренный звѣрь кидался то въ одну, то въ другую сторону, пока его не пригвоздятъ пиками. Въ другомъ мѣстѣ мечется злобная гіена, гостья захожая изъ закубанскихъ лѣсовъ: звѣрь лютый, даромъ шкуры не отдастъ, и казаки это знаютъ: глядятъ за ней въ оба. А вонъ тамъ,

по окраинѣ луга, несется казакъ, приподнявъ тяжелый чеканъ: онъ, вѣрно, гонитъ степнаго бродягу, стараго волка. Ощетинился звѣрь, озирается, щелкаетъ, но не сдобровать ему — казачій конь все ближе, ближе... Взмахнулъ наѣздникъ и раздробилъ хищнику голову. Но ничего не можетъ быть красивѣе, когда съ быстротою стрѣлы несется по займищу легкая быстроногая сайга. Не жалѣетъ наѣздникъ коня, самъ пригнулся, плеть только свищетъ, но куда! далеко! Завидя то, вихремъ спустился съ кургана войсковой есаулъ, взялъ наперерѣзъ, и только взмахнулъ правой рукой, какъ задрожала красавица, почуявъ на шеѣ роковую петлю. А вотъ и самъ атаманъ, наготовивъ ружье, зорко глядитъ въ даль: чуетъ, что его молодцы подняли въ трущобѣ могучаго барса... Съ полсотни трусливыхъ зайцевъ, прижавъ уши, мечутся по займищу, попадаютъ подъ копыта, заскакиваютъ въ тенета или погибаютъ подъ казачьей плетью. — Охота кончена. Атаманъ, отмѣнно довольный, зоветъ къ себѣ на пиръ, «отвѣдать дичинки». И долго гуляютъ казаки, пока не обойдутъ всѣхъ удачниковъ, т. е. кому посчастливило вернуться съ добычей.

Запорожцы, эти витязи моря, не только указали путь къ турецкимъ берегамъ, но сами стали вожаками, сами бились впереди. Сыны Дона такъ же неустрашимо переплывали бурное море, такъ же внезапно появлялись среди мирнаго населенія, вторгались въ дома, жгли, грабили, убивали, нагружались добычей, и такъ же безслѣдно исчезали въ синихъ волнахъ моря. Ученики во многомъ дошли до своихъ учителей: они одинаково были безжалостны къ юности и старости, знатности и бѣдности; они лишь не брезгали прекрасными плѣнницами, на которыхъ послѣ женились. Суровые запорожцы не щадили и того, да и добычу они хватали лишь затѣмъ, чтобъ дома ее прогулять.

Казаки также сами готовили для себя челны, обыкновенно изъ липовыхъ колодъ, которыя распиливали пополамъ; середину выдалбливали, съ боковъ прикрѣпляли ребра, а по обоимъ концамъ выгнутые кокоры. Для большей устойчивости эти неуклюжія посудины обвязывались пучками камыша. Когда изготовленные такимъ образомъ челны качались у берега, ихъ нагружали запасомъ прѣсной воды и казацкою снѣдью: сухарями, просомъ, толокномъ, сушенымъ мясомъ или соленой рыбой. Затѣмъ все воинство собиралось къ часовнѣ

помолиться Николаю Чудотворцу, оттуда — на площадь, гдѣ пили прощальный ковшъ вина или меду. На берегу еще выпивали по ковшику и наконецъ разсаживались въ лодки, по 40—50 чел. въ каждой. Удальцы выглядятъ оборванцами: они въ самыхъ старыхъ зипунишкахъ, въ дырявыхъ шапкахъ; даже ружья у нихъ совсѣмъ ржавыя. Это не даромъ, а по примѣтѣ: «На ясномъ желѣзѣ глазъ играетъ»,—такъ говорили бывалые. Дружнымъ хоромъ грянули казаки: «Ты прости, прощай, тихій Донъ Ивановичъ», и, взмахнувъ веслами, стали удаляться... Съ дерзкой отвагой проходили казаки мимо азовской крѣпости, у которой всегда на-сторожѣ плавали турецкія галеры; поперекъ Дона была протянута тройная желѣзная цѣпь, укрѣпленная концами на обоихъ берегахъ, гдѣ возвышались каменныя каланчи съ пушками. Перекрестный картечный огонь могъ расщепить въ какихъ-нибудь 1/4 часа всю казацкую флотилію; но у казаковъ имѣлись на этотъ счетъ свои сноровки. Въ темную, бурную ночь съ ливнемъ или въ непроглядный туманъ они ухитрялись переволакиваться черезъ цѣпи, послѣ чего прокрадывались мелководными гирлами прямо въ море. Иногда они пускали сверху бревна, которыя колотились объ цѣпи, и тѣмъ держали турокъ въ тревогѣ. Наконецъ туркамъ прискучитъ палить, бросятъ — анъ, глядь, и прозѣвали молодцовъ. У нихъ былъ въ запасѣ еще другой путь: вверхъ по Донцу, потомъ волокомъ на рѣчку Міусъ, откуда прямой выходъ въ Азовское море. Морская тактика казаковъ была во всемъ схожа съ запорожской. При встрѣчѣ съ турецкимъ кораблемъ обходили его такъ, чтобы за спиной имѣть солнце, а спереди корабль. За часъ до захода они приближались примѣрно на версту; съ наступленіемъ же темноты окружали корабль и брали его на абордажъ, большею частью врасплохъ: турки славились безпечностью. Во время штиля, или полнаго безвѣтрія, казаки не считали даже нужнымъ скрываться. Овладѣвши судномъ, удальцы живо забирали оружіе, небольшія пушки, разыскивали деньги, товары, а корабль, со всѣми плѣнными и прочимъ грузомъ, пускали на дно. Бывали и несчастныя встрѣчи, когда большіе турецкіе корабли на полномъ ходу врѣзались въ средину казачьихъ челновъ: нѣкоторые изъ нихъ попадали подъ корабль, другіе гибли отъ картечнаго огня съ обоихъ бортовъ. Какъ стая робкихъ птицъ, разлетались тогда утлыя суденышки, спасаясь въ одиночку—

на парусахъ, на веслахъ, какъ попало и куда попало. А сколько разъ страшныя бури носили по волнамъ отважныхъ пловцовъ! Случалось, что всѣ прибрежныя скалы бѣлѣли казачьими трупами; если кто и спасалъ свою жизнь, то спасалъ не на радость, попадая въ вѣчную неволю. Турки ковали несчастныхъ въ цѣпи и сажали за весла на свои галеры. Какъ ни велики были потери, казачество не оскудѣвало. На мѣсто одного убылого являлся десятокъ другихъ, и морскіе походы, считаясь самыми прибыльными, никогда не прекращались, не смотря на бури, страхъ неволи, угрозы султана и запреты царя. Такова была сила страсти, жажда наживы.

Счастливое возвращеніе съ удачнаго похода бывало радостнымъ событіемъ на Дону. Удальцы останавливались гдѣнибудь неподалеку отъ Черкаска, выгружали всю добычу и дѣлили ее между собой поровну, что̀ называлось «дуванъ дуванить». Затѣмъ казаки, убравшись во все лучшее, что у кого было, подплывали къ пристани съ пѣснями, съ частой пальбой. Все войско, заранѣе уже извѣщенное, стояло на берегу; въ Черкаскѣ въ это время палили изъ пушекъ. Прямо съ пристани все войско направлялось къ часовнѣ, гдѣ служили благодарственный молебенъ, послѣ котораго, разсыпавшись по площади, обнимались, цѣловались, дарили родныхъ и знакомыхъ заморскими гостинцами. О количествѣ добычи можно судить по тому, что одного ясыря, или плѣнныхъ, собиралось иногда до трехъ тысячъ. У казаковъ даже было особое размѣнное мѣсто, гдѣ они сходились съ азовцами, мѣняли мусульманъ на русскихъ. За пашей азовцы платили по 30 тыс. золотыхъ и болѣе, смотря по знатности; знатныхъ турчанокъ казаки также продавали, а всѣхъ остальныхъ пріучали къ домашнему хозяйству, потомъ, окрестивши, женились.

Если случалась надобность поднять въ походъ все «великое» войско, то предварительно разсылались по городкамъ грамотки, чтобы казаки сходились для ратнаго дѣла. — Шумитъ, волнуется большая площадь города Черкаска; она полна казачествомъ изъ ближнихъ и дальнихъ концовъ. Тутъ весь Донъ на лицо, со своими дѣтками — съ береговъ Донца, Хопра, Воронежа, Медвѣдицы, Сала, Маныча... Старые, бывалые казаки, украшенные сабельными рубцами, держатъ себя степенно, ведутъ промежъ себя бесѣду тихую; среди

молодыхъ идутъ толки о томъ, куда-то поведутъ атаманы молодцовъ? Старики сказываютъ, что подъ городъ Астрахань, имъ же хотѣлось бы пошарпать турокъ... Шумъ, перебранка, толкотня становятся все больше и больше; но, вотъ, толпа почему-то стихла, чинно становится въ кругъ: это значитъ, показались регаліи. Изъ войсковой избы вынесли Бѣлый бунчукъ, перначъ и бобылевъ хвостъ. Такъ называлось древко съ золотымъ шарикомъ наверху, украшеннымъ двуглавымъ орломъ и бѣлымъ конскимъ хвостомъ. За регаліями выступаютъ есаулы, за ними — войсковой атаманъ съ булавою въ рукахъ. Онъ остановился посрединѣ круга, есаулы, положивъ на землю свои жезлы и шапки, прочли молитву, поклонились сначала атаману, потомъ всему православному воинству, снова надѣли шапки и съ жезлами въ рукахъ приступили за приказомъ. Атаманъ что-то тихо имъ сказалъ. «Помогите, атаманы-молодцы!» возгласили есаулы: «Бѣлый Царь шлетъ вамъ поклонъ, приказалъ спросить о вашемъ здоровьѣ! Онъ учинилъ размиръ съ турками и шлетъ насъ промышлять надъ крымцами!..» По маломъ времени есаулы спросили: «Любо-ли вамъ, атаманы-молодцы?» — «Любо, Любо!» отвѣчало казачество въ одинъ голосъ.

Впрочемъ, войсковое начальство не всегда объявляло въ кругу, куда именно назначенъ походъ, а просто приговаривали: «идти на море», или «собираться въ походъ». Это дѣлали изъ опасенія, чтобы не провѣдали азовцы. Для походнаго времени все казачество дѣлилось по сумамъ: 10—20 чел. держали въ походѣ общую суму, въ которой хранили какъ запасы, такъ и добычу. До сихъ поръ уцѣлѣлъ между казаками этотъ обычай, какъ равно и самое названіе «односумъ», въ родѣ какъ бы: другъ, товарищъ. Жены такихъ казаковъ считаются тоже въ свойствѣ: «Здравствуй, односумка!» говорятъ при встрѣчахъ. Вообще, въ старину казаки жили проще, дружнѣе и, какъ неозабоченные хозяйствомъ — веселѣе. Въ городкахъ казаки обыкновенно собирались каждый день на площадь или къ станичной избѣ. Сидя кружкомъ, казаки плели сѣти, слушали богатырскіе разсказы или пѣли богатырскія пѣсни, изъ которыхъ каждая начиналась припѣвомъ: «Да вздунай-най дуна-на, вздунай Дунай!» Въ Черкаскѣ же всегда бывало большое стеченіе народа, нѣчто въ родѣ ярмарки. Тамъ толкались торговые люди изъ украинскихъ городовъ, гащивали проѣздомъ турецкіе послы

съ многочисленной свитой, наѣзжали астраханцы, запорожцы, терскіе и яицкіе казаки—кто за полученіемъ вѣстей, кто для воинскаго промысла, подыскивать удальцовъ. Среди густой толпы народа донцы важно расхаживали, заломивъ на бекрень шапки, при богатомъ оружіи, въ самомъ разнообразномъ одѣяніи. Одинъ гуляетъ въ лазоревомъ зипунѣ съ жемчужнымъ ожерельемъ, другой выступаетъ въ бархатномъ полукафтаньѣ, а на ногахъ у него простыя лапти; третій—въ смуромъ русскомъ кафтанишкѣ, зато у него сапоги расшиты золотомъ, шашка виситъ булатная, черкесская, за спиной богатый турецкій сайдакъ (лукъ); иной вмѣсто плаща напялитъ узорчатый коверъ. Вонъ, поглядите на того богатыря: какъ есть, въ шелку да въ бархатѣ, усѣлся въ грязь среди улицы и выводитъ такъ жалостливо про трехъ братьевъ, какъ они погибали въ неволѣ, что, если кто послушаетъ, прошибетъ слеза: это ужь навѣрно запорожецъ, да еще подгулявшій! Все, что тутъ есть—и турецкія въ золотой оправѣ ружья, и булатные ножи съ черенками изъ рыбьяго зуба, бархатъ, шелкъ, атласъ—все казачья добыча, своего ничего нѣтъ.

Особенно бывало шумно и торжественно, когда въ Черкасскомъ городкѣ ожидали прибытія «будары». Еще царь Михаилъ Ѳедоровичъ положилъ ежегодно отпускать донскому войску: 7 тыс. четвертей муки, 500 ведеръ вина, 250 пудовъ пороху, 150 п. свинцу и 17 тыс. рублей деньгами. Съ того времени каждый годъ выряжали съ Дона, такъ называемую, «зимовую станицу» изъ лучшихъ казаковъ, съ атаманомъ во главѣ. По пріѣздѣ въ Москву, ихъ допускали къ царской рукѣ, угощали съ царскаго стола, а при отпускѣ Государь обыкновенно жаловалъ атаману и есаулу по саблѣ со своимъ портретомъ, или же дарилъ серебряными позлащенными ковшами съ именными надписями и двуглавымъ орломъ; простымъ казакамъ выдавались изъ государевыхъ кладовыхъ сукна, камки. Обдаренные щедро, обласканные милостью царской, казаки возвращались на Донъ, гдѣ мало-по-малу росла и крѣпла привязанность къ царскому дому. Государево жалованье нагружалось въ Воронежѣ на будары и сплавлялось внизъ до Черкаска. Всѣ попутные городки высылали встрѣчу, при чемъ служили о царскомъ здравіи молебенъ, пили изъ жалованныхъ ковшей и стрѣляли изъ ружей. Въ Черкаскѣ встрѣчали казну пальбой изъ пушекъ; войсковой атаманъ приказывалъ бить сполохъ и самъ вы-

ходилъ объявить въ казачьемъ кругѣ, что «Государь за службу жалуетъ рѣкою столбовою тихимъ Дономъ, со всѣми запольными рѣками, юртами и всѣми угодьями, и милостиво прислалъ свое царское годовое жалованье». Служили торжественный молебенъ съ многолѣтіемъ, послѣ котораго все начальство пировало у атамана, а на другой день гуляли у атамана зимовой станицы, гдѣ также пили изъ пожалованнаго ему ковша царскую сивушку.

Съ умноженіемъ казачества преемники Михаила Ѳеодоровича дѣлали надбавки къ прежнему жалованью, за что, конечно, кромѣ радѣтельной службы, требовали отъ казаковъ и бо́льшаго послушанія.

Первые поселенцы тихаго Дона, по примѣру своихъ собратьевъ, жили бобылями, не женились, но когда утихали тревоги войны, когда на рукахъ у казаковъ оставалось множество плѣнницъ—татарокъ, калмычекъ, черкешенокъ, турчанокъ, — тогда сама собой возникла семейная жизнь. На первыхъ порахъ рѣдко кому удавалось жениться по уставу церкви. Обыкновенно женихъ и невѣста выходили на площадь, молились Богу, потомъ кланялись всему честному народу, и тутъ-то женихъ объявлялъ имя своей невѣсты. Обращаясь къ ней, онъ говорилъ: «Будь же ты моею женою!» Невѣста падала жениху въ ноги со словами: «А ты будь моимъ мужемъ!» Какъ легко такіе браки заключались, такъ же легко и расторгались. Казакъ, покидая почему-либо свою землянку, напримѣръ по случаю похода, продавалъ жену за годовой запасъ харчей, или же выводилъ ее на площадь и говорилъ: «Не люба! Кто желаетъ, пусть беретъ!» Если находился охотникъ взять «отказанную» жену, то прикрывалъ ее своей полой, что означало обѣщаніе оказывать защиту и покровительство. Бывали случаи, что казакъ присуждалъ свою жену на смерть. При всемъ томъ, казаки славились своею набожностью, строго соблюдали установленные посты, обогащали вкладами церкви, монастыри. Для своихъ приношеній они избрали два монастыря: одинъ Никольскій, возлѣ Воронежа, другой—Рождественскій Черняевъ, въ Шацкѣ. Тамъ висѣли колокола, отлитые изъ непріятельскихъ пушекъ; священныя одежды, иконы блистали жемчугомъ, драгоцѣнными камнями. Тамъ же казаки, потерявшіе силы воевать, доживали свой вѣкъ въ монашеской рясѣ, какъ это дѣлали и запорожцы. Въ тихой обители замирали

страсти, забывалась вражда. Только въ первыхъ годахъ царствованія Алексѣя Михайловича стали появляться на Дону часовни, а на кладбищахъ голубцы, или памятники; первая церковь въ Черкаскѣ была построена лишь въ 1660 году.

Какъ видно изъ разсказа о защитѣ Азова, жены казацкія славились ратнымъ духомъ не менѣе своихъ мужей; такъ-же онѣ наставляли и своихъ дѣтей. Новорожденному клали на зубокъ: стрѣлу, пулю, лукъ, ружье. Послѣ сорока дней отецъ нацѣплялъ мальчугану саблю, сажалъ его на коня, подстригалъ въ кружокъ волосы и, возвращая матери, говорилъ: «Вотъ тебѣ казакъ».—Когда у младенца прорѣзались зубы, его везли верхомъ въ церковь, гдѣ служили молебенъ Іоанну Воину, чтобы изъ сына выросъ храбрый казакъ. Трехлѣтки уже сами ѣздили по двору, а пятилѣтки безстрашно скакали по улицамъ, стрѣляли изъ лука, играли въ бабки, ходили войной. По временамъ все ребячье населеніе Черкаска выступало за городъ, гдѣ, раздѣлившись на двѣ партіи, строили камышевые городки. Въ бумажныхъ шапкахъ и лядункахъ, съ бумажными знаменами и хлопушками, верхомъ на палочкахъ, противники сходились, высылали стрѣльцовъ, или наѣздниковъ - забіякъ, и, нападая, сражались съ такимъ азартомъ, что не жалѣли носовъ; рубились лубочными саблями, кололись камышевыми пиками, отбивали знамена, хватали плѣнныхъ. Побѣдители, подъ музыку изъ дудокъ и гребней, съ трещотками или тазами, возвращались торжественно въ городъ; сзади, стыдливо понуривъ головенки и заливаясь слезами, шли плѣнные. Старики, сидя бесѣдой подлѣ рундуковъ, за ендовой крѣпкаго меду, любовались проходившими внучатами; самъ атаманъ, поднявшись съ мѣста, пропускалъ мимо себя мелюзгу, похваляя храбрыхъ. Когда была введена перепись «малолѣтковъ», то всѣ достигшіе 19-тилѣтняго возраста собирались въ заранѣе назначенномъ мѣстѣ, на лучшихъ коняхъ и въ полномъ вооруженіи. На ровной полянкѣ, возлѣ рѣчки, разбивался большой лагерь, гдѣ въ продолженіе мѣсяца обучались малолѣтки воинскому дѣлу подъ руководствомъ стариковъ, въ присутствіи атамана. Однихъ учили на всемъ скаку стрѣлять; другіе мчались во весь духъ, стоя на сѣдлѣ и отмахиваясь саблей; третьи ухищрялись поднять съ разостланной бурки монету или же плетку. Тамъ выѣзжаютъ поединщики; здѣсь толпа конныхъ скачетъ къ

крутому берегу, вдругъ исчезнетъ и снова появится, но уже на другомъ берегу... Самымъ мѣткимъ стрѣлкамъ, самымъ лихимъ наѣздникамъ атаманъ дарилъ нарядныя уздечки, разукрашенныя сѣдла, оружіе. Эта первая награда цѣнилась на Дону такъ же высоко, какъ у древнихъ грековъ лавровые вѣнки.—Такъ выростали цѣлыя поколѣнія; начинали съ ребяческихъ, кончали кровавыми потѣхами. Сабли на Дону не ржавѣли, удаль и отвага не вымирали. Отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку переходилъ одинъ и тотъ же завѣтъ: любить родную землю, истреблять ея враговъ. Въ турецкой ли неволѣ, у себя ли на смертномъ одрѣ, казакъ одинаково жалостливо прощался: «Ты прости, мой тихій Донъ Ивановичъ! Мнѣ по тебѣ не ѣздити, дикаго вепря не стрѣливать, вкусной рыбы не лавливать!»—Однако въ семьѣ, говоритъ пословица, не безъ урода. Такъ и среди вѣрныхъ сыновъ Дона, отъ времени до времени, являлись отступники, которые обагряли руки въ безвинной братской крови, которые безславили свою родину.—О нихъ рѣчь впереди.

III.

Казацкая вольница.

Дальніе походы и частыя битвы, голодовки и разныя другія невзгоды нисколько не убавляли казацкой вольницы, потому что убыль пополнялась съ избыткомъ бѣглыми и охочими людьми изъ Московской Руси. «Вольная сиротская дорога» никогда не заростала на Донъ, откуда уже не было выдачи. Холопы бѣжали отъ своихъ господъ, приказчики—отъ хозяевъ, неоплатные должники — отъ заимодавцевъ, стрѣльцы и солдаты спасались отъ тягостей службы, а раскольники — отъ патріаршаго гнѣва. Весь этотъ людъ—голодный и холодный—скитаясь на Дону, искалъ пристанища и хлѣба; онъ готовъ былъ на все ради наживы, смущая тѣмъ казачество, между которымъ было много людей степенныхъ и съ достатками. Эти послѣдніе желали сохранить нажитое добро, передать его дѣтямъ, внукамъ; они остерегались грабить русскія окраины, чтобы не стать за то въ отвѣтѣ, не лишиться цар-

скихъ милостей и жалованья. Бо̀льшая же часть пришлой вольницы жила по пословицѣ: «Доброму вору все въ пору». Въ былое время самыя буйныя головы отправлялись къ турецкимъ берегамъ, откуда, если возвращались, то со знатной добычей. Теперь настали другія времена: входъ въ море былъ запертъ; крымцы сами стали навѣщать казацкія юрты, а между тѣмъ народу съ Руси все прибывало да прибывало. Куда кинуться, гдѣ добыть зипуны—больше некуда, какъ на Волгу, куда хаживали еще прапрадѣды, гдѣ гулялъ когда-то Ермакъ Тимоѳеевичъ. Дѣло долго стояло за атаманомъ; не выискивался человѣкъ, способный справляться съ буйной ватагой, который умѣлъ бы ей угождать и въ то же время повелѣвать, гулять съ ней на широкую казацкую ногу и посылать ее на вѣрную смерть. Какъ на грѣхъ, такой человѣкъ нашелся: это былъ извѣстный всему войску, не молодой уже казакъ, по прозванію Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ. Коренастаго сложенія, сильный, ловкій, на словахъ рѣчистый, онъ глядѣлъ угрюмо, повелительно; въ его глазахъ свѣтилась отвага необычайная, дикая, воля желѣзная. На Дону ему было тѣсно, точно въ клѣткѣ, скучно; онъ не зналъ, куда ему дѣвать свою силу богатырскую. Вдругъ, въ лѣто 1667 г., вокругъ него, точно изъ-подъ земли, выросла вольница, съ которою онъ поднялся съ мѣста и окопался близь Паншина городка, гдѣ Донъ ближе всего подходитъ къ Волгѣ. Разинъ стоялъ на высокихъ буграхъ, кругомъ — полая вода: ни пройти, ни проѣхать, ни достать языка; отсюда онъ высматривалъ, не покажется ли добыча. Вотъ показался сверху большой караванъ, въ сопровожденіи стрѣльцовъ; какъ ястребъ, налетѣлъ на него атаманъ со своею дружиной; ладья съ государевымъ хлѣбомъ пошла ко дну, начальные люди изрублены, ссыльные, которыхъ везли въ Астрахань, раскованы. «Вамъ всѣмъ воля, говорилъ атаманъ, идите себѣ, куда хотите, силой не стану принуждать, а кто хочетъ идти со мной—будетъ вольный казакъ».—Всѣ ссыльные и ярыжки пристали къ ватагѣ. Первая удача прославила атамана; прошла молва, что онъ заговоренъ отъ пули, что по его слову останавливаются суда, отъ его взгляда каменѣютъ люди. Царицынскій воевода приказалъ-было стрѣлять по воровскимъ стругамъ, такъ ни одна пушка не дала выстрѣла, потому, будто, что весь порохъ выходилъ запаломъ. На 35 стругахъ Стенька проплылъ мимо Царицына,

Чернаго Яра, вышелъ моремъ къ устью Яика и, поднявшись вверхъ, засѣлъ въ Нижне-яицкомъ городкѣ. Отсюда, какъ изъ воровскаго гнѣзда, казаки промышляли въ разныя стороны— на море, къ устьямъ Волги, между татаръ и калмыковъ. Это былъ уже не простой грабежъ, а бунтъ, война противъ государства.

Весь Донъ всколыхнулся, узнавши о томъ, что Стенька укрѣпился въ Нижне-Яицкѣ. Въ донскихъ городкахъ казаки собирались «многимъ собраньемъ», чтобы избрать свою старшину, идти прямо на Волгу и пристать къ атаману. Промышлять же надъ ворами было некому: по городамъ сидѣли, правда, воеводы, но съ самой ничтожной силой, да и стрѣльцы неохотно дрались за Государево дѣло; многіе даже тайно снабжали воровъ зельемъ (порохомъ) и свинцомъ. Вскорѣ вѣсти о Стенькѣ затихли: знать, ушелъ въ море.

Угрюмы, непривѣтливы были въ ту пору берега суроваго Дагестана. И горе путнику или купцу, который попадалъ на берегъ, къ тамошнимъ татарамъ: его ковали въ цѣпи, обращали въ неволю. Особенно тяжко приходилось христіанамъ. Теперь казаки мстили за своихъ братьевъ, замученныхъ въ неволѣ, и мстили жестоко, сторицей. Самъ атаманъ плылъ на легкихъ стругахъ, безъ компаса, безъ кормы, а Алешку Протокина и Каторжнаго съ двумя тысячами послалъ сухопутьемъ; за послѣдними увязался еще запорожскій куренной атаманъ Чубъ съ четырьмя сотнями «братьевъ». Они набросились прежде всего на Дербентъ; крѣпость взять-то не смогли, но нижній городъ разрушили до основанія. Все побережье до г. Баку запылало въ огнѣ; жители, спасая животы, бѣжали врознь отъ казацкой сабли—иные забивались въ горы, другіе скрывались въ лѣсахъ. Все ихъ добро, что получше да полегче, шло на струги, остальное металось въ огонь. Въ персидскомъ городѣ Рештѣ казаки узнали, что противъ нихъ выступила вооруженная сила. Атаманъ пустился на хитрость. Онъ сочинилъ басню, будто пришелъ въ Персію искать милостей у шаха; проситъ теперь назначить ему землю для поселка. Персіяне дались въ обманъ, и пока шла отписка, Стенькины молодцы затѣяли въ городѣ ссору, при чемъ ихъ порядкомъ проучили. Тогда атаманъ отплылъ изъ Решта въ г. Фарабатъ, гдѣ объявилъ себя купцомъ. Пять дней шла у нихъ торговля мирно, на 6-й день атаманъ, окруженный казаками, какъ бы невзначай поправилъ на головѣ шапку. Это

былъ условный знакъ: пора, значитъ, приступать къ расправѣ. И страшно сказать, что сталось съ этимъ городкомъ: въ немъ уцѣлѣли лишь христіане, которыхъ признавали по выклику: «Христосъ! Христосъ!» Все остальное населеніе, совсѣмъ беззащитное, было перебито или захвачено въ плѣнъ. Цѣлую зиму казаки, засѣвъ на островкѣ, мѣняли плѣнныхъ, при чемъ давали одного своего за трехъ-четырехъ невѣрныхъ. По веснѣ Стенька очутился уже на туркменскомъ берегу, гдѣ громилъ туркменскіе улусы. Наконецъ персіяне вырядили противъ него цѣлый флотъ, вооруженный пушками. Казаки вышли ему навстрѣчу, накинулись своимъ обычнымъ способомъ, и только три судна успѣли уйти съ ханомъ; его же сынъ и красавица-дочка остались въ плѣну. Послѣ этой побѣды Стенька сталъ думать, какъ бы ему безъ помѣхи вернуться на Донъ.

Въ серединѣ августа явились въ Астрахань къ воеводѣ Львову двое выборныхъ съ рѣчами отъ войска и говорили, что оно бьетъ челомъ, чтобы великій Государь пожаловалъ, отдалъ бы ему вины и пропустилъ на Донъ, а взятыя пушки войско обѣщаетъ возвратить и служилыхъ людей отпустить. Воевода велѣлъ этихъ двухъ казаковъ привести къ вѣрѣ.

Чрезъ нѣсколько дней въ городѣ было большое торжество. Въ приказной избѣ сидѣлъ самъ воевода, князь Семенъ Ивановичъ Львовъ, окруженный дьяками. Товарищи Стеньки сложили передъ избой знамена, бунчукъ; самъ атаманъ, приступивъ къ воеводѣ, билъ челомъ, чтобы шестерымъ выборнымъ ѣхать въ Москву бить за вины своими головами. Выборные были отправлены, и великій Государь, по своему милосердному разсмотрѣнію, пожаловалъ: вмѣсто смерти, велѣлъ дать имъ животъ и послать казаковъ въ Астрахань, чтобы они вины свои заслуживали. Но унять казаковъ кроткими мѣрами становилось дѣломъ труднымъ: поизвѣдавъ широкаго раздолья, съ богатой на рукахъ добычей, имъ не охота была выслуживать вины. Когда дѣло дошло до разсчета, Разинъ сталъ препираться; онъ не выдалъ ни пограбленныхъ товаровъ, ни плѣнныхъ, даже удержалъ 20 пушекъ. «Эти пушки, говорилъ онъ, надобны намъ въ степи для проходу, а какъ дойдемъ, то пушечки пришлемъ тотчасъ же». Воеводы сдались, да и нельзя было не сдаться, потому что казачество затуманило всѣмъ головы, не только у бѣдноты,

но у служивыхъ, у торговыхъ людей. Вся Астрахань приходила въ умиленіе, глядя на казаковъ въ шелку да въ бархатѣ, въ заломленыхъ шапкахъ, украшенныхъ жемчугомъ или драгоцѣнными камнями, въ кушакахъ, расшитыхъ золотомъ, съ оружіемъ въ богатой оправѣ. «А Степанъ Тимоѳеевичъ—и говорить нечего: прямой батюшка, такой ласковый да добрый, о чемъ ни попросишь, нѣтъ у него отказу...» Встрѣчная толпа падала на колѣни, когда онъ ходилъ по улицамъ, металъ горстями денежки. На судахъ у атамана, сказывали, всѣ веревки и канаты шелковые, паруса затканы золотомъ—велико было искушеніе! За нимъ слѣдомъ бѣгали, глядѣли, какъ онъ, «батюшка», гулялъ, или «тѣшился». Однажды Стенька катался по Волгѣ, и возлѣ него сидѣла персіянка, ханская дочь, въ своемъ богатомъ одѣяніи, осыпанномъ жемчугомъ, унизанномъ камнями. Вдругъ хмѣльной Стенька поднялся съ мѣста и, держа красавицу за руку, повернулся къ рѣкѣ: «Ахъ ты, Волга-матушка, рѣка великая! Много ты дала мнѣ злата и серебра, и всякаго добра, надѣлила честью и славой, а я тебя еще ничѣмъ не наградилъ. На-жъ тебѣ, возьми!» да съ этими словами швыркъ красавицу въ воду. Вотъ каковъ былъ атаманъ! — Коекакъ удалось наконецъ воеводамъ выпроводить Стеньку изъ Астрахани.

Напроказивъ еще въ Царицынѣ, онъ перебрался на Донъ и недалеко отъ Кагальницкой станицы окопался городкомъ. Тутъ явился къ нему изъ Черкаска его младшій братъ Фролка, пріѣхала жена; казаковъ же онъ распустилъ на сроки, за крѣпкими поруками. На Дону изстари велся такой обычай, что домовитые казаки ссужали бѣдняковъ оружіемъ и платьемъ, за что брали въ свою пользу половину добычи. А добыча была на этотъ разъ богатая; далеко разошлись вѣсти объ удачахъ батюшки Степана Тимоѳеевича, и множество народа повалило къ нему въ земляной городокъ. Всѣхъ принималъ атаманъ, всѣхъ ссужалъ деньгами, оружіемъ; еще болѣе того сулилъ впереди. Къ концу года у него считалось уже безъ малаго 3 тысячи на все готоваго сброда. Въ Черкаскѣ войсковое начальство не знало, что ему дѣлать: принять ли Стеньку какъ гостя, или промышлять надъ нимъ какъ надъ воромъ? Какъ бы въ отвѣтъ, Стенька самъ явился въ Черкаскъ, въ ту самую пору, когда казаки выряжали царскаго гонца Герасима Евдокимова. Стенька приказалъ по-

звать его въ кругъ. «Отъ кого ты поѣхалъ: отъ великаго Государя или отъ бояръ?» спросилъ онъ у Герасима.—«Посланъ я отъ великаго Государя, съ милостивою грамотою».—«Врешь, закричалъ на него Стенька, пріѣхалъ ты не съ грамотой, пріѣхалъ къ намъ лазутчикомъ!» избилъ его до полусмерти и велѣлъ бросить въ Донъ. Тогда выступилъ войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ: «Непригоже ты такъ учинилъ, Степанъ Тимоѳеевичъ!» — «И ты того же захотѣлъ? спросилъ Стенька. Владѣй своими казаками, а я владѣю своими».—Яковлевъ, видя, что не пришло его время, промолчалъ.

Помутивъ казачество, Стенька покинулъ Черкаскъ и сталъ теперь собираться на государевы города. Тутъ присталъ къ нему еще Васька Усъ, удалая голова, воръ-богатырь, извѣстный своими злодѣйствами по Тульской и Воронежской окраинамъ. Въ ту пору Стенька уже насчитывалъ до 7 тысячъ головорѣзовъ. «Воровскимъ» способомъ, т. е. при помощи измѣнниковъ, они овладѣли Царицынымъ; царскій воевода Тургеневъ пытался-было защищаться, но казаки взяли приступомъ башню, гдѣ онъ засѣлъ, прокололи его копьемъ и кинули въ воду. Ужъ Стенька помышлялъ идти дальше, дерзалъ овладѣть даже Москвой, извести всѣхъ бояръ и пожечь бумаги, какъ узнаетъ, что противъ него высланы сверху и снизу отряды стрѣльцовъ.

Сначала Стенька бросился вверхъ. Тысяча московскихъ стрѣльцовъ, подъ начальствомъ Лопатина, спокойно стояли на Денежномъ островѣ, въ 7 верстахъ отъ Царицына. Казаки напали на нихъ съ двухъ сторонъ, но стрѣльцы дружно взялись за весла и, въ надеждѣ на выручку, стали пробиваться къ Царицыну, не зная того, что Царицынъ въ рукахъ вора. Отсюда ихъ встрѣтили ядрами. Потерявши болѣе половины, стрѣльцы должны были сдаться; ихъ посадили гребцами на воровскіе струги. Когда они стали кручиниться, что измѣнили великому Государю, атаманъ сказалъ: «Вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за великаго Государя». Чудны имъ показались эти слова. Между тѣмъ, снизу шли 2,600 астраханскихъ стрѣльцовъ да 500 вольныхъ людей съ воеводой княземъ Львовымъ. Атаманъ поплылъ имъ навстрѣчу. Какъ только онъ появился на виду, всѣ служивые закричали: «Здравствуй, нашъ батюшка, Степанъ Тимоѳеевичъ!»—«Здравствуйте, братья. Вы мнѣ братья и дѣтки; и будете вы

такъ-же богаты, какъ я, если останетесь мнѣ вѣрны и храбры». — Стрѣлецкіе головы, сотники, дворяне — всѣ до одного были перебиты; злодѣи пощадили лишь князя Львова, да еще спасся какимъ-то чудомъ стрѣлецъ. Онъ-то и принесъ астраханскому воеводѣ страшную вѣсть. Теперь бѣда грозила самой Астрахани.

Уже давно въ городѣ ходили недобрые слухи: люди слышали изъ запертыхъ церквей какой-то невѣдомый шумъ, слышали, какъ сами собой перезванивали колокола, какъ колыхалась земля. Среди народа замѣчалось шатаніе умовъ, стрѣльцы дерзали громко роптать. Воеводѣ тѣмъ труднѣе было съ ними ладить, что они ему не подчинялись: у стрѣльцовъ было свое начальство, стрѣлецкіе головы. Однако князь Прозоровскій не унывалъ. Астрахань того времени была окружена кирпичной стѣной въ 4 сажени вышины, съ широкими и высокими зубцами наверху. По прясламъ стѣны, а также по угламъ, стояли двуярусныя башни съ колоколами. Вооруженіе состояло изъ 460 пушекъ. Дѣятельный воевода самъ обошелъ всѣ стѣны, осмотрѣлъ пушки, развелъ по бойницамъ и стрѣльницамъ стрѣльцовъ, разставилъ при пушкахъ пушкарей, при пищаляхъ—пищальниковъ; ворота приказалъ завалить кирпичемъ. Всѣ посадскіе, по обычаю того времени, также должны были ополчиться на защиту города: кто съ топоромъ или бердышемъ, кто съ самопаломъ или ручною пищалью, другіе—съ копьями, съ камнями. По этому случаю близь оконъ заранѣе были насыпаны кучи камней и припасенъ кипятокъ. Наконецъ всѣ защитники подѣлены на десятки и сотни; каждому указано его мѣсто, назначены осадные головы. Въ ночь на 13 іюня караульные стрѣльцы увидѣли, какъ надъ всей Астраханью отверзлось небо и какъ оттуда посыпались точно печныя искры. Стрѣльцы побѣжали въ соборъ, разсказать о видѣніи митрополиту Іосифу. — «Сіе предвѣщаетъ, что излился съ небеси фіалъ гнѣва Божія!» сказалъ пастырь и горько заплакалъ. Уроженецъ Астрахани, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ зналъ казачьи обычаи, испыталъ на себѣ неистовства буйной вольницы, и теперь скорбѣлъ о судьбѣ родного города.

Черезъ недѣлю послѣ видѣнія, воровскіе казаки появились въ виду Астрахани, на урочищѣ «Жареные бугры», а въ городѣ въ тотъ же день стали показываться переметчики и зажигатели. Для острастки воевода приказалъ одного изъ

нихъ кинуть въ тюрьму, остальнымъ отсѣчь головы; мало полагаясь на острастку, онъ собралъ на митрополичій дворъ всѣхъ пятидесятниковъ и старыхъ лучшихъ людей. Здѣсь митрополитъ ихъ увѣщалъ: «Поборитесь за домъ Пресвятыя Богородицы и за великаго Государя Его Царское Величество. Послужите ему вѣрой и правдой, сражайтесь съ измѣнниками мужественно; за то получите милость отъ великаго Государя здѣсь, въ земномъ житіи, а скончавшихся во брани ожидаютъ вѣчныя блага вмѣстѣ съ христіанскими мучениками».—«Рады служить великому Государю вѣрою и правдою, не щадя живота, даже смерти», отвѣчалъ за всѣхъ Иванъ Красулинъ, тайный сообщникъ Стеньки. День склонялся къ вечеру, когда на городскихъ башняхъ зазвонили колокола: то была тревога. Бояринъ, принявши отъ митрополита благословеніе, ополчился въ ратные доспѣхи и выѣхалъ со двора вмѣстѣ съ братомъ, со всѣми своими держальниками и дворовыми людьми; впереди вели коней подъ попонами, шли стрѣлецкіе головы, дьяки и подьячіе; били въ тулунбасы, играли на трубахъ. Воевода сталъ у Вознесенскихъ воротъ. Наступила темная, непроглядная ночь; со стѣнъ изрѣдка раздавались глухіе оклики караульщиковъ, въ городѣ же водворилась зловѣщая тишина; кое-гдѣ по задворкамъ сходились невѣдомые люди и, пошептавшись, быстро расходились; никто не смыкалъ глазъ, многіе провели всю ночь на молитвѣ. Въ 3 часа утра казаки полѣзли на стѣны совсѣмъ съ другой стороны, гдѣ поджидалъ ихъ воевода. Не варомъ, не копьями встрѣчали ихъ защитники, а по-братски, протягивали руки, чтобы поскорѣе втащить наверхъ. Воевода ничего этого не зналъ, какъ вдругъ услышалъ роковой сигналъ: это былъ «казачій ясакъ», или пять выстрѣловъ, означавшихъ сдачу городу. Какъ громомъ пораженный, сидѣлъ воевода на конѣ, пока кто-то не пырнулъ его копьемъ. Онъ упалъ на землю; недалеко отъ него свалился братъ, убитый изъ самопала. Народъ повалилъ въ церковь, куда вѣрные холопы принесли смертельно раненаго воеводу. Прибѣжалъ митрополитъ, и, слезно рыдая, склонилъ свою сѣдую голову надъ умирающимъ другомъ. Церковь быстро наполнялась: вбѣгали купцы, дворяне, дѣти боярскія, стрѣлецкіе головы, подьячіе — всѣ, кому грозила бѣда. У церковныхъ дверей сталъ пятидесятникъ конныхъ стрѣльцовъ Фролъ Дура, съ большимъ ножомъ въ рукахъ. Онъ не измѣнилъ своему долгу,

не братался съ ворами, и теперь одинъ послѣдовалъ за раненымъ воеводой. Скоро желѣзныя двери стали ломиться отъ напора. Фролъ Дура стиснулъ въ рукахъ ножъ. Кто-то изъ воровъ выстрѣлилъ изъ самопала: на груди у матери затрепеталъ младенецъ въ крови; другая пуля задѣла святую икону. Тутъ раздался трескъ, двери погнулись, распахнулись. Какъ бѣшеный бросился Фролъ Дура, работая ножомъ то направо, то налѣво; онъ изгибался какъ змѣй, прыгалъ какъ тигръ, валилъ свои жертвы безъ счета; наконецъ былъ выхваченъ и посѣченъ. Воеводу, всѣхъ подьячихъ и начальныхъ людей перевязали и посадили подъ раскатъ — такъ называлась церковная колокольня. Въ 8 часовъ утра явился атаманъ. Онъ взялъ подъ руки воеводу. Всѣ видѣли, какъ атаманъ шепнулъ ему что-то на ухо; князь, вмѣсто отвѣта, замоталъ головой. Тогда разбойникъ столкнулъ его головой внизъ; всѣмъ прочимъ была объявлена смерть.

Но въ то время, когда уже цѣлый городъ былъ въ рукахъ злодѣевъ, когда начался повальный грабежъ лавокъ и гостиныхъ дворовъ, небольшая кучка бойцовъ — двое русскихъ да семь черкесъ — заперлась въ башнѣ и билась на смерть. Не стало свинцу, стрѣляли деньгами, не стало пороху — покидались за городъ. Которые не ушиблись до смерти, тѣхъ посѣкли. Это было послѣднее сопротивленіе. Стенька, разбойничій атаманъ, владѣлъ Астраханью.

Всѣ уцѣлѣвшіе отъ побоища стрѣльцы были подѣлены на десятки, сотни и тысячи, съ выборной старшиной, какъ это водилось у казаковъ. Зашумѣлъ кругъ, загорланили буяны. Все новое казачество было приведено къ присягѣ, чтобы стоять за великаго Государя, служить атаману Степану Тимоѳеевичу и всему войску; Астрахань объявлена казачьимъ городомъ. Какъ старые, такъ и новые казаки загуляли съ утра до вечера. Стенька разъѣзжалъ по улицамъ, любуясь дѣломъ своихъ рукъ, или же пьяный сидѣлъ у митрополичьяго двора, поджавъ ноги по-турецки. Тутъ онъ чинилъ короткій казацкій судъ: одного безъ вины прикажетъ убить, другого безъ причины пощадить... Не стало проходу ни женамъ, ни дочерямъ побитыхъ дворянъ; сначала надъ ними только издѣвались, потомъ стали хватать и вѣнчать съ воровскими казаками. Митрополитъ молчалъ и скорбѣлъ: время его подвига было впереди.

Когда Стенька протрезвился, то увидѣлъ, что потерялъ

дорогое время и сталъ спѣшно собираться на верховые города. Двѣсти судовъ, нагруженныхъ добычей, едва могли поднять атамана съ его воинствомъ; помимо того, 2 тысячи конныхъ пошли берегомъ. Саратовъ, Самара, были взяты; атаманъ подступилъ къ Симбирску, гдѣ сидѣлъ воеводой окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій. Собственно городъ, или кремль, стоявшій на горѣ, былъ снабженъ пушками и защищаемъ стрѣльцами; вокругъ города тянулся посадъ, окруженный стѣною и рвомъ; тутъ же въ посадѣ находился острогъ. На помощь Симбирску подоспѣлъ изъ Казани, съ небольшимъ коннымъ отрядомъ, князь Юрій Никитичъ Борятинскій. Цѣлый день бились измѣнники съ ратными людьми и не могли взять верха. Тогда Стенька подослалъ во время битвы переметчиковъ и овладѣлъ городскимъ острогомъ при помощи измѣнниковъ. Борятинскій отошелъ къ Тетюшамъ, чтобы подкрѣпить себя пѣхотой, а казаки приступили къ городу. Они насыпали высокій земляной валъ, втащили пушки и отсюда перекидывали въ городъ горящія головешки, сѣно, солому, туры, начиненные порохомъ или смолой — всякую всячину, лишь бы только поджечь. Однако, бдительный воевода тушилъ всѣ пожары: его городокъ стоялъ невредимъ. Четыре раза казаки ходили на приступъ — и тутъ ничего не взяли: ихъ отбили. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. На Покровъ Стенька снялъ свой станъ: онъ прослышалъ о приближеніи Борятинскаго. Въ двухъ верстахъ отъ Симбирска, на р. Свіягѣ, атаманъ схватился со старымъ знакомымъ: «люди въ людяхъ мѣшались, и стрѣльба на обѣ стороны, ружейная и пушечная, была въ притинъ». Упорно дрались казаки; самъ Стенька не щадилъ себя: его хватили по головѣ саблей, прострѣлили ему ногу; одинъ смѣлый алатырецъ, по имени Семенъ Степановъ, уже повалилъ его на землю, но самъ былъ убитъ. Мятежники понесли жестокое пораженіе; они покинули 4 пушки, знамена, литавры. Чародѣйство Стеньки сразу пропало: онъ потерялъ въ одинъ день свою силу, свою власть. Разбитый атаманъ увѣрялъ самарцевъ, что у него на Свіягѣ перестали стрѣлять пушки. Ему не повѣрили и въ городъ не пустили; саратовцы сдѣлали то же самое. Тогда Стенька кинулся на Донъ, гдѣ съ небольшою кучкою самыхъ надежныхъ друзей укрѣпился въ Кагальницкомъ городкѣ. Однако вѣрные казаки не дали имъ долго засидѣться: городокъ сожгли и всѣхъ злодѣевъ забрали живьемъ. Стеньку, его брата

Фролку привезли въ Черкаскъ, а съ прочими расправились на мѣстѣ. Пока шли сборы въ Москву, разбойничьяго атамана держали въ церковномъ притворѣ, на цѣпи, нарочито освященной, изъ опасенія, чтобы онъ тайно не ушелъ. Эта цѣпь хранится до сихъ поръ. Въ концѣ апрѣля самъ войсковой атаманъ повезъ удалыхъ братьевъ въ Москву; въ томъ же обозѣ были отправлены къ великому Государю три драгоцѣнныхъ персидскихъ аргамака, да три затканныхъ золотомъ ковра, отобранныхъ у Стеньки.

Уже давно разбойничій атаманъ сложилъ свою буйную голову на плахѣ, а воеводы все еще ходили съ летучими отрядами, водворяя въ русской землѣ чиноначаліе и порядокъ, нарушенный воровскими шайками, которыя разбрелись изъ-подъ Симбирска. Между Окой и Волгой многія села были разорены или выжжены; на дорогахъ и въ домахъ грабили, убивали; награбленное добро тотчасъ пропивали. Казачество вскружило головы; темные люди думали, что вольный казакъ живетъ безъ заботъ, безъ печали, знай себѣ гуляетъ, да денежки пропиваетъ. Конецъ этой страшной смутѣ былъ положенъ въ Астрахани.

Выряжаясь на верхніе города, Стенька оставилъ здѣсь вмѣсто себя Ваську Уса. Вскорѣ послѣ его отъѣзда митрополитъ Іосифъ получилъ царскую грамоту, увѣщавшую казаковъ принести повинную. Ударили въ большой колоколъ, и когда церковь наполнилась, митрополитъ приказалъ ключарю прочесть государеву грамоту. Въ это время подошли казаки съ астраханскими измѣнниками — тоже стали слушать. Только ключарь кончилъ и передалъ грамоту митрополиту, какъ бросились къ нему казаки и вырвали грамоту изъ рукъ. Не стерпѣлъ митрополитъ такого безчинства: «Еретики, разбойники, клятвопреступники!» загремѣлъ онъ. Въ отвѣтъ раздались крики, послышались угрозы, ругательства: «Чернецъ! Зналъ бы ты свою келію! Не хочешь ли подъ раскатъ? Посадить его въ мѣшокъ! Послать его въ заключеніе!»... На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось; казаки съ государевой грамотой отошли къ воровскому атаману. Такъ прошла зима подъ управленіемъ Стенькиныхъ сообщниковъ. Въ великую пятницу дали знать митрополиту, что юртовскіе татары, которые стоятъ за Волгой, привезли изъ Москвы новую грамоту. Митрополитъ самъ пошелъ на базаръ объявить казацкой старшинѣ объ этой радости. Грамоту привезли

прямо въ соборную церковь, гдѣ митрополитъ ее распечаталъ въ присутствіи атамана. Когда же онъ началъ читать, казаки повернулись и ушли въ свой кругъ. Митрополитъ пошелъ за ними и, войдя въ кругъ, велѣлъ читать снова. Только что кончилось чтеніе, какъ казаки закричали, что эта грамота не подлинная, а сочинялъ ее митрополитъ, что по немъ давно уже тужитъ раскатъ... Митрополитъ возвысилъ свой голосъ: «Велѣно по грамотѣ великаго Государя воровъ донскихъ перехватать и посадить въ тюрьму, а вамъ велѣно во всемъ вины свои принести: онъ, Государь-свѣтъ, милостивъ, вины вамъ отдастъ; вы то все положите на меня, что великій Государь васъ, окаянныхъ, ничѣмъ велитъ не тронуть».— «Кого намъ хватать и сажать въ тюрьмы? Возьмите его, митрополита, и посадите въ тюрьму!» кричали казаки, въ бѣшенствѣ, наступая на святителя. Какой-то злодѣй добавилъ: «Счастье твое, что пристигла святая недѣля, а то мы бы дали тебѣ память!» — Съ той поры измѣнники ожесточились и тайно помышляли извести митрополита, который съ крестомъ въ одной, съ царской грамотой въ другой рукѣ, казался имъ опасенъ: своимъ сильнымъ словомъ онъ могъ отвернуть отъ нихъ астраханцевъ, а тогда воровское дѣло погибло. Какъ бы въ отвѣтъ на свой злодѣйскій умыселъ, казаки получили отъ Ѳедьки Шелудяка, изъ-подъ Царицына, грамотку, въ которой старый воръ совѣтовалъ поскорѣе раздѣлаться съ митрополитомъ.

11 мая архипастырь совершалъ проскомидію, когда воры пришли звать его въ кругъ. Онъ облачился, взялъ крестъ и, въ сопровожденіи духовенства, вступилъ въ кругъ, посреди котораго стоялъ съ булавой Васька Усъ. — «Зачѣмъ вы меня призвали, воры и клятвопреступники?» По приказу атамана выступилъ казакъ, привезшій грамоту: «Присланъ я отъ войска съ рѣчами, что ты воровски переписываешься съ Терекомъ и Дономъ, и по твоему письму Терекъ и Донъ отъ насъ отложились!» — «Я съ ними не переписывался, сказалъ святитель, а хотя бы и переписывался, такъ, вѣдь, это не съ Крымомъ и не съ Литвою; я и вамъ говорю, чтобы и вы отъ воровства отстали и великому Государю вины свои принесли». — Отвѣтъ этотъ сильно не понравился; кругъ зашумѣлъ, самые дерзкіе выскакивали, чтобы сорвать съ митрополита облаченіе. Тогда вырвался изъ толпы донской казакъ Миронъ: «Что вы, братцы, закричалъ онъ, на такой великій

санъ хотите руки поднять?» — Звѣремъ заревѣлъ казакъ Грузинкинъ, схватилъ Мирона за волосы, другіе стали его колотить и, вытащивъ за кругъ, убили на смерть. Однако, послѣ этого никто не дерзнулъ коснуться священныхъ одеждъ. Митрополитъ самъ снялъ митру, панагію и вмѣстѣ съ крестомъ передалъ священникамъ: «Приходитъ часъ мой! сказалъ онъ, прискорбна была душа моя даже до смерти, днесь... Протодьяконъ Ѳедоръ, разоблачай!» Протодьяконъ въ ужасѣ снялъ омофоръ, потомъ саккосъ. Тутъ казаки выбили изъ круга духовенство, съ крикомъ: «Намъ до васъ дѣла нѣтъ!» и повели святителя на пытку. Палачъ снялъ съ него рясу, связалъ руки, ноги и, продѣвъ между ними бревно, положилъ его на огонь. — «Скажи своеворовство, какъ ты переписывался?» — Митрополитъ, чтобы пересилить страданія, громко читалъ молитву. Спросили о казнѣ. Іосифъ объявилъ, что у него полтораста рублей, а поклажи нѣтъ ничьей. — Обнаженнаго, изувѣченнаго страдальца одѣли въ суконную ряску и повлекли на раскатъ. Проходя мимо убитаго Мирона, митрополитъ осѣнилъ его крестомъ и поклонился. Взвели на раскатъ, положили и покатили къ обрыву... Тутъ работали самые отчаянные воры, съ Алешкою Грузинкинымъ; большая же часть казаковъ, съ Васькой Усомъ, стояла внизу, подъ раскатомъ, въ страхѣ ожидая конца. Когда тѣло святителя ударилось объ землю, казакамъ послышался стукъ. Они обомлѣли и долго стояли, опустивши головы. Страшное дѣло легло у нихъ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ.

Прошло полгода. По мосту, наведенному на р. Кутумѣ, двигались Государевы полки. Впереди шли священники съ молебнымъ пѣніемъ и несли икону Богородицы «Живоносный источникъ въ чудесѣхъ», данную боярину Милославскому при отпускѣ его Государемъ, по обычаю. Астраханцы вышли навстрѣчу. Завидя икону, они пали на землю и завопили, чтобы Государь отдалъ имъ вины, какъ милосердый Богъ грѣшниковъ прощаетъ. — «Вины всѣмъ отданы, отвѣчалъ кротко бояринъ, и вы Государской милостью уволены». — Воевода прямо отправился въ соборъ къ молебну; съ иконы велѣлъ списать новую и оставить въ соборѣ на память будущимъ родамъ.

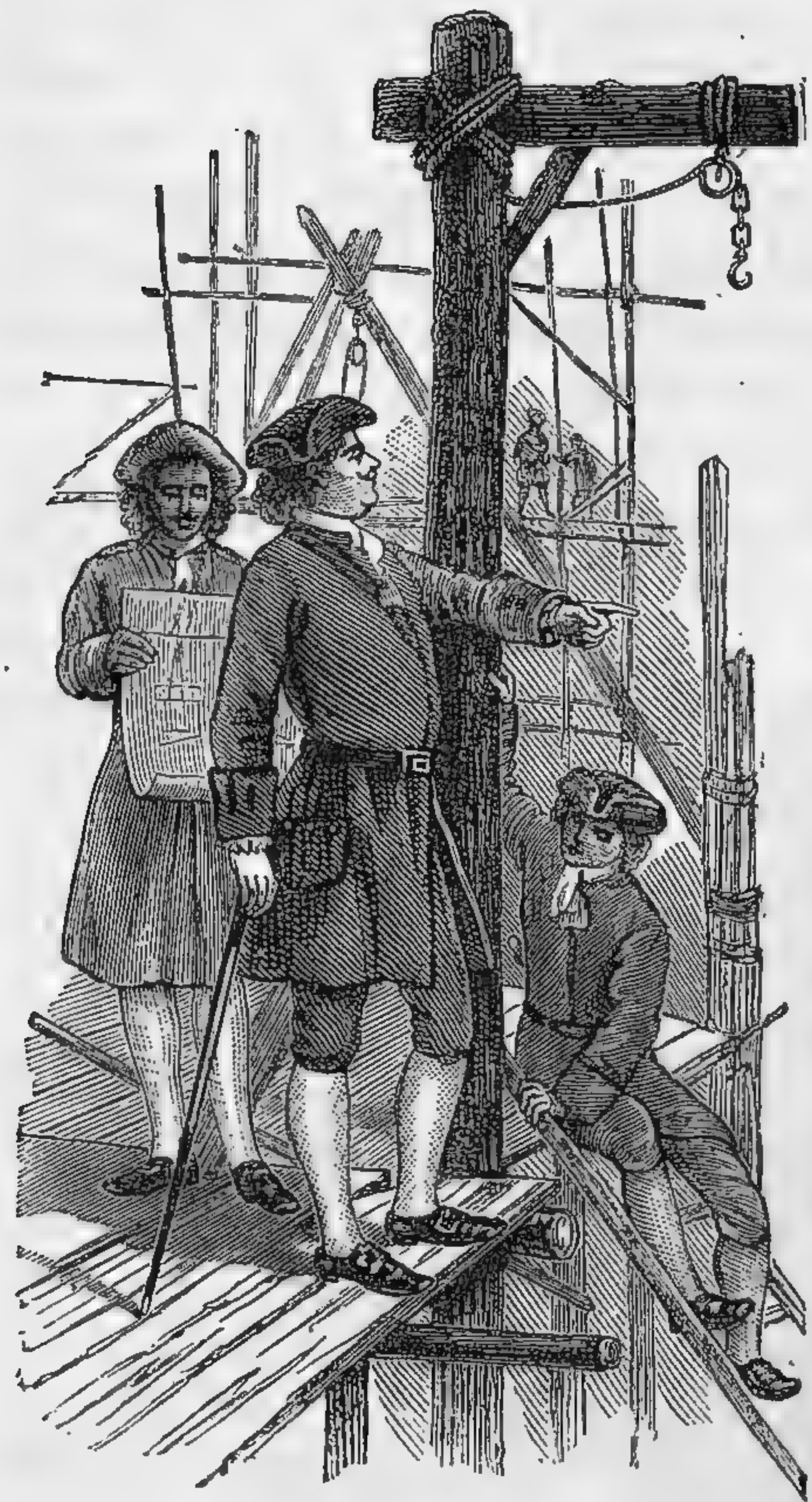
Въ концѣ того же лѣта, когда казнили Стеньку, войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ вернулся изъ Москвы съ царскимъ стольникомъ, который везъ казакамъ Государеву грамоту, хлѣбные и пушечные запасы, и денежное жалованье.

Казаки встрѣтили пословъ за 5 верстъ отъ Черкаска съ честью, съ великою радостью, потому что отъ неурожая и бывшей смуты совсѣмъ обнищали. Когда по обычаю собрался кругъ, царскій стольникъ объявилъ, что атаманъ Корнило Яковлевъ и Михайло Самаренинъ дали въ Москвѣ за все великое войско обѣщаніе присягнуть на вѣрность Государю. Молодые казаки не сразу согласились: «Зачѣмъ намъ присягать? говорили они: мы и такъ вѣрны великому Государю». Три раза собирался кругъ, только по третьему приговорили: «Даемъ великому Государю обѣщаніе учинить передъ святымъ евангеліемъ, цѣлымъ войскомъ, а кто изъ насъ на обѣщаніе не пойдетъ, того казнить смертью по воинскому уставу нашему и ограбить его животы».—29-го августа 1671 года отецъ Боголѣпъ привелъ къ присягѣ атамановъ и прочихъ казаковъ по чиновной книгѣ передъ стольникомъ и дьякомъ. Съ этого времени казаки присягали каждому новому Государю, вступавшему на россійскій престолъ; съ той же поры донцы считаются не доброхотными союзниками, а вѣрнымъ царскимъ войскомъ, готовымъ тотчасъ выступить, куда Государь укажетъ.

IV.

На царской службѣ.

одъ отъ году самовольные поиски казаковъ становятся все рѣже да рѣже, и хотя они еще «охотятся» въ одиночку по берегамъ Кумы и Кубани, хотя они навѣщаютъ по старой памяти крымскіе улусы, но такія прогулки уже не доставляютъ прежнихъ выгодъ и привлекаютъ лишь немногихъ удальцовъ-богатырей; съ присоединеніемъ же Крыма, съ заселеніемъ Кубани — и вовсе прекращаются. Населеніе Дона поневолѣ ищетъ хлѣба въ своей же землѣ, а земля тамъ щедро награждаетъ трудъ земледѣльца. И вотъ, гдѣ прежде раздавался лишь призывный кликъ къ оружію, гдѣ шумѣли казачьи круги, гдѣ носились конные пикеты или заставы, — тамъ заколыхалась золотистая пшеница, зашумѣла рожь высокая, поникло къ землѣ густыми метелками просо. Берега тихаго Дона, оглашаемые въ старину богатырскими пѣснями, стали обростать густыми виноградниками. Казаки начали сѣять и молотить хлѣбъ, собирать виноградъ,

давить вино, ловить рыбу, солить икру и балыки. Однако-же земледѣліе и мирные промыслы не ослабили воинскаго духа. Участвуя почти во всѣхъ войнахъ своего общаго отечества, донцы сохранили прирожденную имъ удаль и лихость въ наѣздѣ, чуткость уха, зоркость глаза. На остановкахъ ли, во время передвиженій ли, донцы служили нашей арміи передовой стражей; они первые открывали непріятеля, встрѣчали его боемъ, въ случаѣ побѣды наносили бѣгущему послѣдній ударъ, а въ случаѣ отступленія принимали всѣ удары на себя. Величайшій изъ полководцевъ, царь Петръ Великій неоднократно похвалялъ, даже награждалъ донцовъ за ихъ трудную и радѣтельную службу. Свой первый подвигъ, еще юношей, царь совершилъ на казачьей чайкѣ, окруженный казачьей дружиной.

Въ мартѣ 1695 г. въ войскѣ Донскомъ была получена царская грамота: «Мы, великіе Государи, указали быть на нашей службѣ, на Дону, генералу нашему Петру Гордону съ солдатскими и стрѣлецкими полками; сбираться имъ въ Тамбовѣ и идти съ Тамбова на Хоперъ, съ Хопра на Донъ въ Черкасскій. И тебѣ, войсковому атаману, Флору Минаеву, и всему войску Донскому, съ тѣми ратными людьми промышлять надъ непріятелями. Постараться бы вамъ, атаманамъ и казакамъ, чтобы о приходѣ нашихъ ратныхъ людей на Донъ азовцы прежде времени не узнали. Пусть указъ этотъ останется въ тайнѣ, чтобы кромѣ тебя, атамана и старшинъ, никто не зналъ». — Войска пришли въ іюлѣ, а вслѣдъ за ними прибылъ самъ Государь и немедленно двинулся подъ Азовъ. Однако въ ту пору удалось лишь взять Каланчевскія башни, ненавистныя казакамъ, да построить противъ Азова новую, Сергіевскую крѣпость, — съ тѣмъ и отошли. Въ слѣдующемъ году спустили изъ Воронежа, подъ надзоромъ царя, первую русскую флотилію изъ 23 галеръ, нѣсколькихъ брандеровъ и двухъ кораблей; въ это же время Гордонъ обложилъ крѣпость съ 60 тыс. войскомъ. По пріѣздѣ въ Черкаскъ Государь узналъ о присутствіи турецкаго флота и приказалъ своимъ галерамъ выйти въ море. Такъ какъ по мелководью галеры не могли пройти въ устьяхъ Дона, царь пересѣлъ на мелкую казачью лодку и, въ сопровожденіи сотни такихъ же чаекъ, вышелъ навстрѣчу туркамъ.

Нападеніе удалось. Здѣсь казаки въ первый разъ въ виду Государя показали свое искусство въ морскомъ дѣлѣ; они

взяли 2 турецкихъ корабля и большую добычу: 50 т. червонцевъ, 70 пушекъ, 80 бочекъ пороху, много разнаго оружія. Воинскій снарядъ поступилъ въ казну, а всѣ деньги, сукна и прочую добычу получили казаки. Итакъ первою своей побѣдой русскій флотъ обязанъ участію казаковъ. Они же, въ числѣ пяти тысячъ, подъ предводительствомъ Флора Минаева, участвовали въ осадѣ и приступахъ къ Азову. Не смотря на присутствіе иностранныхъ инженеровъ и артиллеристовъ, которые руководили осадными работами, турки защищали свою крѣпость съ обычнымъ имъ мужествомъ; крымскіе татары, стоявшіе за Кагальникомъ, тревожили осажденныхъ въ ихъ лагерѣ, не давали имъ покоя ни днемъ, ни ночью. А тутъ, ко всѣмъ невзгодамъ, дожди заливали траншеи, смывали земляныя насыпи — туго шла осада, пока 1½ тыс. казаковъ, донскихъ и малороссійскихъ, не ворвались самовольно въ крѣпость и не заняли двухъ бастіоновъ. Тогда турки, не ожидая штурма, сдали крѣпость, а черезъ 3 дня сдался и Лютикъ, маленькая крѣпостца, вооруженная 30-ю пушками: она защищала самый сѣверный рукавъ Дона. Пребываніе русскаго царя въ Черкаскѣ и совмѣстное дѣйствіе казаковъ подъ Азовомъ надолго остались въ памяти донцовъ; сложилась пѣсня, гдѣ весь Донъ призывается стать на недруга, потому-де

«Самъ сизый орелъ пробуждается,
«Самъ Петръ Царь поднимается,
«Со своими князьями, съ боярами,
«Со своими Донцами,
«Со своими Запорожцами».

Скоро казакамъ довелось сослужить болѣе важную службу. Въ самый разгаръ Шведской войны пріѣхали въ Черкаскъ астраханскіе люди съ какими-то письмами. Атаманъ на тотъ же день собралъ кругъ. Когда дьякъ сталъ читать эти письма, то оказалось, что астраханцы замышляютъ бунтъ и просятъ войско Донское стать вмѣстѣ съ ними за вѣру христіанскую, прислать имъ вспоможеніе. Астраханцы жаловались, будто ихъ отлучаютъ отъ церкви, заставляютъ брить бороды, носить нѣмецкое платье, поклоняться кумирамъ; будто ихъ обложили выше мѣры пошлинами и гоняютъ на тяжкія работы. Выслушавъ эти жалобы, кругъ единогласно постановилъ: «къ такому злому дѣлу не приставать, великому Государю служить вѣрно и неизмѣнно, а за измѣнниковъ ни-

когда не стоять». Тутъ же приговорили: лазутчиковъ, вмѣстѣ съ «прелестными» письмами, немедля отправить въ Москву. И во всѣ городки были посланы войсковыя грамоты «съ жестокимъ смертнымъ страхомъ», чтобы казаки тѣхъ городковъ къ астраханскимъ или другимъ ворамъ не приставали. Послѣ напутственнаго молебна, атаманъ Максимъ Фроловъ съ 2 т. конныхъ выступилъ подъ Астрахань; прочіе городки должны были вырядить, которые половину, которые пятую часть, при чемъ доброконнымъ выѣзжать на коняхъ, а безконнымъ плыть на судахъ. Болѣе 10 тыс. казаковъ собралось тогда подъ Царицынымъ. Астраханскіе стрѣльцы надѣялись взять этотъ городъ приступомъ, но казаки ихъ отбили. Мало того, казаки въ самомъ городѣ разыскивали соумышленниковъ и предавали ихъ казни. По усмиреніи фельдмаршаломъ Шереметевымъ астраханскаго бунта, Государь щедро наградилъ войско Донское. Въ особой грамотѣ царь писалъ: «За такую вѣрную службу послать къ вамъ, атаманамъ и казакамъ, кромѣ обыкновеннаго годоваго жалованья, 20 тысячъ рублей и особо бывшимъ въ Царицынѣ казакамъ 1,869 рублей. Для предбудущихъ же лѣтъ, въ память вѣрной службы всего войска Донскаго, пожаловали мы атамановъ и казаковъ честными и знатными войсковыми клейнотами: войсковымъ атаманамъ, въ знакъ ихъ управленія, серебряный вызолоченый перначъ съ каменьями, бунчукъ съ яблоками, съ доскою и съ трубою вызолочеными, знамя большое, писаное на камкѣ золотомъ. На тѣхъ воинскихъ клейнотахъ подписано, что пожалованы донскіе казаки за службу ихъ, въ вѣчную и несмертельную память потомкамъ ихъ. Въ добавленіе къ этимъ клейнотамъ указали мы послать атаманамъ и казакамъ шесть знаменъ камчатныхъ, станичныхъ, писаныхъ золотомъ и серебромъ». Будучи въ Москвѣ, казаки похвалялись, что они «пожалованы и взысканы великимъ Государемъ передъ другими народами, потому къ нимъ не прислано царскаго указа о бородѣ и платьѣ. Носятъ они платье по древнему обычаю, какое кому нравится; нѣмецкаго же платья никто изъ казаковъ не носитъ, да и охоты къ нему не имѣютъ. Ну, а если будетъ, на то государево соизволеніе, то они, казаки, его волѣ противиться не станутъ»...

Однако своею радѣтельною службой донцы нажили себѣ враговъ въ своей же собратіи, враговъ ненавистныхъ, злопамятныхъ, пуще чѣмъ татары или турки. По царскому указу

донцамъ довелось промышлять надъ раскольниками, которые, покинувши Русь, скопились въ верховыхъ городкахъ по Хопру, Медвѣдицѣ, на Бузулукѣ и Донцѣ. Раскольники оттуда бѣжали. Главный заводчикъ смуты, Некрасовъ, одинъ вывелъ 600 семей и поселилъ ихъ на Таманскомъ полуостровѣ, въ 30 верстахъ отъ моря, гдѣ они уже нашли своихъ единовѣрцевъ, бѣжавшихъ сюда раньше. Многіе перешли на рѣчку Куму и передались крымскому хану. Если попадалъ въ ихъ руки гулебщикъ съ Дона, они безъ жалости его убивали, топили въ воду. При защитѣ Азова некрасовцы служили туркамъ вмѣсто лазутчиковъ. Проберутся, бывало, въ русскій лагерь и высмотрятъ глубину окоповъ, расположеніе царскихъ войскъ, или подслушаютъ секретное распоряженіе. По сдачѣ крѣпости, между ними нашлись такіе, которые совсѣмъ потуречились—«охреянами» назывались у казаковъ: ихъ казнили въ Черкасскомъ городкѣ всенародно. Еще пуще озлобились некрасовцы и стали проводниками закубанскихъ татаръ. Они водили невѣрныхъ на русскія украйны, на казачьи городки; жгли, грабили, хватали въ полонъ, и казаки, занятые службой въ дальнихъ концахъ русскаго царства, долго не могли справиться съ этимъ ожесточеннымъ врагомъ своей вѣры. Одно время измѣнники замышляли вмѣстѣ съ горскими народами согнать казаковъ съ ихъ роднаго Дона, разорить Черкаскъ, пожечь всѣ городки и, населивши опустѣлую землю татарами, передаться турецкому султану. Хотя у нихъ на этомъ не вышло согласія, однако бывали несчастные годы, когда по $2^1/_2$ тыс. казаковъ томились въ неволѣ, въ закубанской сторонѣ. Однажды прошелъ по Дону слухъ о сборахъ некрасовцевъ: говорили, что Некрасовъ поднимаетъ татарскую силу въ 5 тыс., чтобы идти подъ турка. Казаки этой баснѣ не повѣрили, но къ встрѣчѣ изготовились. По верховымъ и низовымъ городкамъ была разослана «опасная» грамота, «чтобы всѣ казаки держали ружья въ чистотѣ, кормили лошадей и были въ готовности въ одинъ часъ выступить въ походъ; чтобы крѣпили городки, не выходили и не выѣзжали въ поле безъ оружія». Въ каждомъ городкѣ прочитывали на сборѣ грамоту и, снявши съ нея копію, посылали дальше безъ задержанія. Еще не успѣла опасная грамота обойти всѣ городки, какъ казачій разъѣздъ, высланный въ кубанскую сторону, напалъ на татарскія сакмы. Населеніе было въ ту пору на лѣтнихъ работахъ. Почетные ста-

рики, схвативши знамена, выѣхали съ ними сзывать народъ въ осаду. Завидя знамя, старъ и младъ, жены и малые ребята спѣшили въ городки, сносили свое имущество въ церковныя ограды, подъ защиту пушекъ. Въ тѣхъ же городкахъ, гдѣ не было этой защиты, поднимали изъ церквей св. образа, творили крестные ходы, а добро, которое получше, прятали въ землю. То былъ «всеобщій сполохъ», какъ говорили въ старину. Между тѣмъ, наступила ночь. На гребнѣ возлѣ рѣчки Сала загорѣлся сначала одинъ маякъ, потомъ другой, третій, а черезъ нѣсколько минутъ запылала вся кубанская сторона: горѣла солома, хворостъ, смоляныя бочки. Давно ужъ этого не бывало, чтобы всѣ маяки пылали; должно быть, татары наступали не иначе, какъ цѣлой ордой. Въ ожиданіи непріятеля, войсковой атаманъ стоялъ у Черкаска, а татары въ это время внезапно появились передъ Кумшацкою станицей, переплыли Донъ, выжгли городокъ и, разсыпавшись въ сосѣднихъ станицахъ, брали въ плѣнъ людей, отгоняли скотъ, хватали добычу, послѣ чего, такимъ же порядкомъ переплывши Донъ, скрылись въ свою сторону.

Но донцы никогда не прощали подобныхъ набѣговъ; они платили тою же монетою, и чѣмъ больше было выжжено городковъ, тѣмъ больше они истребляли татарскихъ кибитокъ. Въ 1737-мъ году атаманъ выступилъ на Кубань съ сильнымъ отрядомъ изъ 9½ тыс. конныхъ и 1½ тыс. пѣшихъ казаковъ, съ пушками и малыми мортирками. На рѣчкѣ Еи къ казакамъ присоединился калмыцкій ханъ Дондукъ-Омбо; дальше двинулись вмѣстѣ. Впереди разстилалась черная безотрадная степь, выжженая татарами; солнце накаливало голую землю все равно какъ камень; горячій воздухъ былъ пропитанъ гарью; люди изнывали отъ жажды, лошади падали отъ изнуренія. Вотъ наконецъ завидѣли казаки завѣтную Кубань, но изъ 10 т. подошло лишь 5 т. самыхъ доброконныхъ. Вмѣстѣ съ калмыками они переплыли на лѣвый берегъ, напали на татарскіе улусы и разгромили болѣе тысячи кибитокъ, при чемъ нахватали столько же плѣнныхъ, 2 тыс. лошадей и 5 тыс. штукъ рогатой скотины. Изъ-подъ г. Темрюка казаки хотѣли-было двинуться вверхъ по рѣкѣ, но здѣсь узнали, что вѣсть объ ихъ набѣгѣ уже разошлась между улусами, и что татары, забравши свои пожитки, скрылись въ горы, куда походному войску, за множествомъ воды и болотъ, никакъ не пробраться. «Учиня возможное непрія-

телю разореніе», атаманъ Фроловъ вернулся во-свояси. И долго еще кубанская орда, водимая измѣнниками, повторяла свои воровскіе набѣги, пока до нея не добрался Суворовъ.

Обласканные и оцѣненные по заслугамъ донцы, сподвижники первыхъ походовъ царя Петра, служили съ такимъ же радѣніемъ его дочерямъ, внукамъ и правнукамъ. Въ Семилѣтней войнѣ, гдѣ наши вмѣстѣ съ австрійцами бились противъ пруссаковъ, казаки явились дорогими, желанными сподвижниками войскъ регулярныхъ. Правила и наставленія великаго учителя, царя-полководца, стали въ ту пору забываться, воинскій духъ ослабѣлъ. Хотя войска сохранили присущую имъ храбрость вмѣстѣ съ упорствомъ въ бою, но сдѣлались неповоротливы, малоподвижны, къ большимъ переходамъ неспособны. Для того, чтобы перестроиться въ боевой порядокъ, требовалось не менѣе сутокъ, и послѣ того уже боялись сдвинуться съ мѣста, боялись перепутаться. Конница выстраивалась также мѣшкотно; она стала надѣяться больше на ружье, чѣмъ на саблю; кирасиры иначе не ходили въ атаку, какъ рысью. Переходы въ 20 верстъ считались тогда уже большими, потому что движеніе войскъ затруднялось многочисленной и тяжелой артиллеріей, множествомъ повозокъ и экипажей, слѣдовавшихъ сзади. Развѣдки о непріятельскихъ силахъ не считали особенно нужными, почему сторожевая служба исполнялась плохо. А, между тѣмъ, прусскій король былъ противникъ опасный; его войска являлись на поле битвы хорошо обученныя; прусская армія быстро исполняла всѣ передвиженія, легко переходила изъ походнаго порядка въ боевой, изъ боеваго въ походный; ходила шибко, съ небольшимъ обозомъ. Король смѣло проходилъ страну, занятую тремя непріятельскими арміями. Онъ не боялся, что ему ударятъ во флангъ или тылъ. Бывали случаи, что онъ двигался съ войсками на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ австрійцевъ, и это сходило ему даромъ.

Въ Семилѣтней войнѣ донцовъ перебывало 15 тыс., но въ началѣ кампаніи ихъ было меньше, только 9 т. На поляхъ далекой и невѣдомой имъ Германіи, донцы явились тѣми же вольными сынами степей, не измѣнивъ своихъ дѣдовскихъ обычаевъ, ни воинскихъ сноровокъ; и много прошло времени, прежде чѣмъ непріятель распозналъ ихъ силу, сталъ къ нимъ приспособляться. По обыкновенію, казаки дѣлились на сотни и полки, по 500 чел. въ каждомъ. Выѣзжали съ Дона о-дву-

конь, безъ всякихъ обозовъ. Своею необычайною подвижностью и юркостью казаки какъ бы возмѣщали недостатки всей остальной арміи. Они легко переносились съ мѣста на мѣсто, питались не изъ магазиновъ или повозокъ, а чѣмъ Богъ послалъ; служили арміи то авангардомъ, то арріергардомъ, и, кромѣ охраненія, собирали для нея фуражъ, продовольствіе; замѣняли главнокомандующему и зрѣніе, и слухъ, потому что черезъ нихъ онъ получалъ самонужнѣйшія вѣсти. Искусные въ наѣздахъ, осторожные на постахъ, привычные къ труду, казаки брали верхъ надъ всѣми легкоконными полками. Даже прусскіе гусары боялись съ ними сшибаться, не имѣя чѣмъ отразить ударъ длинной пики или взмахъ турецкой сабли. Все это скоро подмѣтилъ въ донцахъ Суворовъ, который въ ту пору сталъ обозначаться какъ будущій полководецъ. Его первые подвиги, еще въ чинѣ подполковника, были совершены при участіи донцовъ, и съ тѣхъ поръ онъ почти не разстается съ ними. Донцы сопровождаютъ его въ Пруссіи, въ Польшѣ, въ Турціи, на берегахъ Волги и Кубани, на поляхъ Италіи, въ горахъ Швейцаріи — вездѣ, гдѣ Суворовъ воевалъ, какъ самостоятельный начальникъ. Сидя на донскомъ конѣ и сопровождаемый донскимъ казакомъ, который возилъ его длинный палашъ, Суворовъ совершилъ замѣчательные свои походы, одержалъ самыя блистательныя побѣды. Суворовъ сроднился съ донцами, потому что самъ родился воиномъ, — вотъ что ихъ связало на полвѣка.

Въ началѣ Семилѣтней войны боялись отпускать казаковъ далеко: ихъ назначали больше на пикеты, на развѣдки, посылали въ недальніе набѣги. Про донцовъ пустили дурную славу, что они немилосердно грабятъ мирное населеніе городовъ и деревень; но это обычный поклепъ на русскія войска, которыя ничуть не хуже французовъ или нѣмцевъ. Одинъ нѣмецкій пасторъ видѣлъ, какъ казаки вступали въ его родной городъ, и записалъ слѣдующее: «Нѣсколько тысячъ казаковъ и калмыковъ, съ длинными бородами, суровыми лицами, со своимъ необычайнымъ вооруженіемъ, проходили сегодня по нашимъ улицамъ. Видъ имѣютъ они страшный, но въ то же время величественный. Тихо они прошли черезъ весь городъ и размѣстились по деревнямъ, гдѣ уже раньше имъ отвели квартиры».—Вотъ и все: о грабежахъ ни слова.

Въ первый годъ кампаніи русскіе явились какъ бы съ тѣмъ, чтобы только показать свою силу: они разбили прус-

саковъ и отошли къ границамъ. Это было въ 1757 г., а сраженіе, въ которомъ они остались побѣдителями, носитъ названіе по имени деревни, Гроссъ-Эгерндорфскаго. Пруссаки застали насъ тогда врасплохъ: батальоны еще устраивались къ битвѣ, когда непріятель всѣми силами уже наступалъ. Въ одно время войска и строились, и отбивались. Правый флангъ и центръ вступили въ дѣло раньше; войска авангарда, стоявшія влѣвѣ, были пока заняты перестрѣлкой. Но вотъ показались казаки подъ начальствомъ Серебрякова. Не спѣша, объѣхали они лежащее впереди болото, опустили пики и съ обычнымъ гикомъ понеслись на прусскую конницу: то были драгуны принца Брауншвейгскаго. Казалось, драгуны погибли. Не тутъ-то было: подскакавъ на ближнюю дистанцію, донцы остановились и повернули лошадей; драгуны тотчасъ за ними. Прусская конница, преслѣдуя по пятамъ казаковъ, неслась прямо въ пасть 15-ти совершенно готовыхъ къ бою батальоновъ; кромѣ того, ее ждали 40 заряженныхъ полковыхъ пушекъ и полевая артиллерія большаго калибра. Наша пѣхота раздалась, пропустила казаковъ и только головной непріятельскій эскадронъ успѣлъ проскочить за фронтъ. Въ это время правофланговые полки уже успѣли зайти правымъ плечомъ, а батарея, повернувши пушки, дала картечный залпъ поперекъ скачущихъ эскадроновъ, что имѣло успѣхъ «наивожделѣннѣйшій». Всадники, усидѣвшіе на коняхъ, бросились назадъ; проскочившіе же за фронтъ попали въ западню: тѣ-же казаки, вмѣстѣ съ драгунами, перебили ихъ всѣхъ до единаго. Тогда нашъ авангардъ двинулся всѣми силами впередъ, но пруссаки уже вездѣ отступали... Такъ отличились донцы при первой же встрѣчѣ съ прославленнымъ противникомъ. Когда русскія войска покидали Пруссію, казаки какъ пеленой прикрывали ихъ отступленіе. Даже прусскіе гусары не могли провѣдать, какими путями мы уходимъ. Въ то же время донцы отбивали скотъ, необходимый для продовольствія, разузнавали, гдѣ непріятель, и все это продѣлывали чрезвычайно ловко, скрытно.

На третій годъ войны русскіе, приблизившись къ Одеру, подступили къ прусской крѣпости Кюстрину. Пока тянулась осада, наши захватили на Одерѣ, верстъ 60 пониже крѣпости, важную переправу у городка Шведта, гдѣ нашли три пушки, 2 т. четвертей хлѣба, разыскали часть королевской казны. Плѣнныхъ по обычаю допросили и на вопросъ: Не

чинили ли казаки или калмыки какихъ либо обидъ? тѣ единогласно показали, что не только имъ самимъ «ни малѣйшаго озлобленія или суровости не показывали, но и жителямъ по деревнямъ никакихъ обидъ, ниже разоренія не причиняли, чѣмъ они, плѣнные, генерально довольны, и сію справедливость имъ отдаютъ». Казаки были за то удостоены особымъ манифестомъ императрицы, которымъ она благодарила ихъ за добрую дисциплину. Обереженіе переправы и все теченіе рѣки до Кюстрина было поручено казакамъ. Не смотря на то, что съ часу на часъ ожидали изъ-за Одера прусскаго короля, донцы безбоязненно переплывали эту рѣку и хозяйничали на той сторонѣ, какъ у себя дома. Въ самый праздникъ Преображенія походный атаманъ Краснощековъ, рыская за Одеромъ, захватилъ $1^{1}/_{2}$ т. рогатаго скота и полтораста лошадей; помимо того, казаки перехватили на рѣкѣ 3 барки съ мукой и на этихъ же баркахъ доставили всю добычу подъ Кюстринъ. Черезъ 2 недѣли Краснощековъ повторилъ набѣгъ, и на этотъ разъ изъ-подъ носа у пруссаковъ отбилъ 2 т. головъ скота да $2^{1}/_{2}$ сотни лошадей, вполнѣ годныхъ для строя. Донцы же первые дали знать о приближеніи короля. Онъ спѣшилъ на выручку осажденной крѣпости; онъ шелъ съ намѣреніемъ истребить въ конецъ «орды» казацкія, дерзко попиравшія его родную землю. Однако донцы, не вѣдая того, окружили прусскія колонны и провожали ихъ на маршѣ степнымъ обычаемъ: наѣздничали, задирали; налетая въ одиночку, стрѣляли изъ пистолетовъ или просто кружились передъ фронтомъ. Пруссаки шли молча, не останавливаясь. Искусными маневрами король оттѣснилъ нашу армію въ уголъ, между двухъ рѣчекъ, и напалъ на нее съ ожесточеніемъ. Казалось, что русскіе приросли къ землѣ, пустили въ ней корни. Нѣсколько смѣлыхъ атакъ были отражены, но прусская пѣхота, поддержанная конницей, вновь устраивалась и вновь шла умирать на русскихъ штыкахъ. Покончивъ съ помощью своей многочисленной кавалеріи наше правое крыло, король въ серединѣ дня началъ атаку лѣваго фланга. Тогда 27 русскихъ батальоновъ, примкнувъ штыки, бросились впередъ и произвели среди пруссаковъ ужасное кровопролитіе. Но къ нимъ на выручку опять неслась конница: 60 эскадроновъ сдвинули и лѣвый нашъ флангъ. Болѣе семи часовъ дрались обѣ арміи съ одинаковымъ ожесточеніемъ; наконецъ онѣ стали между собой подъ угломъ: свои и чужіе

перемѣшались въ общей свалкѣ. Громъ артиллеріи умолкъ, рубились на сабляхъ, кололись штыками, пока король не прекратилъ эту рѣзню и не отвелъ свое войско за полверсты назадъ. Нашимъ же некуда было отойти, по неимѣнію мостовъ. Казаки во время боя не оставались праздны. Они ворвались въ деревню, прикрывавшую правый флангъ пруссаковъ, сожгли ее; обозъ, стоявшій подъ защитою крестьянъ, начисто ограбили. На другой день обѣ арміи, медленно передвигаясь, наблюдали другъ за другомъ. Густая цѣпь донцовъ прикрывала нашъ флангъ, а подъ ея прикрытіемъ была собрана батарея изъ пушекъ и гаубицъ. Вотъ развернулась стройными рядами многочисленная и прекрасная конница пруссаковъ. Еще нѣсколько минутъ — и она пошла рысью. Донцы раздались вправо и влѣво, очистили фронтъ артиллеріи, и та встрѣтила такимъ смертоноснымъ огнемъ, что «непріятель пришелъ въ превеликое смятеніе; съ немалымъ урономъ онъ долженъ былъ ретироваться къ своей пѣхотѣ». Тогда, въ свою очередь, бросаются казаки и накрываютъ прусскую батарею въ 8 орудій, чѣмъ и закончилось кровавое побоище, получившее названіе по имени деревни Цорндорфъ. 10 т. труповъ свидѣтельствовали объ его упорствѣ. Король считалъ себя побѣдителемъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ Цорндорфа корпусъ генерала Чернышева былъ направленъ къ столицѣ Пруссіи. 22 сентября Тотлебенъ съ казаками уже былъ передъ воротами Берлина, но ихъ дважды отбили. Черезъ 4 дня подошли и наши, и пруссаки. Однако, сраженія не было. Простоявъ бивакомъ на берегу Шпре, прусская армія, въ числѣ 20 т., потянулась на Потсдамъ. Хотя дѣло было ночью, но казаки замѣтили это движеніе. Графъ Панинъ, при первомъ же натискѣ, истребилъ весь прусскій арріергардъ, при чемъ отбилъ тысячу плѣнныхъ и 2 орудія, а походный атаманъ Краснощековъ, пустившись во весь духъ въ погоню, нагналъ главныя силы и преслѣдовалъ ихъ подъ самыя пушки Потсдама. Между тѣмъ, Берлинъ сдался. Чернышевъ забралъ королевскую казну, приказалъ истребить всѣ магазины, склады оружія, арсеналъ, пушечный и литейный заводы,—все, чѣмъ только могъ вредить нашъ неутомимый противникъ,—и самъ тоже отступилъ.

Подъ конецъ Семилѣтней войны прусскій король выдвинулъ особый десятитысячный корпусъ, собственно для того,

чтобы истреблять наши магазины, мѣшать передвиженіямъ войскъ или затруднять осаду крѣпостей. И нашъ главнокомандующій составилъ летучій конный корпусъ, куда попалъ будущій генералиссимусъ Александръ Васильевичъ Суворовъ. Его ближайшими сподвижниками сдѣлались донцы, и непріятель скоро почувствовалъ ихъ частые, всегда мѣткіе удары. Когда пруссаки двигались на выручку крѣпости Кольберга, Суворовъ съ сотней донцовъ переплылъ рѣку Нетцу, прошелъ въ одну ночь 45 верстъ и приблизился къ гор. Ландсбергу, стоявшему на пути слѣдованія нѣмцевъ. «Городъ нашъ! Ура! Нападемъ!» — «Тамъ прусскіе гусары!» замѣтилъ ему проводникъ. — «Помилуй Богъ, какъ это хорошо: ихъ-то мы и ищемъ!» Казаки понеслись къ воротамъ, но ворота оказались заперты. «Ломи ихъ!» Ударили бревномъ разъ, другой — ворота разлетѣлись. Съ гикомъ и пальбой казаки ворвались въ городъ, часть гусаръ перебили, часть перехватали. Суворовъ въ это время уже скакалъ по мосту. «Одно ломи, другое жги!» кричалъ онъ вслѣдъ едва за нимъ поспѣвавшей кучкѣ донцовъ. Покончивъ дѣло, они скрылись. Пришли пруссаки — моста какъ не бывало. Пришлось собирать лодки, понтоны, на что времени ушло не мало, а на войнѣ, извѣстно, каждый часъ дорогъ. При дальнѣйшемъ движеніи пруссаковъ Суворовъ тревожилъ ихъ фланги, портилъ пути, при случаѣ отхватывалъ боковые или тыльные отряды. Не смотря на свой малый чинъ, онъ командовалъ въ ту пору тремя гусарскими и семью казачьими полками. Во всѣхъ случаяхъ онъ распоряжался какъ лихой кавалерійскій генералъ, и въ то же время былъ смѣтливъ и находчивъ, какъ простой наѣздникъ. Донцы не чаяли въ немъ души. Однажды Суворовъ возвращался къ своему отряду отъ главнокомандующаго, съ проводникомъ и двумя казаками. Всадники припоздали; наступившая ночь застигла ихъ въ лѣсу. Глухіе раскаты грома возвѣстили приближеніе грозы, небо заволокло тучами, дождь полилъ, какъ изъ ведра. Проводникъ первымъ дѣломъ сбѣжалъ. Проплутавши сколько-то времени, Суворовъ легъ подъ деревомъ, прикрылся шинелькой и вздремнулъ. На разсвѣтѣ казаки замѣтили, что вдоль опушки стоятъ прусскіе аванпосты. — «Помилуй Богъ, какъ это хорошо!» вскрикнулъ Суворовъ. Онъ приказалъ казакамъ сейчасъ же скрыться въ кусты, а самъ ползкомъ пробрался къ высокому дереву, что стояло на самой опушкѣ, вскарабкался наверхъ, выглядѣлъ

расположеніе непріятеля, счелъ его силы, а затѣмъ благополучно вернулся къ своимъ.—«Ну, подивились мы, глядя на васъ», сказали донцы.—«Смѣлымъ Богъ владѣетъ», отвѣтилъ Суворовъ, вскочивъ на коня. Шибкою рысью они пустились теперь напрямикъ и благополучно присоединились къ отряду. Перемѣнивъ наскоро бѣлье, платье, Суворовъ тотчасъ построилъ войска къ бою. Послѣ жаркой схватки авангардъ летучаго корпуса былъ разбитъ, главныя силы шибко отступили. Побѣда всегда вѣнчала пылкаго вождя и поднимала духъ въ его вѣрныхъ сподвижникахъ.

V.

Трудные годы.

Императрица Екатерина Вторая въ самомъ началѣ своего царствованія вступилась за нашихъ единовѣрцевъ въ королевствѣ Польскомъ. Имъ худо тамъ жилось, и, когда самъ король принялъ сторону православныхъ, польскіе паны ополчились на своего государя, объявили его лишеннымъ престола. Конфедераты — такъ звали недовольныхъ — поклялись истребить русскихъ, съ чего и началась война. Францiя, изъ зависти, впутала въ эту войну турокъ, такъ что въ одно время мы имѣли на рукахъ двѣ войны — одну въ Польшѣ, другую па Дунаѣ.

Воюя съ пруссаками, наши войска привыкли встрѣчать арміи многочисленныя, стройныя; здѣсь же, въ Польшѣ, прежде чѣмъ встрѣтиться съ противникомъ, приходилось по-

долгу его разыскивать. Конфедераты появлялись вездѣ; ихъ многочисленные конные отряды проходили страну взадъ и впередъ, но какъ только выступало наше войско, они исчезали. Конфедераты скрывались въ лѣсахъ, гдѣ пропадали надолго, безслѣдно, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ появиться у насъ въ тылу или на флангѣ. Они находили защиту въ обширныхъ лѣсахъ своей родины, прикрывались теченіемъ рѣкъ или большими болотами; кромѣ того, поляки вездѣ встрѣчали доброжелателей и друзей, которые извѣщали ихъ о всѣхъ передвиженіяхъ русскихъ, о численности войскъ, составѣ отрядовъ и т. п. Даже разбитый непріятель успѣвалъ снова собраться гдѣ-нибудь на другомъ концѣ Польши. Это было тѣмъ легче, что польская конница имѣла за собой добрую славу, ея всадники хорошо владѣли оружіемъ. Война превратилась въ набѣги, небольшія стычки. Въ такой войнѣ казакамъ первое мѣсто: кому, какъ не казакамъ, выслѣдить, гдѣ непріятель скрылся, въ какихъ онъ силахъ, куда намѣренъ двинуться! Кто лучше казаковъ могъ пробираться въ лѣсныхъ трущобахъ или черезъ топкія болота, переплывать рѣки, гнать разбитаго противника, въ конецъ его обезсилить?

Хотя между польскими вождями не было согласія, и каждый велъ войну, какъ ему казалось лучше, но это были люди знатнаго происхожденія, храбрые, въ военномъ дѣлѣ искусные. Болѣе другихъ отличилъ себя Казиміръ Пулавскій. Кроткій и обходительный, Казиміръ Пулавскій становился страшенъ въ бою, когда крестилъ своей саблей или скакалъ передъ строемъ. Поляки, незнавшіе дисциплины, неумѣвшіе повиноваться, слушали его какъ дѣти. Соперникомъ Пулавскому явился Суворовъ. Суворова и Пулавскаго знала вся Польша. Они также знали другъ друга и взаимно уважали. Мѣстопребываніемъ Суворова былъ г. Люблинъ, сильный своимъ зàмкомъ. Въ Люблинѣ сходились всѣ главныя дороги въ краѣ; здѣсь Суворовъ собралъ артиллерію, устроилъ военные склады, магазины; всѣ сосѣдніе зàмки и укрѣпленія онъ занялъ своими войсками, и отсюда же, какъ соколъ, глядѣлъ на окрестности: едва гдѣ-нибудь появлялась партія, какъ онъ на нее налеталъ, сокрушалъ, послѣ чего или снова возвращался въ свое гнѣздо, или съ такою же быстротою переносился на противоположный конецъ, гдѣ показывалась другая банда. Враговъ онъ никогда не считалъ: нападалъ на противника вдвое, втрое, впятеро сильнѣйшаго. Его небольшая

дружина, въ которой всегда находились донцы, готова была за нимъ въ огонь и воду. Это были безстрашные бойцы, сказочные богатыри. При всемъ томъ, Суворовъ щадилъ врага побѣжденнаго, былъ къ нему милостивъ и справедливъ.

Богъ знаетъ, сколько бы времени продолжалась эта партизанская война, если бы на помощь полякамъ не явились французы. Король прислалъ къ нимъ одного полковника, по имени Дюмурье. Онъ согласилъ польскихъ вождей дѣйствовать единодушно, нанялъ цѣлые батальоны бѣглыхъ нѣмецкихъ солдатъ, вооружилъ крестьянъ и, такимъ образомъ, составилъ пѣхоту, которой у поляковъ раньше не было. Съ новыми силами поляки начали дружное наступленіе. По веснѣ 1771 года наши разбросанные отряды очистили передъ ними весь край до Вислы, и поляки, подвигаясь впередъ, укрѣпили, между прочимъ, монастырь Тынецъ, стоявшій на Вислѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Кракова, и замокъ Ландскрону, въ Карпатскихъ горахъ. Суворовъ получилъ приказаніе идти къ Кракову. Онъ взялъ съ собою 5 ротъ пѣхоты, 5 эскадроновъ карабинеръ и полкъ казаковъ, что составляло 1,600 челов., при 8 пушкахъ; по пути къ нему присоединилось еще двѣ тысячи изъ другаго отряда. Суворовъ вошелъ въ Краковъ, когда Дюмурье только узналъ о его приближеніи. Въ деревняхъ конфедераты спокойно спали, лошади были разсѣдланы, а въ это время русскіе солдаты уже штурмовали крѣпкіе редуты, защищавшіе Тынецъ. Дюмурье скакалъ сломя голову изъ одной деревни въ другую, скликая на битву пировавшихъ пановъ. Они поспѣшили къ Ландскронѣ, гдѣ на гребнѣ Карпатскихъ горъ заняли крѣпкую позицію. Лѣвый флангъ этой позиціи упирался въ замокъ, пушки котораго хорошо обстрѣливали и безъ того трудный подъемъ на высоты; центръ и правый флангъ были прикрыты двумя рощами, занятыми французскими егерями, съ двумя пушками; еще правѣе торчали обрывистыя неприступныя скалы. Поляки, кромѣ выгодъ мѣстности, имѣли перевѣсъ и въ силахъ: на 400 чел. больше.

10 мая, на небольшихъ холмахъ, лежащихъ передъ непріятельской позиціей, появился Суворовъ. Орлинымъ окомъ окинулъ онъ расположеніе польскихъ отрядовъ и, не дожидая прибытія остальныхъ силъ, двинулъ казачій полкъ съ приказаніемъ атаковать центръ. Казаки понеслись врассыпную. Дюмурье, завидѣвъ эту нестройную толпу, запретилъ поля-

камъ стрѣлять. Онъ боялся, чтобы Суворовъ не отмѣнилъ свою безразсудную, какъ ему казалось, атаку. Поляки должны были атаковать нашихъ только тогда, когда они, уже разстроенные, появятся на гребнѣ. Однако французъ ошибся. Казаки, взобравшись съ трудомъ на высоту, мигомъ устроились и, безъ всякаго приказанія, помчались лавой дальше, прямо на литовцевъ Оржевскаго и къ отряду Сапѣги. Вслѣдъ за ними уже скакалъ эскадронъ карабинеръ. Поляки сразу дали тылъ. Прискакалъ самъ Дюмурье, работалъ саблей храбрый Сапѣга, чтобы повернуть ихъ назадъ — ничто не помогало: они же сами убили Сапѣгу, а Оржевскій палъ на казачьихъ пикахъ. Тогда Дюмурье бросился къ гусарамъ. Тѣ, вмѣсто атаки, выпалили изъ карабиновъ и ускакали. Въ это время подошли полки Астраханскій и С.-Петербургскій. Они выбили штыками стрѣлковъ, защищавшихъ рощу, и едва устроились, какъ были сами атакованы конницей Міончинскаго, стоявшаго также въ центрѣ. Отважный полякъ врубился въ ряды гренадеръ, но его скоро ссадили съ сѣдла, а конница отхлынула прочь. Затѣмъ все обратилось въ бѣгство; одинъ Валевскій, занимавшій лѣвый флангъ позиціи, отошелъ въ порядкѣ къ зáмку. Наши казаки, разсыпавшись по высотамъ, гоняли бѣглецовъ какъ зайцевъ. Сраженіе, на которое возлагалось столько надеждъ, продолжалось всего полчаса; поляки потеряли 500 убитыхъ, двухъ маршалковъ, бросили 2 пушки. Вскорѣ послѣ этого дѣла Дюмурье ихъ покинулъ. Вернувшись во Францію, онъ подалъ королю совѣтъ отказаться вовсе отъ поляковъ: не посылать имъ ни денегъ, ни оружія, не жертвовать напрасно французской кровью. — Изъ-подъ Ландскроны Суворовъ погнался за Пулавскимъ, который, не участвуя въ битвѣ, надѣялся теперь пробраться въ Литву. Суворовъ разбилъ его подъ Замостьемъ и погналъ казаками дальше, къ Люблину. Безъ артиллеріи, съ остатками разбитаго отряда, Пулавскій видѣлъ, что ему далеко не уйти и придумалъ такой маневръ: онъ оставилъ противъ русскихъ арріергардъ, а самъ повернулъ вправо, обошелъ Суворова и, выйдя у него въ тылу, поспѣшилъ къ Ландскронѣ. Суворовъ похвалилъ искусство партизана; даже послалъ ему на память небольшую фарфоровую табакерку. Въ ту пору нашъ отрядъ прошелъ въ 17 сутокъ 700 верстъ безпрестаннымъ боемъ: на двое сутокъ приходился одинъ бой. — «Это еще ничего, говорилъ Суворовъ, римляне двигались шибче!»

Какъ уже раньше было сказано, Россія вела одновременно двѣ войны: съ Польшей и Турціей. Въ то время, какъ 22 т. казаковъ бились за Дунаемъ съ турками и крымцами, нѣсколько полковъ находились на Кубани, а всѣ остальные, еще способные къ службѣ, должны были охранять верховые городки отъ пугачевскихъ шаекъ. Конецъ 1773 и начало 1774 годовъ были самыми тяжкими для донцовъ. Донъ въ ту пору обезлюдѣлъ: въ опустѣлыхъ станицахъ бродили лишь древніе старцы, да охали израненые въ бояхъ казаки; многочисленные табуны лошадей паслись подъ присмотромъ малолѣтокъ. Некому было ни косить, ни пахать. Сиротливо глядѣли поля, гдѣ травы усыхали отъ зноя, а густые посѣвы безжалостно топтали кони и скотъ.

Нѣкогда смертельная борьба съ кубанскими татарами, какъ будто, притихла. Рѣже и рѣже они нападали на казачьи городки; если и случались схватки, то въ глубинѣ задонскихъ степей—на рѣкахъ Манычѣ, Кагальникѣ, Еи и другихъ, да и то—въ рѣдкость. Съ этой стороны казакамъ полегчало, какъ вдругъ проявились у нихъ по сосѣдству непрошеные гости. Въ разгаръ турецкой войны 4 ногайскія орды, кочевавшія въ Бессарабіи, присягнули на подданство русской державѣ. Ихъ поселили на правой сторонѣ Кубани, и сидѣли онѣ смирно, пока крымскій ханъ Девлетъ-Гирей не сталъ ихъ возмущать. По его наущенію три ногайскія орды вызвались идти на Донъ разорять беззащитные городки, а одна, именно Джамбулацкая, не согласилась, осталась намъ вѣрной. Тогда ханъ выслалъ противъ нея своего намѣстника, калгу, а вслѣдъ за нимъ двинулся изъ Тамани и самъ, со всею ордой.

Стоявшіе въ Джамбулацкой ордѣ полковники Бухвостовъ и Ларіоновъ, — одинъ съ гусарами, другой съ казаками,— бросились навстрѣчу калгѣ и разнесли его скопище послѣ схватки на р. Еи. Ханъ остановился, сталъ выжидать случая. Вскорѣ послѣ того узнаетъ онъ, что съ рѣчки Калалы долженъ выступить большой транспортъ, подъ прикрытіемъ лишь двухъ донскихъ полковъ — Платова и того же Ларіонова. Ханъ призвалъ на помощь некрасовцевъ, пригласилъ многихъ горскихъ князей, такъ что силы его почти удвоились. Онъ расположилъ ихъ въ скрытомъ мѣстѣ, возлѣ дороги.

Медленно поднимался съ ночлега большой транспортъ, состоявшій изъ множества повозокъ и арбъ. Тутъ находились

больные, перевозился казенный провiантъ, имущество переселенцевъ; ногайцы, пользуясь прикрытiемъ, перегоняли тысячи овецъ, верблюдовъ. Уже кавказское солнце начинало припекать; облако густой пыли скрывало переднiя повозки, ушедшiя впередъ. Казачьи разъѣзды шныряли по степи, зорко глядѣли въ даль и въ то же время осматривали каждый кустикъ, попутный овражекъ. Вдругъ, они натыкаются на цѣлую орду, скрытую въ глубокихъ балкахъ р. Калалы. Первой думкой казаковъ было спасать свои души, но Платовъ ихъ сдержалъ. Онъ надѣялся устоять, пока не подадутъ помощи. Будущiй атаманъ казачьяго войска не растерялся, приказывалъ дѣльно, толково, внушительно. Казаки живо построили таборъ, навалили на земляной валъ кулей и сѣли въ осаду, а въ то же время двое самыхъ доброконныхъ были вызваны оповѣстить Бухвостова. Перекрестились они и стрѣлой вынеслись изъ табора; но на глазахъ казаковъ одинъ свалился, сраженный мѣткой пулей, другой скрылся въ пыли. Было 8 ч. утра, когда татары и горскiе князьки облегли со всѣхъ сторонъ неподвижный таборъ. Вотъ развернулось большое ханское знамя, и орда привѣтствовала его оглушающимъ крикомъ. Отъ одного этого крика могла застынуть въ жилахъ кровь. Испуганные звѣрьки запрятались въ свои норки, встрепенулись степныя птицы, замолкли вверху жаворонки. По ханскому знаку загрохоталъ большой барабанъ: татары, на половину спѣшившись, пошли на приступъ. Между цвѣтными куртками и бѣлыми чалмами красовались въ бранныхъ доспѣхахъ рыцарей князья Кабарды, окруженные конными толпами послушныхъ джигитовъ. Лихiе наѣздники выносились впередъ, гарцовали, спускали стрѣлы и снова скрывались; ихъ смѣняли другiе, болѣе смѣлые, которые кружились у самыхъ окоповъ. Таборъ молчалъ, какъ могила. И только когда забѣлѣли оскаленные зубы крымскихъ разбойниковъ, раздался первый дружный залпъ изъ пушекъ. Заметались ордынцы, многiе въ испугѣ повернули назадъ, другiе съ остервенѣнiемъ лѣзли впередъ; князья Кабарды пришпорили коней. Казаки, еще мало выдержавши, выпалили изъ ружей, послѣ чего схватились за пистолеты. Они били на выборъ: ни одна пуля не пропала даромъ. Самые отважные уже стояли на валу, и, кружа саблями, кричали: «Вотъ невѣрные! Истребимъ же ихъ, храбрые джигиты!»—Они напрасно взывали: все остальное воинство удирало въ степь. Переколовши храбре-

цовъ, защитники свободно вздохнули, но не надолго. Опять забилъ барабанъ, опять татары собрались и повалили на приступъ. Семь разъ они ходили и семь разъ возвращались, съ угрозами, съ проклятіями. Многіе не только побывали на валахъ, но успѣвали врубиться между повозокъ, гдѣ прокладывали путь своими кривыми и острыми какъ бритва саблями. Тогда, покинувъ на валахъ ружья, казаки брались за пики и травили этихъ «батырей», какъ звѣрей по клѣткамъ. Вокругъ земляного вала самъ собой выросъ другой валъ, живой, гдѣ люди и кони, перемѣшавшись, копошились, ёрзали, издавали крики, раздиравшіе душу. Но и казаки ослабѣли, не хватало больше мочи: уже сабли притупились, руки опускались. Находило раздумье: не лучше ли сдаться? Раньше ли, позже ли, а татары осилятъ, потому ихъ видимо-невидимо! Только будущій атаманъ хранилъ надежду и не терялъ обычной бодрости. Обходя казаковъ, онъ повторялъ: «Понадѣйтесь, станичники, на Бога: Онъ насъ, православныхъ, не оставитъ! Постойте за матушку-царицу: она щедро васъ одѣлитъ!» Татары въ это время то съѣзжались, то снова разъѣзжались, и надо было ждать восьмого, послѣдняго приступа, какъ зоркій глазъ того же Платова замѣтилъ за рѣчкой облако пыли.

— Глядите, станичники, у меня что-то мелькнуло: ужъ не наши ли это?—«Наши, наши!» закричали казаки. Въ тотъ же мигъ слетѣли шапки, наступила тишина: каждый возблагодарилъ Господа за свое спасеніе. Мало-по-малу изъ облака пыли стали выдѣляться передовые всадники; они неслись во всю конскую прыть, и на глазахъ осажденныхъ вынесся цѣлый полкъ казачій Уварова. Вотъ донцы сдержали лошадей, вытянулись въ лаву и съ опущенными пиками ударили на татаръ. — «На-конь!» скомандовалъ Платовъ, и его казаки покинули таборъ. Татары не выдержали, пустились на утекъ, преслѣдуемые сзади. Верстъ за 6 или за 7 они наткнулись на конницу Бухвостова, спѣшившаго на зовъ. Тутъ было 2 орудія. Изъ нихъ брызнули картечью, послѣ чего гусары приняли невѣрныхъ въ сабли. Тутъ уже вышелъ полный разгромъ: степные хищники спасались въ одиночку; кто куда глядѣлъ, туда и удиралъ; вся окрестная степь покрылась бѣглецами. На полѣ битвы остались 2 султана, одинъ бей, нѣсколько знатныхъ мурзъ да болѣе 500 наѣздниковъ. А казаки потеряли въ этомъ дѣлѣ 70 чел., считая и ране-

ныхъ. Больше крымскій ханъ не показывался, а ногаи были вскорѣ усмирены Суворовымъ.

Въ то время, какъ казаки отбивались на берегахъ Еи отъ крымской орды, пугачевцы приближались къ границамъ ихъ войска. Еще по первому слуху о томъ, что казакъ Зимовейской станицы Емельянъ Пугачевъ дерзнулъ назвать себя именемъ почившаго императора Петра Ѳедоровича, донцы отписали въ столицу, что они «рады свои головы сложить, дабы пресѣчь дѣйства бездѣльника и изверга Пугачева». По Высочайшему указу, домъ, въ которомъ жилъ Пугачевъ, казаки сожгли, пепелъ развѣяли по вѣтру, а семейство Пугачева отправили къ нему въ Казань; Зимовейская станица, по просьбѣ самихъ казаковъ, была перенесена на новое мѣсто и названа Потемкинской. Между тѣмъ, когда три пугачевскія шайки ворвались въ предѣлы войска, Донъ очутился совсѣмъ беззащитенъ: не было ни людей, ни воинскихъ доспѣховъ, ни снарядовъ. Жители, покинувъ станицы, бѣжали въ лѣса, укрывались въ камыши. Кто же не успѣлъ спастись, того принуждали силой присягать и служить императору Петру Ѳедоровичу; въ случаѣ же сопротивленія, или вѣшали, или безъ всякой жалости убивали. Походный атаманъ Луковкинъ съ трудомъ собралъ 5½ сотенъ, и то большей частью малолѣтокъ. Проскакавъ съ ними 80 верстъ, онъ накрылъ одну шайку въ Етеревской станицѣ, разбилъ ее и тотчасъ повернулъ на Медвѣдицкую, гдѣ, послѣ упорнаго боя, разнесъ другую шайку; третья была разбита въ Пензенской губерніи, на рѣкѣ Боландѣ. За такіе молодецкіе подвиги Луковкинъ получилъ полковничій чинъ, золотую медаль и былъ назначенъ безсмѣннымъ судьей войсковой канцеляріи.

Въ первыхъ числахъ августа самозванецъ приближался къ Царицыну. Между Качалинской станицей на Дону и городомъ тянулся въ ту пору земляной валъ, вдоль котораго находились три крѣпостцы и редутъ, вооруженный пушками. Это была, такъ называемая, «Царицынская линія». Охраненіе ея издавна лежало на донскихъ казакахъ, которые высылали сюда лѣтомъ по 1,200 чел., а зимою по 800. Теперь же ихъ было только 300 чел., съ войсковымъ атаманомъ Василіемъ Перфиловымъ. Царицынскій комендантъ, полковникъ Циплетевъ, готовился дать отпоръ. Онъ разставилъ казачьи посты внизъ по Волгѣ до Чернаго Яра; у Ахтубинскаго завода поставилъ заставу изъ пѣхоты, при

одной пушкѣ. По всей линіи были устроены маяки: на длинныхъ шестахъ повѣсили пучки соломы. Но въ самомъ Царицынѣ войскъ, можно сказать, не было: 4 гарнизонныхъ роты, да 300 вооруженныхъ гражданъ. Еще надо прибавить, что здѣсь находилось подъ надзоромъ 900 плѣнныхъ турокъ, и все окрестное населеніе участвовало въ бунтѣ. Циплетевъ обратился за помощью къ донцамъ, и донцы откликнулись. Вообще, они на первыхъ же порахъ не поддались прельщеніямъ самозванца, и если бывали случаи перехода на его сторону, то, какъ мы увидимъ дальше, они-то и погубили въ конецъ его дѣло. Около Преображеньяго дня въ Иловлейскую станицу былъ доставленъ пугачевскій манифестъ, которымъ Донское казачье войско приглашалось «оказать ревность и усердіе для истребленія вредительныхъ обществу дворянъ и явилось бы въ главную армію, за что на первый случай получитъ награжденье, не въ зачетъ жалованья по 10 р., и впередъ оставлено не будетъ». Василій Малковъ, посадивъ посланныхъ подъ арестъ, манифестъ отправилъ къ царицынскому коменданту, а самъ съ полкомъ выступилъ въ Дубовку. Здѣсь его разъѣзды, окруживъ шайку злодѣя, подъѣзжали къ самому городку и ежедневно хватали по нѣскольку плѣнныхъ. Въ Черкаскѣ въ это время выряжали полки Платова и Павла Кирсанова изъ казаковъ, прибывшихъ съ Кубани на льготу. На 4-й день послѣ Успенія сошлись подъ Царицынымъ полковники Θедоръ Кутейкинъ, Михаилъ Денисовъ и Карпъ Денисовъ. Послѣдняго выслали сейчасъ же съ разъѣздомъ къ сторонѣ Дубовки. Мятежники большою толпою выѣхали ему навстрѣчу, и тутъ, на р. Мечетной, произошла первая схватка. Прочіе полковники, выскакавъ изъ Царицына, два раза прогоняли мятежниковъ до самыхъ пушекъ, но подъ напоромъ толпы должны были отступить. Между тѣмъ, раненый въ схваткѣ Кутейниковъ попался въ плѣнъ. Потерявши начальника, казаки его полка возроптали, что ихъ покинули, не подкрѣпили изъ города ни пѣхотой, ни конницей. Многіе покинули полкъ и передались мятежникамъ, а двое хорунжихъ, Крапивинъ и Терентьевъ, преклонили передъ Пугачевымъ «хорунгу». За ними перешло до 400 казаковъ. Пугачевъ далъ Крапивину 20 рублей, самъ надѣлъ на него серебряную медаль на пестрой лентѣ и назначилъ полковникомъ всѣхъ передавшихся казаковъ. Въ это самое время раненый Кутейниковъ искупалъ грѣхи своихъ станичниковъ. Связан-

наго ремнями, его притащили въ обозъ самозванца, гдѣ били дубьемъ, таскали за волосы, послѣ чего, надѣвъ на шею петлю, пытались несчастнаго удавить. Послѣ такихъ мукъ его повели на казнь. По приказанію Пугачева, татаринъ посадилъ Кутейникова на бугоръ и сталъ въ него стрѣлять: разъ выпалилъ—осѣчка, другой—то же самое; только за четвертымъ выстрѣломъ попалъ ему въ бокъ. Кутейниковъ свалился въ оврагъ, гдѣ пролежалъ нѣсколько часовъ безъ памяти, но потомъ, выбравшись ползкомъ на свѣтъ Божій, побрелъ къ себѣ домой, въ Качалинскую станицу.

Угрюмо, насупившись, возвращались донцы съ Мечетной. Комендантъ, сопровождаемый старшинами, объѣхалъ казаковъ, уговаривая ихъ стоять крѣпко за матушку-царицу и враговъ ея не опасаться. Донцы немного ободрились, даже выставили заставы подъ станъ самозванца. На другой день утромъ высоты, окружавшія городъ, покрылись толпами самозванца, примѣрно тысячъ на шесть. По обычаю, отдѣлился разъѣздъ и, подъѣхавши на выстрѣлъ, сталъ перезывать казаковъ на сторону «батюшки»; выѣхалъ и самъ Пугачевъ, переодѣтый въ платье Овчинникова и окруженный сотней яицкихъ казаковъ. Перебѣжало къ нимъ не больше пяти человѣкъ, а одинъ изъ казаковъ, стоя на валу, громко выкрикивалъ: «Здорово, Емельянъ Ивановичъ! Хорошо ли царствуешь?» Какъ только Пугачевъ отъѣхалъ, мятежники выставили 6 батарей, изъ которыхъ одну въ 12 орудій, и открыли пальбу. Изъ крѣпости отвѣчали тѣмъ же. Съ часу до семи вечера пальба не стихала. Секундъ-маіоръ Фатьяновъ обходилъ защитниковъ, ободрялъ ихъ, обѣщая именемъ царицы полугодовой окладъ. Маіору Харитонову удалось тогда подбить одну изъ непріятельскихъ батарей и взорвать зарядный ящикъ. Послѣ того бой прекратился, мятежники скрылись за высоты. Царицынъ былъ спасенъ, единственный городъ на Волгѣ, недопустившій свои дома до разграбленія. Императрица пожаловала всѣмъ защитникамъ слѣдующіе чины, рядовыхъ же наградила деньгами. Царицынцы ожидали ночного нападенія, но самозванецъ, провѣдавъ о приближеніи воинскихъ командъ, поспѣшилъ къ Черному Яру. У него уже тогда было намѣреніе пробраться на зимовку въ Яицкій городокъ, хотя объ этомъ знали немногіе, только самые близкіе ему люди; вся же остальная толпа не сомнѣвалась, что побываетъ еще въ Астрахани, гдѣ ждетъ ее богатая пожива. Въ то время, какъ Пугачевъ

проходилъ мимо Царицына, хвостъ его шайки былъ атакованъ донцами, захватившими часть обоза и множество плѣнныхъ. Въ этой схваткѣ еще съ полсотни казаковъ пошли вслѣдъ за самозванцемъ. При остановкахъ, на ночлегахъ, донцы пытались разглядѣть Пугачева, впрямь ли онъ государь, или же, какъ увѣряли старшины, Зимовейской станицы казакъ? Но онъ, «злодѣй, всегда рожу свою отъ нихъ отворачивалъ». Однако пытливые донцы скоро признали въ немъ станичника Емельку, и слухъ объ этомъ разошелся по всему обозу, что особенно смутило яицкихъ. Еще больше они смутились, когда узнали, что донцы одинъ за другимъ покидаютъ ихъ обозъ; оглядѣлись какъ-то утромъ,—ни одного не осталось, всѣ ушли. Понялъ тогда Пугачевъ, что на донцовъ нечего ему разсчитывать и надо поскорѣе уходить. Царству буйной вольницы, всполошившей все Поволжье, залитое кровью, орошенное слезами, наступалъ конецъ. Неутомимый Михельсонъ уже былъ въ Царицынѣ,—тотъ самый полковникъ Михельсонъ, который со своею командой въ 800 ч. разбилъ подъ Казанью скопище самозванца силою отъ 15 до 16 тысячъ. Онъ прошелъ послѣ того болѣе пяти тысячъ верстъ, преслѣдуя Пугачева, по мѣстамъ «пустымъ, почти непроходимымъ и жилья лишеннымъ». Пробывши въ Царицынѣ всего одинъ день, Михельсонъ взялъ на подкрѣпленіе своей изнуренной команды 90 малороссійскихъ казаковъ и 450 донцовъ, съ которыми выступилъ дальше. На третій день онъ настигъ Пугачева у Сальникова завода. Самозванецъ уже зналъ о его приближеніи. Всѣ свои пушки онъ поставилъ въ одну линію, за пушками пѣшія толпы разнаго сброда. Одновременно орудія открыли пальбу, пѣшіе двинулись въ атаку. Но Михельсонъ привыкъ самъ начинать. Боевой его порядокъ былъ таковъ: въ серединѣ находилась пѣхота, на правомъ флангѣ стоялъ походный атаманъ Перфиловъ съ чугуевскими казаками, на лѣвомъ—всѣ донцы. Чугуевцы и донцы бросились мятежникамъ навстрѣчу и сразу ихъ осадили; пѣхотѣ не пришлось и выпалить. Самозванецъ, оставаясь сзади, поощрялъ лишь голосомъ: «Порадѣйте, дѣтушки, за отца-государя!» Но столь былъ великъ во всѣхъ страхъ, что, ни мало его не слушая, злодѣи разсыпались во всѣ стороны, покинувъ безъ вниманія 24 пушки. Казаки гнали ихъ верстъ 40, при чемъ перебили до 2 т., да захватили въ плѣнъ около 6 т. Самозванецъ ускакалъ однимъ изъ пер-

выхъ; за нимъ ускакали его жена Софья и десятилѣтній сынишка; двѣ дочери ѣхали въ коляскѣ, переполненной деньгами и дорогими товарами. Гдѣ-то на косогорѣ коляска опрокинулась и вмѣстѣ съ деньгами попала въ руки казаковъ. Вообще донцамъ тогда перепало 18 пудовъ серебряной посуды, много денегъ, платья, соболей, куницъ, лисьихъ мѣховъ, суконъ и матерій, болѣе 500 лошадей и 60 воловъ. Погоня прекратилась на берегу Волги, гдѣ самозванецъ успѣлъ переправиться на ту сторону, а бо̀льшая часть его толпы разбѣжалась, спасаясь въ одиночку. У Сальникова завода былъ нанесенъ самозванцу послѣдній и самый тяжкій ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться; его ближайшій сподвижникъ и главный совѣтникъ, казакъ Овчинниковъ пропалъ тогда безъ вѣсти. Щедро наградила императрица участниковъ боя: казаковъ и солдатъ осыпала она деньгами, офицерамъ пожаловала слѣдующіе чины, а Михельсону—золотую шпагу, украшенную брилліантами, при собственноручномъ письмѣ.

Вслѣдъ за Пугачевымъ небольшіе конные отряды разными путями углубились въ заволжскія степи; полковникъ Иловайскій пошелъ съ тремя сотнями донцовъ; графъ Меллинъ и Муфель—каждый съ двумя сотнями, кромѣ полевой команды, изъ драгунъ и пѣхоты; Бороздинъ съ тремя сотнями яицкихъ. Начальство хорошо видѣло, что только донцы своими летучими наѣздами могли нагнать остатки бѣжавшей толпы. Имъ приходилось скакать сотни верстъ по безводной солончаковой степи, направляя путь днемъ по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Никакихъ путей, кромѣ сакмъ, споконъ вѣка тамъ не бывало; кто отставалъ, тому грозила голодная смерть. Растерявъ половину отряда, Иловайскій приблизился къ Яицку, гдѣ первый принялъ самозванца изъ рукъ его сообщниковъ.

Погруженный въ тяжелую думу, ѣхалъ Пугачевъ берегомъ Волги; за нимъ тѣсной кучкой подвигались яицкіе казаки, а сзади шевелилась разношерстная толпа изъ башкиръ, калмыковъ, русскихъ крестьянъ и разночинцевъ. Между казаками шелъ тайный сговоръ: «Какому государю мы служимъ?» спрашивалъ Твороговъ, предсѣдатель пугачевской коммиссіи. «Я подлинно васъ увѣряю, что когда, по его приказанію, былъ написанъ къ казакамъ именной указъ, то онъ его не подписалъ, а велѣлъ за себя подписаться секретарю Дубровскому. Донскіе казаки называютъ его Емельяномъ Ива-

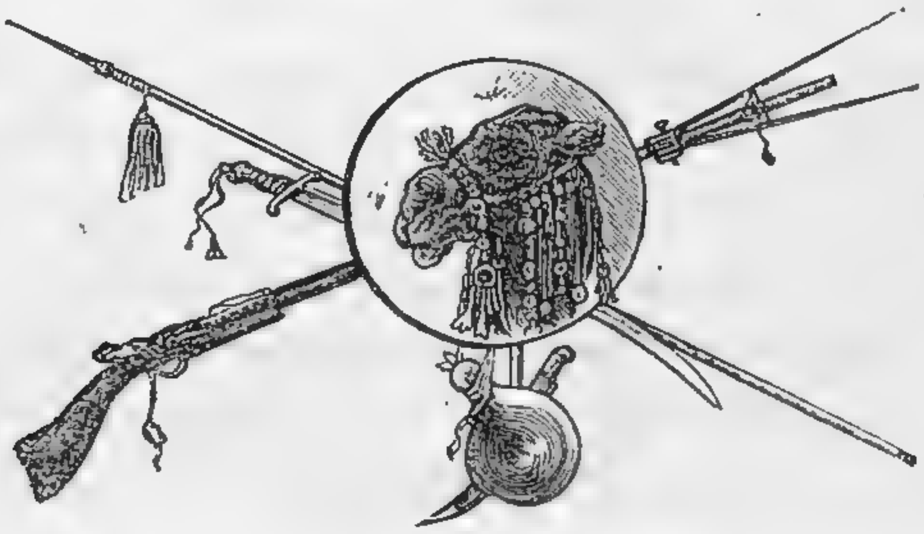
новымъ, и когда пришли-было къ нему и на него пристально смотрѣли, то онъ рожу свою отъ нихъ отворачивалъ. Такъ что же теперь намъ дѣлать?... Согласны ли будете его связать?» —Казаки, одинъ по одному, согласились дѣйствовать сообща и прежде всего уговорили Пугачева отобрать у всѣхъ конныхъ ратниковъ лошадей, а ихъ самихъ распустить по домамъ. — «Дѣлайте, какъ хотите», сказалъ самозванецъ. При немъ остались теперь одни яицкіе, что̀ для ихъ умысла было гораздо сподручнѣе. Съ берега Волги бѣглецы повернули въ степь на Элтонское озеро. Выпалъ снѣгъ; сильные вѣтры бушевали въ пустынѣ, пробирая до костей голодныхъ казаковъ. Негдѣ было ни обсушиться, ни обогрѣться: хлѣбъ, какой былъ, давно вышелъ. Кое-какъ добрались они до Узеней. Тутъ двое казаковъ провѣдали, что неподалеку отъ лагеря живутъ въ землянкахъ старцы, и что у нихъ на грядахъ есть дыни и буква (въ родѣ рѣдьки). Пугачевъ, голодный какъ и всѣ, приказалъ осѣдлать себѣ лошадь. Случай былъ подходящій, и человѣкъ 20 казаковъ, самыхъ надежныхъ, вызвались его провожать. Землянки оказались за рѣчкой, въ камышахъ. Покинувъ лошадей, казаки переправились на бударѣ и, подкрѣпившись у старцевъ пищей, переѣхали назадъ. Чумаковъ держалъ свою лошадь и самозванца. Только что послѣдній хотѣлъ садиться, какъ казакъ Бурновъ, по знаку Федульева, схватилъ его за руки выше локтей.—«Что это... что это вы вздумали?» сказалъ Пугачевъ робкимъ голосомъ, «на кого руки поднимаете?»—«А вотъ что, закричали казаки, ты отдай намъ свою шашку, ножикъ и патронницу. Мы не хотимъ тебѣ больше служить и не хотимъ злодѣйствовать: довольно и такъ за тебя прогнѣвали Бога и матушку милостивую Государыню; много мы пролили крови человѣческой и лишились отцовъ, матерей, роду-племени!»— Хотя въ рѣчахъ казаковъ слышалась угроза, но всѣ говорили врознь, губы тряслись, и сами они дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Бывшій тутъ одинъ изъ старцевъ кивалъ головой, какъ бы одобряя болѣе робкихъ. Послѣ недолгихъ переговоровъ у Пугачева отобрали оружіе, посадили его на лошадь и направились къ Яицку. Остальные казаки также пристали къ товарищамъ. Два раза пытался бѣжать самозванецъ: одинъ разъ ускакалъ — было впередъ и залѣзъ въ камыши, откуда, впрочемъ, его скоро вытащили; другой разъ на стоянкѣ схватилъ шашку, пистолетъ и съ крикомъ: «Вя-

жите старшинъ!» бросился на казаковъ Творогова и Чумакова.—«Кого велишь ты вязать?» спросилъ Федульевъ, идя смѣло ему навстрѣчу. Пугачевъ спустилъ курокъ, но кремень осѣкся. Тогда онъ сталъ отмахиваться шашкой. Тутъ подскочилъ сзади Бурновъ и ударилъ его въ бокъ тупымъ концомъ копья, а Чумаковъ схватилъ его за руки. Послѣ этого случая Пугачева везли уже связаннаго, въ телѣгѣ, гдѣ сидѣла его жена Софья съ малолѣтнимъ сыномъ. На 6-й день пути казаки встрѣтили у Кошъ-яицкаго форпоста сотника Харчова, которому и сдали съ рукъ на руки мнимаго государя. Его тотчасъ забили въ превеликую колодку. Въ полночь, на праздникъ Крестовоздвиженья, Пугачевъ предсталъ на первый допросъ.

— Что ты за человѣкъ? спросилъ его капитанъ Мавринъ.

— Донской казакъ Емельянъ Ивановъ, сынъ Пугачевъ, отвѣчалъ спрошенный. Согрѣшилъ я, окаянный, передъ Богомъ и передъ Ея Императорскимъ Величествомъ и заслужилъ всѣ тѣ муки, какія на меня возложены будутъ; снесу я ихъ за мое погрѣшеніе терпѣливо».—При обыскѣ нашли у самозванца 139 червонцевъ, 480 рублевиковъ и медаль на погребеніе Императора Петра III. Какъ велика была добрая слава Императрицы, видно изъ того, что злодѣй не терялъ надежды на ея материнское милосердіе, повторяя много разъ, что онъ «слуга добрый и заслужитъ всячески въ состояніи»... Однако его заковали въ кандалы, а всѣхъ остальныхъ сообщниковъ отпустили на поруки.

Донскому войску, за то что оно устояло передъ соблазномъ и старалось «объ искорененіи даже праха Пугачева съ его сволочною толпою», была объявлена черезъ Потемкина Высочайшая благодарность; бѣднымъ станичникамъ отпущено изъ казны 65 тысячъ четвертей хлѣба, безъ отдачи.

VI.

Въ осадахъ и на штурмахъ.

Въ началѣ августа 1787 года турки, въ противность всѣхъ правилъ, заперли нашего посланника въ Царе-градѣ въ тюрьму. Такъ началась Вторая турецкая война. Суворовъ укрѣплялъ въ это время Кинбурнъ. Одинъ офицеръ поѣхалъ изъ крѣпости въ гости къ очаковскому пашѣ. Тотъ принялъ его по-пріятельски, угостилъ, чѣмъ тамъ они обыкновенно угощаютъ, а потомъ и говоритъ: «Знаешь-ли ты, что нашъ султанъ объявилъ русскимъ войну? Сегодня же ваши корабли будутъ атакованы». Хотя къ войнѣ давно уже готовились, однако въ Кинбурнѣ никто еще не зналъ, что она уже объявлена. Паша велѣлъ проводить своего гостя на другой берегъ, и отъ него-то Суворовъ узналъ объ открытіи военныхъ дѣйствій. Дѣйствительно, въ тотъ же день стоявшіе передъ Кинбурномъ оба русскіе корабля подверглись нападенію.

Длинная песчаная коса съ крымскаго берега точно языкомъ вдается въ море, какъ-разъ противъ Очакова. Ихъ раздѣляетъ такъ называемый Очаковскій лиманъ, примѣрно въ 6 верстъ ширины. На этой-то косѣ стояла крѣпостца Кинбурнъ, неважная по своей силѣ, но важная потому, что защищала входъ въ днѣпровскія гирла, а, слѣдовательно,— и городъ Херсонъ. Ея крѣпостныя стѣны были не высоки, рвы не глубоки, но на стражѣ ихъ стоялъ Суворовъ, котораго турки хорошо знали, даже окрестили по-своему: «Суворъ-паша». Подъ его начальствомъ находилось около 5,000 войскъ, въ томъ числѣ три казачьихъ полка: Орлова, Исаева и Иловайскаго; почти вся легкая конница, драгуны и часть пѣхоты стояли лагеремъ верстахъ въ 30 отъ крѣпости. Уже за нѣсколько дней до Покрова турки начали обстрѣливать крѣпость со своихъ кораблей. Наканунѣ праздника бомбардировка усилилась, а около 9 часовъ утра, въ самый праздникъ, непріятель подошелъ съ двухъ сторонъ къ песчаной косѣ и сталъ высаживаться: на оконечности косы высаживались турки, верстахъ въ двѣнадцати—некрасовцы. Казаки было обознались: приняли послѣднихъ за своихъ; но, вовремя спохватившись, живо спихнули ихъ назадъ, въ лодки. Этой высадкой турки хотѣли раздвоить наши силы. Суворовъ стоялъ у обѣдни, когда ему доложили, что непріятель уже на косѣ.—«Пусть всѣ повылѣзутъ, не мѣшать», отвѣтилъ онъ и продолжалъ молиться. По мѣрѣ того, какъ янычары высаживались, они сейчасъ же рыли ложементы, наполняли мѣшки пескомъ и укладывали ихъ въ видѣ брустверовъ. Ложементы выводили поперекъ косы, одинъ за другимъ; такимъ образомъ успѣли накопать 14 ложементовъ. Никто имъ не мѣшалъ. Наступилъ полдень. Турки, совершивъ свой обычный намазъ, поднялись съ мѣстъ, и, когда передовые приблизились на 200 шаговъ, всѣ крѣпостныя орудія разомъ дали залпъ. По этому сигналу ворота въ крѣпости растворились. Изъ нихъ выступили 3 батальона Орловцевъ и Шлиссельбургцевъ подъ начальствомъ храбраго генерала Река. Они устремились прямо на ложементы, а въ то же время казачьи полки, стоявшіе за крѣпостью, пустились рысью въ объѣздъ. Одновременно по всей линіи загорѣлся бой. Казаки перекололи своими длинными пиками тащившихъ штурмовыя лѣстницы, при чемъ убили агу, который былъ у нихъ проводникомъ. А Орловцы и Шлиссельбургцы подъ страшнымъ огнемъ

съ кораблей—тамъ ревѣло не умолкая 600 орудій—погнали турокъ къ ложементамъ. Взяли они одинъ ложементъ, взяли другой, третій, четвертый, добрались до десятаго, но тутъ коса съуживается: стало такъ тѣсно, что негдѣ имъ повернуться; турки же все подваливали да подваливали. Налетѣли на побоище два полка донцовъ, и тѣмъ негдѣ развернуться. Даже огонь съ кораблей притихъ: все смѣшалось въ одной толчеѣ. Здѣсь дрались съ нами отборные янычары очаковскаго гарнизона: съ кинжалами въ зубахъ они прочищали себѣ путь своими страшными ятаганами, выпирая русскихъ точно клиномъ. Наши ряды порѣдѣли, офицеры были перебиты, Река едва унесли. Суворовъ двинулъ на помощь два батальона Козловцевъ съ двумя эскадронами конницы,—и тѣ не помогли. Какъ тигры рванулись турки впередъ и вернули свои ложементы. Лошадь подъ Суворовымъ была убита; онъ остался пѣшій. Увидя, что въ сторонѣ двое держатъ нашего коня, онъ, утомленный боемъ, крикнулъ: «Братцы, дайте генералу лошадку!» А это были турки. Они сейчасъ же бросились къ Суворову. Къ счастью, сержантъ Новиковъ услыхалъ голосъ своего начальника: въ мигъ онъ заколол одного турка, застрѣлилъ другого и бросился на третьяго, спѣшившаго на помощь. Отступавшіе гренадеры также замѣтили опасность. «Братцы, кто-то закричалъ, генералъ остался впереди!» Гренадеры повернули лицомъ къ непріятелю, и бой возобновился: опять траншеи стали переходить въ наши руки. Но въ это время непріятельскія суда подошли такъ близко, что засыпали нашихъ картечью, да и янычары успѣли устроиться: они клали на сошки свои длинныя ружья и за каждымъ выстрѣломъ выпускали по двѣ пули. Солдаты же, разстрѣлявъ патроны, лишившись офицеровъ, одинъ за другимъ стали очищать ложементы. Суворовъ получилъ въ бокъ картечную рану. Въ полузабытьѣ онъ видѣлъ, какъ русскіе батальоны, покинувъ нѣсколько пушекъ, быстро отступали. Песчаная коса огласилась воплями радости. Турки съ торжествомъ увозили русскія пушки. Между рядами янычаръ засновали дервиши, одѣтые въ тряпье. Они заклинали мусульманъ именемъ Аллаха спѣшить на стѣны, и тамъ, упившись кровью невѣрныхъ, праздновать побѣду... Съ наступленіемъ сумерокъ явились, наконецъ, подкрѣпленія: прибыли батальонъ Муромцевъ, 2 роты Шлиссельбургцевъ и 10 эскадроновъ конницы. Свѣжія войска произвели третью атаку,

самую бурную. Эскадроны били прямо, пѣхота зашла вправо, казаки слѣва. Какъ въ тискахъ они сдавили турокъ, которымъ некуда было дѣваться, потому что флотъ отошелъ отъ берега. Бѣшено бросались турки вправо и влѣво, но каждый разъ натыкались то на русскій штыкъ, то на саблю или на казацкую пику. Спасенія на сушѣ не было — они бросались въ воду, но и тамъ доставали ихъ картечью. На разстояніи полуверсты тысячи людей сбились въ тѣсной кучѣ: стоны, крики, проклятія оглашали воздухъ, пропитанный дымомъ и запахомъ крови. Суворовъ, бывшій впереди, почувствовалъ, что его кольнуло въ лѣвую руку; осмотрѣлся — пуля прошла навылетъ. Нѣсколько казаковъ подхватили его, провели къ берегу, гдѣ есаулъ Кутейниковъ сдѣлалъ первую перевязку, обвязавши руку своимъ галстухомъ.—«Помилуй Богъ, благодарю! Помогло, тотчасъ помогло! Прогонимъ, богатыри, всѣхъ турокъ въ море—и раненыхъ, и здоровыхъ!»—Дѣйствительно, имъ оставалось одно спасеніе—море: которые пытались уплыть, тѣ перетонули, остальные засѣли на всю ночь по горло въ водѣ.—Уже все стихло, войска отходили къ крѣпости, какъ вдругъ, въ темнотѣ, раздались оттуда выстрѣлы. Казаки кинулись берегомъ и опять наткнулись на некрасовцевъ. Они, вѣрно, разсчитывали захватить крѣпость врасплохъ. Какъ и въ первый разъ, ихъ безъ труда отбили. Посчитались наши, и оказалось 250 ч. убито или искалѣчено, а всего убыло до тысячи, зато уцѣлѣвшіе могли гордиться полнымъ истребленіемъ турецкаго дессанта. На другой день, рано утромъ, явились непріятельскія суда выгружать изъ воды закоченѣвшихъ турокъ. Такихъ набралось не болѣе 700, а $1^1/_2$ тысячи труповъ такъ и остались на косѣ; ихъ долго потомъ носили сердитыя волны, прибивая то къ одному, то къ другому берегу. Всѣхъ турокъ высадилось 5,300.

Императрица сама укладывала въ коробочку орденскія ленты для отсылки въ Кинбурнъ; Суворовъ получилъ Андрея Первозваннаго при собственноручномъ ея рескриптѣ, всѣ остальные защитники были щедро награждены деньгами. Въ Кинбурнѣ, на память грядущимъ поколѣніямъ, поставили каменный столбъ, съ иконой Покрова Божіей Матери; внизу иконы былъ изображенъ Суворовъ, приносящій на колѣняхъ благодарственную молитву. Теперь на мѣстѣ каменнаго столба выстроена церковь.

Очаковъ, или по-турецки «Озукъ-Кале», что значитъ «Длинная» крѣпость, кромѣ хорошаго вооруженія, имѣлъ 15 т. гарнизона. Въ концѣ іюля слѣдующаго года Потемкинъ обложилъ Очаковъ большимъ полукружіемъ: правымъ флангомъ русскіе примкнули къ берегу моря, а лѣвымъ въ лиманъ. Въ передней линіи расположилась цѣпь казачьихъ пикетовъ, между которыми построили 5 редутовъ. Вскорѣ наши батареи открыли огонь, и началась правильная осада. Почва тамъ твердая, каменистая, почему работы производились медленно, но все-таки мало-по-малу придвигались къ крѣпости. Суворовъ совѣтовалъ Потемкину штурмовать Очаковъ, но главнокомандующій не согласился. Онъ надѣялся запугать турокъ, принудить ихъ къ сдачѣ; кромѣ того, боялся и потери въ людяхъ. «Солдаты не такъ дешевы, говорилъ Потемкинъ, чтобы жертвовать ими по-пустому».—Однако турки нисколько не упали духомъ, доказательствомъ чему служили ихъ частыя вылазки. На одной изъ первыхъ вылазокъ Суворовъ получилъ тяжелую рану и долженъ былъ уѣхать. Вообще, турки, поберегая свои снаряды, стрѣляли рѣдко, а все больше вредили на вылазкахъ. Въ сентябрѣ наши, приблизившись подступами, палили въ крѣпость безостановочно. Тамъ начались пожары; отъ тѣсноты и голодовки люди стали помирать, но все это не мѣшало имъ держаться въ надеждѣ на помощь. И дѣйствительно, турецкому адмиралу удалось доставить въ крѣпость продовольствіе, боевые запасы и полторы тысячи солдатъ. Не успѣли наши оглянуться, какъ наступила осень. Прежде, бывало, въ русскомъ лагерѣ шумно, весело, одинъ праздникъ смѣнялся другимъ. Въ ту пору былъ такой обычай, что знатные иностранцы съѣзжались на время войны въ главную квартиру: кто изъ любопытства или ради развлеченія, другіе же изъ соревнованія, желая пролить свою кровь за святое дѣло. Теперь все притихло: мрачная дождливая осень однихъ разогнала по домамъ, другихъ заставила сидѣть въ землянкахъ. А дальше стало и того горше: мокрую осень сразу смѣнила зима, да такая лютая, что память о ней сохранилась въ тѣхъ краяхъ надолго: она и теперь извѣстна у старожиловъ подъ именемъ «Очаковской» зимы. Ежедневныя вьюги при жестокихъ морозахъ много сгубили нашихъ солдатъ, и, можетъ быть, больше, чѣмъ стоилъ бы штурмъ: не проходило дня, чтобы 30 или 40 ч. не заснули вѣчнымъ сномъ на этихъ всѣмъ постылыхъ каменистыхъ буграхъ.

Однажды Потемкинъ объѣзжалъ лагерь. Солдаты его окружили: «Ваше сіятельство, отецъ родной! Позволь согрѣться, кровь совсѣмъ застыла!»—Главнокомандующій хотя и видѣлъ бѣдствіе арміи, но все еще надѣялся сломить упорство турокъ пушечнымъ огнемъ. Почти всѣ ихъ орудія въ передовыхъ укрѣпленіяхъ были сбиты, бастіоны большею частью разрушены, такъ что турки не успѣвали даже исправлять, но на предложеніе сдачи Гуссейнъ-паша отвѣчалъ надменнымъ отказомъ.

Наканунѣ Николина дня Потемкину доложили, что хлѣбъ весь вышелъ, нѣтъ ни полѣна дровъ, и что выдана послѣдняя чарка вина. Тогда только Потемкинъ рѣшился на штурмъ. Съ радостью, съ восторгомъ приняли это извѣстіе русскія войска, отъ генерала до фурштата. Охотниковъ вызвалось гораздо больше, чѣмъ требовалось. Вся добыча была обѣщана солдатамъ.

Укрѣпленія Очакова состояли изъ четырехугольной крѣпости, одной стороной примыкавшей къ лиману; прочія три стороны, обращенныя въ поле, были прикрыты, такъ называемымъ, нагорнымъ ретраншаментомъ, т. е. рядомъ укрѣпленій, соединенныхъ общимъ валомъ; кромѣ того, на оконечности косы, противъ Кинбурна, стоялъ сильно укрѣпленный замокъ «Гассанъ-паша».

Еще не разсвѣло, когда войска выступили на сборныя мѣста. Морозъ былъ трескучій, 23°. Не смотря на всѣ предосторожности, мерзлая земля отдавала удары тысячи ногъ, потомъ все замерло: въ предразсвѣтной тишинѣ наступающаго праздника раздалось молебное пѣніе заступнику русской земли. Молебенъ кончился, прочли приказъ: «Атаковать живо и, не занимаясь перестрѣлкой, идти на штыкахъ; тѣхъ изъ турокъ, которые будутъ сдаваться, отбирая оружіе, отсылать къ резерву; женщинъ и младенцевъ щадить непремѣнно».—Въ восьмомъ часу всѣ шесть колоннъ вступили въ дѣло.

1,000 пѣшихъ и 200 конныхъ казаковъ, подъ начальствомъ Платова, вошли въ составъ 1-й колонны, Палена. Тутъ, кромѣ казаковъ, находились Тамбовцы, батальонъ егерей и охотники изъ армянъ. Колонна Палена быстро приблизилась къ землянымъ укрѣпленіямъ грознаго замка. Подполковникъ Пальменбахъ съ 500 ч. взялъ влѣво, чтобы за-

хватить ворота, полковникъ Макнобъ пошелъ къ замку, а Платовъ съ казаками зашелъ въ земляные окопы съ тыла и живо ихъ очистилъ; 300 турокъ укрылись было въ замокъ, но скоро сдались. Въ какихъ-нибудь 10 минутъ фортъ Гассанъ-паша былъ уже нашъ. Казаки остались здѣсь, Паленъ пошелъ къ крѣпости. Завидя это, турки покинули нагорный ретраншаментъ и бросились наперерѣзъ. Въ страшной сѣчѣ сцѣпились тѣ и другіе. Не слышно было ни криковъ, ни стоновъ, только удары да бряцанье сабель возвѣщали послѣдній смертный бой. Подбѣжали къ намъ резервы—и турки попятились: полторы тысячи побросали оружіе. И въ другихъ мѣстахъ творилось почти то же: работалъ больше штыкъ, рѣдко раздавался выстрѣлъ, развѣ вопль женщины покрывалъ зловѣщій гулъ, окружавшій крѣпость. Быстро солдаты овладѣли ретраншаментомъ, послѣ чего ворвались съ разныхъ сторонъ въ крѣпость: одни черезъ ворота, другіе черезъ проломъ или по лѣстницамъ, а тѣ, которые подошли по льду, со стороны лимана, прямо черезъ стѣну. Извѣдавъ неудачу удержать русскихъ при помощи огня, турки взялись за ятаганы, потомъ за кинжалы, наконецъ подожгли фугасъ— нѣтъ, ничто не могло удержать быстраго порыва ожесточенныхъ солдатъ. Среди самаго разгара штурма взорвало пороховую башню, но этотъ взрывъ устрашилъ больше самихъ турокъ. Покинувъ валы, они скрывались въ дома, въ погреба, въ лавки. Однако вездѣ доставалъ ихъ грозный штыкъ, вымещавшій то, что накипѣло за 5 мѣсяцевъ осады. Въ часъ съ четвертью все было кончено; болѣе 8 т. труповъ устилали побѣдный путь русскихъ. Ихъ стащили послѣ на лиманъ. Во время штурма Потемкинъ сидѣлъ на землѣ, подперши руками голову, и по временамъ, поднимая ее, читалъ громко молитву. Извѣщенный объ удачѣ, онъ воспрянулъ духомъ, вскочилъ на коня и поѣхалъ въ городъ. Къ нему подвели плѣннаго сераскира. «Это ты виноватъ, гнѣвно закричалъ Потемкинъ, твое упорство довело до такого кровопролитія!»—«Удержи твои упреки, спокойно отвѣтилъ Гуссейнъ. Я исполнилъ свой долгъ такъ же, какъ и ты: судьба рѣшила между нами!»

Городъ былъ отданъ «въ полную волю солдатамъ». Они дѣлили между собой горстями золото, серебро, жемчугъ, драгоцѣнные камни; кому-то достался изумрудъ, величиною съ куриное яйцо. Оружіе продавалось возами; вся наша конница

перевооружилась тогда на счетъ турокъ: прекрасные ятаганы, пистолеты съ богатой насѣчкой, кинжалы въ дорогой оправѣ— замѣнили скромное оружіе казеннаго образца. И военная добыча была не мала: 300 орудій, 180 знаменъ, а плѣнныхъ оказалось болѣе 4 т., въ томъ числѣ нѣсколько пашей. Съ нашей стороны убито 28 офицеровъ и 900 солдатъ; пали генералы Горичъ, Волконскій, Корсаковъ и Синельниковъ, первый Екатеринославскій губернаторъ. — Овладѣніе Очаковымъ укрѣпляло за нами Крымъ и приднѣпровскія степи, почему Императрица была тронута до слезъ этимъ радостнымъ извѣстіемъ. Фельдмаршальскій жезлъ, украшенный брилліантами, и орденъ Св. Георгія 1-й степени были наградой достойной щедрости Императрицы и заслугъ на пользу края одного изъ ея славныхъ сподвижниковъ.

Въ памятномъ штурмѣ Измаила, 11-го декабря 1790 г., донцы принимали болѣе значительное участіе, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ дѣлахъ. Здѣсь, какъ и въ первыя времена казачества, пѣшія дружины донцовъ шли на приступъ одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей, что было возможно лишь подъ начальствомъ Суворова, умѣвшаго воскресить доблести, которыя прославили на весь міръ защитниковъ Азова. Къ славѣ ихъ внуковъ надо прибавить, что они шли почти безоружные, съ короткими пиками. Бригадиръ Орловъ велъ на валы Измаила 4-ю колонну, а Платовъ 5-ю; остальные казаки находились въ резервѣ. Эти чисто казачьи колонны потерпѣли больше другихъ. Когда Платовъ спустился въ глубокій ровъ, казаки его колонны очутились по поясъ въ водѣ. Не смотря на это, презирая градъ пуль, осыпавшихъ ихъ справа и слѣва, казаки приставили лѣстницы и полѣзли наверхъ. Только что они успѣли вскарабкаться, какъ слышатъ позади страшные, потрясающіе крики: «Алла! Алла!» слышатъ, что тамъ, въ кромѣшной тьмѣ, идетъ глухая свалка, люди борятся на жизнь и смерть. То была колонна Орлова, разрѣзанная на-двое. Когда часть ея успѣла подняться, распахнулись ворота, откуда хлынули янычары и ударили этой колоннѣ во флангъ и тылъ. Въ жаркой рукопашной схваткѣ казачьи пики дробятся въ щепы или же превращаются въ тупыя палки. Несчастные казаки гибнутъ безоружные, и погибли бы всѣ до единаго, не выручи ихъ Суворовъ. Эскадронъ гусаръ и конные казаки, бывшіе въ резервѣ, получили приказаніе врубиться сзади; съ праваго фланга прискакали

два эскадрона карабинеръ, прибѣжали Полочане со своимъ храбрымъ полковникомъ Яцунскимъ. Ни одинъ турокъ тогда не спасся, всѣ легли лоскомъ; ихъ трупы, прикрывшіе казачьи тѣла, сравняли крѣпостной ровъ до земли. Послѣ такого побоища обѣ колонны разстроились, перепутались; казаки, растерявшіе стольких товарищей, упали духомъ; первый пылъ прошелъ. Тогда бригадиръ Платовъ, схвативъ лѣстницу, бросился впередъ, со словами: «Съ нами Богъ и Екатерина! Товарищи, за мной!» Онъ первый полѣзъ на валъ. Точно волной перекинуло казаковъ вслѣдъ за любимымъ вождемъ. При помощи подоспѣвшаго на помощь баталіона бугскихъ егерей, они утвердились наверху, а часть донцовъ, пробравшись лощиной къ Дунаю, успѣла помочь дессанту. Въ 8 часовъ утра русскіе, стоя на валахъ, окружили крѣпость желѣзнымъ кольцомъ. Разсвѣло. Они отдохнули, оправились и стали спускаться въ городъ. Казаки наступали тѣмъ же путемъ, съ сѣвера. Труденъ былъ этотъ путь, труднѣе штурма, потому что турки встрѣчали ихъ на каждой площади, бросались съ ятаганами изъ боковыхъ улицъ, стрѣляли изъ домовъ и гостиницъ. На одной изъ городскихъ площадей казаки были окружены и опять очутились въ отчаянномъ положеніи; опять грозила имъ неминуемая гибель, если бы не подоспѣли на помощь тѣ же егеря. Только къ двумъ часамъ пополудни всѣ шесть колоннъ сомкнулись въ серединѣ города. Тогда 8 эскадроновъ карабинеръ и гусаръ да 2 полка казаковъ проѣхали по всѣмъ улицамъ и очистили ихъ окончательно.—Свидѣтели очаковскаго штурма считали его игрушкой по сравненію съ тѣмъ, что было здѣсь. Сражались мужчины, женщины, старцы — всѣ, кто только могъ держать оружіе; 30 т. русскихъ войскъ должны были подняться на высокіе крутые валы и одолѣть 40 т. турокъ, обрекшихъ себя на смерть. Никогда еще храбрость русскихъ войскъ не подвергалась такому испытанію: они вышли изъ него съ честью, со славой, при чемъ донцы не отстали отъ другихъ. Вѣсть о паденіи Измаила облетѣла всю Европу, привела въ ужасъ султана: это былъ самый надежный и послѣдній оплотъ его владѣній на берегахъ Дуная. Онъ сдѣлался податливѣе, пересталъ слушать подстрекателей и скоро сдался на миръ.

Участникамъ штурма досталась несмѣтная добыча; не брали только лѣнивые, да еще не взялъ ничего самъ вождь.

Офицеры подвели къ нему арабскаго коня чистѣйшей крови, въ богатомъ уборѣ, и просили взять на память о штурмѣ. «Нѣтъ, не нужно мнѣ его, возразилъ Суворовъ, донской конь привезъ меня, донской и увезетъ меня отсюда».—Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней побѣдитель покинулъ Измаилъ на дончакѣ, сзади котораго трусилъ казакъ съ длиннымъ палашомъ Суворова и узелкомъ подъ мышкой, гдѣ былъ сложенъ его мундиръ и регаліи.

VII.

«Въ полѣ.»

Улицы и площади Варшавы, какъ всегда оживленныя, были переполнены снующимъ народомъ; солдаты Варшавскаго гарнизона частью говѣли, частью готовились торжественно встрѣтить праздникъ, какъ это издавна повелось на Руси. Приближалась Пасха 1794 года. Время стояло хорошее; живительное солнышко уже согрѣвало по-весеннему; въ теплыя ясныя ночи не спалось въ душной казармѣ. Въ такую пору меньше всего думалось о бѣдѣ, а она, между тѣмъ, висѣла надъ головой русскихъ.

Въ 3 часа ночи, на страстной четвергъ, солдаты польской конной гвардіи атаковали наши посты, захватили врасплохъ арсеналъ и пороховой магазинъ. Когда оружіе было разобрано, загудѣлъ набатный колоколъ, призывая толпу къ избіенію. Раздались крики мятежной черни: «До брони (къ оружію)! Бей москаля! Кто въ Бога вѣруетъ, бей москаля!» Затрещали выстрѣлы, посыпались удары, застонали несчаст-

ныя жертвы. Къ ужасамъ этой ночи присоединился неистовый лай и вой испуганныхъ собакъ. Убивали всѣхъ встрѣчныхъ, врывались въ квартиры, разыскивая офицеровъ и главныхъ начальниковъ. Часть Кіевскаго полка была захвачена въ церкви, у заутрени, гдѣ безоружные солдаты не могли защищаться: ихъ всѣхъ перебили; другая часть, со своимъ генераломъ Тищовымъ, была окружена солдатами конной гвардіи, съ участіемъ черни. Офицеры не хотѣли сдаваться. Ихъ вырвали силой, заковали и заперли въ погребъ, гдѣ они оставались четверо сутокъ безъ пищи. На 1-й день Пасхи ихъ хотѣли перевести въ другое мѣсто — народъ не допустилъ: набросился на нихъ съ палками и перебилъ всѣхъ до единаго. Въ то же время 1-й баталіонъ Сибирскаго полка, съ генераломъ Милашевичемъ, отбивался картечью у костела св. Креста противъ цѣлаго полка Дзялковскаго. Русскіе дрались отчаянно. На нихъ сыпались удары изъ оконъ сосѣднихъ домовъ, съ крышъ, костеловъ, съ башни, даже изъ кадетскаго корпуса: чуть только русскій наготовитъ фитиль, его сейчасъ же сверху убивали. Раненый Милашевичъ былъ взятъ въ полонъ, принялъ команду князь Гагаринъ. Какой-то кузнецъ хватилъ его желѣзной шиной и убилъ наповалъ. Сбитые въ кучу, сибирцы стали пятиться, при чемъ столкнулись со 2-мъ баталіономъ своего же полка, который, не распознавъ въ дыму товарищей, принялъ ихъ за враговъ. Въ 7 час. утра уже была атакована толпами черни и отставныхъ солдатъ главная квартира, мѣстопребываніе генерала Игельштрома. Хотя ихъ отбили пушками, но отдѣльные, разбросанные по городу отряды остались безъ руководства; адъютанты, которыхъ разсылали начальники, чтобы получить приказанія, не возвращались, потому что попадали въ руки мятежниковъ. Наконецъ, кое-какъ, изъ восьми тысячъ войскъ пробилось за городъ только пять, и то безъ артиллеріи, безъ офицеровъ. Между тѣмъ, главнокомандующій, ничего не зная, съ часу на часъ поджидалъ себѣ выручки. Наступила ночь. По улицамъ валялись трупы, стонали раненые; никто ихъ не подбиралъ, надъ ними еще тѣшились. Въ разныхъ мѣстахъ мятежнаго города раздавались выстрѣлы, били барабаны, звонили колокола, слышались крики: «Да здравствуетъ Косцюшко!» Луна тихо освѣщала эти безобразія. Съ разсвѣтомъ нападеніе на главную квартиру усилилось: пули сыпались дождемъ. Тогда Игельштромъ рѣшился пробиться. У

него было 3 баталіона, сильно утомленныхъ, третій день неѣвшихъ солдатъ. Какъ сквозь строй отрядъ пробивался, то при помощи штыка, то при помощи картечи; для уменьшенія потерь, пробирались пустырями, скрывались въ глухіе переулки. Полковникъ Парфентьевъ былъ оставленъ защищать главную квартиру съ 400 солдатъ. Они проявили мужество достойное того, чтобы сохранить о нихъ память. Перестрѣлявши патроны, солдаты заряжали ружья мелкою монетой; потомъ взялись за пистолеты. Когда поляки подожгли домъ, защитники пытались пробиться: они ударили тѣсной кучкой, но, наткнувшись на тысячную толпу, снова должны были укрываться, и теперь уже черезъ окна, потому что двери пылали въ огнѣ. Тутъ ихъ перестрѣляли по одиночкѣ, а которые успѣли скрыться — задохлись въ дыму.

Вслѣдъ за Варшавой возстали Вильно, Гродно; возмутившіеся поляки, помимо своего короля, вызвали изъ-за границы Косцюшку и вручили ему верховную власть. Вся Польша возстала. У кого недоставало оружія, тому давали косу и ставили въ заднюю шеренгу; въ церквахъ забирали серебряные и золотые сосуды, чеканили изъ нихъ монету. Однако Косцюшко не давалъ воли мятежной черни и старался водворить въ странѣ порядокъ. Узнавши, что въ Варшавѣ были повѣшены нѣсколько русскихъ плѣнниковъ, Косцюшко строго наказалъ виновныхъ и не побоялся сказать въ лицо буйной толпѣ: «Я уважаю русскихъ, хотя они наши непріятели. Всѣхъ плѣнныхъ я принимаю подъ защиту моего меча, и если кто-нибудь изъ васъ посмѣетъ коснуться хоть одного изъ русскихъ, то вы не увидите больше Косцюшки!»—Его армія увеличилась до 70 тыс. и была раздѣлена на 5 корпусовъ различной силы, начиная съ 23-хъ-тысячнаго корпуса самого Косцюшки.

Ближе другихъ русскихъ отрядовъ стоялъ Денисовъ у Радома; остальные лишь сближались къ предѣламъ Польши. Это былъ тотъ самый Ѳедоръ Петровичъ Денисовъ, который въ сраженіи при Ларгѣ на бѣломъ конѣ и въ голубомъ кафтанѣ носился вихремъ въ погонѣ за турками. Румянцевъ его замѣтилъ: «Кто ты таковъ?»—«Казакъ Денисовъ», отвѣчалъ лихой наѣздникъ. Въ шведской войнѣ Денисовъ съ шестью донскими полками и однимъ пѣхотнымъ бросился на десятитысячную армію короля, разбилъ ее, перебросилъ черезъ р. Кюмень, при чемъ отнялъ всю артиллерію. Своимъ быстрымъ

наступленіемъ Денисовъ заставилъ короля просить мира, а въ Петербургѣ въ это время ждали его нападенія, боялись за столицу.

— Какъ вы осмѣлились съ горстью людей напасть на короля? спросила однажды его Императрица.

— Смѣлость, Ваше Величество, отворяетъ ворота къ побѣдѣ, отвѣтилъ Денисовъ.

Теперь въ его отрядѣ находились полки Иловайскаго, Орлова, Янова, Андріяна Денисова, Лащилина и Карпова. Искуснымъ движеніемъ черезъ лѣса и болота Денисовъ пробрался на соединеніе съ пруссаками, и общими силами союзники напали на Косцюшку подъ Щекоциномъ, на р. Пилицѣ. Накапунѣ битвы, когда поляки уже перестроились въ боевой порядокъ, ихъ конный разъѣздъ въ 3 или 4 сотни выѣхалъ впередъ версты за полторы. Казаки его замѣтили. Николай Васильевичъ Иловайскій выстроилъ одну сотню, отдалъ приказанія офицерамъ и, взявши въ руки пику, скомандовалъ: «Ну, любезные друзья, впередъ!» Поляки было приготовились, обнажили палаши, но не успѣли они опомниться, какъ Иловайскій, отхвативъ 50 чел., погналъ ихъ назадъ, да столько же уложилъ на мѣстѣ. Свидѣтелями этой удали были прусскіе офицеры, которые говорили послѣ Денисову, что никогда не видѣли ничего подобнаго. Андріянъ Денисовъ, будущій атаманъ казачьихъ войскъ, котораго Суворовъ называлъ по-просту «Карпычемъ», получилъ передъ сраженіемъ приказаніе достать языка. Казакъ его полка Быкодаровъ подговорилъ нѣсколько товарищей и выѣхалъ съ ними за цѣпь, самъ—впереди. Дѣло было среди бѣла дня. Ихъ замѣтили два польскихъ улана, повернули назадъ и, проскочивши свою цѣпь, крикнули, что за ними погоня. Часовой, должно быть, не разобралъ въ чемъ дѣло, да и синій мундиръ казака сбилъ его съ толку, потому что у нихъ тоже синіе мундиры. Быкодаровъ подскочилъ къ нему, выхватилъ у него саблю, пистолеты, и пока онъ съ нимъ возился, подъѣхали товарищи. Втроемъ они окружили часоваго и поскакали назадъ.

Послѣ Щекоцина казаки насѣдали на поляковъ весь путь до Варшавы, при чемъ не упускали ни одного случая оторвать или разбить отдѣльный отрядъ. Иногда поляки пускались на выдумки. Въ одномъ селеніи на р. Пилицѣ крестьяне упросили Денисова, чтобы онъ разрѣшилъ имъ выгнать скотъ

на пастьбу передъ нашими пикетами. Денисовъ позволилъ. Черезъ нѣсколько времени раздался на пикетахъ выстрѣлъ, означавшій тревогу. Иловайскій поскакалъ съ резервомъ узнать въ чемъ дѣло, но наткнулся на непріятеля въ шесть разъ сильнѣйшаго. Это не помѣшало отважному маіору напасть, сбить и гнать его версты двѣ, даже плѣнныхъ нахватать. Оказалось, что поляки, завидя скотъ, прошли лѣсомъ, потомъ слѣзли съ лошадей, смѣшались со скотомъ и, понуривъ головы, шли между нимъ мимо нашихъ пикетовъ, какъ будто къ водопою. Одинъ изъ казаковъ смекнулъ эту штуку: онъ-то и выстрѣлилъ.

Приблизившись къ Варшавѣ, поляки заняли укрѣпленія, а русскіе и пруссаки расположились кругомъ. Между шанцами и нашими пикетами ходилъ непріятельскій скотъ, подъ небольшимъ прикрытіемъ. Нѣсколько офицеровъ «казачьимъ манеромъ» тихонько подкрались къ стаду и отбили болѣе 200 головъ. До чего доходила удаль донцовъ можно видѣть по слѣдующему примѣру. 20 іюля польская конница сдѣлала нападеніе на нашу батарею, только что еще устроенную, но пока невооруженную. Поляковъ отбили; казаки, какъ всегда,— въ догонку. Въ жару погони Денисовъ занесся такъ далеко, что попалъ въ середину непріятельской пѣхоты. Онъ уже поднялъ ногу, хотѣлъ слѣзать, считая себя въ плѣну, только слышитъ изъ-за фронта знакомые голоса: «Батюшка! Не бойся: мы здѣсь!» Тогда Денисовъ круто повернулъ лошадь, вырвался изъ карре и встрѣтилъ около 20 ч. своего полка казаковъ. Вмѣстѣ съ ними онъ ускакалъ въ виду изумленныхъ поляковъ, пославшихъ въ догонку съ десятокъ шальныхъ пуль. Дѣло объяснилось послѣ: маіоръ Грузиновъ поскакалъ вслѣдъ за Денисовымъ и какимъ-то чудомъ выручилъ пылкаго начальника.

Въ началѣ сентября король прусскій, соскучивъ осадой, отошелъ отъ Варшавы, послѣ чего и русскія войска, подъ начальствомъ генерала Ферзена, потянулись лѣвымъ берегомъ Вислы. Во что бы то ни стало надо было перейти на эту сторону, потому что навстрѣчу наступалъ уже Суворовъ; но поляки, идя правымъ берегомъ, зорко слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ. И тутъ выручили казаки. По приказанію Ферзена часть донцовъ съ конно-егерскимъ полкомъ ушла впередъ, къ Пулавамъ, какъ будто приготовить переправу, а въ это время весь остальной корпусъ собрался ниже, у Ко-

зенницы. Пока вязали плоты, пока сгоняли съ окрестныхъ деревень лодки, поляки насыпали на другомъ берегу батарею. Наконецъ все готово, заговорили пушки. Послѣ канонады съ обѣихъ сторонъ Иванъ Карповъ и Серебряковъ получили приказаніе переправить свои полки противъ польской батареи. Казаки сняли съ себя мундиры, разсѣдлали лошадей и, выскочивъ изъ лѣсу, съ однѣми лишь пиками, ринулись прямо въ Вислу. Поляки такъ оробѣли, что покинули всѣ пушки и бѣжали. Послѣ этого корпусъ Ферзена переправился безъ всякой помѣхи. Казаки уже успѣли развѣдать правый берегъ и узнать, что неподалеку отъ мѣста переправы, на болотистой равнинѣ, окруженной лѣсами, стоитъ готовый къ битвѣ цѣлый польскій корпусъ. Это былъ самъ Косцюшко. Его позиція была прикрыта съ фронта окопами, справа—лѣсами, а лѣвый флангъ оставался открытъ. Вечеромъ 27 сентября генералъ Денисовъ съ отрядомъ пѣхоты, съ 10 эскадронами конницы и всѣми казачьими полками, при 8 пушкахъ, двинулся въ обходъ лѣваго фланга, черезъ лѣса. Самъ Ферзенъ съ остальными войсками выступилъ въ полночь къ д. Мацеевицамъ прямо черезъ болота. На разсвѣтѣ наши перестроились въ боевой порядокъ и двинулись, подавая правый флангъ впередъ. Поляки отбили первый натискъ и перешли въ наступленіе. Тогда Ферзенъ выдвинулъ 14 баталіоновъ грозной русской пѣхоты. Безъ выстрѣла она бросилась на окопы, быстро ими овладѣла, и уже послѣ того никакая картечь не могла ее оттуда выбить. Поляки отошли на полверсты, устроились снова, но въ это время у нихъ на лѣвомъ флангѣ появился Денисовъ. Два казачьихъ полка понеслись вправо, а конно-егерскій, со своимъ сѣдымъ командиромъ Вульфомъ, забралъ влѣво. Тѣ и другіе, какъ бы соревнуя, врубились въ ряды непріятельской пѣхоты, растоптали ее, уничтожили, и лишь одни артиллеристы, совершенно покинутые, продолжали поворачивать свои пушки, поражая насъ картечью; наконецъ, и артиллерія смолкла. Тогда самъ Косцюшко, ставъ на челѣ своей конницы, пытался остановить побѣдное движеніе русскихъ. Напрасно: польская пѣхота бросала оружіе, конница спасалась бѣгствомъ, и послѣднему защитнику нѣкогда воинственной Польши оставалось то же самое—уходить. Онъ ускакалъ въ сопровожденіи десятка уланъ. По его слѣдамъ пустились Харьковскаго полка корнетъ Лисенко, Елисаветградскаго корнетъ Смородскій да два казака—Лосевъ и

Топилинъ. Своей тяжелой рукой Лисенко одинъ зарубилъ пять уланъ, остальные разбѣжались. Вихремъ неслись кони. Покинувъ дорогу, Косцюшко взялъ влѣво, за прясла, но тутъ конь его споткнулся и упалъ. Казаки дали ему два удара пикой; Лисенко хватилъ его по головѣ саблей, послѣ чего сейчасъ же его призналъ: «это Косцюшко?»—«Я Косцюшко, воды!» Одинъ изъ казаковъ побѣжалъ за водой, но пока ее принесъ, польскій вождь впалъ въ безпамятство. Тогда казаки сдѣлали изъ пикъ носилки и бережно его понесли. Разсказывали, что Косцюшко, очнувшись, пожелалъ видѣть виновника своего плѣна. Когда предсталъ предъ нимъ исполинской силы богатырь-корнетъ, Косцюшко пожалъ ему руку и успокоился.

Суворовъ, узнавши о его плѣнѣ, воскликнулъ: «Слава Богу! Косцюшко взятъ, и Польша наша!» Дѣйствительно, въ сраженіи подъ Мацеевицами, которое русскіе ветераны прозвали «рѣзаниной», лучшія польскія войска потеряли всю артиллерію, обозъ, 6 т. убитыхъ; кромѣ того, остались въ плѣну Сѣраковскій, Княжевичъ, Коссинскій, около 200 офицеровъ и 2 т. солдатъ. Уцѣлѣли лишь небольшіе отряды Вавржецкаго да Понинскаго, того самаго, который защищалъ переправу черезъ Вислу. Они спасались теперь въ Варшаву. За ея окопами поляки надѣялись удержаться, затянуть войну, а тамъ—что Богъ пошлетъ. Но этимъ они могли только тѣшить себя, того не подозрѣвая, что наступали послѣдніе дни существованія Польши. Суворовъ спѣшилъ прикончить мятежъ; сподвижники его славныхъ походовъ, украшенные крестами за Кинбурнъ, Рымникъ, Очаковъ, Измаилъ,—несли на штыкахъ грозную месть за гибель своихъ братьевъ, истребленныхъ на улицахъ Варшавы. Шибко шли они отъ турецкой границы, по-суворовски; самъ генералъ ѣхалъ весь путь до Варшавы верхомъ; за нѣсколько верстъ впереди, по обыкновенію, рысили казаки, подъ начальствомъ Исаева. Въ началѣ похода ихъ было всего $2^1/_2$ сотни, но потомъ, съ присоединеніемъ всѣхъ остальныхъ отрядовъ, число казаковъ возросло до $2^1/_2$ тысячъ. Они срывали польскіе разъѣзды, открывали расположеніе и силы непріятеля, наконецъ вмѣстѣ съ прочими войсками участвовали въ кровавомъ штурмѣ Праги.

Съ высоты трона великая Императрица заботливо слѣдила въ продолженіе своего долгаго и славнаго правленія за по-

двигами донцовъ на отдаленныхъ окраинахъ русской земли. Она благоволила къ донскому войску, цѣнила его вѣковую вѣрность, почитала его доблести, что видно изъ ея собственныхъ словъ: «Войско донское безстрашно ходило на приступы и опровергало превосходныя силы непріятеля въ польскихъ сраженіяхъ».—Въ 1793 году войску была пожалована Высочайшая грамота, въ которой подтверждались его права на вѣчное владѣніе принадлежащими ему землями. Депутаты отъ войска удостоились получить эту грамоту изъ собственныхъ рукъ Государыни, вмѣстѣ съ картой войсковыхъ земель и хлѣбомъ-солью. На обратномъ пути депутатовъ чествовали по стариннымъ обычаямъ. На границѣ войска ихъ ждалъ почетный караулъ; въ Черкаскѣ ихъ встрѣчали колокольнымъ звономъ, пушечной пальбой. Когда смолкъ громъ орудій, царскую грамоту и хлѣбъ-соль внесли въ войсковой кругъ; дьякъ прочелъ ее вслухъ, войсковой атаманъ поцѣловалъ Высочайшую надпись. Послѣ торжественнаго молебна весь кругъ двинулся къ дому войсковаго атамана, гдѣ пожалованная хлѣбъ-соль была раздѣлена на 6 равныхъ частей, изъ которыхъ одну раздробили на мелкіе кусочки по числу присутствующихъ; остальныя части были разосланы по станицамъ. Вездѣ такъ же торжественно встрѣчали царскую грамоту, вычитывали ее на полныхъ станичныхъ сборахъ, послѣ чего дѣлили царскую хлѣбъ-соль между всѣми станичниками.

Въ царствованіе сына и преемника Екатерины 6 донскихъ полковъ бились подъ начальствомъ того же Суворова въ Италіи, выручали русскія войска въ горахъ Швейцаріи, но объ этихъ славныхъ дѣлахъ разсказано въ другомъ мѣстѣ *).

Въ послѣдній же годъ царствованія Императора Павла Петровича войско донское выставило еще небывалое до того времени ополченіе въ памятный походъ «къ сторонѣ Оренбурга». Атаманъ Орловъ отдалъ приказъ по войску, чтобы «всѣ донцы до послѣдняго непремѣнно въ 6 дней выступили о-дву-конь съ полуторамѣсячнымъ провіантомъ». И дѣйствительно, собирались и вооружались всѣ до послѣдняго: станицы оставались безъ писарей, церкви безъ чтецовъ. Не

---

*) См. „Походы въ Италіи“ и „Швейцарскій походъ“—„Общедоступная Военно-Историческая Христоматія“, книга Вторая, стр. 207 и 225.

были забыты и донскіе калмыки, которымъ также было приказано, всѣмъ безъ исключенія, подняться въ дальній походъ. Распоряженія къ таинственному походу дѣлались спѣшно. Въ Оренбургѣ скупались верблюды для перевозки тяжестей по Киргизской степи, изъ казны было отпущено на жалованье, провіантъ и фуражное довольствіе 2¹/₂ милліона рублей, «кои, писалъ Государь, должны быть возвращены изъ добычи той секретной экспедиціи».—Атаманъ выслалъ въ Оренбургъ надежныхъ офицеровъ, чтобы они секретно разузнали, какіе есть пути для прохода войска черезъ степи киргизскія до Хивы, а оттуда къ Бухарѣ и далѣе въ Индію. На Дону же немногіе знали, что это за Индія? Не знали, что поперекъ дальняго тысячнаго пути протекаютъ широкія многоводныя рѣки, разстилаются песчаныя безводныя пустыни, возвышаются къ небу заоблачныя, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ горы, и что, только преодолѣвши всѣ эти трудности, можно попасть въ страну алмазовъ и жемчуга, туда, гдѣ произрастаютъ пальмы, драгоцѣнныя сандальныя деревья, гдѣ водятся слоны, тигры, обезьяны и самыя красивыя въ мірѣ птицы, однимъ словомъ — въ Индію, которую захватили англичане. Про все это мало кто зналъ. Тѣмъ не менѣе, черезъ мѣсяцъ послѣ царскаго указа 22¹/₂ т. донцовъ были уже въ сборѣ. Когда ихъ раздѣлили по полкамъ, оказалось 41 полкъ и двѣ роты конной артиллеріи. Перекрестившись, казаки поклонились въ родную землю и повернули коней на восходъ солнца: немногіе таили смутную надежду вернуться назадъ. Донцы двинулись къ Оренбургу четырьмя отрядами, подъ общимъ начальствомъ атамана Орлова. Какъ во времена Пугачевщины, Донъ опустѣлъ: остались бабы, дѣти да калѣки безногіе.

Государь, получивши донесеніе о выступленіи донскаго войска, остался чрезвычайно доволенъ. Онъ приказалъ объявить донцамъ Высочайшее благоволеніе «за готовность къ выступленію, за исправность, а равно пожелалъ имъ счастливаго похода и успѣха». Еще раньше того, Государь обѣщалъ всѣ богатства Индіи въ пользу донцовъ.

Стояла жестокая стужа; дороги отъ множества снѣгу были непроходимы, особенно для артиллеріи; сильныя встрѣчныя мятели бушевали на широкомъ просторѣ степей. Бьются цѣлый день казаки, придутъ на ночлегъ, а обогрѣться негдѣ, измученнымъ конямъ нѣтъ корма. Въ Саратовской губерніи

былъ передъ этимъ неурожай, почему ни за какія деньги нельзя было достать ни сѣна, ни овса. Боялись, что лошади совсѣмъ оголодаютъ. Наступилъ мартъ, снѣга стали таять, рушились рѣки. Казакамъ приходилось ежедневно то складывать живые мостки черезъ игравшія рѣки, то переходить ихъ въ бродъ или же пускаться на-авось по тонкому льду, проваливаться и вовсе тонуть. Иные полки ежедневно мѣняли свои маршруты, выгадывая, гдѣ бы лучше пройти. Проходили недѣли, и атаманъ не зналъ, гдѣ его полки находятся. Много натерпѣлись тогда донскіе казаки! Однако, на 24-й день похода войско остановилось на р. Иргизѣ, за которымъ разстилалась безъ краю ровная, какъ скатерть, киргизская степь. Былъ пройденъ путь въ 700 верстъ, а сколько оставалось—про то никто не вѣдалъ. Тутъ довелось казакамъ встрѣчать Христовъ праздникъ. Подъ открытымъ небомъ они прослушали божественную службу, похристосовались, разговѣлись по-походному и окружили атамана. На этотъ разъ его лицо, истомленное тревогами за судьбу дальняго похода, имѣло видъ необычайный: важный, торжественный. Всѣ притаили дыханіе, когда атаманъ развернулъ какія-то бумаги и сталъ читать сначала одну изъ нихъ: то былъ Высочайшій манифестъ о восшествіи на престолъ новаго Императора; въ другой бумагѣ заключалось повелѣніе о немедленномъ возвращеніи казацкихъ полковъ на Донъ.—«Жалуетъ васъ Богъ и Государь родительскими домами!» много разъ повторялъ атаманъ смѣнявшимъ одна другую толпамъ казаковъ, изъ которыхъ каждому хотѣлось удостовѣриться въ подлинности того, о чемъ онъ кругомъ слышитъ, а ушамъ не вѣритъ... Повернули въ обратный путь, и хотя было все то же, но переносилось легче; въ апрѣлѣ казаки уже разошлись по домамъ, и, что отраднѣе всего, вернулись въ добромъ здоровьѣ, покинувъ въ степяхъ самую малость могильныхъ крестовъ.

Еще не успѣли донцы позабыть киргизскихъ степей, какъ ихъ двинули на другой конецъ, къ берегамъ Нѣмана и дальше, на знакомыя отцамъ поля Германіи. На этотъ разъ довелось встрѣтить войска болѣе искусныя, чѣмъ нѣмцы, привыкшія къ побѣдамъ, предводимыя лучшимъ полководцемъ Европы. Рѣчь идетъ объ французахъ, о ихъ императорѣ Наполеонѣ. Почти во все продолженіе великихъ войнъ Императора Александра на челѣ казачьихъ полковъ стоялъ Матвѣй Ивано-

вичъ Платовъ, «вихрь-атаманъ», — такъ его звали въ ту пору. Какъ зоркій орелъ съ поднебесья намѣчаетъ себѣ добычу, такъ и казачій атаманъ, внимательно слѣдившій за ходомъ битвы, вдругъ расправлялъ свои могучія крылья: по его слову, по его знаку летѣли казачьи полки—то въ тылъ, то во флангъ, то навстрѣчу врагу; причиняли ему замѣшательство, били, гнали, вырывали изъ рукъ готовую побѣду. А французы, къ тому же, были заносчивы, на казаковъ смотрѣли свысока; въ походѣ и на бивакахъ не соблюдали осторожности, дрались въ бою запальчиво, короче сказать, промаховъ дѣлали много, но ни одинъ промахъ не проходилъ имъ даромъ. Если они отступали, казаки сидѣли у нихъ на хвостѣ, при наступленіи—казаки ихъ сдерживали, скрывали передвиженіе своей арміи; наконецъ, когда французы располагались по квартирамъ, казаки не давали имъ отдыха, держали въ полной готовности къ бою. Французы не знали, когда, откуда и въ какомъ числѣ появятся казаки. Они возненавидѣли ихъ, а впослѣдствіи стали бояться. Наполеонъ сказалъ про казаковъ, что это посрамленіе рода человѣческаго. Онъ не зналъ, какъ и чѣмъ отъ нихъ обороniться.

Императоръ Александръ Павловичъ велъ съ французами три войны: въ первой войнѣ онъ хотѣлъ помочь австрійцамъ, во второй — пруссакамъ; въ третьей войнѣ намъ самимъ пришлось обороняться.

Наполеонъ обладалъ тѣмъ великимъ даромъ полководца, что умѣлъ всегда упредить противника; пока тотъ соберется съ силами, пока придумаетъ съ чего начать, ужъ онъ окруженъ французскими войсками и волей-неволей долженъ принять бой. Такъ же случалось и съ нашими союзниками: когда мы являлись къ нимъ на помощь, они уже были разбиты, и вся тяжесть войны падала на русскихъ. Послѣдній разъ дѣло стояло еще хуже, потому что Наполеонъ раскаталъ пруссаковъ въ одинъ и тотъ же день въ двухъ сраженіяхъ и занялъ ихъ столицу, Берлинъ. Пруссія очутилась въ самомъ безпомощномъ положеніи; изъ-за нея приходилось на свой страхъ начинать новую войну.

Соблюдая осторожность, наша армія то наступала къ Вислѣ, то отходила къ своимъ границамъ, смотря по обстоятельствамъ, при чемъ случались мелкія схватки, бывали и жестокіе бои, когда обѣ стороны сходились всѣми силами.

Въ этой войнѣ казаки, которыхъ считалось 13 полковъ, имѣли много случаевъ показать, на что они способны.

Въ концѣ января 1807 года, среди зимы, на покрытыхъ снѣгомъ поляхъ, возлѣ прусскаго городка Прейсишъ-Эйлау происходила кровопролитная битва, которую можно уподобить развѣ только Бородинской: безъ малаго 50 тысячъ убитыхъ и раненыхъ устлали мѣсто двухдневнаго побоища. Сраженіе кончилось ни въ чью, но Наполеонъ, чтобы показать, что онъ взялъ верхъ, простоялъ на мѣстѣ 9 дней, послѣ чего также отступилъ. Отступленіе его войскъ совершалось такъ торопливо и въ такомъ безпорядкѣ, что по слѣдамъ арміи валялись раненые, умирающіе, торчали фуры, повозки, даже попадались пушки. Казаки, подъ начальствомъ Платова, шли по пятамъ французовъ, не давая имъ отдыха ни на бивуакахъ, ни на квартирахъ. Французская конница до того обезсилѣла, что перестала выѣзжать на аванпосты, почему нашему авангарду всегда приходилось имѣть дѣло съ пѣхотой. Въ первыхъ числахъ февраля Платовъ выгналъ французовъ изъ г. Прейсишъ-Эйлау, при чемъ освободилъ изъ плѣна болѣе тысячи русскихъ; кромѣ того, въ продолженіе мѣсяца казаки сами нахватали въ мелкихъ схваткахъ 2,200 французовъ, въ томъ числѣ до 40 офицеровъ. Французы во время зимней стоянки умаялись больше, чѣмъ за время походовъ. Донцы какъ шмели кружились вокругъ деревень, срывали пикеты, хватали плѣнныхъ, отбивали продовольствіе и этой малой войной держали непріятеля въ вѣчной тревогѣ. Французская пѣхота въ самое ненастное время проводила дни и ночи на бивуакахъ въ ожиданіи казаковъ. Съ этого времени за Платовымъ утвердилась слава лихого атамана, слава, которую онъ сохранилъ до конца своей боевой жизни.

Съ открытіемъ весны набѣги казаковъ становятся все чаще и чаще; они проникаютъ въ глубь квартирнаго расположенія французской арміи, тревожатъ главныя квартиры ея маршаловъ. Однажды Платовъ переправился черезъ рѣчку Омулей и послалъ три полка подъ начальствомъ Карпова 1-го вправо, 4 полка съ Иловайскимъ влѣво, а самъ двигался по серединѣ, чтобы, смотря по надобности, поддержать того или другаго. Казаки Карпова встрѣтили непріятеля въ двухъ колоннахъ; одну разогнали, а другая отбилась отъ нихъ пушками. Иловайскій наткнулся на конницу; тутъ былъ старый уланскій полкъ Домбровскаго и еще 15 эскадроновъ сбор-

ныхъ. Казаки притворнымъ отступленіемъ завлекли ихъ подальше отъ пѣхоты, построили лаву и живо охватили оба фланга. Послѣ короткой схватки французы повернули назадъ; казаки—за ними и гнали ихъ, на глазахъ своего атамана, больше шести верстъ. Плѣнные такъ были напуганы, что полковникъ графъ Стаховскій упалъ въ ноги Иловайскому съ просьбой о пощадѣ.—При всякомъ удобномъ случаѣ казаки пускали въ ходъ свои обычныя сноровки. Въ ночь на 14-е мая Г. М. Иловайскій 4-й отрядилъ сотню казаковъ съ приказаніемъ залечь имъ въ лѣсу, а утромъ выслалъ 30 чел. къ д. Альтенъ-Кирхенъ выманить французовъ. Какъ ни задирали казаки, конница не поддалась; вмѣсто того выступила пѣхота «въ большомъ числѣ», за которой слѣдовало конное прикрытіе. Казаки искусно завели пѣхоту на свою засаду. Подполковникъ Бѣлогородцевъ выскочилъ изъ лѣсу, ударилъ всей сотней непріятелю во флангъ: французы разбѣжались, 40 чел. осталось въ плѣну. Дня черезъ три послѣ этого есаулъ Болдыревъ съ небольшимъ отрядомъ подползъ къ самымъ бивуакамъ: сдѣлавши залпъ, казаки уложили человѣкъ 20 и ускакали въ лѣсъ. Пока французы опомнились,— ихъ и слѣдъ простылъ.

Любопытна первая встрѣча казаковъ съ фрацузскими кирасирами, или, какъ ихъ называлъ Наполеонъ, «желѣзными людьми». Это случилось въ сраженіи подъ г. Гейльсбергомъ, гдѣ наша армія отбивалась цѣлый день въ своихъ окопахъ; казаки, по обыкновенію, тревожили тылъ и флангъ французовъ. Денисову пришлось стоять съ бригадой за болотистымъ ручьемъ. Онъ уже сдѣлалъ пять атакъ и теперь приводилъ въ порядокъ разстроенныя сотни.

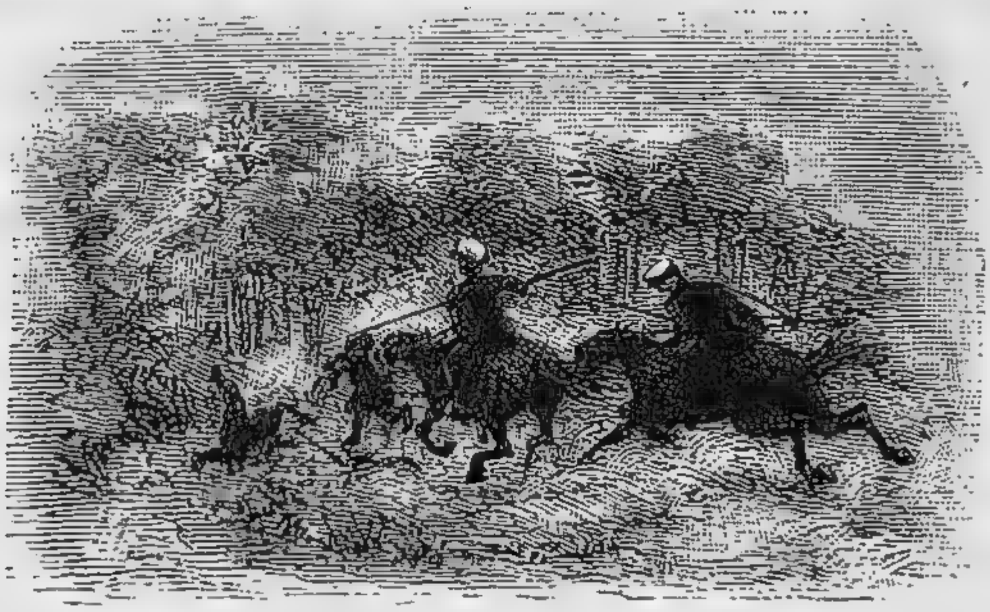
— Латники! Латники! заговорили вдругъ казаки, завидя на томъ берегу 2 эскадрона «желѣзныхъ людей». Кирасиры перешли ручей и вразсыпную атаковали донцовъ. Первый ударъ былъ жестокъ, казаки подались, но такъ-же скоро оправились, окружили латниковъ и стали колоть ихъ пиками. Однако наконечники гнулись, даже вовсе ломались; кирасиры сѣкли донцовъ своими тяжелыми палашами, ударъ за ударомъ, точно топорами. Казацкая смѣтка и тутъ взяла верхъ: «Колпаки долой!» крикнулъ кто-то въ свалкѣ, и казаки начали сбивать имъ шишаки, послѣ чего смѣло били по головамъ и вышибали изъ сѣдель. Кирасиры, «растерявъ головы», опрометью пустились назадъ, но изъ двухъ

эскадроновъ ѐдва ли ушла одна треть. Казацкой удали не было границъ, что можно подтвердить еще однимъ примѣромъ. Войсковой старшина Ефремовъ налетѣлъ среди бѣла дня на французскаго маіора, который имѣлъ неосторожность отъѣхать отъ своего баталіона и стоялъ въ сторонкѣ, о чемъ-то задумавшись. Въ одинъ мигъ онъ лишился сабли, его лошадь подхвачена за поводъ, и онъ скачетъ, самъ не зная куда, невѣдомо съ кѣмъ. Долго маіоръ не могъ понять, какъ это онъ не покидая батальона, очутился въ плѣну?

Подъ Гейльсбергомъ наши отбились отъ французовъ, но спустя нѣсколько дней были разбиты подъ Фридландомъ. 36 французскихъ орудій подъѣхали сначала на 600 шаговъ, потомъ придвинулись на полтораста и открыли такой губительный огонь, что наша артиллерія умолкла, 1-я линія дрогнула, изъ 2-й линіи бросились полки Лейбъ-Егерскій, Измайловскій и Конно-гвардейскій, но съ мѣста были разстроены. Измайловцы потеряли въ нѣсколько минутъ 400 челов., имѣя-то всего 500. Напрасно Багратіонъ, Раевскій, Багговутъ, Марковъ, Ермоловъ — наши лучшіе генералы, пытались водворить порядокъ въ той ужасной тѣснотѣ, въ какой очутились русскія боевыя линіи. Князь Багратіонъ обнажилъ даже свою шпагу, что дѣлалъ онъ чрезвычайно рѣдко; напрасно онъ ободрялъ Московскій гренадерскій полкъ, остатки котораго окружали его лошадь. Онъ напоминалъ Италію, походы, славныя битвы—нѣтъ, ничего не помогало: французскія колонны валили впередъ съ криками: «Да здравствуетъ Императоръ!» — Тогда князь Багратіонъ началъ переправлять войско на лѣвый берегъ Алле; мосты уже были объяты пламенемъ. Наши потеряли подъ Фридландомъ 15 т. и десятка полтора орудій.

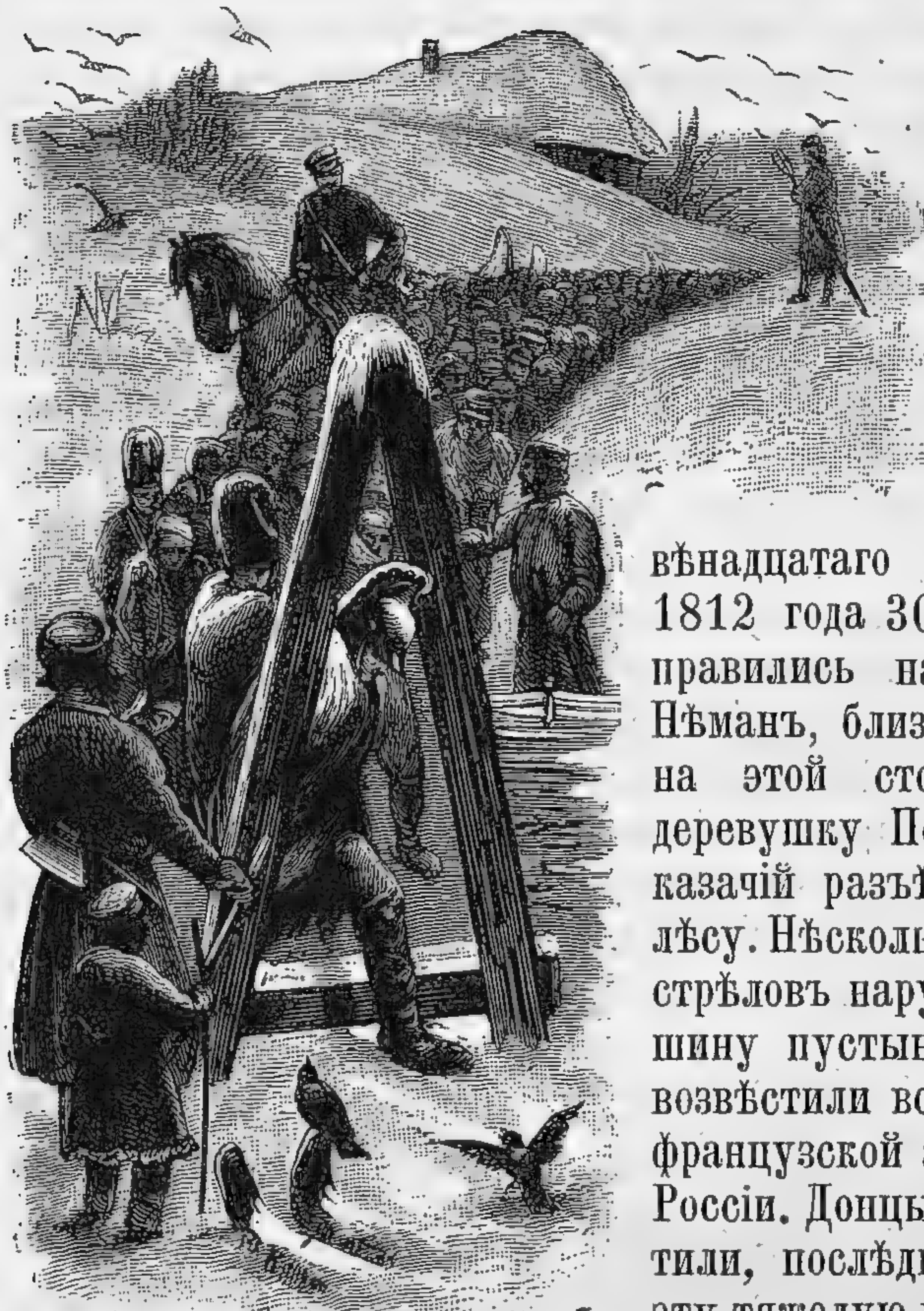
Война была кончена, русскіе отступали къ Нѣману. На всемъ этомъ длинномъ пути казаки, вмѣстѣ съ башкирами, Павлоградцами и 1-мъ Егерскимъ полкомъ, прикрывая движеніе арміи, дали ей возможность отступить въ порядкѣ, сберегли ея артиллерію, обозы. Особенно стремительно наступали французы на третій день послѣ сраженія. Платовъ устроилъ въ лѣсу засѣки, за которыми посадилъ спѣшенныхъ казаковъ. Дружнымъ залпомъ изъ-за первой засѣки донцы задержали наступленіе непріятельской пѣхоты; когда же подъѣхала къ ней артиллерія, они отошли за вторую засѣку, потомъ за третью; тѣмъ временемъ русскій арріер-

гардъ успѣлъ порядочно уйти. Французы послали въ обходъ конницу. Тогда Платовъ покинулъ лѣсъ, отошелъ къ деревнѣ Битененъ, гдѣ устроилъ всѣ находившіеся при немъ полки къ бою. Французскіе эскадроны приближались на рысяхъ. Донцы встрѣтили ихъ длинной лавой, сбили, вогнали въ лѣсъ, откуда вскорѣ раздались залпы пѣхоты, артиллеріи и появились цѣлыя колонны. Платовъ тотчасъ отступилъ. Французскіе фланкеры сгоряча заскакали впередъ — это не прошло имъ даромъ: казаки переловили ихъ всѣхъ до единаго на глазахъ непріятеля.—Такъ отважно и неутомимо прикрывали донцы наши разстроенные, утомленные полки. Но и сами они натерпѣлись не мало. Край былъ разоренъ, обезлюденъ; если гдѣ и уцѣлѣли кое-какіе запасы, то нѣмцы тщательно ихъ укрывали, закапывая въ ямы, чтобъ ничего не досталось русскимъ. Ни хлѣба, ни овса, даже соломы нельзя было достать въ странѣ, призвавшей насъ на помощь. На что ужь казаки промыслить мастера — и тѣ по цѣлымъ днямъ оставались не ѣвши; лошадки подбились, отощали — и такъ шли до самаго Нѣмана, гдѣ война прикончилась Тильзитскимъ миромъ. Донцы были утѣшены и вознаграждены царскими милостями. Въ похвальной грамотѣ 1811 года Государь такъ отзывался объ ихъ службѣ: «Врожденная бдительность донскихъ воиновъ, на полѣ брани воспитанная, исчисляла всѣ движенія, наблюдала предпріятія, предупреждала сокровеннѣйшія намѣренія непріятеля и недремлющимъ окомъ главнокомандующему служила». При этой же грамотѣ было пожаловано отъ лица благодарнаго отечества знамя «съ изображеніемъ отличныхъ дѣяній войска Донскаго».

VIII.

Какъ донцы постояли всѣмъ войскомъ за русскую землю.

вѣнадцатаго іюня памятнаго 1812 года 300 поляковъ переправились на лодкахъ черезъ Нѣманъ, близь Ковно, и заняли на этой сторонѣ небольшую деревушку Понѣмуни. Лейбъ-казачій разъѣздъ отошелъ къ лѣсу. Нѣсколько десятковъ выстрѣловъ нарушили сонную тишину пустынныхъ береговъ и возвѣстили вступленіе Великой французской арміи въ предѣлы Россіи. Донцы первые ее встрѣтили, послѣдніе проводили. Въ эту тяжелую годину сыны Дона сослужили такую службу, которая останется навсегда памятной русскому народу. Пока Великая армія была въ силѣ и устройствѣ, они носились вокругъ нея какъ стаи скворцовъ, норовя, съ какой бы стороны ее ущипнуть; когда же она ослабѣла, казаки терзали ее по кускамъ, какъ орлы терзаютъ хвораго быка. И это

случилось въ какихъ нибудь 7 мѣсяцевъ — примѣръ небывалый!

При открытіи военныхъ дѣйствій находилось 50 донскихъ полковъ, или до 30 т. казаковъ, кромѣ артиллеріи; летучій корпусъ Платова составляли 14 полковъ, прочіе были разбиты по корпусамъ. Служба донцовъ началась разрушеніемъ мостовъ, порчей пути, истребленіемъ продовольствія, такъ что французы сразу почувствовали тягости похода. Этого мало. Казаки не только ихъ удерживали, но, гдѣ только можно было, дрались отчаянно, «скрутя головы». — Платовъ получилъ приказаніе прикрывать своими казаками движеніе Второй арміи, князя Багратіона, спѣшившаго изъ Литвы на соединеніе съ Первой арміей. Въ авангардѣ короля Іеронима, брата Наполеона, двигались три полка уланъ отъ Новогрудка къ с. Кареличи (Минской губерніи), а тамъ стоялъ тогда Платовъ. Поляки, не зная казачьихъ сноровокъ, шли безпечно; по обѣ стороны дороги раскинулся кустарникъ, между которымъ торчали тощія деревья. Вдругъ, одновременно на обоихъ флангахъ появились казаки — полки Иловайскаго 5-го и Карпова 2-го. Они сбили уланъ, многихъ перекололи, остальныхъ прогнали къ Новогрудку, гдѣ находилась квартира короля. Эта первая схватка подняла духъ казачій; на счетъ ея у нихъ сложилась хорошая примѣта. На другой день Платовъ угостилъ засадой. Сотня донцовъ должна была прикрывать путь, а по сторонамъ дороги засѣли отборные казаки. Польскіе уланы, подъ начальствомъ генерала Турно, пустились въ погоню за передней сотней, при чемъ, конечно, растянулись, частью разсыпались и въ эту минуту очутились среди вытянутыхъ пикъ. Болѣе 200 челов. попало въ плѣнъ, самъ Турно едва ускакалъ; за нимъ гнались около 15 верстъ. Ослѣпленіе поляковъ было такъ велико, что они на слѣдующій день наскочили на такую же точно ловушку. Тогда король вмѣстѣ съ конницей выдвинулъ пѣхоту и артиллерію. Багратіонъ приказалъ задержать ихъ во что бы то ни стало, дать время выступить нашимъ обозамъ изъ Слуцка. И тутъ казаки отличились. Они два раза встрѣчали атаки непріятельской конницы и оба раза прогоняли ее вплоть до пѣхоты. Поле сраженія — въ семи верстахъ отъ Романова — покрылось убитыми, ранеными; 1-й конно-егерскій полкъ былъ тогда совершенно истребленъ казаками: онъ потерялъ 500 чел., не считая офицеровъ.

Такъ, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, казаки прикрывали опасное движеніе Второй арміи, между двухъ французскихъ корпусовъ, маршала Даву и короля Іеронима. Багратіонъ же, подъ защитой донцовъ, хотя съ большимъ трудомъ, но дошелъ до Бобруйска. Здѣсь атаманъ получилъ приказаніе, послѣ переправы черезъ Днѣпръ, идти на соединеніе съ Первой арміей. И тому, и другому главнокомандующему одинаково хотѣлось имѣть донцовъ при себѣ. Однако казаки сослужили еще разъ Багратіону. Переправившись черезъ Днѣпръ, они снова повернули назадъ и малыми отрядами одновременно появились въ разныхъ мѣстахъ — подъ Могилевымъ, въ Шкловѣ, Копысѣ, подъ Оршей. Подобно огню охватили донцы огромное пространство, примѣрно на 100 верстъ, при чемъ обыскали всѣ деревушки, появлялись на всѣхъ дорогахъ, истребляли фуражировъ, мародеровъ и все то, что ими было собрано. Вся эта сумятица въ тылу французской арміи продолжалась нѣсколько дней; маршалъ Даву рѣшительно потерялъ голову: этотъ смѣлый набѣгъ сбилъ его съ толку; онъ недоумѣвалъ, гдѣ же наконецъ русскіе? А между тѣмъ Багратіонъ благополучно прослѣдовалъ черезъ Мстиславль навстрѣчу Барклаю, который шелъ отъ Витебска. Въ Смоленскѣ, какъ извѣстно, обѣ арміи соединились. Такъ какъ казакамъ часто случалось заставать французовъ врасплохъ, гоняться за ними по слѣдамъ, то они первые увидѣли, какъ непріятель грабитъ селенія, разоряетъ дворянскія усадьбы, насилуетъ женъ и дочерей, истязаетъ не только крестьянъ, но и священниковъ, допытывая ихъ, гдѣ лежатъ сокровища; наконецъ, какъ французы оскверняютъ храмы Божіи, не щадятъ ни св. иконъ, ни сосудовъ, ни одеждъ. Въ одномъ селѣ казаки видѣли, что французы мыли и развѣшивали на образахъ исподнее бѣлье. Все это казаки оповѣстили во всю русскую землю, чѣмъ еще больше распалили къ нимъ ненависть.

Въ то время, когда русскіе люди, по призыву Монарха, выряжали ратниковъ, сносили свое достояніе на спасеніе отечества, тихій Донъ ополчался поголовно. Какъ во времена «всеобщаго сполоха», донцы оповѣщали населеніе станицъ и хуторовъ, что врагъ пришелъ въ несмѣтномъ количествѣ, что онъ похваляется пройти до береговъ завѣтнаго Дона, искоренить казачество. «Если Богъ, говорили они, попустить врага осквернить своимъ присутствіемъ казацкую землю,

тогда не пощадитъ онъ ни женъ, ни дѣтей нашихъ, поругаетъ онъ храмы Господни, встревожитъ прахъ отцовъ нашихъ и смѣшаетъ горячую казацкую кровь съ волнами тихаго Дона. Атаманъ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ донцовъ встать на защиту царя и отечества!»

Зашумѣлъ, заволновался Донъ. Отъ верховыхъ до низовыхъ станицъ раздался единодушный кликъ: «Скорѣе помремъ, чѣмъ выдадимъ Россію и тихій Донъ на поруганіе французу!» И вотъ, безъ царскаго слова, лишь по призыву атамана, старые и малые, бѣдные и богатые спѣшили обрядиться по старинному казачьему обычаю. Сѣдые казаки, сподвижники Румянцева, Вейсмана, Суворова, давно проживавшіе на покоѣ среди поколѣнія внучатъ, и тѣ снимали со стѣнъ дорогія турецкія сабли, пистолеты, вооружались и садились на коней. Въ кузницахъ застучали молоты—день и ночь ковали оружіе; портные, сапожники, сѣдельники работали, не разгибая спинъ; купцы собирали деньги, помѣщики обряжали крестьянъ. Въ церквахъ ежечасно служились заказные молебны; казаки, припадая къ иконамъ, давали клятву не возвращаться на Донъ, пока не изгонятъ врага. На сборныхъ пунктахъ учили малолѣтокъ: они строили лаву, неслись съ гикомъ въ атаку; потомъ, разсыпавшись, повторяли ударъ, или же, сбатовавъ коней, открывали пальбу.—Пришла пора выступать. Провожалъ лишь батюшка съ крестомъ, да матери и жены казацкія съ младенцами на рукахъ; дряхлые старцы, сидя на завалинкахъ, издали крестили своихъ правнуковъ. 26 полковъ съ шестью орудіями выступили разными путями на Москву. Ихъ вели генералы Иловайскій 3-й, Грековы 1-й и 2-й. Они дѣлали по 60 верстъ въ сутки, чего не могла сдѣлать ни одна конница въ Европѣ. За два дня до Покрова въ лагерь подъ Тарутинымъ пришли 5 головныхъ полковъ. Ихъ никто не ожидалъ, кромѣ Платова; никто не зналъ, что казачество поднимается отъ мала до велика. Главнокомандующій, князь Кутузовъ, заплакалъ отъ радости. Донцы, не смотря на дальній и спѣшный походъ, явились въ лучшемъ видѣ—сами молодцами, лошадки сытыя, добрыя. Старики шутили: «Пришли внучатъ выручать; сказывали на Дону, что они не справятся съ французомъ».—И въ самомъ дѣлѣ, въ донскихъ полкахъ доводилось внуку встрѣчаться съ дѣдомъ.

Донцы пришли какъ разъ въ пору. Начинались дѣла, и

дѣла большія. Наполеонъ засидѣлся въ Москвѣ, гдѣ съ каждымъ днемъ ему становилось труднѣе и труднѣе довольствовать свою армію. Она очутилась точно въ западнѣ, окруженная отрядами казаковъ, партизановъ и вооруженныхъ крестьянъ. Каждый французскій солдатъ долженъ былъ промышлять самъ о себѣ; за кусокъ хлѣба, за клочокъ сѣна люди платили жизнью. Частыя схватки ослабляли армію, а безкормица лишала ее лошадей. Особенно тяжело приходилось авангарду, выдвинутому верстъ за 60 или 70 отъ Москвы, на р. Чернишнѣ, Калужской губерніи. Въ осеннюю пору французы дрогли на бивуакахъ, ѣли впроголодь, лошадямъ—тутъ стояла вся резервная конница—не всегда хватало соломы. На эти-то войска и былъ направленъ первый нашъ ударъ, заставившій Наполеона покинуть Москву.

Вечеромъ 5 октября русскія войска въ шести большихъ колоннахъ выступили изъ своего лагеря, перешли по мостамъ черезъ рѣчку Нару и стали расходиться. Правую колонну, гдѣ находилось 10 казачьихъ полковъ, велъ графъ Орловъ-Денисовъ. Смерклось, небо заволокло тучами, подулъ сырой вѣтеръ. Солдаты шли молча: ни шуму, ни разговоровъ; запрещено было даже курить трубки. Вотъ показались бивуачные огни французовъ. Колонны остановились. Солдаты составили ружья и прилегли на холодную землю. Орловъ-Денисовъ, пройдя верстъ семь, остановился за лѣсомъ, какъ разъ противъ лѣваго фланга непріятеля. Онъ долженъ былъ перехватить ему московскую дорогу, т. е. отрѣзать путь къ Москвѣ. Прошелъ часъ, другой, начинало свѣтать, изъ французскаго лагеря доносились оклики. Орловъ-Денисовъ выѣхалъ передъ лѣсъ и съ возвышенія долго смотрѣлъ въ лѣвую сторону, откуда должны были показаться наши колонны. Тамъ было все тихо, а, между прочимъ, французы пробуждались; они могли замѣтить присутствіе такой большой колонны. Не дожидаясь сигнальныхъ выстрѣловъ, Орловъ-Денисовъ понесся со всѣми десятью полками прямо на непріятеля. Французы не успѣли схватиться за ружья; сдѣлавши нѣсколько выстрѣловъ, они побѣжали за оврагъ. Весь лагерь лѣваго крыла и 38 орудій были охвачены казаками. Они уже разсыпались по бивуакамъ, били отсталыхъ, хватали оружіе, вывозили пушки, и только въ это время показалась изъ лѣсу 2-я колонна, Багговута. Первымъ французскимъ ядромъ снесло генералу голову: колонна осиротѣла; прочія колонны тоже

опоздали, такъ что общее нападеніе, можно сказать, не удалось. Лихой Мюратъ успѣлъ устроить войска, подавши свой лѣвый флангъ назадъ. Противъ казаковъ онъ направилъ кирасиръ, съ фронта отбивался пушками, а въ то же время отправлялъ назадъ обозы. Какъ только обозы убрались, французы снялись съ позиціи и отступали безостановочно 7 верстъ, до Спаса-Купли, преслѣдуемые всей нашей конницей. Кромѣ пушекъ, французы лишились одного знамени, 40 зарядныхъ ящиковъ, части обоза да потеряли $1^1/_2$ т. плѣнными. Тарутинское дѣло можно назвать чисто казачьимъ дѣломъ. Наполеонъ, получивъ о немъ извѣстіе, тотчасъ приказалъ начать выступленіе.

Какъ извѣстно, французы, покинувши Москву, пробивали себѣ путь къ Калугѣ, гдѣ разсчитывали на обиліе кормовъ. Попутный Малоярославецъ семь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и остался наконецъ за русскими. Наполеонъ задумался, да и было надъ чѣмъ: ему оставалось одно изъ двухъ—или двинуть на проломъ всю армію, или повернуть на Смоленскую дорогу, гдѣ ей угрожалъ голодъ. Въ эту-то памятную ночь, когда рѣшалась судьба французской арміи, казаки сдѣлали ночной набѣгъ въ тылъ непріятеля: это былъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ поисковъ. 6 казачьихъ полковъ перешли рѣчку Лужу, послѣ чего, раздѣлившись на три партіи, осторожно пробирались въ гору къ столбовой дорогѣ, что вела въ Москву. Скоро они увидѣли бивачные огни. Зорко всматриваясь въ даль, казаки, не смотря на темноту, замѣтили передвиженіе войскъ: они тянулись къ Малоярославцу. Тогда начальники партій съѣхались и, переговоря между собой, рѣшили сдѣлать ударъ. Сперва шагомъ, потомъ рысью, далѣе въ карьеръ, съ пронзительнымъ гикомъ вынеслись донцы на большую дорогу, при чемъ наскочили прямо на артиллерію. Пока одни поворачивали пушки, другіе пронеслись дальше, распространяя страхъ и ужасъ въ тылу французской арміи. Въ это же самое время и по этой же дорогѣ приближался къ городу императоръ, въ сопровожденіи генераловъ и трехъ взводовъ конницы. Онъ ѣхалъ медленно, погруженный въ тяжелую думу. Вдругъ, среди глубокой тишины и сѣраго полумрака наступающаго дня, послышался глухой топотъ, затѣмъ—какіе-то рѣзкіе звуки. Конные егеря тотчасъ распознали присутствіе донцовъ и дали знать объ опасности.—«Не можетъ быть!» отвѣтилъ императоръ, когда

ему доложили, что близко казаки. Тогда Коленкуръ схватилъ его лошадь и быстро повернулъ назадъ. Топотъ приближался, уже ясно слышалось казацкое «ги! ги!» Наполеонъ, вынувъ шпагу, свернулъ въ поле, а Коленкуръ двинулся навстрѣчу съ конвойнымъ эскадрономъ. Между тѣмъ, казаки, не подозрѣвая, какая цѣнная добыча отъ нихъ ускользала, накинулись на обозъ, гдѣ нащупали боченки съ золотомъ. Пока скликали товарищей, пока выгружали эти боченки, не только императоръ успѣлъ скрыться, но явилась на выручку вся гвардейская конница. Тѣмъ не менѣе, донцы увернулись отъ раздѣлки, не покинули и золота; 11 пушекъ были отправлены раньше.—Почти въ это самое время генералъ Кутейниковъ отбилъ близь Боровска обозъ съ церковнымъ серебромъ, изъ котораго впослѣдствіи сдѣлали въ Казанскомъ соборѣ рѣшетку.

16-го октября Великая армія вступила на Смоленскую дорогу, ту самую, по которой она пришла въ Москву, а черезъ три дня ея арріергардъ былъ уже атакованъ казаками. Съ этого часа и до конца похода донцы, подкрѣпленные егерями и легкой конницей, становятся вѣрными стражами разрушенія Великой арміи. Самые губительные удары выпали на долю арріергарда: его сбивали съ каждой позиціи, давили сзади пушками, тѣснили съ боковъ лавой, не давая ему ни минуты устроиться. Уже за Гжатью войска Даву такъ перепутались, что нельзя было разобрать, гдѣ артиллерія, гдѣ конница или пѣхота: все обратилось въ нестройныя толпы, окруженныя казаками, какъ роемъ пчелъ. А Наполеонъ слалъ своему маршалу выговоръ за выговоромъ, зачѣмъ онъ останавливается, зачѣмъ строитъ войска въ боевой порядокъ, да еще требуетъ помощи отъ переднихъ корпусовъ.

На смѣну Даву былъ назначенъ Ней. Но тутъ и Ней былъ безсиленъ. Гвардія, шедшая впереди, оставляла за собой пустыню; она растаскивала на дрова еще кое-гдѣ уцѣлѣвшія избы и истребляла послѣдніе запасы, сложенные по этапамъ, такъ что заднимъ корпусамъ приходилось останавливаться подъ открытымъ небомъ, оставаться безъ дровъ и безъ воды. Ко всѣмъ бѣдамъ, въ концѣ октября начались заморозки, задули холодные вѣтры. Въ одну ночь большая часть армейскихъ лошадей, подкованныхъ по-лѣтнему, превратились въ калѣкъ: ихъ пришлось бросить. Каждый бивуакъ съ этого

времени сталъ обозначаться, точно побоище, трупами лошадей, кучами голодныхъ солдатъ, прикрытыхъ рогожками, въ соломенныхъ ошейникахъ. Они просили какъ милостыни куска хлѣба, дрались за каждый сухарикъ. Преслѣдованіе же продолжалось своимъ чередомъ, даже настойчивѣе. Уже Великая армія двигалась сдавленная какъ въ тискахъ: она не могла свернуть куда-нибудь въ сторону, искать новыхъ путей. Милорадовичъ шелъ по пятамъ непріятеля; Платовъ, усиленный двумя полками пѣхоты, получилъ приказаніе слѣдовать съ правой стороны, опережать французскія колонны, нападать на ихъ головы, а графъ Орловъ-Денисовъ съ такими же намѣреніями—слѣва. Съ удивленіемъ французы увидѣли себя окруженными полчищами казаковъ; перестрѣлка не умолкала ни днемъ, ни ночью. Вице-король, въ надеждѣ выскочить изъ этихъ клещей, повернулъ изъ-подъ Дорогобужа вправо, чтобы черезъ Духовщину пробраться на Витебскъ. Онъ дорого за это поплатился. 26-го октября, у д. Бизюковой Платовъ разрѣзалъ его корпусъ на двѣ части: одна потянулась-таки къ Духовщинѣ, другая разсѣялась, покинувъ 64 пушки. Французы спѣшили на переправу къ р. Вопи. Оказалось, что мостъ снесло ледоходомъ; обозы, отправленные заранѣе, стояли у рѣки. Между тѣмъ, приближались казаки. Вице-король выставилъ на помощь арріергарду итальянскую дивизію, а прочимъ войскамъ приказалъ начать переправу. Берега обмерзли, спуски сдѣлались до того круты, что не было возможности перевезти артиллерію, тѣмъ болѣе обозы. Солдаты бросились къ повозкамъ, навьючивали на себя и на лошадей, что было лучшаго, потомъ кидались въ рѣку. Грабежъ сдѣлался общимъ, артиллеристы побросали болѣе 20 пушекъ. Съ трудомъ арріергардъ удерживалъ казаковъ до самаго вечера, наконецъ отступилъ, и донцы захватили весь обозъ. Имъ тогда досталось множество московскихъ экипажей, особенно дрожекъ, которыми французы надѣялись пощеголять на родинѣ. Наступила ночь, ясная, морозная; холодный вѣтеръ продувалъ измокшихъ итальянцевъ, улегшихся на снѣгу, безъ пищи, безъ огня. На всю дивизію горѣло не больше десятка костровъ, у которыхъ варили конину или распускали снѣгъ, чтобы утолить мучительную жажду. Напрасно на другой день пытались генералы устроить ихъ въ полки: голодные, полузамерзшіе итальянцы не внимали голосу начальниковъ; толпами они потянулись въ Духовщину. Но Духовщина уже въ это

время была занята двумя казачьими полками генерала Иловайскаго 12-го, который шелъ этимъ путемъ изъ Москвы. Однако вице-король вытѣснилъ Иловайскаго отрядомъ гвардіи и послалъ императору донесеніе о своемъ бѣдственномъ положеніи. Для того, чтобы сопровождать курьера, пришлось вырядить цѣлую дивизію: иначе бы казаки его не пропустили. Городъ оказался пустъ, хлѣба ни куска, кругомъ казаки; вице-король, не дождавшись курьера, поспѣшилъ выступить. По его слѣдамъ устремились донцы и 1-го ноября вогнали остатки несчастнаго корпуса въ Смоленскъ. Прокруживъ болѣе 50 верстъ, вице-король явился къ императору безъ кавалеріи, безъ обоза, лишь всего съ 12 пушками.—Платовъ получилъ тогда графское достоинство.

Въ то время, когда французскіе корпуса по-очередно, одинъ за другимъ, пробивали себѣ путь подъ Краснымъ, казаки заносились далеко впередъ и даже тревожили главную квартиру. Одинъ крикъ: «Казаки!» тревожилъ цѣлые корпуса, поднималъ на ноги голодныхъ, окоченѣлыхъ французовъ, выводя ихъ изъ забытья. Корпусъ Нея, составлявшій, какъ уже сказано, арріергардъ Великой арміи, былъ брошенъ на жертву казакамъ. Подъ Краснымъ Ней два раза ходилъ въ атаку и оба раза былъ отбитъ. Тогда онъ рѣшился спасти хоть часть своихъ солдатъ. Изъ 8 т. маршалъ отобралъ 3 т. самыхъ надежныхъ, способныхъ еще сражаться, взялъ 10 орудій, и въ 9 ч. вечера выступилъ вдоль р. Лосмины, въ надеждѣ пробраться къ Днѣпру, а тамъ, окольными путями, въ Оршу. Солдаты шли безъ дороги, утопая въ глубокомъ снѣгу. Пройдя около 4 верстъ, они уперлись въ Днѣпръ; сильный ледоходъ не позволялъ и думать о переправѣ. Маршалъ повернулъ внизъ по теченію и возлѣ д. Варишки замѣтилъ, что ледъ сперся на самомъ изгибѣ рѣки. Начинало морозить. Маршалъ, завернувшись въ плащъ, немного вздремнулъ, окруженный безмолвными гренадерами, какъ, вдругъ, около полуночи казаки Чернозубова открыли его слѣдъ. Маршалъ приказалъ бросить обозъ, пушки и сейчасъ же начать переправу. Обледенѣлые спуски были такъ круты, что солдаты спускались ползкомъ, попадая прямо въ воду. Одинъ по одному, перекидывая черезъ полыньи доски, отрядъ перебирался съ опасностью жизни. Когда потащили самыя нужныя повозки, ледъ рухнулъ. Съ другаго берега Ней услышалъ стоны утопавшихъ. На разсвѣтѣ французы добрались до д. Гу-

севой, гдѣ ихъ встрѣтили разъѣзды Платова. Атаманъ съ 15-ю полками, съ донской артиллеріей и 1-мъ Егерскимъ полкомъ двигался отъ Смоленска этой же дорогой на Оршу. Тутъ началось подобіе звѣриной травли. Въ то время, какъ маршалъ напрягалъ всѣ силы, чтобы уйти, спасти себя и вѣрныхъ гренадеръ отъ плѣна, казаки выбивались изъ послѣднихъ силъ, чтобы его поймать. Поймать оказалось труднѣе, потому что овражистая и лѣсистая мѣстность затрудняла на каждомъ шагу движеніе конницы. Ней подвигался берегомъ, прикрывшись съ праваго фланга стрѣлками. Казаки шли поодаль, не мѣшали. Едва французы вышли на поляну, между двухъ лѣсовъ, какъ 12 казачьихъ полковъ наскочили сзади, оторвали хвостъ колонны, а донская артиллерія открыла пальбу съ праваго фланга. Французы быстро повернули въ лѣсъ, повидимому незанятый; но и лѣсъ ожилъ: въ 50-ти шагахъ раздались ружейные залпы, потомъ загрохотали пушки. Колонна смѣшалась; солдаты, проклиная свою несчастную долю, стали кидать оружіе и разбѣгаться. Тогда Ней, сидя верхомъ на крестьянской лошаденкѣ, напомнилъ гренадерамъ что̀ ихъ ожидаетъ въ русскомъ плѣну. Они устроились, пришли въ порядокъ, съ криками: «Да здравствуетъ императоръ!» бросились въ лѣсъ—батарея исчезла, стрѣлки точно провалились сквозь землю.—Среди дремучихъ лѣсовъ, французы брели на удачу, безъ тропинокъ; если выбивались временами на дорогу, то нигдѣ не могли найти пристанища: всѣ деревни по пути были покинуты, да и казаки не давали имъ засиживаться—гнали и гнали до истощенія силъ. Въ шести верстахъ отъ Орши гренадеры вышли наконецъ на большую дорогу, гдѣ соединились съ прочими войсками. Съ посохомъ въ рукѣ, въ изорванныхъ сапогахъ, три дня не ѣвши, французскій маршалъ вступилъ въ Оршу въ видѣ богомольца. Наконецъ императоръ долженъ былъ сознаться въ гибели арміи. Покидая Россію, онъ опубликовалъ, что всѣ его колонны «были окружены казаками; подобно аравитянамъ въ пустынѣ, они охватывали его обозы».

Все, чѣмъ держится благоустроенное войско — порядокъ, повиновеніе, товарищество — все исчезло среди французовъ. Маршалы и генералы, растерявши свои корпуса, шли при гвардіи, хотя гвардія ничѣмъ не отличалась отъ прочаго войска. Куда дѣвались ея бравый видъ и гордая поступь? Сзади переступало съ ноги на ногу погребальное шествіе,

изъ среды котораго раздавались тяжелые вздохи; лишь изрѣдка стукъ пушечныхъ колесъ да бряцаніе оружія нарушали гробовую тишину. Сама природа замерла: стужа оковала не только воды, но и человѣческія уста; птицы падали на лету; земля покрылась бѣлой снѣжной пеленой. Самые здоровые люди цѣпенѣли отъ холода; ихъ клонило ко сну; они шатались, падали—и замерзали. Бивуаки обратились въ кладбища; на каждомъ огневищѣ лежали груды тѣлъ, сгорѣвшихъ отъ невозможности подняться. Нѣкоторые солдаты, чтобы оживить отмороженныя руки или ноги, совали ихъ въ огонь, другіе спокойно сидѣли на трупахъ товарищей въ ожиданіи своей очереди, а третьи, въ отчаяніи, прямо кидались въ огонь. Тутъ же торчали брошенныя фуры, пороховые ящики, лафеты съ пушками и безъ пушекъ — опрокинутые, переломанные, точно въ цыганскомъ таборѣ. У казаковъ накопилось такое множество добычи, что открылся торгъ. Во рвахъ и оврагахъ, среди разломанныхъ фуръ и каретъ, среди мертвыхъ тѣлъ, продавались шелки, бархатъ, серебряная посуда, золотыя вещи, мѣшки съ серебряной монетой; за сторублевую ассигнацію платили золотомъ по 400—500 рублей, чтобы только его не бросать. Со вступленіемъ въ Бѣлоруссію стали появляться жиды въ своихъ грязныхъ лохмотьяхъ. Тогда открылись цѣлыя ярмарки: башкиръ или калмыкъ продавалъ дорогіе часы, проворный казакъ выхвалялъ англійскаго скакуна; пѣхотный солдатъ вытаскивалъ изъ ранца вороха тончайшихъ кружевъ, кашемирскія шали или пригоршни французскихъ крестовъ. И тамъ, гдѣ мѣряли мѣшками деньги, часто не бывало крохи хлѣба; люди бродили какъ тѣни, пожирали конину и собачину.

27 ноября въ воротахъ Вильны показались безоружныя толпы разныхъ языковъ. Онѣ разсыпались по городу, чѣмъ произвели смятеніе и безпорядокъ. Испуганные жители позапирали въ домахъ двери и закрыли лавки. Солдаты разбрелись, армія исчезла. Вдругъ, раздались пушечные выстрѣлы: то отважный Сеславинъ ворвался съ горстью казаковъ и партизанъ; ночью подошли еще два партизана—Ланской и Кайсаровъ. Такая смѣлость привела въ ужасъ французовъ. Ней снова принялъ начальство надъ арріергардомъ. Онъ спокойно отдыхалъ въ своей квартирѣ, когда вошелъ къ нему съ обнаженной шпагой баварскій генералъ Вреде: «Ваше превосходительство! сказалъ онъ: непріятель идетъ по нашимъ пя-

тамъ. Предлагаю себя и 60 кавалеристовъ, чтобы проводить васъ до Ковно». Ней подошелъ къ окну и, указавъ на бѣгущія толпы, съ горечью спросилъ: «Неужели вы хотите, чтобы французскій маршалъ послѣдовалъ за этой сволочью? Нѣтъ, генералъ, у меня въ домѣ стоятъ 50 гренадеръ, и казаки всего міра не заставятъ меня покинуть его до утра».— Однако и Нею пришлось на другой день поторопиться, иначе онъ поплатился бы цѣлымъ арріергардомъ. Выступая, онъ и безъ того покидалъ въ Вильнѣ 20 т. четвертей хлѣба, 15 т. плѣнныхъ и 40 орудій. Еще на разсвѣтѣ графъ Орловъ-Денисовъ появился на Ковенской дорогѣ; вскорѣ прибылъ Платовъ и окружилъ арріергардъ. Французы были разрѣзаны на двѣ части, многіе изрублены, еще больше разбѣжались или сдались. У подошвы Понарской горы Ней кое-какъ устроилъ пять кучекъ, отъ 400 до 500 чел. въ каждой. Эти полуживые люди, одушевленные мужествомъ маршала, задержали на время казаковъ. Между тѣмъ, шедшіе въ головѣ не могли взобраться на крутую обледенѣлую гору. Лошади, выбиваясь изъ силъ, падали цѣлыми упряжками. Обозы сбились до того, что Мюратъ съ маршалами прокладывали себѣ путь по поясъ въ сугробахъ. Наконецъ они велѣли переложить на вьюки казну и собственныя вещи императора, а повозки сжечь. Во время перекладки, изъ одной фуры посыпалось золото, солдаты кинулись на грабежъ. Они набивали карманы, кто сколько могъ, а затѣмъ пускались бѣжать. На эту свалку налетѣли казаки: все перепуталось—свои и чужіе: корысть взяла верхъ, каждый торопился сразу разбогатѣть. На Понарской горѣ французы покинули остальные обозы, 28 орудій съ зарядными ящиками и богатую казну въ $2^1/_2$ милліона, считая на рубли. «Тутъ мы потеряли, сказалъ одинъ ихній офицеръ, деньги, свою честь, послѣднюю силу и дисциплину!» — Больше терять было нечего.

От Вильно до Ковно графъ Платовъ съ одной конницей, при 15 пушкахъ, уложенныхъ въ сани, гналъ несчастный арріергардъ, какъ одурѣлыхъ овецъ, которыя ни о чемъ больше не думали, какъ бы спастись. 29 ноября, на переходѣ къ Румшишкамъ, Ней собралъ было свои остатки, и самъ, съ ружьемъ въ рукахъ, повелъ ихъ впередъ, но солдаты не пошли далеко: они покинули своего маршала! Онъ не попалъ въ плѣнъ только потому, что былъ одѣтъ такимъ же оборванцемъ, какъ и вся его толпа. Не имѣя ни артил-

леріи, ни конницы, маршалъ не могъ удержать ни одной позиціи. Да и что могла сдѣлать пѣхота, если у солдатъ отмерзали пальцы, пока они заряжали ружья, и если курки покрывались толстымъ слоемъ льда? Число людей съ каждымъ часомъ уменьшалось: когда Ней выступалъ изъ Вильны, у него было подъ ружьемъ 3 т., въ Ковно онъ привелъ только 60 чел. Позади, начиная еще съ Вязьмы, скорбный путь французской арміи обозначался человѣческими трупами, примѣрно отъ 200 до 300 на каждой верстѣ, не считая бивуаковъ. Въ Борисовѣ еще долго стоялъ шалашъ изъ окоченѣлыхъ труповъ, и въ немъ покоились тѣ, которые его сложили; изъ занесенныхъ снѣгомъ канавъ торчали—гдѣ почернѣвшая рука, гдѣ нога. Всѣ корчмы были набиты мертвыми. Онѣ обыкновенно загорались отъ разведенныхъ костровъ, причемъ погибали и живые, такъ какъ не могли сдвинуться съ мѣста по безсилію или безпамятству. Ужасенъ былъ видъ мертвецовъ, но еще ужаснѣе казались тѣ офицеры или солдаты, которые еще передвигали ноги среди этого царства смерти. У многихъ на головахъ, вмѣсто шапокъ, были надвинуты ранцы; у нѣкоторыхъ оставались еще каски съ длинными конскими хвостами; тѣло было покрыто рогожей или соломой, ноги босы. Множество французовъ разбрелись по сосѣднимъ деревнямъ, гдѣ они подолгу скрывались, зарывшись въ солому; большинство же толпилось тамъ, гдѣ лежала падаль, около которой они дрались и рвали ее на куски. Не разъ наши видѣли, какъ несчастные пожирали мертвые трупы своихъ товарищей... По дорогѣ, по которой проходили русскія войска, безпрестанно раздавались на всѣхъ языкахъ жалобные вопли, вымаливаніе куска хлѣба; но что̀ могли дать наши солдаты, когда они сами бѣдовали? Для сбора и препровожденія плѣнныхъ внутрь Россіи наряжались особыя партіи казаковъ. Ихъ отправляли по 2—3 т. вмѣстѣ, а такъ какъ кормить было нечѣмъ, то ихъ ждала такая же горькая участь. Однажды два француза въ такой партіи передрались за лошадиную ногу: казаки едва могли ихъ разогнать нагайками. Изъ 180 т. плѣнныхъ вернулась во Францію лишь шестая часть. Сколько древнихъ родовъ угасло, сколько великихъ имуществъ осталось безъ наслѣдниковъ, женъ овдовѣвшихъ, дѣтей осиротѣвшихъ! — И все изъ-за честолюбія одного человѣка.

Маршалъ Ней истратилъ на пути изъ Москвы 4 арріер-

гарда; остатки четвертаго казаки Платова вогнали въ Ковно, при чемъ отбили въ послѣдній разъ на своей землѣ 4 пушки, 1,300 плѣнныхъ. Неустрашимый маршалъ надѣялся, что укрѣпленія Ковно, съ его гарнизономъ и 40 пушками, могутъ задержать русскихъ хотя на нѣкоторое время. Дѣйствительно, 20 орудій загремѣли—было съ утра по всей линіи, но это продолжалось не долго. Ковенскому коменданту оторвало ядромъ ногу, и онъ застрѣлился; нѣмецкіе рекруты струсили, разбѣжались, а французскіе солдаты, набросившись на водку, перепились до безчувствія. Маршалъ былъ пристыженъ упадкомъ чести и мужества. Онъ опять сталъ съ ружьемъ во главѣ небольшой кучки солдатъ и еще разъ долженъ былъ сознаться, что сопротивленіе невозможно: съ одной стороны, драгуны, срубивъ палисады, ворвались черезъ Виленскую заставу; съ другой стороны, казаки заходили по льду, въ тылу города. Приходилось покинуть и Ковно съ его арсеналомъ. Двѣ колонны пѣхоты выступили изъ города. Едва онѣ успѣли перейти рѣку, какъ вихремъ налетѣли казаки и разогнали французовъ: одну часть погнали берегомъ къ Тильзиту, другую къ Волковыску. Для преслѣдованія выбрали самыхъ доброконныхъ. Маршалъ, испивъ до дна горькую чашу страданій, былъ подъ конецъ еще раненъ; пользуясь темнотой, онъ съ двумя стами вѣрныхъ гренадеръ успѣлъ скрыться въ лѣсу. На другой день, никѣмъ неузнаваемый, онъ явился въ Волковыскъ.

— Кто вы? спросилъ его французскій генералъ.

— «Я—арріергардъ Великой арміи, маршалъ Ней».—Прочіе маршалы разсыпались по восточной Пруссіи, какъ лишенные крова изгнанники.

Изъ 400 т. перешедшихъ въ Ковно нашу границу 12 іюня, вернулось черезъ нее же обратно: 400 солдатъ старой гвардіи, 600 кавалеристовъ, 9 пушекъ и безоружная толпа, примѣрно въ 20 т.—только.

Звонъ колоколовъ ковенскихъ церквей и пушечная пальба торжественно возвѣстили величайшее и радостное сердцу русскаго событіе. На городской площади, въ присутствіи горожанъ и окрестныхъ поселянъ, атаманъ Платовъ, его вѣрные донцы и сподвижники-драгуны, преклонивъ колѣна, горячо молились и благодарили Господа за избавленіе отечества. Запѣли многолѣтіе царствующему Государю, снова грянули пушки, и задрожалъ воздухъ отъ радостныхъ криковъ, вос-

клицаній, неудержимаго «ура»! Въ эту минуту передовые бойцы русской рати, позабывъ тяжкіе труды, нужду и бѣды, воспрянули духомъ, преисполнились чувствомъ гордости. Только здѣсь, на рубежѣ земли, они опомнились, что сослужили великую службу родному Дону, матери Россіи и отцу-Государю. Такія минуты просвѣтленія помнятся до смерти.

И донцы настрадались не мало на длинномъ пути отъ Тарутина до Нѣмана. Усиленные переходы днемъ и ночью по глубокимъ снѣгамъ, часто по дремучимъ лѣсамъ, при жестокихъ морозахъ, убавили донскіе полки на третью часть. Ѣли казаки при случаѣ, чѣмъ разживутся, спали тоже при случаѣ, и то больше на бивуакахъ, у костровъ, при чемъ ежедневно дрались съ непріятелемъ. Тѣ, которымъ довелось водить плѣнныхъ, заражались отъ нихъ болѣзнями, сами болѣли, даже помирали. Въ конницѣ иные полки состояли изъ 60 человѣкъ, а тѣ, которые имѣли по 150—200, считались уже сильными полками; въ Минскомъ пѣхотномъ полку уцѣлѣло 80 солдатъ; въ нѣкоторыхъ ротахъ другихъ полковъ осталось 5—10 рядовыхъ. Около тысячи нашихъ замерзло, другіе отстали въ пути, иные, подобно французамъ, бродили по селамъ. Солдаты сдѣлали походъ въ лаптяхъ и въ полушубкахъ, а больше того—въ сѣрыхъ крестьянскихъ кафтанахъ; лица у всѣхъ были обернуты тряпками. Многіе тогда познобились, растратили свое здоровье на маршахъ да на бивуакахъ. Солдаты, офицеры, генералы — всѣ шли пѣшкомъ, одинаково были одѣты, одинаково терпѣли: нужда всѣхъ сравняла.

IX.

Заграничные походы и возвращеніе на Донъ.

днако война не кончилась. И за Нѣманомъ казаки безостановочно гнали остатки Великой арміи. Проникая далеко въ глубь страны своими летучими отрядами, они очищали попутные нѣмецкіе города, мѣшали французамъ соединить для отпора свои разрозненныя силы. Кромѣ того, казаки вносили безурядицу въ тылу непріятеля. Они уничтожали мосты, хватали транспорты, разбивали парки, обозы и даже появлялись въ такихъ большихъ городахъ, какъ Лейпцигъ, занятыхъ въ ту пору непріятелемъ. И всѣ эти передвиженія они совершали такъ быстро, что никакая конница не могла за ними услѣдить,—да у французовъ и вовсе не было конницы.

Когда Государь Императоръ отозвалъ Платова къ себѣ, въ главную квартиру, казаки частью были раздѣлены между корпусами, частью вошли въ составъ летучихъ отрядовъ — то мелкихъ, то болѣе крупныхъ, смотря по назначенію. Такими летучими отрядами былъ освобожденъ, между прочимъ, Бер-

линъ, столица Прусскаго королевства. Въ началѣ февраля русскіе перешли въ разныхъ мѣстахъ Одеръ. Ледъ на рѣкѣ былъ такъ тонокъ, что черезъ 2 дня послѣ переправы рѣка вскрылась. Чернышевъ, имѣя подъ командой 6 казачьихъ полковъ, 6 эскадроновъ гусаръ и драгунъ, при двухъ орудіяхъ, пригласилъ еще Тетенборна принять участіе въ набѣгѣ. Въ Берлинѣ менѣе всего ждали появленія русскихъ: генералъ Ожеро былъ увѣренъ, что всѣ переправы черезъ Одеръ находятся въ рукахъ французовъ. Въ 4 ч. утра оба отряда незамѣтно подошли къ городу. Полковникъ Власовъ съ двумя казачьими полками долженъ былъ напасть на Шарлотенбургъ, гдѣ стояла бо́льшая часть французской артиллеріи, а въ это время остальныя войска — вскочить въ городъ. Дѣло вышло иначе. Пока у насъ дѣлались распоряженія, въ городскихъ воротахъ показалось 30 французскихъ всадниковъ. Въ одинъ мигъ казачій полкъ Киселева бросился навстрѣчу и по ихъ слѣдамъ ворвался въ городъ. Тутъ ужь медлить было нельзя. Чернышевъ подвелъ къ заставѣ остальныя войска, изъ коихъ 3 полка послалъ туда же, на помощь. Они промчались по улицамъ подъ выстрѣлами непріятельскихъ командъ и остановились на берегу Шпре; всѣ мосты были сломаны, кромѣ каменнаго, гдѣ стояла батарея въ 6 орудій; полкъ Киселева былъ встрѣченъ на Александровской площади огнемъ изъ пѣхотнаго карре. Это не помѣшало казакамъ носиться вдоль улицъ, гарцовать на площадяхъ, особенно тамъ, гдѣ собирались кучи любопытныхъ. Берлинцы не вѣрили своимъ глазамъ, видя такое чудо; они не знали, чѣмъ выразить свою радость; многіе были бы не прочь присоединиться, подать помощь, но полиція зорко за такими слѣдила и даже стрѣляла въ толпы народа. Между тѣмъ, на гауптвахтѣ ударили тревогу: французы строились въ ряды, изъ Шарлотенбурга скакала артиллерія. Тогда Чернышевъ разослалъ приказаніе возвратиться за заставу. Двое казаковъ были ранены на главной улицѣ, передъ окнами принцессы Оранской. Она скрыла ихъ въ своемъ домѣ и оберегала, пока французы не очистили Берлинъ, что случилось черезъ три недѣли, само собой. Русскіе вступали этотъ разъ въ столицу Пруссіи торжественно, побѣдоносно. Братъ короля, окруженный генералами, выѣхалъ за 4 версты навстрѣчу войскамъ; весь путь до города сплошь покрылся ликующими нѣмцами. Въ самомъ городѣ крыши, заборы, окна домовъ

наполнились зрителями, среди которыхъ раздавались привѣтствія и радостные возгласы: «Да здравствуетъ Александръ, нашъ избавитель!» Все глядѣло весело, радостно, какъ бываетъ во дни избавленія цѣлаго народа отъ власти чужеземцевъ.

Пока нѣмцы ополчались противъ общаго врага, наши летучіе отряды углублялись все дальше и дальше—одни вверхъ по теченію Одера, другіе къ берегамъ Эльбы, а третьи — и того дальше, за Эльбу, до Везера. Полковникъ Тетенборнъ, съ 4 полками казаковъ, 4 эскадронами гусаръ и драгунъ, при двухъ орудіяхъ, пошелъ на Гамбургъ, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Германіи, принадлежавшій тогда французамъ. Жители Гамбурга, недовольные притѣсненіями властей, посрывали съ присутственныхъ мѣстъ французскіе гербы, при чемъ бросали камнями въ городскаго мера и его приверженцевъ. Все стихло при приближеніи русскихъ. За 15 верстъ отъ города 30 гражданъ, съ двумя сенаторами, вручили Тетенборну городскіе ключи. Отсюда началось тріумфальное шествіе: гильдіи и цехи выступали въ порядкѣ, со своими знаменами; женщины устилали путь цвѣтами; бюстъ Императора, увѣнчанный лаврами, несли высоко надъ головами съ подобающимъ почетомъ. Звонъ колоколовъ, пальба изъ ружей и восторженные крики: «Да здравствуетъ Александръ!» не умолкали цѣлый день ни на минуту. Жители приглашали къ себѣ на домъ казаковъ, гдѣ угощали ихъ радушно, обильно. Когда Тетенборнъ вышелъ вечеромъ изъ театра, нѣмцы выпрягли лошадей, довезли его коляску и внесли на плечахъ въ квартиру. Онъ объявилъ гражданамъ, что отнынѣ они могутъ начать торговлю съ англичанами и другими народами, состоящими въ мирѣ съ русскимъ царемъ. Радостное извѣстіе облетѣло весь городъ, и тотчасъ же былъ снаряженъ первый пакеботъ, который на другой день отплылъ къ берегамъ Англіи. Какъ извѣстно, Наполеонъ, чтобы обезсилить эту морскую державу, запретилъ всѣмъ приморскимъ городамъ Европы вести съ ней торговлю.—На этомъ-то пакеботѣ Тетенборнъ отправилъ съ депешами къ нашему посланнику въ Лондонѣ донскаго казака 9-го Сулина полка Александра Земленухина, или по-уличному Витиченкова, съ однимъ изъ офицеровъ, по фамиліи Бокъ. О донцахъ въ ту пору ходили разсказы самые преувеличенные: говорили, что они имѣютъ видъ звѣрообразный, свирѣпы, что на корысть чрезвычайно падки,

жестоки до того, что не даютъ пощады ни старости, ни младости, однимъ словомъ, что это скорѣе звѣри, выпущенные на травлю людей. Не смотря на такія росказни, англичане къ нимъ благоволили, потому что видѣли въ нихъ заклятыхъ враговъ Наполеона, истребившихъ его армію. Пріѣздъ казака въ Лондонъ сталъ заранѣе извѣстенъ. Густая толпа народа окружала почтовую карету, изъ окна которой торчала длинная казацкая пика. Кое-какъ, съ большимъ трудомъ, добрался Земленухинъ до своего помѣщенія, приготовленнаго ему радушнымъ Акерманомъ. Лондонскіе граждане, желая чѣмъ-нибудь показать свое уваженіе русскому народу, стали собирать деньги въ пользу Земленухина, но Бокъ, узнавши объ этомъ, объявилъ въ газетахъ, что русскому воину запрещено брать деньги, а если кто пожелаетъ его почтить, то можетъ дарить оружіемъ. Черезъ недѣлю Земленухинъ и Бокъ получили приглашеніе во дворецъ къ лорду - меру, хозяину столицы. Лордъ - меръ, принимая казака, сказалъ черезъ переводчика, что онъ считаетъ за честь пожать руку такому заслуженному воину, хотя у него нѣтъ ни чиновъ, ни титуловъ. Земленухинъ отвѣтилъ, также черезъ переводчика, что онъ «всегда готовъ служить Царю и отечеству».—«А сколько французовъ вы убили своей пикой?»—«Трехъ офицеровъ, а сволочи нѣсколько четвериковъ».—Переводчикъ же передалъ его слова такъ: — «Казакъ убилъ своей пикой 39 французовъ». — Послѣ роскошнаго завтрака лордъ - меръ провелъ своихъ гостей въ большую залу, гдѣ собралось именитое купечество столицы и множество посторонней публики. Когда Земленухинъ показался на балконѣ передъ биржей, то народъ привѣтствовалъ его громкими криками: «Да здравствуютъ русскіе! Слава казакамъ!» Какъ только толпа стихла, лордъ-меръ сказалъ краткую рѣчь, въ которой выхвалялъ храбрость русскаго казака и, въ заключеніе, пожелалъ нашему Государю, довести до конца побѣдоносную войну съ французами. Англичане захлопали въ ладоши съ криками: «браво! браво!» — Въ англійскихъ газетахъ такъ описывали наружность Земленухина: «Роста онъ около 6 футовъ, сильный и коренастый; наружность воинственная, но лицо доброе, вовсе не такое, какъ у насъ думаютъ про русскихъ. Борода у казака длинная, кудрявая и сѣдая, волосы тоже длинные, зачесанные назадъ, а на лбу острижены коротко и ровно. Одѣтъ онъ въ синій кафтанъ и шаровары, сшитые изъ толстаго англій-

скаго сукна, сапоги широкіе, съ круглыми носками. Руки у казака необыкновенной ширины, съ короткими пальцами, но онъ отлично управляется своимъ оружіемъ, состоящимъ изъ пистолета, ружья, сабли и длинной пики». — Видъ казака настолько былъ любопытенъ, что два художника вызвались снять съ него портретъ. Когда эти портреты были отпечатаны, то Земленухинъ просилъ дать ему нѣсколько штукъ для жены и дѣтей. Хозяинъ, у котораго онъ гостилъ, принесъ ему на выборъ 4 дорогихъ сабли. Земленухинъ выбралъ съ турецкимъ клинкомъ; на немъ была сдѣлана такая надпись: «Подарена Александру Земленухину, донскому казаку Сулина полка, отъ Рудольфа Акермана. Лондонъ, 20 апрѣля». На рукояткѣ было вырѣзано по-латыни: «За Бога, Царя и Отчизну». — Кромѣ того, многіе знатные англичане, особенно англичанки, поднесли ему богатые подарки, преимущественно оружіемъ, англійскаго же издѣлія. Одинъ англичанинъ даже написалъ въ честь Земленухина стихи, которые начинаются такъ:

«Ура! горятъ, пылаютъ села.
«Сѣдлай, казакъ, коня!»

Пасха застала его на чужбинѣ, но онъ разговѣлся по русскому обычаю у нашего посланника, который пригласилъ его къ себѣ обѣдать на всю Святую. Онъ же представилъ Земленухина принцу-регенту, бывшему за короля. Его высочество подарилъ казаку саблю на черной бархатной портупеѣ, обитой серебромъ, и такую же сумку со своимъ вензелемъ и короной. Нѣсколько дней спустя, Земленухинъ уѣхалъ изъ Лондона, отблагодаривши своихъ новыхъ друзей за ласку, особенно же хозяина: «Погостилъ я и поѣлъ у тебя хлѣба-соли, сказалъ онъ на прощанье Акерману, ты въ послѣдній день былъ такъ же ласковъ со мной, какъ и въ первый». — Когда Земленухинъ явился въ свой отрядъ, то вскорѣ было получено приказаніе выслать его въ главную квартиру. Здѣсь онъ имѣлъ счастье быть представленнымъ Императору Александру и королю Прусскому. Обласканный и произведенный въ урядники, Земленухинъ вернулся на Донъ.

Между тѣмъ, летучіе отряды продолжали вредить непріятелю на берегахъ Эльбы. Однажды разъѣздамъ Чернышева удалось перехватить письмо съ важнымъ извѣстіемъ, что изъ Ганновера выступилъ огромный артиллерійскій транс-

портъ, который на 18-е мая долженъ имѣть ночлегъ у г. Гальберштадта. Нашъ отрядъ перешелъ рѣку и двинулся навстрѣчу: 75 верстъ были пройдены въ 30 часовъ. Не доходя 7 верстъ, Чернышевъ узналъ, что за городомъ ночевалъ другой паркъ, немного поменьше, съ прикрытіемъ въ 2 т. чел., но что въ это же утро ожидается большой транспортъ; отсюда они должны слѣдовать вмѣстѣ. Это извѣстіе заставило Чернышева немедленно распорядиться нападеніемъ. Баварцы отлично расположились вагенбургомъ между рѣчкой и перекопанной дорогой, за версту отъ города; пѣхота скрылась внутри вагенбурга, 14 орудій стояли въ промежуткахъ между повозками, защищая фронтъ и фланги. Чернышевъ выслалъ полкъ Сысоева на дорогу, откуда ожидался большой транспортъ; Грековъ 18-й получилъ приказаніе ворваться въ городъ и ударить на вагенбургъ съ тыла, а Власовъ съ двумя казачьими полками—атаковать съ фронта. Грекову удалось овладѣть городскими воротами, но Власовъ былъ отраженъ картечными залпами 14-ти пушекъ. Тутъ отъ Сысоева прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что на дорогѣ уже показалось прикрытіе, слѣдовательно, транспортъ приближается. Къ счастью, капитану Богдановичу удалось изъ своихъ двухъ орудій взорвать нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Этой суматохой воспользовался Чернышевъ и пустилъ весь свой отрядъ—гусаръ, драгунъ, казаковъ—на проломъ. Выдержавши страшный залпъ, они прежде всего накинулись на артиллеристовъ, потомъ врубились между повозокъ. Баварцы защищались отчаянно: кололи штыками, отбивались прикладами, однимъ словомъ, работали, какъ слѣдуетъ доброй пѣхотѣ; но это еще болѣе ожесточило нашихъ. Они рубили солдатъ въ строю, рубили ихъ подъ повозками, откуда тѣ продолжали стрѣлять, или выгоняли пиками. Чернышевъ доносилъ послѣ главнокомандующему, что такой стремительной атаки, какую произвели здѣсь его молодцы, искусившіеся въ набѣгахъ, онъ не видалъ во всю свою боевую жизнь. Половина отряда, въ томъ числѣ баварскій генералъ Оксъ и 15 офицеровъ, осталась въ плѣну, а другая половина легла на мѣстѣ. Весь паркъ сталъ трофеемъ этого знаменитаго набѣга. Пока отправляли орудія, зарядные ящики и повозки съ амуниціей, казаки сдерживали наступленіе непріятельскаго авангарда, поспѣшавшаго на помощь. Дѣло было сдѣлано на чистоту: ни одна повозка не брошена. — Послѣ того, всѣ парки

и подводы, бывшіе въ пути, получили приказаніе остановиться, а артиллерію перевели изъ Ганновера въ Баварію, въ глубь Германіи. Таковъ былъ страхъ, наведенный на французовъ летучими отрядами.

Еще болѣе смѣлое, можно сказать, дерзкое движеніе сдѣлалъ Чернышевъ, этотъ отважный партизанъ, въ тылъ Наполеону, на его главные пути, а именно къ гор. Касселю, столицѣ королевства Вестфальскаго. Это королевство было составлено изъ мелкихъ нѣмецкихъ владѣній, и королемъ его, по волѣ всемогущаго Наполеона, назначенъ младшій братъ императора Іеронимъ, о которомъ упоминалось раньше. Плохо жилось бѣднымъ нѣмцамъ подъ властью такого короля. Онъ мало думалъ о своихъ подданныхъ, окружилъ себя французами, жилъ пышно, расточая казну, въ то время какъ страна бѣднѣла отъ поборовъ и поставки рекрутъ. Солдаты въ разныхъ концахъ Европы сражались подъ знаменами Наполеона за дѣло имъ чужое; изъ 25 т., уведенныхъ въ Россію, вернулось лишь двѣ. Въ ту пору границы королевства были открыты; въ столицѣ находилось не болѣе 4 т. войска. Все это хорошо зналъ Чернышевъ, который разсчитывалъ вооружить населеніе, поднять народную войну и такимъ образомъ прервать сообщеніе главныхъ силъ Наполеона съ ихъ отечествомъ.

Въ началѣ сентября Чернышевъ переправился ночью на лодкахъ черезъ Эльбу и вступилъ въ край, повсюду занятый непріятелемъ. Въ отрядѣ находилось, кромѣ 8 эскадроновъ гусаръ и драгунъ, 6 казачьихъ полковъ подъ общимъ начальствомъ Бенкендорфа. Подвигались скрытно, останавливались на ночлеги вдали отъ жилья, и то на самое короткое время; если же случалось дѣлать привалъ въ деревнѣ, то на это время ее окружали казачьими постами, не впуская и никого не выпуская; бурмистръ этой деревни долженъ былъ провожать отрядъ возможно дальше. Проводники никогда не знали, куда они ведутъ, и часто отрядъ безъ всякой надобности сворачивалъ въ сторону, чтобы только сбить съ толку мѣстныхъ жителей. Пройдя такимъ образомъ около сотни верстъ, Чернышевъ узналъ, что на половинѣ пути къ Касселю стоитъ кирасирская бригада и батальонъ пѣхоты. Онъ тотчасъ свернулъ влѣво и окольными путями приблизился рано утромъ къ столицѣ, сдѣлавши въ сутки болѣе 80 верстъ. Былъ густой непроглядный туманъ, помѣшавшій сейчасъ же приступить

къ дѣлу. Въ 10 часовъ утра казаки Жирова и 2 эскадрона драгунъ переправились за Фульду съ тѣмъ, чтобы перехватить королю дорогу, въ случаѣ его бѣгства, но оказалось, что онъ уже проѣхалъ. Нашимъ удалось оторвать только хвостъ арріергарда, 250 кирасиръ. Нападеніе на городъ также кончилось неудачей. Правда, донцы Власова 3-го и Грекова 18-го разбили при помощи мѣщанъ ворота, пронеслись по улицамъ до самаго моста, но тутъ были остановлены сильнѣйшимъ огнемъ пѣхоты; гвардейскіе гусары, развернувшись на площади, изготовились къ атакѣ. Тутъ узнаетъ Чернышевъ, что въ тылу у него появилась кирасирская бригада, та самая, которую онъ обходилъ. Тогда онъ приказалъ вывести казаковъ изъ города. Пока отрядъ собирался, пока устраивался на отдыхъ, къ нему съ разныхъ сторонъ являлись перебѣжчики, не желавшіе служить французамъ, такъ что изъ нихъ составился цѣлый батальонъ охотниковъ; казаки нахватали въ разныхъ мѣстахъ 9 пушекъ—составилась батарея, въ полной запряжкѣ. На другой день наши открыли канонаду. Жители умоляли коменданта отказаться отъ обороны, но получили отъ него такой отвѣтъ: «Мнѣ приказано обороняться, и я исполню это приказаніе».—Дѣйствительно, всѣ заставы были заняты пѣхотой, мостъ загроможденъ фурами, на площади поставлено 4 пушки и возлѣ нихъ—конница. Кассельцы вовсе не желали обращать свой городъ въ развалины. Между ними и французами начались схватки; тѣ кидали въ войска камнями, а эти стрѣляли въ нихъ изъ ружей; досталось и коменданту. Какъ только Бенкендорфъ съ драгунами и батальономъ новобранцевъ подошелъ къ заставѣ, стоявшая тамъ карабинерная рота передалась русскимъ. Наши вступили въ городъ. Послѣ долгихъ переговоровъ коменданту позволили вывести свои войска, но безъ артиллеріи. Народъ привѣтствовалъ русскихъ, какъ своихъ избавителей; казаковъ носили на рукахъ. Въ городѣ найдено 30 орудій, множество ружей, патроны, амуниція, денежная казна. Изъ нея 15 т. талеровъ розданы войскамъ, а 60 т. отправлены начальству; 22 пушки увезли въ Берлинъ. Въ тотъ же день Чернышевъ обнародовалъ воззваніе, въ которомъ приглашалъ нѣмцевъ присоединиться къ братскому союзу и послужить дѣлу освобожденія Германіи въ рядахъ ея защитниковъ, пришедшихъ издалека. Хотя Чернышевъ черезъ нѣсколько дней опять вернулся на берега Эльбы, но его набѣгъ и воззваніе

возбудили среди народовъ южной Германіи радостныя надежды на лучшія времена.

На поляхъ Лейпцига дѣло освобожденія Германіи рѣшилось въ ея пользу. Въ достопамятной «битвѣ народовъ» отличились, между прочимъ, лейбъ-казаки. Случилось это вотъ какъ. Наполеонъ, окруженный подъ Лейпцигомъ войсками союзниковъ, хотѣлъ прорвать посрединѣ линію нашихъ войскъ и отрѣзать имъ пути отступленія въ Богемію. Французская конница, спустившись съ высотъ подъ прикрытіемъ 60 орудій, устремилась на полки русской пѣхоты. Ее не могли задержать ни штыки, ни картечь. Она проскочила между карре, захватила 2 батареи и остановила гвардейскую конницу, бывшую на ходу, при чемъ палъ начальникъ дивизіи, генералъ Шевичъ. Ударъ французской кавалеріи былъ страшенъ: она растоптала все, что встрѣчала на пути, и прорвала нашъ центръ. Впереди ея, по эту сторону плотины, на возвышеніи, стоялъ Императоръ Александръ, окруженный свитой. Французы мчались прямо на него, а подъ рукой войскъ не было, кромѣ обычнаго конвоя. Казаки впились глазами въ своего монарха: они ждали лишь одного мановенія, чтобы встрѣтить враговъ своею грудью, задержать, остановить, хотя бы самимъ погибнуть. Государь точно угадалъ ихъ мысль. Онъ приказалъ Орлову-Денисову вызвать на помощь кирасиръ, придвинуть изъ резервовъ артиллерію, а казакамъ сейчасъ же ударить во флангъ полкамъ Латуръ-Мобура. Дрогнули у казаковъ сердца, когда они это услышали. Они понимали, какъ страшно пропустить хотя одну минуту, какое минуту—одну секунду! Плотина была такъ узка, что по ней проѣзжали въ одинъ конь; впереди всѣхъ проскакалъ Ефремовъ, за нимъ три эскадрона донцовъ, потомъ—черноморцы. Вправо за плотиной тянулось возвышеніе, прикрывшее на время казаковъ. Тутъ догналъ свой полкъ Орловъ-Денисовъ, исполнивъ порученіе Государя. Французы продолжали движеніе, подавляя своей грозной силой нашу легкую конницу, которая все еще пыталась устроиться.

Вдругъ на флангѣ показались лейбъ-казаки. Ударъ ихъ былъ неожиданный и сильный. Ближайшіе ряды смяты и разсѣяны; дальніе остановили свой натискъ, заволновались. Эта мгновенная остановка дала время устроиться нашимъ полкамъ, потерявшимъ своего начальника. Они поправились, въ свою очередь атаковали французовъ съ фронта; съ другаго фланга

врубились прусскіе кирасиры и драгуны. Въ довершеніе бѣдъ, ядромъ оторвало ногу храброму Латуръ-Мобуру. Въ величайшемъ безпорядкѣ укрылся его корпусъ за линію пѣхотныхъ колоннъ; загремѣла наша резервная артиллерія, подоспѣли лейбъ-егеря, прибѣжали лейбъ-гренадеры. Тонкій разсчетъ Наполеона не удался. Наша линія снова сомкнулась; теперь она стала вдвое грознѣе. — Черезъ 19 лѣтъ состоялось Высочайшее повелѣніе лейбъ-казачьему полку перенести свой полковой праздникъ на 4-е октября, годовщину Лейпцигской битвы, и воспоминаніе о славномъ подвигѣ дѣдовъ живетъ и понынѣ въ рядахъ этого полка.

Разбитая подъ Лейпцигомъ французская армія потянулась на западъ, къ границамъ Франціи. Казаки, опять подъ начальствомъ Платова, то упреждали непріятеля, занимая попутно города, то шли по его слѣдамъ, тормошили арріергардъ. Не доходя Франкфурта, Платовъ, при помощи Орлова-Денисова, Чернышева, Иловайскаго и Кайсарова, разнесъ весь арріергардъ, при чемъ взялъ въ плѣнъ 4 т. солдатъ. За этотъ подвигъ Государь пожаловалъ ему богатое брилліантовое перо на шапку.

Когда союзныя войска перешли Рейнъ, вступили, слѣдовательно, въ предѣлы Франціи, казачьихъ полковъ считалось 26, но изъ нихъ лишь одинъ Атаманскій былъ въ полномъ составѣ, прочіе имѣли по 200 — 300 чел., не больше. Собственно въ отрядѣ Платова находилось 10 полковъ, съ которыми онъ шелъ впереди главной арміи, пока она не соединилась съ Блюхеромъ. Послѣ того донцы дѣйствовали сами по себѣ. Вездѣ, гдѣ они ни появлялись, прекращался сборъ податей, поставка рекрутъ, доставка продовольствія для французовъ, однимъ словомъ—все, что могло усилить или подкрѣпить Наполеона. Этого мало. Въ началѣ февраля казаки подступили къ г. Немуру. Его высокая каменная стѣна была окружена каналомъ, мосты находились подъ защитой палисадовъ, рогатокъ и пушекъ; обязанности коменданта исполнялъ старый заслуженный полковникъ. Вообще, Наполеонъ заранѣе позаботился о защитѣ этой крѣпости. Платовъ потребовалъ сдачи. Получивши отказъ, онъ послалъ спѣшенныхъ казаковъ на приступъ. Донцы взяли предмѣстье, а выстрѣлами донской артиллеріи была перебита прислуга у непріятельскихъ орудій. Наступила ночь; казаки расположились противъ трехъ главныхъ воротъ. Съ разсвѣтомъ канонада

съ обѣихъ сторонъ возобновилась; когда подвезли наши небольшія пушки къ Фонтенблоскимъ воротамъ, онѣ били въ нихъ ядрами безъ промаха. Наконецъ ворота рухнули, и казаки, подъ начальствомъ Кайсарова, ворвались въ крѣпость. Едва они успѣли овладѣть непріятельскими орудіями, какъ съ противоположной стороны раздались знакомые крики: то были Атаманцы, подъ начальствомъ Грекова 18-го. Тогда комендантъ сдался со всѣмъ своимъ гарнизономъ: 18 офицеровъ и 600 солдатъ, а болѣе 200 ч. пало въ битвѣ. Изъ-подъ Немура Платовъ двинулся къ Фонтенебло. Нѣкогда увеселительный замокъ французскихъ королей, Фонтенебло служилъ теперь мѣстомъ заключенія римскаго папы. Платовъ явился съ тѣмъ, чтобы его освободить, но оказалось, что за два дня передъ этимъ папу увезли въ другой городъ. Здѣсь казаки расположились на отдыхъ.

12 казачьихъ полковъ участвовали въ послѣдней битвѣ, которую давалъ Наполеонъ передъ своимъ отреченіемъ. Въ то время, когда главныя силы союзниковъ, имѣя во главѣ самихъ монарховъ, двигались уже къ столицѣ Франціи, ея императоръ путался сзади, окруженный летучими отрядами. Нѣкоторые изъ нихъ заслоняли ему пути въ Парижъ, а корпусъ Винценгероде слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, при чемъ была пущена огласка, будто этотъ корпусъ составляетъ авангардъ главныхъ силъ, для которыхъ онъ заготовляетъ квартиры, продовольствіе и т. п. Наполеонъ, желая удостовѣриться, правда ли это, приказалъ стянуть свою армію и сдѣлать нападеніе. Это было 13-го марта 1814 года, за 200 верстъ отъ Парижа. Рѣка Марна прикрывала фронтъ нашей позиціи; лѣвое крыло упиралось въ городокъ Сенъ-Дизье, занятый шестью ротами егерей; а правое, состоявшее изъ одного гусарскаго и четырехъ казачьихъ полковъ, примыкало къ лѣсу. Наполеонъ, по обыкновенію, дѣйствовалъ быстро, рѣшительно. Подъ прикрытіемъ сильныхъ батарей французы въ большихъ силахъ перешли Марну и развернулись въ линіи; за конницей строилась пѣхота. Улучивъ минуту, Тетенборнъ вылетѣлъ съ Изюмскимъ полкомъ, смялъ эскадроны первой линіи, но угодилъ подъ картечь и былъ опрокинутъ эскадронами 2-й линіи. Съ громкимъ крикомъ они пронеслись далеко впередъ, захватили часть нашего обоза и заводныхъ лошадей. Затѣмъ французы перешли въ общее наступленіе. Наши орудія едва успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣ-

ловъ: «все было сметено», какъ доносилъ Государю самъ Винценгероде. Уже французы выбили штыками егерей изъ городка и поспѣшнымъ движеніемъ угрожали занять единственный нашъ путь отступленія. Тутъ отличились гусары: сначала бросились 2 эскадрона Изюмцевъ съ Лошкаревымъ во главѣ — ихъ прогнали; потомъ вынеслись 6 эскадроновъ Павлоградцевъ. При помощи артиллеріи имъ удалось сдержать стремительный натискъ и дать время стянуться войскамъ. Съ наступленіемъ ночи преслѣдованіе прекратилось. Наши потеряли 1,300 чел., въ томъ числѣ 42 офицера, да покинули 5 пушекъ.

Наполеонъ одержалъ побѣду; въ послѣдній разъ ему улыбнулось счастье, только ненадолго. Отъ плѣнныхъ офицеровъ Императоръ узналъ, что передъ нимъ не главная армія, а летучій корпусъ; что союзные монархи прошли прямо на Парижъ. Въ глубокомъ раздумьѣ объѣзжалъ онъ поле битвы, изрытое канавами, заросшее виноградниками. Всѣ плѣнные, имѣвшіе знаки отличія, были собраны отдѣльно. Императоръ ласково поздоровался съ ними, выхвалялъ ихъ храбрость и приказалъ своимъ генераламъ, чтобы позаботились о раненыхъ; генералъ Жираръ получилъ приказаніе справиться о здоровьѣ полковника Лошкарева, который былъ раненъ въ этомъ дѣлѣ.

Вернувшись въ Сенъ-Дизье, Наполеонъ долго разсматривалъ карту, не зная, куда ему направить свой путь. Черезъ недѣлю союзные монархи, во главѣ многочисленныхъ войскъ, уже вступали въ Парижъ. Война была кончена.

Первый день Пасхи русскія войска праздновали особенно торжественно, еще небывалымъ образомъ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были обезглавлены французскій король Людовикъ XVI и королева Марія-Антуанета, воздвигли высокій амвонъ, на которомъ поставили аналой съ крестомъ и евангеліемъ. Русскія войска частью стояли на площади, частью въ сосѣднихъ улицахъ. Утро было тихое, прекрасное. Императоръ Александръ, въ сопровожденіи короля прусскаго, нѣмецкихъ генераловъ и французскихъ маршаловъ, тихо объѣзжалъ ряды ветерановъ, прошедшихъ длинный путь отъ Москвы къ Парижу. Объѣздъ кончился, войска стянулись въ колонны. Лейбъ-казаки вытянулись вдоль Елисейскихъ Полей, а французская стража окружила амвонъ. Парижане переполняли сосѣднія улицы, усѣяли кровли домовъ, толпились у оконъ, у

дверей. Наступила торжественная тишина. Государь и его вѣрный сподвижникъ, король прусскій, поднялись на амвонъ; всѣ присутствующіе опустились на колѣни, не исключая и французской стражи. По окончаніи водосвятія оба монарха шли за священникомъ, окроплявшимъ святою водой русскихъ воиновъ. Гулъ орудій приводилъ въ трепетъ сердца всѣхъ участниковъ небывалаго празднества. Никогда еще не было примѣра, чтобы побѣдитель молился такъ торжественно въ столицѣ побѣжденнаго народа.

По заключеніи мира всѣ казачьи полки собрались подъ начальствомъ своего атамана на берегахъ Рейна; отсюда, въ головахъ четырехъ колоннъ русской арміи, они прослѣдовали черезъ всю Германію къ границамъ Россіи. Въ станицахъ и юртахъ войска Донскаго надолго осталось памятнымъ возвращеніе казаковъ изъ далекой чужбины, особенно же встрѣча атамана, графа Матвѣя Ивановича Платова. На границѣ войсковыхъ земель депутаты поднесли ему хлѣбъ-соль и первые же присоединились къ его поѣзду, который ежедневно увеличивался новыми толпами казаковъ, стекавшихся съ разныхъ сторонъ. На Кундручьѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ ждали атамана по нѣскольку дней. Тутъ были древніе старики съ правнуками, малолѣтки и старые сподвижники атамана, увѣшанные крестами, украшенные сѣдиной и сабельными рубцами; все это пристраивалось сзади: кто гарцуя на конѣ, кто ѣхалъ повозкой, иные и съ палочкой,—смотря по достаткамъ. Недалеко отъ Черкаска атаманъ слѣзъ съ коня и поднялся на курганъ, откуда открывались какъ на ладони ярко горѣвшіе на жаркомъ солнцѣ золоченые кресты, зеленые, усѣянные звѣздами куполы и колокольни церквей. Обратившись къ нимъ лицомъ, Матвѣй Ивановичъ сдѣлалъ три земныхъ поклона и сказалъ во всеуслышаніе: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ! Послужилъ я царю, постранствовалъ на чужбинѣ довольно; теперь возвратился на родину и молю Бога, да успокоитъ онъ кости мои на землѣ предковъ моихъ!» — При этихъ словахъ атаманъ крѣпко поцѣловалъ горсть захваченной земли.—«Здравствуй, нашъ атаманъ, на многія лѣта!» отвѣтили хоромъ казаки, поклонившись ему въ поясъ. Поѣздъ двинулся дальше. У самой горы, на которой стоитъ Черкаскъ, Платова встрѣтили всѣ офицеры Донскаго войска, генералы и наказной атаманъ Иловайскій. Въ ту же минуту зазвонили колокола, выпалили пушки, и по-

Графъ Матвѣй Ивановичъ ПЛАТОВЪ.

слышалось громовое, перекатное «ура!»: донскіе полки, вытянувшись по обѣ стороны, стояли вплоть до собора. Здѣсь на паперти ожидало духовенство; тутъ же были разставлены войсковыя знамена и регаліи — славные памятники доблестныхъ заслугъ. Послѣ молебна старшины проводили атамана въ его помѣщеніе, гдѣ пиршество продолжалось до глубокой ночи. По стародавнимъ обычаямъ чествовалъ Донъ своего атамана.

До половины прошлаго вѣка донскихъ казаковъ знали только татары да турки. Европейцы считали казаковъ ордой, недостойной и неспособной съ ними сражаться. Донцы на дѣлѣ доказали, что объ нихъ судятъ несправедливо. Въ Семилѣтнюю войну они своими налетами не мало досаждали Фридриху Великому; ихъ подвиги подъ начальствомъ Суворова въ Польшѣ, Турціи, Италіи стали извѣстны всему міру; наконецъ истребленіе Великой арміи заставило Наполеона признать за ними страшную силу. Тотъ самый Наполеонъ, который называлъ казаковъ «посрамленіемъ человѣческаго рода», признавался послѣ, что онъ не знаетъ лучшихъ легкихъ войскъ, какъ австрійскіе кроаты и наши казаки. Онъ даже думалъ завести у себя казаковъ, но это ему не удалось: казакомъ надо родиться.

Вотъ какъ описываетъ донцовъ одинъ французскій генералъ, который много разъ съ ними встрѣчался въ мелкихъ схваткахъ и крупныхъ дѣлахъ, видалъ ихъ на аванпостахъ, на бивуакахъ, по деревнямъ и городамъ: «Казаки летятъ въ атаку во весь духъ и умѣютъ сразу останавливаться. Лошади у нихъ легкія, берутъ съ мѣста хорошо; всадники сидятъ, точно приросши. Казаки очень осторожны и сами о себѣ заботятся; въ своихъ дѣйствіяхъ они стремительны, въ движеніяхъ смѣлы. Красиво, бывало, глядѣть, когда наша конница, блистая серебромъ и золотомъ, полная рыцарской отваги, развертывалась въ линію на берегахъ Нѣмана! Но вся эта картина пропадала какъ дымъ при первой встрѣчѣ съ казаками, которыхъ мы привыкли презирать. Мы видѣли ихъ каждый день на подобіе огромной завѣсы, закрывающей горизонтъ. Отъ нея отдѣляются самые смѣлые наѣздники и подъѣзжаютъ къ намъ. Мы развертываемся, смѣло кидаемся въ атаку, уже настигаемъ ихъ лаву, какъ вдругъ она исчезаетъ: на томъ мѣстѣ торчатъ лишь березы да сосны. Прой-

детъ часъ, другой, мы начинаемъ кормить лошадей, какъ черная завѣса снова показалась, снова намъ угрожаетъ. Мы повторяемъ атаку—и опять въ пустую. И выходило то, что наша лучшая и храбрѣйшая кавалерія напрасно утомлялась, приходила въ разстройство, а въ концѣ концовъ и вовсе погибла: ее погубили казаки».—Это говоритъ нашъ непріятель. Болѣе подробно исчисляетъ заслуги донскаго воинства Высочайшая грамота отъ 19 ноября 1817 года. Государь ничего не позабылъ, что сдѣлали донцы за три года неустанной войны. Тогда же онъ пожаловалъ имъ знамя съ слѣдующей надписью: «Вѣрноподданному Войску Донскому въ ознаменованіе подвиговъ, оказанныхъ въ послѣднюю французскую войну въ 1812—1814 годахъ». Упомянутая грамота оканчивалась слѣдующими словами, относящимися къ знамени: «Да нѣкогда сыны сыновъ вѣрнолюбезнаго намъ Войска Донскаго, предпося предъ рядами своими сію святую хоругвь славы и отечества, воспомнятъ дѣянія отцовъ своихъ и послѣдуютъ ихъ примѣру».

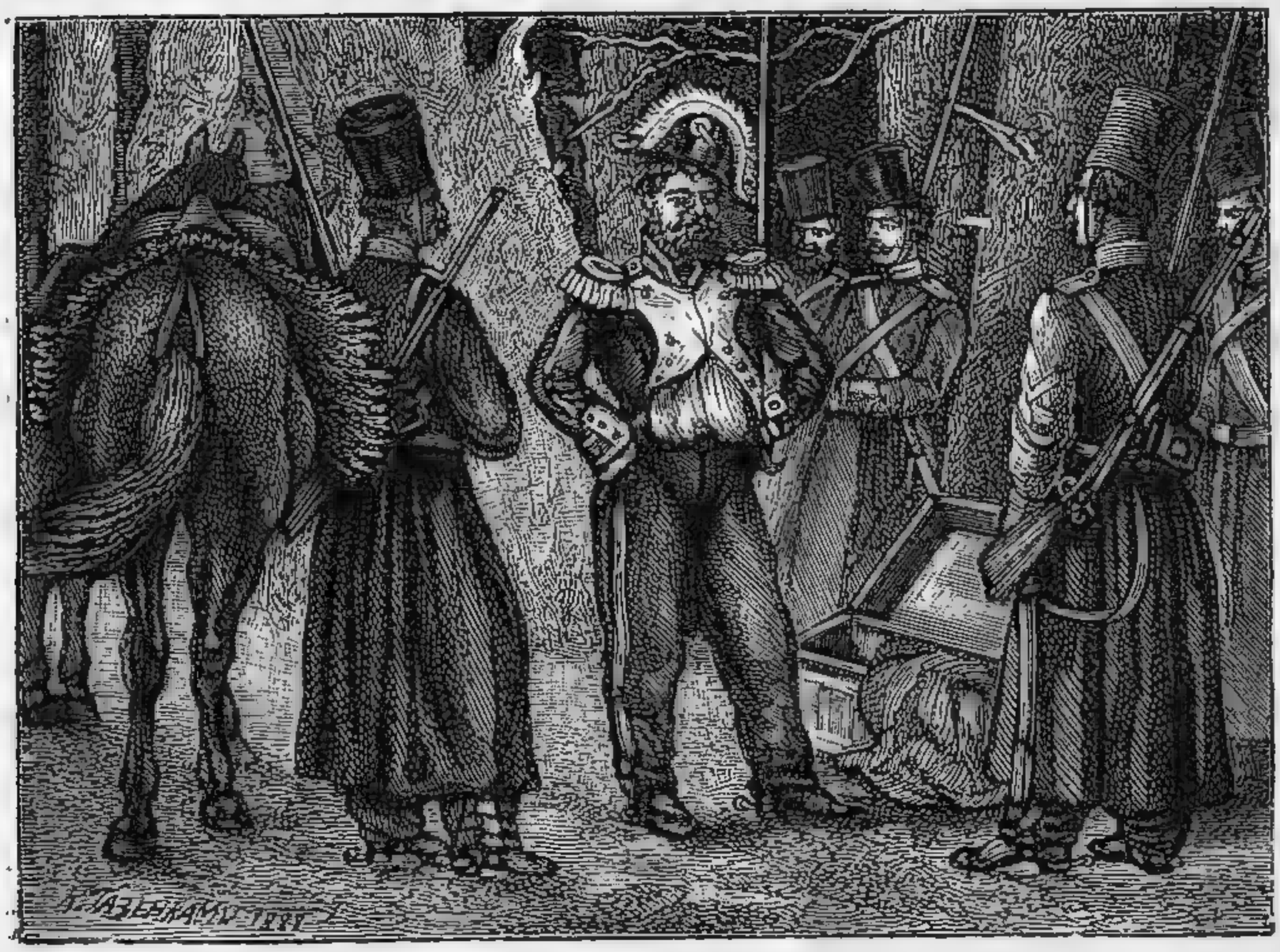
Къ священнымъ регаліямъ старины Императоръ Николай Павловичъ присоединилъ саблю своего державнаго брата, которую онъ носилъ въ походахъ. На этомъ не кончились милости Государя къ войску Донскому. Въ октябрѣ 1837 г. онъ самъ посѣтилъ Новочеркаскъ въ сопровожденіи своего старшаго сына и Наслѣдника Престола, впослѣдствіи Императора Александра II, въ расцвѣтѣ его юности и красоты.

Царскіе экипажи остановились за тріумфальными воротами, у небольшаго домика, гдѣ Августѣйшіе гости переодѣлись и потомъ сѣли на коней. У воротъ Государь принялъ рапортъ атамана Власова и, милостиво поклонившись присутствовавшимъ тутъ генераламъ и дворянству Донской области, направился шагомъ по Платовскому проспекту, сопровождаемый многочисленной свитой; эскадронъ атаманцевъ замыкалъ шествіе. По всему проспекту вплоть до собора стояли шпалерами 22 донскихъ полка, собранныхъ къ Высочайшему смотру, а за ихъ фронтомъ безчисленное множество народа съ верховыхъ и низовыхъ станицъ. Восторженное «ура!» не смолкало ни на одно мгновеніе: оно сливалось съ колокольнымъ звономъ, съ пушечной пальбой; въ окнахъ, на балконахъ, съ кровель домовъ новочеркасскія казачки махали платками, бросали подъ ноги цвѣты... На паперти собора ждалъ Государя архіепископъ Аѳанасій со всѣмъ го-

родскимъ духовенствомъ. Выслушавъ его привѣтствіе и приложившись ко кресту, Николай Павловичъ вошелъ въ средину войсковаго круга. «Любезные донцы! произнесъ онъ громкимъ голосомъ: ваши предки и отцы сослужили много службъ государямъ и отечеству! Признательность монарховъ показываютъ эти грамоты, эти знамена и прочіе царскіе клейноды. Я хотѣлъ явить новый знакъ своего благорасположенія и назначилъ атаманомъ вашимъ своего перваго сына, Наслѣдника Престола Нашего. Надѣюсь, что вы и потомки ваши не перестанете идти по пути славныхъ предковъ и заслуживать признательность отечества!» — Едва кончилъ Государь, какъ мертвая тишина смѣнилась потрясающимъ «ура!», загремѣли пушки, загудѣли колокола всѣхъ новочеркасскихъ церквей. Государь взялъ поднесенный Власовымъ на бархатной подушкѣ перначъ и, обнявъ Наслѣдника, вручилъ ему этотъ знакъ атаманскаго достоинства. Тотчасъ же всѣ донскіе генералы окружили Августѣйшаго атамана: подъ сѣнью склонившихся знаменъ они его подняли на рукахъ. Взрывъ народнаго восторга встрѣтилъ появленіе царственнаго юноши и атамана надъ убѣленными сѣдинами ветерановъ великой Екатерины, императоровъ Павла и Александра... Съ разныхъ сторонъ раздались задушевныя привѣтствія: «Батюшка ты нашъ, атаманъ войсковой! Надёжа наша, красное солнышко! Пойдемъ въ огонь и воду за тебя, нашъ красавецъ ненаглядный! Да хранитъ же тебя Царь Небесный для счастья нашего!..»

Выйдя изъ круга, Государь съ Наслѣдникомъ сѣли въ коляску и отправились въ домъ Иловайскаго; атаманское знамя, перначъ и бобылевые хвосты были препровождены эскадрономъ атаманцевъ на квартиру Наслѣдника, въ домѣ Мартынова. Экипажъ съ трудомъ пробивался сквозь густыя толпы народа; площадь передъ царской квартирой волновалась, какъ живой муравейникъ. Весь вечеръ до глубокой ночи никто не покидалъ своего мѣста. На другой день Государь Императоръ посѣтилъ войсковое правленіе, госпиталь, войсковую гимназію, гдѣ, между прочимъ, произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «Учитесь, дѣти, усердно. Я хочу, чтобы современемъ и изъ донцовъ были сенаторы, министры, главнокомандующіе!»—21 октября происходилъ Высочайшій смотръ всѣмъ собраннымъ въ ту пору войскамъ, а 22 утромъ, Государь съ Наслѣдникомъ отъѣхали по пути на Воронежъ.

Описанное событіе повторяется каждый разъ при восшествіи на престолъ Августѣйшаго атамана: врученную ему отцомъ булаву или перначъ онъ такъ же торжественно передаетъ своему Сыну и Наслѣднику Престола. Этотъ обычай еще болѣе связуетъ вѣрныхъ донцовъ съ вѣнценосными вождями русской арміи. Оберегаемые съ высоты трона, опекаемые Августѣйшимъ атаманомъ, они живутъ и понынѣ въ своихъ древнихъ правахъ и привилегіяхъ, добытыхъ кровью отцовъ.

X.

Донцы на Линіи.

Доблестные донцы въ теченіе 60-ти - лѣтней Кавказской войны постоянно дѣлили съ русскими войсками труды и славу военныхъ подвиговъ; многіе изъ этихъ подвиговъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи». Такъ отзывался о донскомъ войскѣ въ приказѣ по кавказскому корпусу Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Дѣйствительно, послѣ долгой и упорной борьбы съ татарами, своими ближайшими сосѣдями, донцы, какъ сподвижники нашей арміи, являются борцами въ горахъ и ущельяхъ Кавказа. Ихъ тамъ перебывало болѣе, чѣмъ 200 тысячъ, но изъ десяти лишь одинъ узрѣлъ родимую сторону. Кромѣ того, со временъ Императрицы Екатерины донцы выселялись, частью по охотѣ, частью по неволѣ, на берега Кубани, Лабы, Терека,—гдѣ рядомъ станицъ, укрѣпленій, а больше своею грудью отражали первые набѣги горскихъ народовъ; въ то же время сопровождали наши транспорты, развозили приказанія, однимъ словомъ, несли трудную линейную службу. Такъ вотъ на помощь этимъ поселенцамъ, равно какъ и прочимъ линейнымъ казакамъ, поселившимся еще раньше, высылались по-очередно полки съ Дона. Тяжела была ихъ служба! Линейцы тамъ родились, свыклись съ непріятелемъ, знали его сноровки, наконецъ притерпѣлись ко всѣмъ невзгодамъ походной и домашней жизни; донцы же попадали прямо въ

лазареты, гдѣ умирали сотнями. Они были здѣсь какъ чужіе, даже получили особую кличку: «Камышъ». И на Дону прошла недобрая слава про «Линію, Линеюшку, кавказскую сторонушку»: ее проклинали въ пѣсняхъ, какъ «горькую недолюшку». Зачастую являлись сюда малолѣтки на плохихъ лошаденкахъ, неумѣвшіе стрѣлять по горскому обычаю, на всемъ скаку—и такимъ-то воинамъ приходилось каждодневно встрѣчаться съ чеченцемъ! Послѣдніе имѣли во всемъ перевѣсъ: сами они гибки и увертливы какъ змѣи, шашки ихъ тяжелы и остры, удары мѣтки, неотразимы. Боевая служба донцовъ еще много страдала оттого, что полки дѣйствовали не въ полномъ составѣ, а малыми частями, разсѣянными по всей Линіи, то при отрядахъ, то въ дальнихъ командировкахъ или просто на посылкахъ. Но дѣло сразу измѣнялось, когда во главѣ полка становился начальникъ, умѣвшій ихъ собрать, сплотить и вдохнуть отвагу отцовъ. Тогда и донцы являлись сильными, даже грозными чеченцамъ; тогда они ни въ чемъ не уступали своимъ соратникамъ-линейцамъ. Къ числу такихъ вождей принадлежалъ Яковъ Петровичъ Баклановъ. Самъ уроженецъ тихаго Дона, бѣдной семьи, Яковъ Петровичъ въ дѣтствѣ пахалъ землю, косилъ сѣно, пасъ табуны. Еще мальчишкой онъ скакалъ верхомъ на дикихъ степныхъ лошадяхъ, ловко стрѣлялъ изъ ружья и первенствовалъ во всѣхъ ребяческихъ играхъ. Онъ росъ на свободѣ, какъ росла большая часть его сверстниковъ; заслушивался разсказами о старинѣ, какъ нѣкогда казаки гуляли по Синему морю, какъ отсидѣли отъ «турскаго султана» Азовъ. Мало-по-малу онъ набирался того казацкаго духа, которымъ славились донцы въ задавнее время. Бакланову было 7 лѣтъ, когда казаки возвращались изъ заграничнаго похода. Онъ отлично помнилъ, какъ старики выходили встрѣчать ихъ за околицу, крестились и, припадая къ землѣ, говорили: «Да, заслужили наши казаки Богу, Государю и всевеликому войску Донскому». Всѣ подробности торжественной встрѣчи атамана Платова глубоко запали въ душу ребенка. И выросъ изъ мальчугана богатырь-казакъ, силы необычайной, воли желѣзной. Изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей горѣли его сѣрые, глубокіе глаза, метавшіе искры; густая борода покрывала его могучую грудь. Одѣвался онъ просто, по-казацки, въ шелковую красную рубаху, прикрытую бешметомъ, широкія шаровары и черкесскіе чевяки; на головѣ носилъ па-

паху. Прямодушный и безкорыстный, Баклановъ не многому учился, но твердо помнилъ, что безъ вѣры въ Бога не прожить христіанину, что для побѣды надъ врагомъ нужно скрытно къ нему подойти, быстро и смѣло напасть. Его называли Ермакомъ Тимофеевичемъ и, правда, что въ Баклановѣ какъ бы воскресъ этотъ любимый атаманъ казачій. Врагамъ онъ сталъ страшенъ, какъ только появился на Кавказѣ; у чеченцевъ онъ слылъ подъ именемъ «даджалъ», что значитъ по-нашему чортъ; только изрѣдка, въ видѣ ласки, звали «Боклю».

Получивши донской № 20-й полкъ, Баклановъ задался поставить его такъ, чтобы онъ ни въ чемъ не уступалъ полкамъ линейнымъ. Прежде всего онъ завелъ въ полку особую, седьмую сотню и назвалъ ее учебною; эта сотня ходила у него то въ головѣ, то составляла резервъ, смотря по надобности. Кромѣ того, были составлены еще двѣ команды: пластунская, изъ лучшихъ стрѣлковъ и наѣздниковъ, а другая— ракетная; наконецъ въ каждой сотнѣ одинъ взводъ, снабженный шанцевымъ инструментомъ, обучался саперному дѣлу. Въ частыхъ набѣгахъ и стычкахъ казаки Бакланова одѣлись и вооружились на счетъ непріятеля. Вмѣсто форменныхъ донскихъ чекменей, они носили азіатскія черкески; вмѣсто казенныхъ шашекъ, раздобыли чеченскія; но пики, какъ наслѣдіе отцовъ, казаки сохранили. По нимъ чеченцы отличали донцовъ отъ линейцевъ. Обученіе полка велось не на плацу, а вдоль чеченской границы, гдѣ стояли казачьи посты. Баклановъ не спалъ по ночамъ, рыскалъ съ пластунами по такимъ трущобамъ, гдѣ не бывала нога человѣка, и въ это-то время пріучалъ казаковъ глядѣть въ оба. «Все замѣть, училъ Баклановъ: ничего не прогляди, а тебя чтобы никто не видѣлъ».—Въ мелкихъ схваткахъ донцы изучали сноровки непріятеля, пріучались спѣшиваться, стрѣлять на всемъ скаку, скрываться въ засаду и т. п. Во время же боя никто не смѣлъ покинуть рядовъ, даже легко раненые; тѣ же, которые лишились лошадей, бились пѣшіе, пока не раздобудутъ новыхъ. «Покажи врагамъ, говорилъ Баклановъ, что думка твоя не о жизни, но о славѣ и чести донскаго казачества».— Трусливымъ не было мѣста въ его полку; храбрыхъ онъ осыпалъ деньгами безъ мѣры, безъ счета.

Полкъ Бакланова стоялъ по укрѣпленіямъ передовой Кумыкской линіи, отъ Умаханъ-юрта до Стараго Чиръ-юрта, верстъ на 60 по р. Сулаку. Въ самое Крещенье 1847 года

въ укрѣпленіе Куринское, гдѣ помѣщался штабъ полка, прибѣжалъ лазутчикъ съ извѣстіемъ, что горцы хотятъ напасть на Старогладковскую станицу на Терекѣ. Начальство сейчасъ же оповѣстило всю Линію, а на Терекѣ въ скрытомъ мѣстѣ былъ расположенъ отрядъ, съ приказаніемъ не трогаться, пока чеченцы не начнутъ переправу. Два дня куринскій гарнизонъ, состоявшій изъ полка кабардинцевъ и одного линейнаго баталіона, провелъ подъ ружьемъ въ ожиданіи, не загремитъ ли гдѣ сигнальный выстрѣлъ. На разсвѣтѣ 3-го дня прискакали пластуны Бакланова: они видѣли, что скопище прошло возлѣ крѣпости и направилось къ Тереку. Въ укрѣпленіи всѣ были на-чеку; отрядъ немедленно выступилъ: впереди Баклановъ съ полкомъ, сзади Майдель съ кабардинцами. Вскорѣ послышались со стороны Терека глухіе раскаты пушечныхъ выстрѣловъ—донцы пошли рысью. Погода стояла сырая, пасмурная; густой туманъ ходилъ волнами, скрывая окрестности. Между тѣмъ, чеченцы подъѣхали къ переправѣ: ихъ велъ наибъ Бата̀, нѣкогда служившій русскимъ. Онъ объѣхалъ ряды, посулилъ богатую добычу и вдругъ крикнулъ: «Медаль и десять рублей тому, кто первый перескочитъ Терекъ!»—Только чеченцы успѣли спуститься къ рѣкѣ, какъ на другомъ берегу блеснулъ огонекъ, потомъ бухнуло ядро, прорѣзавшее толпу какъ разъ по серединѣ. Это былъ только сигналъ. Разомъ грянули картечью скрытыя до сихъ поръ пушки, затрещали ружейные выстрѣлы; дрогнули горцы. Поздно замѣтилъ опасность Бата̀. «Назадъ, назадъ!» кричалъ онъ во все горло. Въ это время съ боку длинной лавой неслись казаки, сотня за сотней, молча, безъ обычнаго казачьяго гика. Удары пикъ въ густую толпу были смертоносны. Обезумѣли чеченцы: они покинули раненыхъ, убитыхъ и пошли на проломъ. Окруживъ скопище, казаки гнали его какъ стадо дикихъ козъ до самыхъ горъ, гдѣ, благодаря ночи, чеченцамъ удалось разсѣяться въ лѣсныхъ ущельяхъ. Измѣнникъ потерпѣлъ неудачу; казаки же Бакланова показали себя достойными своего учителя. Имъ тогда досталось много богатаго оружія, въ чемъ они пока сильно нуждались.—«Казакъ долженъ вооружаться на счетъ непріятеля», говорилъ часто Баклановъ, выслушивая жалобы, что наши шашки много хуже чеченскихъ.

Недѣль черезъ 5, не то 6, нашъ часовой замѣтилъ партію хищниковъ, спускавшихся съ горъ, по направленію къ

«Горячимъ ключамъ». По тревогѣ двѣ сотни подъ начальствомъ Бакланова вынеслись наперерѣзъ, но на 3-й верстѣ были атакованы громаднымъ скопищемъ, сидѣвшимъ въ засадѣ. Это былъ самъ Бата̀, вздумавшій посчитаться. Однако Баклановъ зналъ чеченскія сноровки. Вслѣдъ за собой онъ приказалъ двигаться учебной сотнѣ съ двумя конными орудіями; еще сзади бѣжали 4 роты кабардинцевъ. Лихая артиллерія за 500 шаговъ снялась съ передковъ, вслѣдъ затѣмъ брызнула картечью въ середину конной толпы. Тутъ самъ Бата̀ попалъ въ ловушку, которую готовилъ русскимъ. Онъ кинулся было впередъ—попалъ на штыки кабардинцевъ; круто повернулъ назадъ, пронесся подъ перекрестнымъ огнемъ и исчезъ въ лѣсу. Казаки потеряли въ этомъ короткомъ дѣлѣ только одного раненаго. Слава Баты какъ наѣздника пропала; онъ былъ смѣненъ; на его мѣсто назначенъ молодой наѣздникъ Гехо. Новому наибу надо было показать свою удаль, и вотъ въ концѣ октября съ угловой башни дали знать, что партія чеченцевъ проскакала къ аулу Энгель-юртъ. Дѣйствительно, вскорѣ послышались оттуда частые выстрѣлы—знакъ, что чеченцы встрѣтили отпоръ. По сигнальной пушкѣ двѣ сотни промчались въ карьеръ, съ Баклановымъ во главѣ. Путь пролегалъ по отлогой покатости между брошенныхъ ауловъ. Возлѣ одной изъ такихъ развалинъ казаки замѣтили стоявшую партію, посреди которой колыхался по вѣтру вышитый золотомъ разноцвѣтный значокъ. Значитъ, здѣсь находился самъ Гехо съ тремя или четырьмя сотнями чеченцевъ, обыкновенно сопровождавшихъ своего наиба. Гехо видимо поджидалъ партію, бывшую въ набѣгѣ. Замѣтивъ казаковъ, чеченцы съ мѣста бросились въ шашки. Чуть было не пошатнулись донцы на своихъ притомленныхъ коняхъ; но Баклановъ самъ врубился въ толпу, выхватилъ значокъ и высоко поднялъ его надъ головой. Въ это время чеченецъ ударилъ его по рукѣ шашкой; тѣмъ не менѣе приподнятый значокъ уже возвѣстилъ побѣду: чеченцы быстро повернули въ лѣсъ, покинувъ убитыхъ. Потерю «аляма» горцы приняли какъ дурной знакъ для молодаго наиба.

Въ одной пустой схваткѣ пуля раздробила Бакланову ключицу и засѣла гдѣ-то въ груди; кровь забила горячимъ ключемъ. Два казака, тутъ же на мѣстѣ схватки, перевязали ему на-скоро рану, послѣ чего онъ опять сѣлъ на коня. Лѣчилъ Бакланова одинъ изъ «хакимовъ», въ родѣ нашихъ

знахарей, но уже на 4-й день Яковъ Петровичъ выѣхалъ въ разъѣздъ. Между казаками давно ходилъ слухъ, что онъ заколдованъ, что его убить-то можно, но только особой, серебряной пулей. Когда же Баклановъ былъ раненъ, казаки объяснили это тѣмъ, что онъ не поладилъ съ «самимъ», однако ему нисколько не больно, такъ какъ «силу отъ Бога имѣетъ страшную». Во время затишья на Линіи, что случалось, впрочемъ, не часто, Баклановъ пропадалъ изъ Куринскаго по нѣсколькимъ днямъ. Выѣдетъ, бывало, съ двумя тремя пластунами рано, до зари, а вернется поздно вечеромъ, не то ночью. Куда и зачѣмъ онъ ѣздилъ—никто не вѣдалъ. Послѣ уже стало извѣстно, что Баклановъ объѣхалъ самыя дальнія мѣста нашихъ владѣній, побывалъ въ горахъ, посѣтилъ Чечню и, такимъ образомъ, изучилъ всѣ ходы, всѣ тропинки. Эти свѣдѣнія пригодились казакамъ. Однажды Баклановъ велъ свои 3 сотни въ набѣгъ. Ночь выпала темная, вѣтеръ бушевалъ, крутилъ какую-то мятелицу. Яковъ Петровичъ все время ѣхалъ впереди, вдругъ остановился, осмотрѣлся и замѣтилъ, что отрядъ идетъ не туда, куда слѣдуетъ. Проводникъ разсердился, сталъ доказывать, что дорога та самая. «А гдѣ сухое дерево, которое должно быть вправо отъ дороги?» спросилъ Баклановъ.—Тутъ проводникъ припомнилъ, что дѣйствительно надо быть сухому дереву. Пластуны разыскали настоящую дорогу, а казаки рѣшили между собой, что, значитъ, Бакланову «такъ ужь дано знать дороги, гдѣ онъ никогда и не бывалъ».—А сколько разъ случалось, что только беззавѣтная храбрость Бакланова могла выручить его донцовъ, уже достаточно обстрѣленныхъ и обвыкшихъ въ Кавказской войнѣ! Въ концѣ 1850 года отрядъ подъ начальствомъ отважнаго Майделя выступилъ въ ауховскіе аулы. Въ отрядѣ находилось 5 батальоновъ пѣхоты, 8 орудій, донцы Бакланова и гребенскіе казаки. Шли сначала шибко по ровной открытой дорогѣ между рѣчками Ярыкъ-су и Яманъ-су. Дальше пришлось взбираться по извилистой тропинкѣ на высокую крутую гору; наверху горы торчали толстыя бревенчатыя ворота съ желѣзными запорами; вправо и влѣво отъ воротъ тянулись глубокія канавы, обнесенныя колючимъ плетнемъ и спускавшіяся въ мрачныя разсѣлины, обойти которыя нельзя было никакъ. Лихіе кабардинцы перескочили черезъ плетни, а въ это время казаки разнесли ворота. Однако убѣжавшіе горцы успѣли поднять тревогу, прежде чѣмъ

явился Баклановъ. Аулы оказались пусты, жители убрались сами и угнали стада въ лѣсныя трущобы; остались защищать свои гнѣзда только самые отчаянные. Три аула были выжжены, отрядъ сталъ отступать, но тутъ-то и начиналось дѣло. Горцы имѣли обыкновеніе всегда провожать отступавшіе отряды, и такое отступленіе считалось самымъ опаснымъ. Когда пришлось проходить той же узкой долиной между двухъ рѣчекъ, чеченцы засѣли въ лѣсистыхъ оврагахъ, справа и слѣва, откуда стрѣляли въ перекрестъ; конница насѣдала сзади. Баклановъ скомандовалъ казакамъ «стой!» Но конные чеченцы, знавшіе хорошо, чего надо ожидать, мигомъ исчезли. Тогда онъ перемѣнилъ фронтъ налѣво въ карьеръ, выхватилъ у ординарца значокъ и, крикнувши: «съ Богомъ, за мной!» ринулся съ кручи прямо въ лѣсистый оврагъ, гдѣ протекала Яманъ-су. Не только горцы, но даже наши кабардинцы, ко всему привыкшіе, остолбенѣли при видѣ такой отваги. У всѣхъ захватило, что называется, духъ. Когда горцы опомнились, то стали сбѣгаться, чтобы взять казаковъ въ шашки. Баклановъ уже приказалъ спѣшиться: въ темномъ оврагѣ завязалась рукопашная на жизнь и смерть. Во время этой ожесточенной борьбы Баклановъ замѣчаетъ, что около сотни горцевъ засѣли въ сторонкѣ, на высокомъ курганѣ, откуда безнаказанно разстрѣливали его сотни. Онъ сейчасъ же отдѣлилъ 50 казаковъ съ приказаніемъ сбить чеченцевъ. Подбѣжали донцы къ кургану и залегли: никто не рѣшался подняться первымъ на вѣрную смерть. Гнѣвъ, негодованіе исказили лицо Бакланова: какъ тигръ, бросился онъ къ нимъ, поднялъ съ земли и, выхвативъ шашку, самъ вскочилъ наверхъ съ крикомъ: «Впередъ!» Курганъ былъ очищенъ, послѣ чего всѣ горцы, бывшіе въ дѣлѣ, шибко отступили. За эти дѣла Яковъ Петровичъ получилъ чинъ полковника. Еще болѣе высокою наградою можно считать, что когда на смѣну 20-му прибылъ съ Дона 17-й полкъ, то Баклановъ былъ оставленъ на Кавказѣ, съ назначеніемъ командовать этимъ новымъ полкомъ.

— «Что, каковъ нашъ командиръ?» спрашивали молодые у старыхъ сподвижниковъ Бакланова.—«Такой, что при немъ отца родного не надо. Если есть нужда, иди прямо къ нему: поможетъ— и добрымъ словомъ, и совѣтомъ, и деньгами. Простота такая, что ничего не пожалѣетъ, послѣднюю рубашку сниметъ, а тебя выручитъ. Но на службѣ, братцы

мои, держите ухо востро: вы не бойтесь чеченцевъ, а бойтесь своего асмодѣя: шагъ назадъ—въ куски изрубитъ!»...

Съ любовью, съ отеческою нѣжностью провожалъ Яковъ Петровичъ старыхъ станичниковъ, вѣрныхъ боевыхъ товарищей на родину. Съ праваго до лѣваго фланга всѣ плакали, когда онъ объѣзжалъ ихъ на прощанье. Многіе просились остаться въ 17-мъ полку, и просьбу ихъ уважили; они дали хорошую закваску молодымъ станичникамъ, такъ что обученіе полка по новому пошло гораздо скорѣе, чѣмъ въ первый разъ. Да и дѣла Шамиля въ ту пору были плохи. Наши рубили широкія просѣки въ лѣсахъ, мало-по-малу углублялись въ лѣсистыя, доселѣ недоступныя горы.

Въ Куринскомъ ежедневно, начиная съ Новаго 1852 года, барабаны поднимали раннимъ утромъ все укрѣпленіе на ноги. Очередныя роты на-легкѣ, безъ обозовъ, выступали въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ кончилась вчерашняя рубка. Баклановъ уѣзжалъ впередъ съ пластунами, осматривалъ мѣстность еще закрытую предразсвѣтнымъ туманомъ, разставлялъ аванпостную цѣпь и самъ же указывалъ мѣста для работы. Затѣмъ онъ поднимался на высокій курганъ, откуда наблюдалъ въ подзорную трубу, что дѣлаютъ въ своихъ завалахъ горцы. Они уже привыкли узнавать его фигуру въ косматой папахѣ, съ накинутымъ на плечи бараньимъ тулупомъ. Вотъ выѣзжаютъ съ ихъ стороны конные: лица у нихъ укутаны бѣлыми башлыками, сами они статны, одѣты по-ухарски, оружіе богато: это абреки. Они навѣрно засядутъ въ кусты и будутъ палить; другіе станутъ задорно кружиться возлѣ кургана, выкликая: «Боклю, такой-сякой, чего стоишь? Пошелъ домой!» Если нашимъ удастся снять такого молодца, у нихъ начнется суматоха: бросятся поднимать убитаго, послышится ругань, проклятія; случались схватки, но чаще всего дѣло кончалось перестрѣлкой. Вечеромъ отрядъ возвращался въ Куринское. Уже наши готовились къ переходу черезъ р. Мичикъ, какъ тутъ вышелъ наружу коварный умыселъ имама.

Однажды вечеромъ явился къ Бакланову лазутчикъ и разсказалъ, что Шамиль вызвалъ изъ горъ стрѣлка, родомъ тавлинца, и взялъ съ него клятву на святой книгѣ, что онъ убьетъ Боклю; но что старики-чеченцы мало довѣряютъ искусству тавлинца, считаютъ его хвастуномъ, проходимцемъ. Когда онъ не въ мѣру расхвастался, старики ему сказали:

«Ты говоришь, что разбиваешь яйцо на лету за 50 шаговъ; можетъ быть это и правда, мы не знаемъ; но тотъ человѣкъ, въ котораго ты будешь стрѣлять, при насъ разбивалъ муху на полтораста шаговъ... Смотри же, если промахнешься, Боклю положитъ тебя на мѣстѣ».—«Я, отвѣтилъ имъ тавлинецъ, за всю свою жизнь сдѣлалъ одинъ промахъ, да и то, когда былъ семилѣтнимъ ребенкомъ».—Такъ передавалъ этотъ разговоръ вѣрный лазутчикъ Али-бей.

На другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, Баклановъ стоялъ на своемъ мѣстѣ. Онъ сейчасъ же замѣтилъ, что впереди, за гребнемъ старой батареи, мелькнула сначала черная шапка, потомъ блестящій стволъ, наконецъ раздался выстрѣлъ. Когда тавлинецъ поднялся до пояса, то съ ужасомъ увидѣлъ, что его врагъ сидитъ на конѣ, цѣлъ-невредимъ. Тавлинецъ быстро опустился, чтобы снова зарядить ружье. Тогда ужъ Баклановъ совершенно спокойно вынулъ ногу изъ стремени, положилъ ее на гриву, оперся локтемъ и приготовилъ штуцеръ; онъ былъ теперь увѣренъ, что тавлинецъ промахнется. Дѣйствительно, вслѣдъ за его выстрѣломъ Баклановъ послалъ свою пулю; татаринъ только взмахнулъ руками: пуля прошла у него межъ бровей. Баклановъ спокойно съѣхалъ съ кургана. Обѣ стороны, затая духъ, ждали, чѣмъ кончится этотъ поединокъ. У насъ грянуло «ура!» Чеченцы замахали шашками, вскочили на завалы: «Якши, Боклю! Молодецъ, якши, Боклю!»—Послѣ того они, если захотятъ, бывало, осадить хвастуна, говорятъ ему: «Не хочешь ли ты убить Боклю?»

Уже широкая просѣка открывала свободный проходъ къ Мичику, гдѣ горцы укрѣпили переправу редутами и длинными рядами заваловъ. Баклановъ съ часу на часъ ожидалъ прибытія князя Барятинскаго, который долженъ былъ пройти поперекъ всей Чечни, отъ крѣпости Воздвиженской и выйти къ Куринскому. Наступали времена, когда волей-неволей чеченцамъ приходилось поступиться, признать силу русскаго оружія, невозможность продолжать дальнѣйшую борьбу: угрюмые лѣса и мрачныя ущелья ихъ родины уже не страшили русскихъ и не могли служить защитой насиженныхъ очаговъ.

16 февраля 1852 года съ башни, одиноко стоявшей у подножія горы, раздался пушечный выстрѣлъ. Баклановъ вынесся на просѣку и увидѣлъ, что густой лѣсъ за р. Мичикомъ весь окутанъ сильнымъ дымомъ: шло жаркое дѣло.

Въ ту же ночь явился отъ князя лазутчикъ съ приказаніемъ захватить переправу черезъ р. Гонзолку, у Маіортупскаго орѣшника. Бакланову надо было сначала переправиться черезъ Мичикъ, но прямой путь, просѣкой, стерегли горцы съ имамомъ во главѣ. Разсказываютъ, что старики-чеченцы предупреждали Шамиля: «Напрасно ты стережешь здѣсь эту старую лисицу; Боклю не пойдетъ тебѣ въ зубы. Ты его сторожи тамъ, гдѣ мышь не пролѣзетъ».—«Но гдѣ же онъ пройдетъ со своими пушками?» спрашивалъ имамъ, оглядывая страшные лѣса вправо и влѣво отъ просѣки.—«Гдѣ пролетитъ птица, гдѣ проползетъ змѣй». Шамиль разсердился: «Если бы вы боялись такъ Аллаха, какъ боитесь этого чорта, то навѣрно всѣ были бы въ раю!»—Однако на всякій случай приказалъ разставить вдоль рѣки сторожевые пикеты.

Опытные чеченцы не ошиблись. Войска выступили въ ту же ночь, свернули въ дремучій лѣсъ, гдѣ и скрылись. Они шли безъ всякихъ путей. Вѣтеръ шевелилъ столѣтніе чинары, окутанные снѣгомъ; кругомъ глушь и тьма непроглядная. Наконецъ уперлись въ какой-то крутой, бездонный оврагъ, на днѣ котораго клокотала вода: это и былъ Мичикъ. Солдаты перекрестились и стали сползать. Съ горемъ пополамъ перебрались на другую сторону, а куда идти дальше—вправо ли, влѣво,—никто не зналъ, даже самъ Баклановъ, какъ тутъ вылѣзъ изъ-подъ куста старый знакомый Алибей, со словами: «Я стерегъ тебя цѣлую ночь; знаю, что не пойдешь на просѣку!» Отрядъ по его указанію передвинулся влѣво и занялъ позицію въ углу между двухъ рѣчекъ, Мичикомъ и Гонзолкой, берега которыхъ прикрыли его съ фронта. Уже восходящее солнце озарило вершины лѣсовъ; вдали темнѣли такъ называемыя Черныя горы. Прошелъ часъ, другой, о Барятинскомъ—ни слуху. Между тѣмъ, чеченскіе разъѣзды уже открыли присутствіе русскихъ; они могли по тревогѣ собрать скопище, тогда пришлось бы отступать тѣмъ же страшнымъ лѣсомъ. Наконецъ, только въ полдень послышались выстрѣлы, вскорѣ заиграли сигнальные рожки: оба отряда благополучно сошлись. Теперь, чтобы попасть въ Куринское, имъ пришлось наступать силой на переправу черезъ Мичикъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ укрѣпились чеченцы. Распоряженія сдѣланы. Баклановъ съ двумя сотнями линейцевъ и своимъ полкомъ пошелъ на рысяхъ

впередъ; колонна Чавчавадзе, изъ четырехъ эскадроновъ нижегородцевъ и 5 сотенъ линейцевъ, стала забирать вправо, чтобы обойти главный редутъ. Скоро онъ показался на опушкѣ лѣса; въ обѣ стороны отъ редута тянулись завалы, охватывая широкимъ полукружіемъ мѣсто переправы. Болѣе тысячи горцевъ тамъ засѣли съ клятвой умереть или отстоять переправу. Въ ту минуту, когда сверху съ лѣсистыхъ высотъ загремѣли 4 непріятельскія пушки, Баклановъ развернулъ свой полкъ; линейцы стали у него по флангамъ. Вотъ Баклановъ вынулъ шашку, скомандовалъ: «съ Богомъ, впередъ!» и вся лава ринулась вслѣдъ за его чернымъ значкомъ, съ изображеніемъ мертвой головы. Окопы разомъ освѣтились дымками, загрохотали ружейные залпы. Лошадь Бакланова, сдѣлавъ скачокъ, споткнулась и грянулась о-земь.—«Станичники, командиръ убитъ!» разнеслось по фронту. Послѣ втораго залпа свалился войсковой старшина Банниковъ, скакавшій впереди. Какъ буря неслись донцы: никакая, казалось, сила не могла остановить или задержать ихъ страшный порывъ. Бросивъ коней, они полѣзли на завалы. Горцы по началу было отшатнулись, но потомъ, оправившись, съ гикомъ кинулись въ шашки. По всей линіи загорѣлся жаркій бой. Уже вечерѣло, а казаки никакъ не могли осилить; одно время мюриды, получивъ подкрѣпленіе, даже брали верхъ. Въ эту опасную минуту Баклановъ очнулся. Онъ поднялся на ноги, увидѣлъ предсмертную борьбу казаковъ и сталъ искать глазами помощи. Завидя, что изъ лѣса выѣзжаетъ артиллерія, Баклановъ подхватываетъ 4 орудія съ ракетными станками, несется съ ними къ своему полку и открываетъ огонь вдоль окоповъ. Теперь чеченцы смѣшались. Казаки понатужились,—и окопы наши. Вскорѣ, когда драгунамъ удалось занять редутъ, войска начали переправляться.

Прошли послѣднія повозки, отрядъ Барятинскаго сталъ подниматься въ гору, а Баклановъ оставался по сю сторону: онъ получилъ приказаніе принять начальство надъ арріергардомъ. Хотя ему прибавили 6 баталіоновъ пѣхоты и 24 орудія, но все-таки переправа въ виду шеститысячнаго скопища, занимавшаго лѣсъ, становилась дѣломъ труднымъ. Горцы стерегли каждое движеніе, а тутъ еще солдаты Барятинскаго зажгли по пути береговыя батареи; плетни ярко разгорались, отчего всѣ наши силы очутились какъ на ла-

дони. Баклановъ собралъ къ себѣ ротныхъ командировъ всего отряда и предупредилъ ихъ, что какъ только онъ скомандуетъ: «Всѣ, налѣво кругомъ!» каждый, не ожидая сигнала, долженъ бѣжать къ переправѣ, не взирая на то, будетъ ли преслѣдованіе, или нѣтъ.—Когда пожаръ былъ наконецъ потушенъ, казаки съ четырьмя орудіями перешли на правый берегъ, гдѣ заняли позицію на высокомъ холмѣ; остальная артиллерія выстроилась надъ самымъ спускомъ, послѣ чего открыла огонь; пѣхота залегла въ кустарникахъ. Болѣе двухъ часовъ гремѣла канонада. Вдругъ, въ лѣсу раздались звуки предсмертной боевой пѣсни: то запѣли мюриды, прежде чѣмъ броситься въ бой. Медлить больше было нельзя. Баклановъ перевелъ всю кавалерію въ карьеръ; орудія снялись на той сторонѣ съ передковъ: ихъ зарядили картечью. Когда доложили, что «готово», Баклановъ скомандовалъ: «Всѣ, налѣво кругомъ!»—Огонь прекратился, пѣхота хлынула къ берегу.

Наступившая сразу тишина удивила горцевъ, но скоро они догадались въ чемъ дѣло. Съ пронзительнымъ гикомъ вырвалась изъ лѣса бѣшеная толпа вдогонку. Она уже приближалась къ берегу, гдѣ столпились наши солдаты, перебѣгавшіе рѣчку, какъ страшный залпъ незамѣченныхъ ими орудій потрясъ окрестные горы и лѣса; второй залпъ раздался уже вслѣдъ бѣгущимъ горцамъ. Лишь груды труповъ обозначали ихъ близость.

Съ пѣснями, съ барабаннымъ боемъ, отрядъ возвращался въ Куринское; Баклановъ ускакалъ впередъ.—«Дѣдъ, гдѣ отрядъ?» спросилъ его Барятинскій, расхаживая по комнатѣ въ сильномъ волненіи.—«Идетъ въ Куринское.»—Князь перекрестился.—«А потеря большая?»—«Ни одного человѣка.» Барятинскій подошелъ и обнялъ Бакланова.

Еще болѣе славное дѣло предстояло совершить донцамъ въ слѣдующемъ году, подъ начальствомъ того же князя Барятинскаго и на виду всѣхъ войскъ Лѣваго фланга. Это было на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ, гдѣ въ февралѣ мѣсяцѣ сосредоточился сильный русскій отрядъ. Мичикъ протекаетъ здѣсь въ обрывистыхъ берегахъ высотою до 10 саж.; на противоположномъ берегу засѣло не менѣе 10 тыс. горцевъ, среди которыхъ находился самъ Шамиль и его лучшіе сподвижники: сынъ Кази-Магома, султанъ Даніэль-Бекъ и много другихъ.

Штурмовать отвѣсный берегъ подъ огнемъ артиллеріи

оказывалось невозможнымъ. Князь позвалъ Бакланова: «Дѣдъ, ты хорошо знаешь мѣстность; нельзя ли сдѣлать обходъ, чтобы атаковать позицію съ лѣваго фланга?» Баклановъ просилъ два дня сроку, но Барятинскій требовалъ, чтобы онъ выступилъ черезъ ночь. Оставалось повиноваться.

Немедленно были выряжены два пластуна: урядникъ Скопинъ и Шапошниковъ, которые, сдѣлавъ въ оба конца до 30 верстъ, вернулись къ свѣту съ важнымъ извѣстіемъ, что переправить отрядъ можно, невдалекѣ отъ чеченскихъ окоповъ. Баклановъ тотчасъ же выступилъ изъ лагеря съ двумя казачьими полками, съ драгунами и тремя батальонами пѣхоты, при 8 орудіяхъ. Прикрытый густымъ туманомъ, отрядъ прошелъ по склону Качалыковскаго хребта, миновалъ Куринское, потомъ втянулся въ дремучіе лѣса.

Шли молча, наблюдая глубокую тишину. Когда туманъ, пригрѣтый солнышкомъ, немного приподнялся, наши увидѣли Мичикъ, за которымъ синѣли далекія горы. Казаки живо срыли крутой подъемъ, вырубили орѣшникъ и черный значокъ Бакланова пронесся черезъ рѣку. Немного дальше, въ болотистомъ ручьѣ, увязла пушка. Баклановъ слѣзъ съ коня, самъ приподнялъ хоботъ, а солдаты, дружно подхватя, разомъ вынесли пушку на-земь. Отсюда Баклановъ двинулъ уже рысью.

Было 12 часовъ, когда туманъ открылъ непріятельскіе завалы. Барятинскій и его окружавшіе увидѣли съ высоты, какъ за Мичикомъ развернулся длинный фронтъ нашей конницы, охватившей всю поляну. Тогда 24 орудія дали залпъ, барабаны забили къ атакѣ, загремѣло «ура!» и крики: «Баклановъ! Баклановъ!» У непріятеля, напротивъ, вырвался вопль отчаянія; ужасные крики: «Боклю! Боклю!» были заглушены общимъ воемъ, какого давно не слыхали старые кавказцы. Огромнымъ стадомъ въ 10 тысячъ чеченцы бросились сломя голову къ лѣсу, преслѣдуемые съ этого берега ядрами, гранатами; рядомъ съ ними, по другую сторону оврага, неслись казаки стремительной лавой. Только на 10-й верстѣ Баклановъ могъ перескочить оврагъ, сдѣлалъ заѣздъ и отхватилъ арріергардъ: онъ былъ уничтоженъ, но орудія успѣли проскочить.

Всѣ труды Шамиля пропали даромъ, всѣ его разсчеты рухнули. Тутъ онъ потерялъ много людей, лучшихъ своихъ наибовъ, потерялъ надежду отстоять Чечню...

Черезъ 4 мѣсяца Баклановъ сдавалъ 17-й полкъ войско-

вому старшинѣ Полякову, старому своему соратнику, а самъ уѣзжалъ въ Тифлисъ, получивъ другое назначеніе. Скоро открылась Турецкая война. Въ Малой Азіи, за Арпачаемъ, а особенно подъ стѣнами осажденнаго Карса, имя «Боклю» приводило въ трепетъ турокъ, которые пытались прорваться сквозь желѣзное кольцо, окружавшее крѣпость. Тамъ, гдѣ стерегъ Баклановъ, имъ это никогда не удавалось [1]). Таковъ былъ богатырь, воскресившій боевую славу первыхъ временъ казачества.

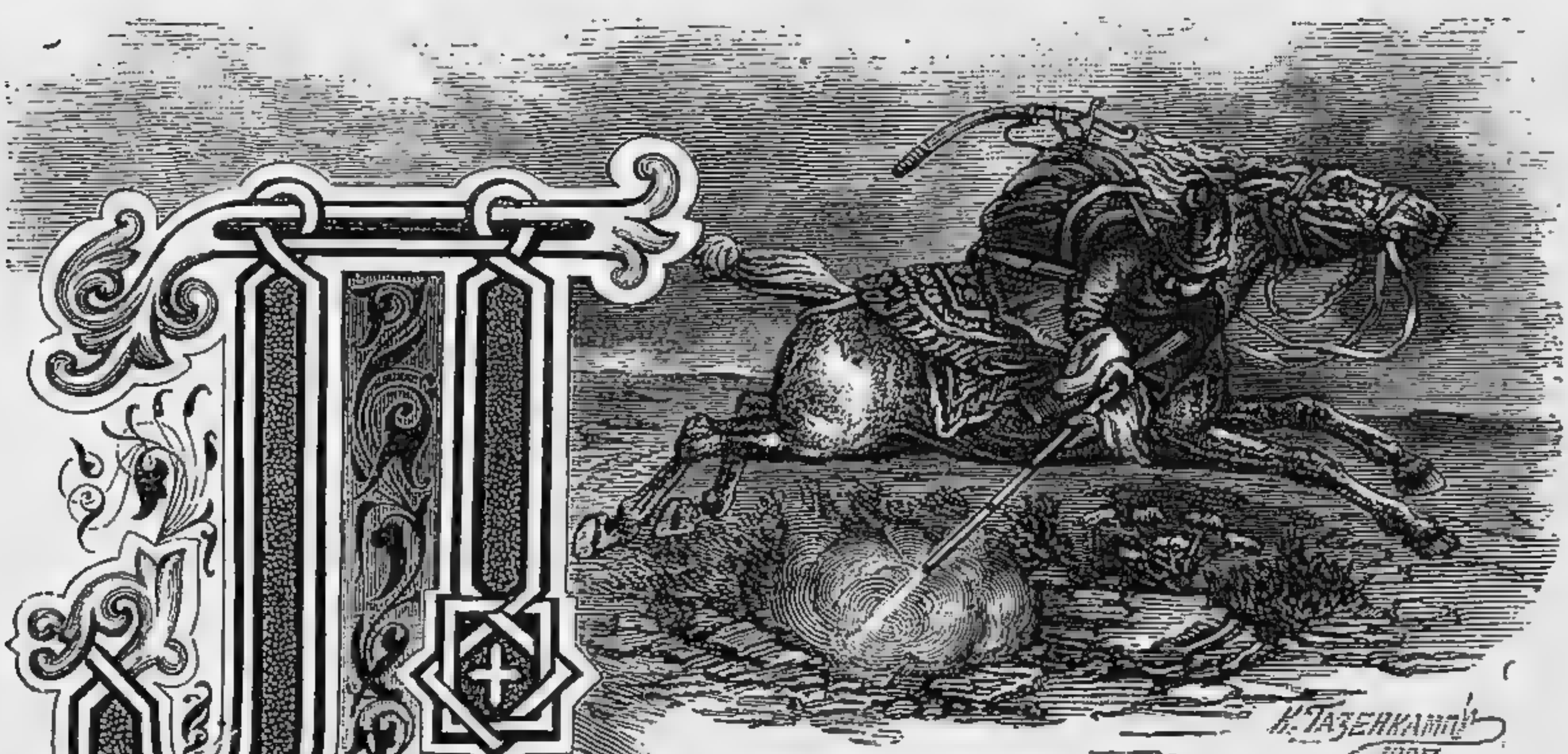

[1]) См. «Блокада Карса», Общедоступная военно-историческая хрестоматія, книга Вторая, стр. 339.

УРАЛЬЦЫ.

I.

Какъ собиралось Яицкое войско.

Про старину уральскую мало что извѣстно, меньше чѣмъ о другихъ казакахъ. Первые орлы яицкаго войска свили себѣ гнѣзда далеко за предѣлами крещенаго міра, чуть не въ Азіи, мало сносились съ Москвой, еще меньше дѣлали отписокъ, и только по разсказамъ старыхъ людей, переходившимъ изъ рода въ родъ, можно судить о томъ, что у нихъ также была своя богатырская пора. Неизвѣстно, какъ и когда повелось яицкое войско, но Государеву службу оно начало исполнять давно, 300 лѣтъ тому назадъ. Въ 1591-мъ году 500 яицкихъ казаковъ были посланы противъ ослушника царскаго Шамхала Тарковскаго, который владѣлъ городомъ Тарками. Тогда же было положено служилымъ казакамъ денежное и хлѣбное жалованье. О началѣ яицкаго войска сказываютъ такъ. Когда буйная вольница больно расшумѣлась, когда на Волгѣ не стало отъ нея ни прохода, ни проѣзда, царь Иванъ Ва-

сильевичъ Грозный выслалъ своего стольника Ивана Мурашкина истребить въ корень разбойничьи ватаги, очистить водный путь на Астрахань. Въ тѣ поры трое атамановъ сошлись и стали думу думать, куда имъ скрыться отъ царскаго гнѣва? Одна ватага, съ Ермакомъ Тимофеевичемъ, потянула на сѣверъ, скрылась на Каму, откуда послѣ была выряжена на завоеваніе Сибири; другая спустилась внизъ, вышла моремъ въ Терекъ, гдѣ осѣла навсегда, а третья укрылась подальше, на рѣку Яикъ, или нынѣшній Уралъ, который пріютилъ ихъ также навсегда. Надо думать, казаки не сразу осѣли. Прошло не мало времени, пока они оглядѣлись, ознакомились съ новыми мѣстами. А край былъ богатый. Сверху внизъ протекала до самаго моря многоводная рѣка, обильная рыбой—осетрами, бѣлугой, севрюгой, стерлядью, шипами... Поемные луга и островки покрывались ежегодно густой сочной травой; въ заросляхъ камыша, особенно вблизи морскаго прибрежья, скрывались выдры, бобры, кабаны; изъ пернатыхъ налетали сюда дикіе гуси, птица-баба, лебеди. По сказанію, первые насельники построили себѣ городокъ тамъ, гдѣ р. Рубежная впадаетъ въ Яикъ. Какъ только прошелъ по Руси слухъ, что открылось новое убѣжище, войско быстро умножалось пришельцами съ Дона, Волги, Кубани. Кромѣ казаковъ, людей вольныхъ, сюда шли царскіе стрѣльцы, посадскіе люди, пушкари, государевы наводчики; набѣжали валахи, калмыки, татары, мордва, чуваши, вотяки, даже киргизы; между плѣнными попадались шведы, финны, турки, поляки и нѣмцы; но главную силу войска составляли бѣглые крестьяне. Сюда шелъ народъ ловкій, смѣлый, храбрый и гордый—народъ съ амбиціей, который искалъ вольностей. «Какъ пчелка беретъ съ каждаго цвѣтка по капелькѣ меду, такъ и яицкое воинство взяло съ каждаго сословія по молодцу—и вышло ровное и храброе яицкое войско».—На Руси удальство никогда не переводилось; вольная казацкая жизнь чудилась многимъ во снѣ и на яву, а, между тѣмъ, на всемъ лежалъ строгій запретъ. Тамъ же, за ея рубежомъ, каждый былъ самъ себѣ господинъ. Войсковой атаманъ исполнялъ только волю народную; есаулы считались лишь его помощниками. Всѣ дѣла рѣшались въ казачьемъ кругу, на площади—то по призыву колокола, въ случаѣ спѣшки, то по особому торжественному сзыву. Вотъ въ яицкомъ городкѣ выѣхалъ на богато убранномъ конѣ войсковой есаулъ въ

кармазинномъ зипунѣ, въ широкихъ парчевыхъ шароварахъ; на головѣ у него нахлобучена высокая баранья шапка съ острымъ малиновымъ верхомъ, съ боку виситъ сабля кривая въ турецкой оправѣ изъ чистаго серебра; въ правой рукѣ держитъ жезлъ посеребреный. Подобно нѣмецкому герольду, оповѣщающему торжество всенародное, есаулъ останавливается на каждомъ перекресткѣ и богатырски выкрикиваетъ: «Послушайте, атаманы-молодцы, все донско-яицкое войско! Не пейте зѐлена вина—ни даровото, ни купленаго: заутро кругъ будетъ!»—Въ назначенный день собрались казаки съ трезвыми, непохмѣленными головами къ войсковой избѣ. Вышелъ войсковой атаманъ, какъ подобаетъ его сану, окруженный старшинами, походными атаманами, есаулами. Вступилъ онъ въ середину круга, означеннаго перильцами, снялъ шапку, положилъ къ ногамъ насѣку, низко поклонился на всѣ четыре стороны и сталъ держать рѣчь.—«Любо-ли вамъ это, атаманы-молодцы, или нѣтъ?» спросилъ онъ подъ конецъ.—«Любо, любо!» крикнули казаки въ одинъ голосъ.—Бывало и такъ, что одни кричатъ: «любо», другіе: «нелюбо!»—Тутъ атаманъ подастъ знакъ, и казаки разойдутся на два лагеря: гдѣ больше головъ, такъ и повершатъ. Виноватаго также судили въ кругу, при чемъ наказывали только такія преступленія, отъ которыхъ былъ войску убытокъ или же падало на него безчестье, напр. воровство, измѣна, трусость въ бою; преступленія, совершенныя на сторонѣ и не считались за таковыя. Казнили такъ же, какъ и на Дону: въ мѣшокъ да въ воду. Владѣніе войсковыми угодьями всегда было и осталось общественное; каждый можетъ селиться, заводить свое хозяйство, гдѣ ему угодно; но на рыбный промыселъ, какъ главную статью дохода, казаки выработали строгія правила, которыя въ силѣ и понынѣ. Скота у нихъ тогда не было; хлѣба не сѣяли вовсе. Хлѣбъ, вино, провизію казаки покупали въ поволжскихъ городахъ, преимущественно въ Самарѣ, или же мѣняли на рыбу у пріѣзжихъ купцовъ. Свинецъ, порохъ, оружіе — получали изъ казны. Многіе женились, обзаводились семьями: въ этомъ никогда не было запрета. Какъ и вездѣ въ старинной Руси, казачки вели жизнь тихую, уединенную, тогда какъ мужья любили щеголять оружіемъ, одеждой, проводили дни въ забавахъ, по ночамъ предавались разгулу. «Подобно орламъ поднебеснымъ прадѣды уральцевъ перепархивали съ мѣста на мѣсто; жили

тамъ, гдѣ присѣли, гдѣ казалось имъ вольготнѣе—сегодня на Яикѣ, завтра—на взморьѣ». Удаль и жажда наживы увлекали яицкихъ казаковъ на «промыслы», или что то же — разбои, грабежи, наѣзды. Они «промышляли» на Синемъ морѣ, «промышляли» надъ ближними и дальними сосѣдями. Ногаи не знали, гдѣ и какъ укрыть отъ казаковъ свой скотъ, лошадей, своихъ женъ и домашнюю рухлядь. Имъ не было покоя ни днемъ, ни ночью, ни лѣтомъ, ни зимой. Мирные потомки нѣкогда сильной, воинственной Золотой орды наконецъ не выдержали: собрались отъ мала до велика и осадили Яицкій городокъ. Казаковъ было мало, ордынцевъ много. Они каждый день ходили на приступъ. Сохранилось сказаніе, что въ послѣдніе дни осады казаки заряжали свои деревянныя пушки костями. Взятъ ли былъ ногаями городокъ или нѣтъ, про то неизвѣстно, но только казаки его покинули. Передъ тѣмъ, какъ строиться на новомъ мѣстѣ, они повстрѣчали на Яикѣ древняго, благолѣпнаго старца въ бѣломъ клобукѣ, съ крестомъ на лбу; плылъ онъ въ лодочкѣ, пригребая на одно весельце.— «Отче святой, спросили у него казаки, поздоровавшись: задумали мы перенести городъ на другое мѣсто. Начинать ли намъ это дѣло? Дай совѣтъ». Старецъ спросилъ, куда они хотятъ перенести городъ. Казаки указали на Чаганъ-рѣку.— «Не былъ я на томъ мѣстѣ, отвѣтилъ старецъ, а знаю, что оно къ поселенію удобно. Только вѣдайте, чады, на томъ мѣстѣ будутъ у васъ трусы, мятежи, кровопролитныя брани и всякія сумятицы; одно время появится между вами такой набѣглый царь... Вотъ изъ-за него много крови прольется, много горечи вы примете. А тамъ, со временемъ, все замолкнетъ и вы узрите спокой».

— Ничего, святый отче, сказали казаки. Намъ и прежде говаривали: «На крови-де Яикъ зачался, на крови-де и кончится.»—Ты только благослови насъ, отче!

— «Богъ васъ благословитъ!» сказалъ старецъ; осѣнилъ ихъ крестомъ да и поплылъ путемъ-дорогой.

Спохватились казаки, что забыли спросить старца, кто онъ таковъ. Повернули назадъ, догнали ужъ въ морѣ и спрашиваютъ: «Прости насъ, отче, давя мы не спросили тебя, кто ты такой? Повѣдай намъ». — «Алексѣй митрополитъ!» говоритъ старецъ.—Въ ту же секунду отъ воды поднялось густое облако, скрывшее и лодку, и святителя. Казаки пришли въ ужасъ неописанный; когда же они опомнились, то

облако разсѣялось, но ни старца, ни лодки больше не видѣли.—То было видѣніе.

Казаки поставили новый городокъ, который нынѣ извѣстенъ подъ именемъ Уральска. Въ тогдашней «превеликой нуждѣ» они обратились къ царю, и царь Михаилъ Ѳедоровичъ, призрѣвъ на ихъ нужды, выдалъ имъ грамоту «на владѣніе рѣкою Яикомъ, съ сущими при ней рѣки, и притоки, и со всѣми угодьями отъ вершинъ той рѣки и до устья»,—съ дозволеніемъ «набираться на житье вольными людьми».—Однако казаки не уберегли царскую грамоту: говорятъ, она сгорѣла. Вообще, старые казаки мало думали о будущемъ; не закрѣпили своей грамоты, какъ слѣдовало, знаками, чѣмъ впослѣдствіи воспользовались кочевавшіе съ ними по сосѣдству разные народы—калмыки, киргизы. Хватились уральцы за умъ, да ужъ было поздно.

Къ этой ранней порѣ относятся смѣлые набѣги въ Хиву, о которой ходила сказочная молва. Тамъ, говорили, богатства не мѣрены, не считаны, много золота, камней драгоцѣнныхъ, дѣвицъ пригожихъ. Атаманъ Нечай составилъ шайку въ 500 человѣкъ и двинулся вверхъ по Яику. Это было за царя Бориса, около 1600 года. Переправившись черезъ рѣку, атаманъ собралъ кругъ. Всѣ были согласны извѣдать дальній путь, лишь одинъ дьякъ, приставленный къ письменной части, уговаривалъ казаковъ вернуться домой. Казаки такъ осерчали, что тутъ же подъ горой повѣсили несчастнаго дьяка, отчего и самыя горы стали съ тѣхъ поръ прозываться «Дьяковы». Безводною и безлюдною степью казаки дошли до Хивы. Хана въ ту пору не было дома, онъ гдѣ-то воевалъ. Казаки заняли городъ, подѣлили между собою добычу и стали пировать. Атаманъ взялъ себѣ въ жены самую красивую ханшу. Между тѣмъ пришла вѣсть о приближеніи хивинцевъ. Казаки послѣ долгихъ сборовъ покинули столицу, но двигались медленно, таща за собой огромную добычу. На переправѣ черезъ Сыръ-Дарью хивинцы ихъ догнали. Завязался бой, кровавый, смертельный—обѣ стороны ожесточились. Хивинцы, можно сказать, задавили небольшую горсть казаковъ. Палъ атаманъ въ битвѣ, заколовъ сперва свою жену; вслѣдъ за нимъ полегли и всѣ его сподвижники; уцѣлѣло человѣка 3—4, не больше: они-то и принесли печальную вѣсть на берега Яика.

По слѣдамъ Нечая пошелъ атаманъ Шамай туда же, въ

Хиву. Двигался онъ осторожно, съ опаской. Перезимовавъ на Илекѣ, атаманъ тронулся дальше съ наступленіемъ весны и, хотя съ большими трудностями, но добрался до Сыръ-Дарьи. Дальше путь былъ незнакомъ, никто не зналъ дороги. Тогда казаки захватили силой нѣсколько калмыковъ. Чтобы вернуть плѣнныхъ проводниковъ, кочевники пустились на хитрость. Они выслали двухъ человѣкъ подъ видомъ охотниковъ, а сами сѣли въ засаду. Шамай и еще нѣсколько казаковъ погнались за калмыками, тѣ бросились на-утекъ и навели ихъ на засаду. Тутъ они всѣ и попались. Пытались было калмыки размѣняться плѣнными, но казаки не согласились: «Атамановъ у насъ много, а безъ вожей пробыть намъ нельзя»—и отправились дальше. На берегахъ Аральскаго моря казакамъ опять довелось зимовать. Тутъ, въ голодныхъ пескахъ, пристигла такая нужда, что они поѣли сначала своихъ лошадей, потомъ принялись одинъ за другого. Наконецъ пришли въ такое отчаяніе, что рѣшились лучше сдаться хивинцамъ. Тамъ, въ цѣпяхъ и вѣчной работѣ, сносили удальцы свою горемычную долю; а Шамая съ товарищами калмыки привезли на размѣнъ.

Болѣе вѣрную добычу давало синее море Хвалынское. Около устьевъ Яика, по «островамъ морскимъ да по буграмъ черневымъ» проживали наѣздомъ «казаки-лыцари», самые удалые, заправилы всему войску. Они знали здѣсь каждый островокъ, каждый заливчикъ; они же водили казачьи челны на синее море, и бѣда грозила встрѣчному купцу, промышленнику, знатному гостю или посланнику. Въ укромныхъ мѣстахъ собирались ватаги съ Дона, съ Яика, съ Волги; стояли здѣсь по нѣскольку мѣсяцевъ, какъ ястребы, выжидая добычи. Такіе же притоны находились у нихъ на всемъ кружномъ побережьи—у береговъ персидскихъ и туркменскихъ. Что именно яицкіе казаки тутъ верховодили, про то поется у нихъ пѣсня:

На островѣ-Камынѣ казаки живутъ,
Казаки живутъ, люди вольные.
Разбивали они на синемъ-морѣ
Бусы-корабли, всѣ легкія лодочки.
Разбили одну лодочку съ золотой казной,
Снимали съ золотой казной красну-дѣвицу,
Красну-дѣвицу, раскрасавицу, дочь купецкую.
И начали дѣлить золоту-казну пуховой шляпой.
На конъ клали раскрасавицу, красну дѣвушку.
И начали между себя трясти жеребій.

Досталась атаманушкѣ красна дѣвушка.
Возговоритъ атаманушка таковы слова:
«На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ;
На паю, на дуванѣ, я послѣдній сталъ:
Досталась мнѣ, атаманушкѣ, красна дѣвушка».
Возговоритъ красна дѣвушка таковы слова:
«Ужъ ты, гой еси, казачій атаманушка!
У меня на правой рукѣ есть золото кольцо,
Золото кольцо, оно въ пятьсотъ рублей;
Поднизочка есть на мнѣ, атаманушка, во всю тысячу,
Самой-то мнѣ, красной дѣвушкѣ, мнѣ цѣны нѣту.
Сотку тебѣ, атаманушка, шелковый коверъ».

Чтобы сдержать буйную вольницу, еще царь Михаилъ Өедоровичъ указалъ построить при устьѣ Яика городокъ, на защиту котораго были высланы стрѣльцы; здѣсь же поселились учужники, ловившіе рыбу на Государя. Не взлюбили казаки этотъ городокъ: онъ запиралъ имъ выходъ въ море, задерживалъ рыбу, что шла снизу. Черезъ нѣсколько лѣтъ торговый человѣкъ Михаилъ Гурьевъ приступилъ къ постройкѣ каменнаго городка, съ башнями, съ воротами, за что казна уступала ему на 7 лѣтъ рыбныя ловли. Казаки поняли въ чемъ дѣло и всѣми способами вредили постройкѣ городка. Однажды донской атаманъ Иванъ Кондыревъ напалъ на казенныя суда, разметалъ дрова, кирпичъ, известку, а самыя суда задержалъ у себя. Наконецъ, когда городокъ, получившій названіе Гурьева, былъ выстроенъ, казаки напали на нижне-яицкій учугъ, принадлежавшій самому Гурьеву, разорили его, рабочихъ перезвали на Яикъ. За такія провинности, которыхъ накопилось не мало, по жалобамъ купцовъ и шаха персидскаго, казаки были призваны къ отвѣту. Атаманъ Иванъ Бѣлоусовъ ѣздилъ въ Москву бить царю челомъ. Ему вычитали всѣ вины казачьи, послѣ чего наиболѣе виновныхъ отправили въ Польшу, подъ начальство князя Хованскаго, гдѣ они пробыли 7 лѣтъ. Въ защиту казаковъ надо сказать и то, что они, какъ первые поселенцы въ краѣ, много сами терпѣли отъ хищныхъ сосѣдей. Въ ту пору началось передвиженіе калмыцкихъ ордъ. Онѣ переходили Яикъ и тутъ дѣлились на двѣ орды: одна шла грабить Уфу, Самару, Казань; другая — къ улусамъ астраханскихъ татаръ. Яицкіе казаки принимали на себя первый ударъ: они же первые и платились своими головами. Множество русскихъ плѣнниковъ перебывало тогда въ рукахъ дикарей. Вскорѣ послѣ

того взбунтовались башкиры. Край терпѣлъ отъ безначалія: грабежи и убійства стали дѣломъ обычнымъ. Бѣглые съ Руси съ каждымъ годомъ умножались; они собирались въ шайки и разбойничали по всѣмъ путямъ, какъ морскимъ, такъ и сухопутнымъ. Смута въ прикаспійскомъ краѣ приняла размѣры бунта, когда на челѣ буйной ватаги проявился лихой атаманъ Стенька Разинъ. И яицкіе пристали къ бунту, хотя не всѣ. Они сопровождали атамана во всѣхъ его походахъ, бились за него съ ратными людьми подъ Симбирскомъ, откуда бѣжали къ Самарѣ и далѣе на Яикъ. Ихъ было тогда не больше трехсотъ.

Наступило царствованіе Петра Великаго, и яицкіе казаки явились вѣрными сподвижниками его походовъ противъ турокъ, шведовъ и восточныхъ народовъ. Къ этому времени относится любопытное сказаніе о богатырѣ Рыжечкѣ. Въ гербѣ уральскаго войска изображенъ казакъ на конѣ, и если вы спросите, кто это? вамъ отвѣтитъ даже малый ребенокъ, что это — Рыжечка, старыхъ временъ «лыцарь», который выслужилъ Яикъ у батюшки-царя. Сказываютъ старики, что, когда наступалъ шведскій король, Царь просилъ яицкаго атамана Прохора Митрича привести съ Яика одинъ либо два полка казаковъ. Въ одну недѣлю снарядили два пятисотенныхъ полка, отслужили молебенъ и пошли подъ Полтаву. На вѣстяхъ у атамана былъ въ ту пору маленькій человѣкъ, по прозванью Рыжечка. Пришли казаки подъ Полтаву, а шведъ уже успѣлъ упредить Царя: застроилъ лучшія мѣста шанцами да батареями, а тутъ на бѣду измѣнилъ хохлацкій гетманъ Мазепа. Только было Царь закручинился, какъ прибѣгаетъ отъ шведа посыльщикъ: не угодно ли кончить споръ поединщиками? — «Давай Богъ! Это намъ на руку», сказалъ Петръ Первый: ужъ очень жаль ему было губить свою армію! У шведа-то заранѣе былъ припасенъ поединщикъ, изъ-за моря вывезенъ: ростомъ чуть не съ колокольню, въ плечахъ — косая сажень. Обрядили его въ кольчугу и въ латы, посадили на коня — конь-то сущій слонъ — и того покрыли панцырной попоной. Наши думали, что это башня какая-нибудь на колесахъ, а не человѣкъ. Петръ Первый и самъ видитъ, что такому чудовищу трудно подыскать супротивника, однако все-таки велѣлъ кликать кличъ: нѣтъ ли де охотника? — Разослалъ Царь всѣхъ своихъ адъютантовъ, всѣхъ генераловъ и думчіихъ сенато-

ровъ,—и всѣ воротились ни съ чѣмъ: не находится охотника! Тогда Царь повернулся къ своей свитѣ: «Изъ васъ, господа, нѣтъ ли кого?»—Ни гу-гу, всѣ молчатъ, другъ за дружку хоронятся. Не вытерпѣлъ Царь, самъ поскакалъ по всѣмъ полкамъ, а въ это самое время подошелъ съ казаками Прохоръ Митричъ и пристроился возлѣ крайняго армейскаго полка. Царь лишь увидѣлъ ихъ, подъѣхалъ и, разсказавъ, въ чемъ дѣло, самъ окликнулъ: «Нѣтъ ли между вами охотника?»—«Я охотникъ!» крикнулъ тоненькимъ голоскомъ Рыжечка, выскочивъ изъ фронта. Царь взглянулъ на него, покачалъ головой: «Малъ!» говоритъ. Три раза Царь объѣзжалъ полки, но никто не окликался кромѣ Рыжечки. «Что буду дѣлать?» говоритъ Царь: «отказаться отъ поединка—вся Европа будетъ смѣяться; пустить этого малыша — заранѣе все пропало!»—Рыжечка, стоя тутъ же, слышалъ царскія слова и ввернулъ отъ себя: «А Богъ-то что? При помощи Божьей Давидъ побилъ же Голіфа!» говоритъ это Рыжечка, а самъ дрожитъ: геройское сердце, значитъ, въ немъ кипѣло.—Нечего дѣлать, Царь согласился и лошадь ему позволилъ выбрать, хотя бы изъ царскихъ конюшенъ.—«Твои лошади, надежа-царь, отвѣтилъ Рыжечка, только для парада хороши, а для ратнаго дѣла — не прогнѣвайся за слово — никуда не годятся!» Взялъ Рыжечка лошадь у калмычина, разспросилъ, какія у нея сноровки и махнулъ на ней въ поле. Тутъ встрепенулись, заколыхались обѣ армеюшки — россійская и шведская. Распустили всѣ свои знамена, заиграли на трубахъ, литаврахъ, разныхъ мусикійскихъ органахъ. Рыжечка воткнулъ на пику палку, замахалъ надъ головой и, подъѣхавъ къ шведскому поединщику, спрашиваетъ у него: «На чемъ хочешь биться: на копейцахъ ли булатныхъ или на сабелькахъ вострыхъ?»—«По мнѣ на чемъ хошь. Хоть на кулакахъ: я на все согласенъ», говоритъ поединщикъ, и зубы свои онъ оскалилъ. Тутъ Рыжечка потрясъ копьецомъ: «Коли живой будешь, пріѣзжай на Яикъ попробовать наши кулаки, а здѣсь не угодно ли биться вотъ этимъ!» Пока шли переговоры, Рыжечка успѣлъ высмотрѣть своего противника. На головѣ-то у него была стальная шлычка, шапка такая, по щекамъ и затылку отъ нея спускались желѣзныя дощечки; задняя же дощечка немного оттопырилась, а это Рыжечкѣ на руку. Онъ съѣздилъ смѣнить свою пику, взялъ потоньше, потомъ,

какъ подобаетъ христіанскому воину, слѣзъ съ коня, повѣсилъ на пику образъ Михаила Святителя, положилъ передъ нимъ 7 земныхъ поклоновъ и раскланялся во всѣ стороны. Повернувшись же въ сторону родного Яика, онъ проговорилъ: «И вы, братцы-товарищи, старики наши и все общество наше почтенное, помолитесь, чтобы Господь соблаговолилъ!» Послѣ того Рыжечка скинулъ съ себя всю одежу, остался только въ шароварахъ да безрукавой фуфаечкѣ, голову перевязалъ онъ барсовымъ платкомъ, рукава у рубахи засучилъ по локоть, перетянулся шелковымъ пояскомъ и, заткнувши за поясъ хивинскій ножъ, взялъ въ руки копьецо. Вспрыгнувъ на лошадку, Рыжечка перекрестился и полетѣлъ на супротивника, точно малый ястребъ на орла заморскаго: «дерзайте людіе, яко съ нами Богъ!» И шведъ помчался, выставивъ копье въ добрую жердь. Когда Рыжечкѣ уже надо было столкнуться, онъ далъ вилкà вправо, и шведъ, словно быкъ-дуракъ, пронесся мимо. Рыжечка обернулся да хватилъ его копьецомъ въ затылокъ, гдѣ дощечка оттопырилась — такъ онъ и покатился кубаремъ съ коня. Рыжечка мигомъ соскочилъ на землю, еще того скорѣй отсѣкъ ему голову по самыя плечи. Тутъ наша армія возрадовалась, зашумѣла, словно волна морская заходила и «ура» закричала. А шведская армія, извѣстное дѣло, пріуныла, затихла, хорунки свои къ землѣ преклонила, словно, голубушка, не солено похлебала. Только одинъ король, такой безпокойный былъ, не хочетъ покориться: «Подвохъ, подвохъ! кричитъ. Русакъ сзади ударилъ нашего. Подвохъ!» Тутъ ужъ и Царя взяло за ретивое. Подалъ онъ знакъ къ бою да и скомандовалъ: «Катай, безъ пардона катай! На зачинщика Богъ!» И пошла чесать наша армія шведскую армеюшку — дымъ коромысломъ пошелъ—всю лоскомъ положила. А король шведскій съ измѣнникомъ Мазепой еле-еле удралъ въ Турецкую землю. Тамъ, говорятъ, они оба въ кабалу пошли къ турку—туда, значитъ, и дорога...

Когда совсѣмъ успокоилось, Царь въ слезахъ и спрашиваетъ: «А гдѣ нашъ малышъ, гдѣ безцѣнный Рыжечка?»— «Здѣсь», пищитъ Рыжечка.—«А, голубчикъ мой, сокровище мое!» и поцѣловалъ его въ голову, а Рыжечка поцѣловалъ у Царя ручку.—«Чѣмъ же тебя, друже мой, дарить-жаловать? Говори: ничего не пожалѣю».—«Мнѣ, надежа-царь, ничего не надо, а пожалуй, коли твоя милость, наше ȯбче-

ство».—Царь и спрашиваетъ: «Чѣмъ? Говори.»—«Отъ предковъ твоихъ, благовѣрныхъ царей, мы жалованы рѣкою Яикой, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами, лѣсными порубами, а грамота на то у насъ пропала. Пожалуй намъ, надежа-царь, за своей высокой рукой, другую грамоту на Яикъ-рѣку».—«Съ великою радостью», сказалъ Царь и тутъ же приказалъ секретарю написать при себѣ грамоту на Яикъ-рѣку, со всѣми присущими рѣчками и протоками, со всѣми угодьями на вѣки-вѣчные.—«Еще что? Проси!» сказалъ Царь. Рыжечка и говоритъ: «Еще, надежа-царь, пожалуй насъ, коли милость твоя, крестомъ да бородой».—«Для кого нѣтъ, а для яицкихъ казаковъ есть! отвѣтилъ Царь: Пиши, секретарь, что я жалую яицкихъ казаковъ крестомъ и бородой на вѣки-вѣчные».

— «Это все для общества, говоритъ Царь: а тебя-то чѣмъ дарить-жаловать? Проси, ничего не пожалѣю».—«Позволь мнѣ, коли милость твоя, погулять съ товарищами въ твоихъ царевыхъ кабакахъ, безданно-безпошлинно, недѣльки двѣ».—Царь улыбнулся и говоритъ: «Развѣ любишь?» — «Грѣшный человѣкъ: люблю!» — «Гуляй во здравіе, говоритъ Царь. А ты, секретарь, напиши ужъ за-одно въ грамотѣ, чтобы водка продавалась на Яикѣ на всей волѣ казачьей».

Круглый годъ прображничалъ Рыжечка съ товарищами въ царевыхъ кабакахъ, странствуя отъ города до города, отъ села до села, пока не вышелъ срокъ открытому листу за царской скрѣпой. Вернулся онъ на Яикъ вдвоемъ съ калмычиномъ, тѣмъ самымъ, который обмѣнялъ ему лошадь. Оба они были на счетъ выпивки молодцы, тягущи; прочіе — всѣхъ-то было ихъ 12—не выдержали, сложили свои головы: кто въ кабакѣ, кто подъ кабакомъ—такой ужъ народъ безшабашный. А Рыжечка прожилъ на Яикѣ еще лѣтъ 10, да пошелъ по царскому указу съ Бековичемъ въ Хиву; тамъ, голубчикъ, за компанію съ княземъ и всѣмъ честнымъ воинствомъ, сложилъ свою буйную головушку.

Къ походу Бековича-Черкасскаго относится не менѣе любопытное воспоминаніе, сохранившееся въ памяти у старыхъ казаковъ. По ихъ словамъ, вернулось на Яикъ въ разное время какихъ-нибудь 2 — 3 десятка, не больше; а ушло съ Яика не малое войско, $1^1/_2$ тыс. казаковъ, — всѣхъ порѣшили изверги-хивинцы: которыхъ перерѣзали, которыхъ повернули

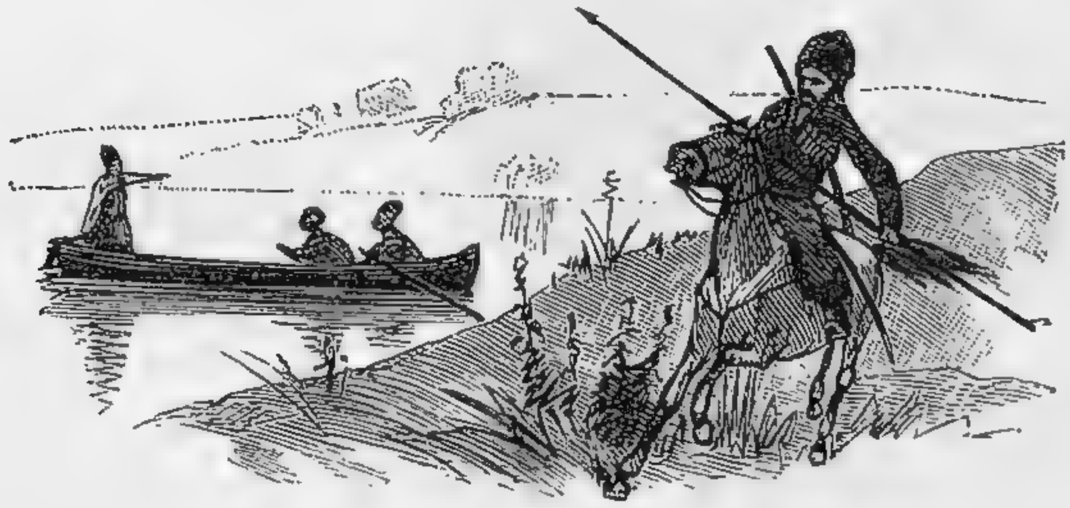
въ неволю, заковали въ тяжелыя цѣпи. Только одному молодому казаку въ тотъ разъ посчастливилось: не видалъ онъ ни рѣзни, ни мукъ мучительныхъ, ничего такого, отъ чего сердце крушится, на части разрывается. На квартирѣ, гдѣ стоялъ казачекъ, пожалѣла его молодая хозяйка, — спасла душу христіанскую. Въ ту самую ночь, когда хивинцы уговорились задать Бековичу и всѣмъ нашимъ карачунъ, хивинка завела своего постояльца въ садъ, въ глухой, дальній уголокъ, гдѣ сохраняла его, пока не подошло время. Напослѣдокъ, когда со всѣхъ мѣстъ хивинцы съѣхались къ хану праздновать богомерзкое торжество надъ русскими, хивинка обрядила казачка въ ихнюю одежду, дала ему провизіи, денегъ, потомъ вывела изъ конюшни самую рѣзвую лошадь, трухменскаго аргамака, и, передавъ ее на руки казачку, велѣла ему ѣхать на родимую сторону. Казакъ простился съ ней и за родительскія молитвы выѣхалъ на Яикъ здоровъ и невредимъ. Въ дорогѣ онъ не разъ встрѣчался съ хивинцами. Однажды повстрѣчалось ему нѣсколько хивинцевъ и спрашиваютъ: Кто онъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ? А казачекъ притворился нѣмымъ, ничего не говоритъ, а только мычитъ; потомъ снялъ съ луки уздечку, показалъ ее хивинцамъ, ткнулъ пальцемъ въ гриву и сдѣлалъ знакъ руками — лошадь де пропащую разыскиваю. Этого мало. Слѣзъ казакъ съ лошади, провелъ у нея ладонью по лбу — лошадь де лысая, хочетъ сказать; нагнулся, провелъ рукой по колѣну — лошадь, значитъ, бѣлоножка. Хивинцы поглядѣли - поглядѣли на нѣмого, улыбнулись и покачали головами: не видали, молъ, твоего коня! Потомъ поѣхали, оболтусы, своей дорогой. Казачекъ и радъ, двинулъ дальше на родимую сторонушку. Если ему случалось встрѣчаться съ киргизами, отъ нихъ уходилъ вскачь: лошадь-то подъ нимъ ужъ больно была рѣзвая.

Другой казакъ, Трофимъ Новинскій, инымъ манеромъ спасся. Это былъ мужчина пожилыхъ лѣтъ, бороду имѣлъ чуть не до пояса, окладистую, сѣдую. Онъ обрядился татарскимъ муллой, т. е. накрутилъ на шапку 2 куска бязи и въ такомъ видѣ пошелъ странствовать: старый казакъ, догадливъ былъ! Куда ни придетъ Новинскій, вездѣ орда встрѣчаетъ его съ почетомъ: напоитъ, накормитъ, на дорогу провизіи дастъ. Въ иномъ мѣстѣ спросятъ: кто онъ и куда странствуетъ? А Новинскій, чтобъ не выдать себя, опуститъ глаза въ землю, поглаживаетъ свою бородушку да шепчетъ

про себя: «Алла, Алла, бисмиля!» Орда и ротъ разинетъ, принимаетъ его за молчальника, пуще прежняго отдаетъ ему почтеніе. Случалось, лошадь подъ него давали, провожатыхъ съ нимъ посылали — одно слово: съ почетомъ и встрѣчали, и провожали. Новинскій представлялся самому Петру Первому, на Волгѣ, когда Царь плылъ изъ верховыхъ городовъ въ Астрахань. Царь удивился и спросилъ, какимъ побытомъ онъ, одинъ-одинехонекъ, прошелъ черезъ орду бусурманскую? — «Бородушка помогла», отвѣтилъ Новинскій. — «Какъ такъ?» спрашиваетъ Царь и пуще прежняго дивуется. — «Такъ и такъ, говоритъ Новинскій: по бородушкѣ меня вездѣ съ почетомъ встрѣчали, съ честью провожали».

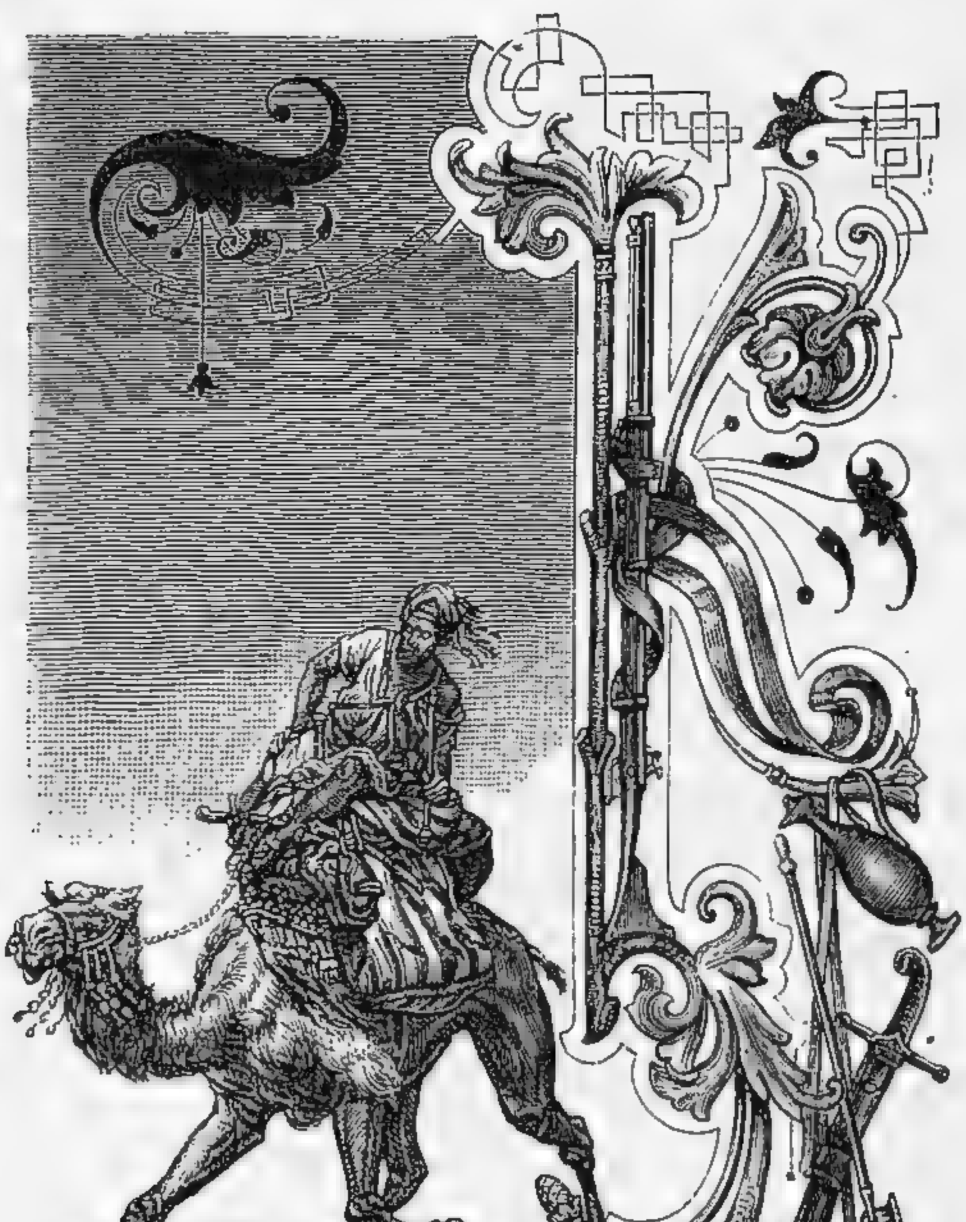
— «Исполать же тебѣ, старинушка, сказалъ Петръ Первый и ласково погладилъ Новинскаго по сѣдой его бородушкѣ. Значитъ, не всуе я пожаловалъ вашу братію, яицкихъ казаковъ, бородой. Умѣете ею пользоваться. Что хорошо, то хорошо! А какъ твое имя, отчество и прозвище?» — Новинскій отвѣтилъ. Царь съ минуту подумалъ и сказалъ: «Такъ какъ провела тебя черезъ орду басурманскую твоя почтенная борода, то будь же ты отнынѣ навѣки не Новинскій, а Бородинъ».

Царское слово свято: и сталъ послѣ того Новинскій прозываться Бородинымъ; отъ него ужъ весь нынѣшній родъ Бородиныхъ; они твердо памятуютъ прадѣда, которому самъ Царь воздалъ по его заслугамъ.

II.

Яицкая Линія.

Казаки яицкіе также долго стояли на стражѣ русскихъ земель. Нужно сказать, что въ царствованіе Императора Петра I и его наслѣдниковъ русское царство расширилось на той окраинѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь. Русскіе люди охотно садились на новыя земли по рѣкамъ Бѣлой, Яику, Сакмарѣ и далѣе на востокъ за Уральскія горы. Кромѣ добровольныхъ поселенцевъ, высылались ссыльные; сюда же, какъ сказано раньше, бѣжали крѣпостные люди, бродяги и всѣ, кому не жилось на Руси покойно. Многіе помѣщики, прослышавъ про богатства края, стали скупать земли у башкиръ и татаръ; переселяясь сами, они переводили и своихъ крѣпостныхъ. Среди привольныхъ башкирскихъ степей возникли хутора, поселки, впослѣдствіи — села и города. Въ какихъ-нибудь

40 — 50 лѣтъ край обрусѣлъ и мало чѣмъ отличался отъ прочихъ, искони русскихъ земель. Для защиты отъ набѣговъ кочевыхъ ордъ, а равно и для управленія краемъ, было приступлено къ устройству пограничныхъ крѣпостей отъ Самары до Татищевой и далѣе по рр. Сакмарѣ и Яику до Орской; наконецъ былъ основанъ Оренбургъ, куда перешла вся мѣновая торговля съ киргизами и со всѣми народами Средней Азіи. Оренбургская губернія была открыта въ 1744 году, и первымъ ея губернаторомъ назначенъ Неплюевъ, памятный тѣмъ добромъ, которое онъ сдѣлалъ для яицкихъ казаковъ. По его просьбѣ Сенатъ предоставилъ въ пользу казаковъ все теченіе рѣки отъ Яицкаго городка вплоть до Гурьева и этотъ послѣдній съ его рыбными ловлями. Тогда же были построены крѣпости Кулагинская и Калмыковская, а между Яицкимъ городкомъ и Гурьевымъ протянулась на 500 верстъ цѣлая укрѣпленная Линія, состоявшая изъ форпостовъ, реданокъ и третей, расположенныхъ въ перемежку. Форпосты — это маленькія крѣпостцы, а реданки и трети не что иное, какъ малые редутцы, или укрѣпленные караульные домики: небольшой дворъ, огороженный плетнемъ и окопанный рвомъ, по серединѣ котораго стояла плетеная, вымазанная глиной изба съ вышкой для помѣщенія часоваго. Вотъ такія-то укрѣпленія стояли непрерывной цѣпью: по правому берегу Яика отъ Бударинскаго форпоста до Гурьева, а по лѣвому берегу отъ Бударинскаго форпоста вверхъ до Илецкихъ дачъ, впереди Линіи, откуда и ея названіе Передовая Линія. Дальше начинались форпосты илецкихъ казаковъ, выходцевъ изъ яицкихъ. На реданкахъ проживало обыкновенно отъ 5 — 8 казаковъ, на обязанности которыхъ лежали разъѣзды и наблюденіе вдоль Линіи. Противъ воротъ каждой реданки или трети торчали воткнутыя въ землю жерди, обмотанныя сѣномъ, камышомъ или же паклей: это маяки. Какъ только часовой съ вышки замѣчалъ въ степи появленіе всадника, онъ поджигалъ маякъ, и тревога распространялась по всей Линіи. Главнымъ врагомъ яицкихъ казаковъ въ ту пору были киргизы,—врагъ сильный, неутомимый.

Многочисленныя орды киргизовъ вытѣснили калмыковъ и разбили свои войлочныя кибитки на всемъ пространствѣ степей отъ предѣловъ Сибири до Сыръ-Дарьи, моря Каспійскаго и Яика. Толпы этихъ незнавшихъ устали наѣздниковъ на

своихъ некрасивыхъ поджарыхъ лошадкахъ, въ высокихъ малахаяхъ, вооруженныя длиннѣйшими пиками, осторожно прокрадывались къ берегамъ Яика, быстро переправлялись на другую сторону, еще быстрѣе кидались на русскія селенія, угоняли скотъ, лошадей, арканили людей.

Ихъ ватажки, или «батыри», жадные какъ степные волки, отлично знали всѣ ходы и выходы, умѣли подстеречь добычу, исчезнуть съ нею безслѣдно; погоня за ними по необозримой степи, гдѣ нѣтъ ни бугра, ни кустика, рѣдко бывала удачной. Еще на памяти старожиловъ наѣздничалъ киргизскій батырь, по прозванью, Сырымъ. Богатырскаго роста, широкій въ плечахъ, силы необычайной, Сырымъ прославился своею удалью, лихими наѣздами. Равнаго ему не было въ степи. Такую же онъ подобралъ себѣ шайку, ставшую грозой цѣлой дистанціи отъ Гурьева до Калмыковской. Въ нѣсколько часовъ исчезали русскіе поселки; стада перегонялись въ степь, населеніе попадало въ Хиву на невольничій рынокъ. Самъ Сырымъ не былъ воромъ: онъ никогда не бралъ себѣ добычи, а все награбленное дѣлилъ между джигитами. Онъ только мстилъ русскимъ, которыхъ ненавидѣлъ, какъ истый азіатъ. Казаки тоже не оставались въ долгу: не одинъ уже его джигитъ попалъ на пику, но самъ онъ былъ неуловимъ какъ молнія. Однажды шайка Сырыма переправилась у Зеленовскаго форпоста, въ томъ самомъ мѣстѣ, которое называется «Разбойной лукой». Казаки въ ту пору были въ отлучкѣ, чѣмъ киргизы какъ нельзя лучше воспользовались: они ограбили форпостъ до-чиста, не пощадили ни женъ, ни дѣтей, а затѣмъ поспѣшно переправились на лѣвую сторону. Сырымъ, отправивъ добычу впередъ, прилегъ отдохнуть; лошадей приказалъ стреножить.

Въ Зеленовскомъ форпостѣ проживалъ казакъ Илья Скоробогатовъ, человѣкъ степенный, всѣми уважаемый. Онъ поплатился болѣе другихъ: у него убили родную дочь, ранили сына и угнали любимаго коня. Подобравъ себѣ 8 казаковъ, самыхъ надежныхъ друзей, Скоробогатовъ пустился съ ними въ погоню; другими путями поскакало еще нѣсколько такихъ же партій. Казаки вообще имѣли обыкновеніе преслѣдовать мелкими партіями, съ тѣмъ разсчетомъ, что не та, такъ другая могла потрафить на слѣдъ. На этотъ разъ посчастливило Скоробогатову: его казаки наскочили на спящаго Сырыма. Они прежде всего растреножили киргизскихъ лошадей, потомъ

набросились на джигитовъ: 10 чел. убили; пять, въ томъ числѣ и самъ Сырымъ, очутились въ плѣну. Теперь Скоробогатовъ стоялъ лицомъ къ лицу со своимъ заклятымъ врагомъ. Другой на его мѣстѣ не задумался бы съ нимъ расправиться по казацкому обычаю: взвелъ бы разбойника на «маръ» (холмъ), всадилъ пулю въ его широкій, жирный лобъ, и дѣлу конецъ—пусть пропадаетъ какъ собака. Скоробогатовъ поступилъ не такъ. Видитъ «батырь», что дѣло его дрянь—или надо помирать, или идти въ полонъ — и говоритъ: «Я только потому сдаюсь, что не могу себя умертвить; твое счастье!»—«И правда, отвѣтилъ ему Скоробогатовъ: такому батырю, какъ ты, стыдно сдаваться живому. Не хочешь ли прикончить съ собой? Вотъ тебѣ мой пистолетъ — не дастъ осѣчки, не бойсь!» —Промолчалъ Сырымъ, ни слова не отвѣтилъ. Видно плѣнъ позорный показался ему краше смерти невольной. Онъ слышалъ кругомъ насмѣшки, укоры, но ничто его не смущало. — «Я сдаюсь», сказалъ онъ наконецъ.

Скоробогатовъ вскипѣлъ отъ гнѣва. Хвастливъ и малодушенъ показался ему киргизскій наѣздникъ: «Ты не батырь, а негодяй и трусъ!» Съ этими словами онъ схватилъ ножъ, отрѣзалъ ему ухо, толкнулъ въ шею и крикнулъ: «Пошелъ прочь, чтобъ глаза мои не видали тебя! я никогда не убивалъ трусовъ и безоружныхъ — скройся, подлая тварь!»— Такимъ образомъ, Сырымъ за всѣ свои злодѣйства поплатился однимъ ухомъ. Затая злобу, онъ бросилъ разбойничье ремесло и перешелъ въ Букеевскую орду, гдѣ сталъ мирно кочевать со своимъ ауломъ.

Смертельная вражда съ киргизами не ослабѣвала, пока они не ослабѣли сами, перестали быть опасны. Съ ними нельзя было ни вести дружбу, ни заключить мирный уговоръ. Дружба съ однимъ родомъ навлекала вражду прочихъ. Яицкіе казаки почти цѣлое столѣтіе вели постоянную, ожесточенную борьбу съ этимъ народомъ. За каждый набѣгъ они вымещали набѣгомъ же, грабежъ — грабежомъ, и такимъ образомъ обезопасили свою землю и оградили отъ истребленія мирныя поселенія по сю сторону Урала. Въ постоянной и тревожной борьбѣ казаки закалялись изъ поколѣнія въ поколѣніе; дѣды и отцы передавали въ наслѣдіе своимъ сыновьямъ и внукамъ, вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, испытанное оружіе, свои сноровки въ бою, свои примѣты — весь свой боевой опытъ, добытый въ частыхъ встрѣчахъ и схват-

кахъ съ врагомъ. Такъ выросъ цѣлый народъ, сильный, крѣпкій духомъ, воинственный, способный къ самозащитѣ.

Яицкіе казаки, кромѣ того что оберегали свою границу, ходили въ степь противъ кочевниковъ, содержали разъѣзды по Сибирской Линіи и наконецъ должны были участвовать съ прочими войсками противъ общихъ враговъ отечества. Являлись они на службу обыкновенно, какъ кому было удобнѣе или выгоднѣе: одни выѣзжали съ пиками и пистолетами, другіе съ ятаганами и винтовками, третьи — съ ружьемъ и саблей, словомъ, брали то, что сохранялось отъ отцовъ. На Линіи казаки одѣвались совсѣмъ по домашнему: оружіе надѣвали сверхъ короткихъ стеганыхъ халатовъ, самыхъ пестрыхъ и яркихъ; шапки носили высокія, съ малиновымъ верхомъ, въ родѣ киргизскаго малахая. Старые казаки славились стрѣльбой. Въ 1809 году отрядъ Кульнева переходилъ по льду въ Швецію, черезъ Ботническій заливъ. Глубокій снѣгъ покрывалъ ледяную равнину. Шведскіе егеря засѣли на берегу, за камнями, за деревьями и безнаказанно палили по нашимъ, увязавшимъ въ снѣгу. Чтобы ихъ оттуда выбить, нужна была пѣхота, а отрядъ-то весь состоялъ изъ конницы: гусары, донцы, уральская сотня. Кульневъ выдвинулъ бородачей-уральцевъ, которые шли сзади со своими длинными винтовками и «турками». Уральцы спѣшились, сбросили съ себя верхнюю одежду, шапки, перевязали головы платками и, благословясь, безъ шума, безъ крика, разсыпались по лѣсу и также засѣли за камни и деревья. Шведы слышатъ только выстрѣлы, да видятъ, какъ падаютъ товарищи, но сами не знаютъ, въ кого цѣлить. Каждый выстрѣлъ мѣткой уральской винтовки находилъ виновнаго. Дрогнулъ непріятель и очистилъ лѣсъ. Наши вступили въ Швецію.— Саблю казаки прежде не жаловали, а больше надѣялись на ружье да на пику. Смолоду они стрѣляли гусей, лебедей, утокъ, сайгаковъ, кабановъ—все пулькой; такъ же они подстерегали и непріятеля, лежа на землѣ. Какъ истые сыны степей, казаки всегда славились ѣздой. Самую дикую лошадь уралецъ выѣзжаетъ въ 2—3 недѣли. Подойдетъ къ ней впервые, погладитъ, ухватитъ за уши, дастъ подержать кому-нибудь, накинетъ сѣдло, сядетъ, а тамъ дѣло пойдетъ своимъ чередомъ. Сколько-бы лошадь ни носила, сколько-бы ни била— задомъ ли, передомъ,—все равно, когда нибудь да уходится. Лошади у нихъ киргизскія, некрасивыя, нестатейныя, а на

ѣзду нѣтъ лучше: съ малой передышкой такая лошадь пробѣгаетъ до ста верстъ. И преслѣдовать казаки мастера. «Коли бѣжитъ непріятель, поучаютъ старики, такъ развѣ въ землю уйдетъ; покидать его нельзя, гони его со свѣту долой: да не оглянется и не увидитъ, что ты за нимъ бѣжишь одинъ. И бить тоже надо, покуда бѣжитъ: опамятуется, да остановится, того гляди упрется, и вся твоя работа пропала». — Киргизы, еще въ пору своей силы и славы, никогда не рѣшались штурмовать тѣ ничтожныя укрѣпленія, которыя составляли Яицкую Линію. Бывали случаи, что киргизы нападали шайками, человѣкъ по сту, и какой-нибудь десятокъ казаковъ успѣвалъ отсидѣться въ своей реданкѣ, лишь благодаря мѣткой стрѣльбѣ изъ винтовокъ. Самое большое, что успѣвали хищники,—уничтожить маяки, прежде чѣмъ казаки успѣютъ дать сигналъ. Со временемъ и киргизы утратили воинскій духъ: они обратились въ простыхъ разбойниковъ. Лѣтъ 60 тому назадъ пикетные Красноярскаго форпоста, въ надеждѣ, что киргизы не сунутся въ половодье, вернулись втихомолку домой. Красноярцы въ это время были «на севрюгахъ», между своимъ и Харкинскимъ форпостами; но такъ какъ день случился праздничный, станичники отдыхали, расположившись артелями вдоль берега; телѣги стояли поодаль, на косогорѣ; на шестахъ колыхались сѣти; лошади гуляли въ лугахъ безъ надзора. Во многихъ мѣстахъ дымились или уже пылали костры. Кто варилъ изъ налимовъ уху, кто стряпалъ осетриные пельмени, кто жарилъ севрюжину или пекъ въ горячей золѣ осетровъ; иные, наѣвшись до-сыта, лежали, грѣлись на солнышкѣ. Вдругъ раздался крикъ: «Ай, ай! Киргизы, киргизы!.. Лошадей нашихъ гонятъ киргизы!»— Рыболовы засуетились: каждый хваталъ, что было подъ рукой — ружье ли, весло, топоръ, — поднялась суматоха, или, какъ говорятъ казаки, «ватарба».—Человѣкъ около 20 киргизъ подкрались перелѣсками къ берегу, переплыли рѣку повыше стана и пустились ловить лошадей. Какъ ни ловко и проворно они все это продѣлали, однако штука все-таки не удалась. Лошади паслись не табуномъ, а «по гривамъ», да еще спутанныя; пока киргизы колесили за ними, чтобы сбить въ одинъ табунъ, казаки успѣли принять свои мѣры: одни бросились съ винтовками въ луга; другіе сѣли въ бударки и пустились, что было мочи, вверхъ по Уралу къ тому мѣсту, гдѣ киргизамъ надо-бы переправляться; тѣ же,

которые остались, преимущественно старики, огородились телѣгами. Между тѣмъ, хищники, завидя нашихъ съ винтовками, кинулись какъ угорѣлые въ рѣку, но тутъ со страху наткнулись на плывшихъ въ бударкахъ. «Индо Яикушка застоналъ, какъ пошли наши глушить нехристей шестами да чекушами»: около десятка ихъ пошло ко дну, остальные выкарабкались на бухарскую сторону, подъ защиту конныхъ, прискакавшихъ къ мѣсту драки. Осыпанные въ свою очередь стрѣлами, казаки отчалили обратно.

Почти въ то же время въ Красноярскомъ форпостѣ затрещала на вышкѣ у часоваго трещотка, вслѣдъ за которой раздались тревожные крики: «Киргизы! Киргизы!» Казаки, сколько было ихъ въ наличности, сѣдлали лошадей, надѣвали оружіе и собирались вокругъ своего приказнаго Ефремова. Когда набралось «храброй братіи» человѣкъ 30, Ефремовъ махнулъ съ ними за Яикъ; второпяхъ онъ забылъ даже оповѣстить сосѣднія станицы—Калмыковскую и Харкинскую. Выбравшись въ степь, Ефремовъ сдѣлалъ смотръ командѣ, при чемъ оказалось, что только одинъ казакъ, по имени Нефедъ, выѣхалъ неисправнымъ: лошадь подъ нимъ была тяжела на бѣгу,—маштакъ, годный лишь для воза. Нефеду велѣли вернуться, какъ онъ ни напрашивался.— «Ну, ребята, молись!» сказалъ Ефремовъ. Снявъ шапку, онъ перекрестился самъ, казаки сдѣлали то же.—«Съ Богомъ!» Припавъ къ лукѣ, съ пиками на перевѣсъ, понеслись казаки на облачко пыли. Они скакали молча, кругомъ разстилалась безбрежная степь; лишь конскій топотъ глухо отдавался въ ушахъ. По временамъ Ефремовъ давалъ приказъ: «сдержи!» или же: «припусти!» смотря по надобности. Скачутъ казаки 10, 15, скачутъ 20 верстъ. Вотъ облачко стало рѣдѣть; сначала обозначилась точка, изъ точки выросло пятнышко, все больше, больше, и вотъ, наконецъ, стали примѣтны отдѣльные всадники, киргизскіе наѣздники. Когда бѣглецы очутились въ полуверстѣ, Ефремовъ скомандовалъ: «Ну, пущай, чья возьметъ!» По этой командѣ казаки закричали, «загайкали», и вытянулись въ ленту; самые рѣзвые уже настигали киргизовъ; они уже несутся на хвостахъ ихъ лошадей. Два киргизскихъ «батыря», отдѣляясь по временамъ отъ партіи, одинъ вправо, другой влѣво, описывали дуги и быстро, съ пронзительнымъ воплемъ, наскакивали на казаковъ, угрожая имъ своими длинными пиками.

Пока казакъ придержитъ лошадь, чтобы дать отпоръ, батырь круто повернетъ назадъ, исчезнетъ и снова за свое. «Вправо забирай, ребятушки!» покрикиваетъ Ефремовъ, скакавшій сзади.—Дѣло-то въ томъ, что справа налѣво ловчѣе бить пикой, почему выгоднѣе имѣть противника съ лѣвой стороны. Чтобы облегчить лошадей, киргизы сбрасывали съ себя верхнюю одежду, выкидывали изъ-подъ себя сѣдельныя подушки, наметы, а иные даже скидывали сѣдла. Ефремовъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что киргизскіе аргамаки видимо притомлялись, тогда какъ его конь чѣмъ больше скакалъ, тѣмъ больше прибавлялъ бѣгу. Онъ продвинулся впередъ и сказалъ Семену Азовскòву: «Ты, Сёма, бери себѣ голубого, а я возьму краснаго». Азовскòвъ, рослый и сильный казакъ, припалъ почти къ гривѣ своего игреняго, набралъ воздуха въ могучую грудь и, не говоря ни слова, ринулся на «голубого»—то былъ киргизскій батырь, одѣтый въ голубой чапанъ. Смѣтилъ батырь, что ему не уйти, повернулъ круто аргамака и со всѣмъ усердіемъ ткнулъ Семена пикой. Обливаясь кровью, казакъ опрокинулся назадъ: пика угодила ему въ лобъ, подъ лѣвую бровь. Ловокъ и безстрашенъ былъ Сёма Азовскòвъ, а не успѣлъ отбить удара, опоздалъ! Сцѣпились они теперь съ киргизомъ въ рукопашную: крутились-крутились, и оба разомъ свалились на-земь. Тутъ какъ орлы наскакали казаки, вмигъ прикололи голубого. Тотъ богатырь, что былъ въ красномъ чапанѣ, бросился было на помощь товарищу, но за нимъ уже слѣдилъ Ефремовъ и на ходу пронизалъ его пикой. Остановились казаки, перевязали Азовскòву рану—бѣднягѣ было очень плохо—и, давши ему оправиться, поскакали дальше. Между тѣмъ, киргизы раздѣлились на двѣ партіи: одна партія взяла вправо, другая—влѣво; всей командой казаки повернули за послѣдней. Начинаютъ нагонять опять. «Вотъ, думаютъ, скоро будетъ работа!» Только они это подумали, киргизы скрылись въ лощину. Подъѣхали казаки къ лощинѣ—что за чудо?—вся лощина занята непріятелемъ, сотни на четыре, если не больше, и множество значковъ.—«Слѣзай, ребята!» прогремѣлъ голосъ Ефремова. Въ одно мгновеніе казаки попадали съ лошадей, сомкнули ихъ въ кучку, переплели поводьями, а сами взялись за винтовки. Какъ коршуны вылетѣли ордынцы, издавая пронзительные крики; знаменосцы держали высоко свои значки, прочіе изготовились разить пиками, торчавшими изъ-

подъ мышекъ. Казаки, прижавшись къ лошадямъ, выпалили съ колѣна черезъ ружье, и тотчасъ 10, не то 15 всадниковъ опрокинулись навзничь. Азіятская прыть сразу пропала. Завидя кровь, киргизы растерялись, удалились, послѣ чего только самые храбрые джигиты рѣшались подъѣзжать поближе, а остальные лишь кричали да понукивали. Мѣткія пули, между тѣмъ, свое дѣло дѣлали. Вотъ свалился самый главный, до сихъ поръ неуязвимый «батырь», надоѣдавшій казакамъ хуже, чѣмъ оса. Много пуль въ него попало, а онъ все гарцовалъ да гарцовалъ въ своемъ панцырѣ, прикрытомъ халатомъ, пока казакъ Трифонъ Михалинъ не изловчился да не попалъ ему въ лобъ: не вздохнулъ богатырь. Тутъ киргизы окончательно присмирѣли, отъѣхали еще дальше и стали пускать стрѣлы, а у кого были ружья—пощелкивать пулями. Ни пули ихъ, ни стрѣлы не дѣлали вреда казакамъ, но лошади пугались, могли разстроить ихъ защиту. Кромѣ того, истомленные дальней ѣздой, казаки сидѣли въ осадѣ часовъ 5 или 6. Сначала они посматривали назадъ, въ свою сторону, не покажется ли выручка, но ничего не видя кромѣ голубого неба и сѣрой земли, бросили и смотрѣть. Солнце скоро скрылось, наступала ночь, надо было спасаться, пока еще не стемнѣло. Поднялись казаки и тѣсной кучкой, шагъ за шагомъ, стали подвигаться къ Яику, по временамъ отстрѣливаясь и ведя за собой связанныхъ «по шеямъ» лошадей. Киргизы разступились-было въ надеждѣ что казаки пойдутъ наутекъ; но они слишкомъ опытны, чтобы поддаться на такую грубую уловку и продолжали тихо отступать, не прибавляя шагу. Прошли такимъ образомъ съ версту.— «Наши, наши!» закричали нѣсколько голосовъ сразу, завидя передъ собой всадника. Красноярцы запрыгали отъ радости и разомъ грянули «ура!» да такъ громко, что киргизы остановились въ ожиданіи атаки.—«Постойте, братцы, радоваться, сказалъ сурово Ефремовъ: всмотритесь-ка вы хорошенько, кто это?» —Казаки вглядѣлись и ахнули отъ удивленія: въ одинокомъ всадникѣ они скоро признали Нефеда, того самаго, котораго покинули на берегу Яика. Ему, какъ забракованному, стало стыдно; казаки засмѣяли-бы его самого и весь его родъ до седьмаго колѣна, и вотъ онъ по слѣдамъ товарищей поплелся на своемъ маштакѣ.

Навстрѣчу Нефеду отдѣлилась кучка киргизовъ; онъ повернулъ было въ сторону, но маштакъ еле переступалъ съ

ноги на ногу. Тогда Нефедъ палъ на колѣни, выстрѣлилъ и въ то же мгновеніе былъ окруженъ. Ему связали назадъ руки, посадили опять на лошадь и повели въ толпу. По пути Нефедъ что-то кричалъ.—«Прощай, прощай, товарищъ!» отвѣчали казаки. Больше они его не видѣли. Однако бѣдняга сослужилъ добрую службу. Онъ объяснилъ киргизамъ, что вслѣдъ за нимъ скачутъ сосѣднія станицы, а что самъ онъ ѣхалъ отъ нихъ только передовымъ. Киргизы съѣхались вмѣстѣ, вѣрно на совѣщаніе, потомъ, раздѣлившись по кучкамъ, скрылись въ разныя стороны.

Съ честью, со славой возвращались красноярцы домой, и радость ихъ омрачалась лишь потерей двухъ добрыхъ товарищей: Сема Азовсковъ на третій день отдалъ Богу душу. А мѣсяца черезъ два пришелъ къ женѣ Нефеда мирный киргизъ съ извѣстіемъ, что тѣло ея мужа лежитъ въ степи, въ такомъ-то мѣстѣ. Послали команду, которая дѣйствительно нашла полусгнившій трупъ. Послѣ ужъ узнали, что ордынцы отдали плѣнника брату того самаго киргиза, котораго Нефедъ смертельно ранилъ. Пока раненый былъ живъ, Нефеда не трогали, а когда тотъ отъ потери крови умеръ, его братъ зарѣзалъ Нефеда, какъ овцу, и выкинулъ на съѣденіе волкамъ. Горько взрыдала вдова, когда внесли въ осиротѣлую свѣтлицу лишенный человѣческаго образа трупъ ея вѣрнаго друга и кормильца, бѣднаго Нефеда.

III.

Пугачевская смута.

Между благодѣтельными распоряженіями высшаго военнаго начальства были и такія, которыя вызывали неудовольствія среди казаковъ, возбуждали между ними ропотъ. Вожаками непокорныхъ всегда являлись старые казаки, особенно свѣдущіе въ Св. Писаніи, или начетчики. Они не хотѣли признавать никакихъ перемѣнъ, «новшествъ», хотя бы то было полезно для нихъ самихъ и необходимо для блага государства. Они желали жить по старинѣ, по завѣтамъ и обрядамъ до-Петровской Руси, что было общимъ желаніемъ людей «старой вѣры». А среди яицкихъ казаковъ старая вѣра, до-Никоновская, была въ большомъ почетѣ. На Дону, Яикѣ и южномъ Поволжьѣ находили вѣрное убѣжище ревнители старины, которымъ грозила опасность въ Москвѣ. Ихъ укрывали въ скитахъ и монастыряхъ Иргизскихъ, Камышъ-Самарскихъ, Узенскихъ, на прибрежныхъ островахъ моря,—

однимъ словомъ тамъ, куда не могъ проникнуть самый ретивый сыщикъ. Не только раскольники, но и подданные, люди всякаго званія находили себѣ здѣсь мѣсто по недостатку рабочихъ рукъ. Еще Петръ Великій призналъ необходимымъ выдѣлить казачье сословіе, для чего велѣлъ произвести перепись всѣхъ наличныхъ казаковъ. Многимъ это не понравилось. Они утверждали, что счисленіе народа — тяжкій грѣхъ, который навлекъ гнѣвъ Божій и на Давида. Однако ихъ переписали, раздѣлили на сотни, на десятки и положили жалованье: полторы тысячи на все войско, котораго оказалось 3,200 чел., да по осьминѣ хлѣба на каждаго. Кромѣ того, Царь отмѣнилъ выборъ войсковаго атамана и сталъ назначать на эту важную должность по своему усмотрѣнію изъ наиболѣе надежныхъ казаковъ. Года за три до воцаренія Императрицы Екатерины послѣдовало утвержденіе ненавистнаго казакамъ «штата»: это было новое положеніе, по которому многія дѣла отходили теперь къ оренбургскому губернатору, тогда какъ прежде рѣшеніе ихъ зависѣло отъ войска. Но это все ничего, если бы въ самомъ войскѣ не было злоупотребленій, вооружившихъ казаковъ даже на сопротивленіе властямъ. Между ними издавна стала обозначаться, такъ называемая, «старшинская» партія, изъ людей богатыхъ, именитыхъ, отцы и дѣды которыхъ занимали разныя почетныя должности; изъ этой же партіи назначались войсковые атаманы, есаулы и вообще всѣ правящіе въ разныхъ случаяхъ. Они же собирали съ казаковъ деньги для уплаты въ казну за пользованіе гурьевскимъ учугомъ, но при этомъ, не забывая себя, требовали вчетверо больше, чѣмъ слѣдовало; отчета же не отдавали по нѣскольку лѣтъ. Войсковой атаманъ самъ держалъ на откупѣ десятинную пошлину, почему тянулъ сторону старшинъ, а если кто очень домогался отчета, того брали подъ караулъ и наказывали. Взаимныя пререканія и жалобы тянулись нѣсколько лѣтъ, пока одна партія не озлобилась на другую до того, что между ними возгорѣлась неугасимая вражда. Когда эти жалобы дошли до Императрицы, она повелѣла разобрать ихъ и навсегда прекратить. На Яикъ выѣхали два слѣдователя: генералъ-маіоръ Траубенбергъ, командующій войсками въ Оренбургской губерніи, и капитанъ Дурново — одинъ со старшинской стороны, другой съ войсковой. Почему-то они медлили, не приступали къ дѣлу, а, между тѣмъ, ненавистные казакамъ старшины про-

должали властвовать. Возникъ ропотъ, волненіе. Въ ночь на 13 января 1772 года, улицы и площади Яицкаго городка наполнились вооруженными казаками; старшинская партія пристала къ регулярной командѣ, бывшей на ту пору въ Яицкѣ. На разсвѣтѣ огромная толпа въ нѣсколько тысячъ приблизилась къ дому Дурново и выслала депутатовъ съ требованіемъ, чтобы дѣло ихъ было рѣшено въ тотъ же день. Дурново отвѣчалъ, что все уладитъ черезъ недѣлю. Толпа, разразившись криками, бросилась разбирать заборъ; въ соборной церкви загудѣлъ набатъ, по которому выступила процессія съ иконами и хоругвями впереди. Подъ прикрытіемъ святыни, казаки всею толпой молча стали напирать. Впереди шли тѣ же депутаты, повторяя свою просьбу повершить ихъ дѣло. Еще два раза Дурново далъ такой же отвѣтъ, наконецъ приказалъ выпалить. Разсвирѣпѣвшіе, обрызганные кровью товарищей, казаки овладѣли пушками, смяли драгунъ и ворвались въ домъ. Траубенбергъ былъ убитъ, Дурново избитъ до полусмерти; войскового атамана Тамбовцева вытащили полуживого на дворъ, гдѣ изрѣзали на куски; большинство казаковъ старшинской партіи также поплатились головами; остальныхъ взяли подъ стражу, а дома ихъ и имущество до-чиста разграбили. Черезъ четыре мѣсяца явились войска. Жестоко поплатились тогда казаки: тюремныя избы, гауптвахты, подвалы домовъ были набиты арестантами; ихъ вѣшали, четвертовали, отрѣзали носы и уши, или по наказаніи плетьми отправляли въ Сибирь на поселеніе. По окончаніи казней приступили къ водворенію новаго порядка. Круги казацкіе были уничтожены, званіе атамана упразднено, а вмѣсто того и другаго учреждено комендантское управленіе; въ городѣ поставленъ гарнизонъ. Уцѣлѣвшіе отъ погрома, старые казаки бѣжали въ степи, гдѣ прятались по скитамъ или въ отдаленныхъ хуторахъ. Они разносили повсюду молву, что наступили послѣднія времена яицкому войску; они говорили о казняхъ товарищей, о гибели привилегій. «Прежніе наши обряды вовсе опровержены, и открылся штатъ, котораго мы вовсе не желаемъ; вмѣсто войсковаго атамана нами командуетъ полковникъ Симоновъ, изъ регулярныхъ». Такъ они жаловались Императрицѣ. Ропотъ и озлобленіе были въ самомъ разгарѣ, когда разошелся зловѣщій слухъ о появленіи въ войскѣ Императора Петра Ѳедоровича.

Покойный Государь даровалъ при жизни различныя вольности дворянству. Народъ сталъ ожидать себѣ того же. Когда же Петръ Ѳедоровичъ скончался, пошли суевѣрные толки, что онъ не умеръ, но скрылся въ потаенномъ мѣстѣ. Его образъ сталъ излюбленнымъ, особенно среди раскольниковъ, которые увѣряли, что онъ безсмертенъ. По ихъ толкованію Государь живетъ и понынѣ, за Нерчинскими горами, но придетъ время, когда онъ объявится во всей силѣ, съ безчисленнымъ воинствомъ, возстановитъ на землѣ истинную вѣру и будетъ царствовать съ «вѣрными» по завѣтамъ прародителей. Въ приволжскомъ и при-уральскомъ краѣ эти слухи стояли тверже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ крещеной Руси, почему среди казачьяго сословія и проявлялись самозванцы. Явился одинъ—скоро исчезъ, потомъ явился другой. Это былъ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, человѣкъ безграмотный, трусливый, но смышленый, продувной и даже дерзкій; на языкъ бойкій, подъ-часъ то хвастливый, то любившій напускать на себя сиротство. Ни въ его осанкѣ, ни въ обхожденіи ничего не было властнаго, ничего такого, что напоминало бы родовитость или знатность происхожденія. Приземистый мужичекъ, съ лукавыми глазками, черной всклокоченной бородкой, ничуть не былъ похожъ на истыхъ, природныхъ атамановъ Дона и Поволжья, каковы напримѣръ Ермакъ Тимофеевичъ или Стенька Разинъ—ни тѣни ихъ богатырства или удали. Проживая по хуторамъ и уметамъ, Пугачевъ соблазнялъ простодушныхъ казаковъ такими рѣчами: «Я вамъ даю обѣщаніе жаловать ваше войско, какъ и Донское, по 12 рублей жалованья и по 12 четвертей хлѣба; жалую васъ рѣкою Яикомъ и всѣми притоками, рыбными ловлями и землею, угодьями, сѣнными покосами безданно-безпошлинно; я распространю соль на всѣ четыре стороны, вези, кто куда хочетъ, и буду васъ жаловать такъ, какъ и прежніе государи, а вы мнѣ за то послужите вѣрой и правдой». Невѣрующимъ въ его достоинство Пугачевъ показывалъ какіе-то знаки на тѣлѣ, которые онъ называлъ царскими: «Примѣчайте, друзья мои, говорилъ онъ однажды, какъ царей узнаютъ», причемъ онъ отодвинулъ волосы на лѣвомъ вискѣ. Казаки замѣтили какъ бы пятно отъ золотухи, но знака разглядѣть не могли.

— «Всѣ ли цари съ такими знаками родятся, спросилъ казакъ Шигаевъ, или это послѣ, Божьимъ изволеніемъ дѣлается?»

— «Не ваше это дѣло, мои други, простымъ людямъ вѣдать этого не подобаетъ», хитро увернулся бродяга.—«Теперь вѣримъ, сказали присутствующіе, и признаемъ въ васъ великаго Государя Петра Ѳедоровича». Тутъ находились Чика—онъ же Зарубинъ, Караваевъ, Шигаевъ и Мясниковъ.

Однако между первыми сообщниками Пугачева не всѣ были такъ просты, чтобы повѣрить его розсказнямъ. Однажды Чика, оставшись наединѣ съ Пугачевымъ, спросилъ у него: «Скажи мнѣ, батюшка, сущую правду про себя, точный ли ты Государь? Насъ здѣсь только двоечко, а Караваевъ-то мнѣ все разсказалъ о тебѣ, какой ты человѣкъ».—«Что-жъ онъ тебѣ сказалъ?»—«Сказалъ, что ты донской казакъ».—«Врешь, дуракъ», воскликнулъ Пугачевъ.—«Мнѣ большой нужды нѣтъ, донской ты казакъ или нѣтъ, а если мы приняли тебя за Государя, значитъ тому такъ и быть».—«Если такъ, отвѣтилъ Пугачевъ, то смотри же держи въ тайнѣ. Я подлинно донской казакъ Емельянъ Ивановъ. Я былъ на Дону, и по всѣмъ тамошнимъ городкамъ вездѣ молва есть, что Государь Петръ III живъ и здравствуетъ. Подъ его именемъ я могу взять и Москву. Не потаилъ я о себѣ, кто я таковъ: сказывалъ Караваеву, Шигаеву, также и Пьянову». Чика, не смотря на клятву, разсказалъ Мясникову.—«Намъ какое дѣло, Государь онъ или нѣтъ, отвѣтилъ Мясниковъ, мы изъ грязи съумѣемъ сдѣлать князя. Если онъ не завладѣетъ Московскимъ царствомъ, такъ мы на Яикѣ сдѣлаемъ свое царство».—Такъ же думали и прочіе сообщники самозванца. Имъ нуженъ былъ человѣкъ неизвѣстный никому въ войскѣ, который бы вернулъ казакамъ ихъ прежнія права и привилегіи. До остальнаго имъ дѣла не было: пусть его морочитъ русскій народъ.

16-го сентября, на хуторѣ братьевъ Толкачевыхъ собралась толпа въ 30 или 40 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились бѣглые русскіе, казаки, калмыки. Въ толпу вошелъ незнакомый человѣкъ и объявилъ о себѣ такъ: «Я вамъ истинный государь, послужите мнѣ вѣрой и правдой. Богъ за мою прямую къ нему старую вѣру вручаетъ мнѣ царство попрежнему, и я намѣренъ возстановить вашу вольность и благоденство. Я васъ не оставлю и вы будете у меня первые люди». Всѣ присутствующіе пали на колѣни: «Рады тебѣ, батюшка, служить до послѣдней капли крови! Не токмо мы, но и отцы наши царей не видывали, а теперь

Богъ привелъ намъ тебя, государя, видѣть». Пугачевъ приказалъ принести образъ и привелъ всѣхъ къ присягѣ, послѣ чего распустилъ по домамъ, наказавъ собираться въ походъ. На утро свита Пугачева уже возросла до 80 человѣкъ. Въ ея присутствіи казакъ Почиталинъ прочелъ манифестъ, въ которомъ повторялись уже извѣстныя обѣщанія самозванца. Во все время чтенія казаки стояли съ поднятыми вверхъ руками. Развернули знамена съ нашитыми восьмиконечными крестами, прикрѣпили ихъ къ копьямъ и, сѣвъ на коней, двинулись степью. Во всѣ ближайшіе хутора были разосланы гонцы скликать людей. Такъ началось возстаніе, извѣстное подъ именемъ «Пугачевщины».

Вся Линія отъ Яицкаго городка поднялась въ ту пору поголовно: казаки вооружались, готовили запасы, шили знамена, разсылали вѣстовщиковъ съ наказомъ постоять за царя Петра Ѳедоровича и за казацкія вольности. По первымъ слухамъ о самозванцѣ, о томъ, что мятежники намѣрены овладѣть Яицкимъ городкомъ, полковникъ Симоновъ выслалъ оренбургскихъ казаковъ схватить Пугачева. Разъѣзды скоро вернулись и донесли, что самозванца уже тамъ нѣтъ, гдѣ его искали, вѣрно сбѣжалъ. А онъ въ это время стоялъ передъ Яицкимъ городкомъ; уже его лазутчики шныряли между казаками, уговаривали ихъ выйти навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью, по обычаю. Въ распоряженіи Симонова находилось всего около тысячи человѣкъ команды, въ томъ числѣ сотня оренбургскихъ казаковъ. Выступить изъ города онъ не рѣшался, потому что казаки могли не впустить его обратно. Симоновъ выслалъ небольшой отрядъ съ пушками къ Чеганскому мосту. Отъ пугачевской шайки отдѣлился одинъ изъ казаковъ и, держа надъ головой бумагу, подалъ старшинѣ Окутину, сказавъ при этомъ: «Вотъ вамъ указъ отъ государя, прочтите его всѣмъ».—«У насъ есть Государыня, отвѣтилъ Окутинъ, а Государя Петра Ѳедоровича давно нѣтъ на свѣтѣ». Окутинъ передалъ бумагу капитану Крылову, отцу извѣстнаго баснописца Ивана Андреевича Крылова. Тутъ казаки подняли шумъ и въ числѣ 50 человѣкъ ускакали къ самозванцу; между ними находились: Андрей Овчинниковъ, Дмитрій Лысовъ, Фофановъ и др.—«Пропало теперь все яицкое войско!» сказалъ Крыловъ.

Отрядъ отступилъ въ городъ, гдѣ казаки волновались такъ сильно, что Симоновъ пригрозилъ поджечь со всѣхъ сторонъ

ихъ дома и поступить съ ними, ихъ женами и дѣтьми, какъ съ сущими злодѣями. Не имѣя конницы, онъ не могъ истребить шайку Пугачева, которая, наоборотъ, имѣла всѣ способы уклониться отъ боя. На другой день она двинулась вверхъ по Чегану, вдоль Линіи. Мѣсто ея стоянки обозначилось повѣшенными трупами 11-ти казаковъ изъ старшинской партіи: то были первыя жертвы наступившей Пугачевщины.

Яицкіе форпосты, состоявшіе изъ плетневыхъ шалашей, обнесенныхъ землянымъ валомъ, со своимъ ничтожнымъ числомъ защитниковъ,—гдѣ 25, гдѣ 30 казаковъ,—не могли оказать серьезнаго сопротивленія самозванцу. Его путь походилъ на торжественное шествіе: крѣпости сдавались одна за другою, частью по измѣнѣ гарнизона, частью по безсилію. Пугачевъ забиралъ пушки, присоединялъ казаковъ, которые съ каждымъ днемъ увеличивали его силу. У поста Рубежнаго самозванецъ приказалъ собрать кругъ, и казаки вольными голосами избрали Андрея Овчинникова атаманомъ, Лысова—полковникомъ, Антошина—есауломъ, нѣсколько другихъ—хорунжими. Выбранные цѣловали самозванцу руку, послѣ чего Иванъ Почиталинъ прочиталъ казакамъ присягу. На третій день похода Пугачевъ торжественно вступалъ въ Илецкій городокъ, жители котораго встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью. Это были самые закоренѣлые раскольники, ставшіе съ той поры вѣрнѣйшими сподвижниками самозванца. Онъ взялъ отсюда всѣ годныя пушки и пошелъ дальше. Въ Нижне-Озерной маіоръ Харловъ самъ, съ фитилемъ въ рукахъ, бѣгалъ отъ одного орудія къ другому, пока мятежники не отбили ворота и не ворвались въ крѣпость: вмѣстѣ съ маіоромъ изрубили нѣсколько офицеровъ и солдатъ. На пути стояла теперь Татищева, главный оплотъ Яицкой Линіи. Гарнизонъ Татищевой состоялъ изъ тысячи человѣкъ, при 13 пушкахъ. Мятежники подожгли стоги съ сѣномъ подъ самой крѣпостной оградой; отъ стоговъ загорѣлись сараи, отъ нихъ бревенчатая ограда и дома обывателей. Защитники бросились тушить пожаръ, а въ это время казаки перелѣзли черезъ палисадъ, въ крѣпость. Схвативши тучнаго коменданта, полковника Елагина, злодѣи разложили его и содрали съ живого кожу; бригадиру Билову отрубили голову, офицеровъ всѣхъ перевѣшали. Красавица дочь Елагина, оставшаяся вдовою послѣ Харлова, попала было въ таборъ Пуга-

чева, но, въ угоду своей буйной вольницѣ, онъ приказалъ ее разстрѣлять вмѣстѣ съ семилѣтнимъ братомъ. При первомъ же натискѣ въ крѣпость солдаты побросали ружья. Ихъ вывели въ поле, заставили присягнуть и послѣ присяги всѣмъ плѣннымъ остригли волосы: теперь они должны были называться «государевы казаки». Въ Татищевой Пугачевъ захватилъ большія деньги, провіантъ, соль, вино и, что всего важнѣе, пушки, лучшія по всей Линіи. Отселѣ Пугачевъ являлся не простымъ разбойникомъ, а грознымъ врагомъ, передъ которымъ не могла устоять ни одна изъ попутныхъ крѣпостей или городковъ. Изъ Татищевой онъ могъ идти или къ Оренбургу, или къ Казани. Избери Пугачевъ послѣдній путь, Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась его затѣя, но самъ онъ плохо смекалъ, а яицкіе казаки, которые вели его, куда хотѣли, думали, что Оренбургъ важнѣе, какъ главный городъ края; въ случаѣ неудачи имъ сподручнѣе было бѣжать въ Золотую Мечеть, Персію или Турцію...

Къ Покрову, т. е. черезъ 12 дней послѣ появленія Пугачева, мятежъ охватилъ весь край, отъ моря до Башкиріи. Главная толпа состояла уже изъ трехъ тысячъ пѣшихъ и конныхъ съ 20-ю пушками; отъ нея отдѣлялись мелкія партіи, поднимавшія на ноги башкиръ и мирныхъ поселенцевъ. Мятежники вступили въ сношенія съ зауральской ордой Нурали-хана; заволновался край между Оренбургомъ и Уфой. Всѣхъ прельщали обѣщанія Пугачева: наградить крестомъ и бородой, рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, вѣчной вольностью. — На 4-й день послѣ Покрова Оренбургъ былъ уже въ осадѣ.

Гарнизонъ Оренбурга, всего-то силою въ три тысячи, почти на половину составляли гарнизонные солдаты, люди престарѣлые и къ тому же плохо вооруженные; собственно же регулярныхъ считалось 170 человѣкъ; затѣмъ — казаки, рекруты, отставные солдаты и обыватели, вооруженные кое-какъ, чѣмъ попало. Имѣя противника такого дѣятельнаго, какъ пугачевская шайка, нельзя было и думать о дѣйствіяхъ рѣшительныхъ, т. е. наступательныхъ; оставалось одно — запереться и ждать помощи. Но помощь не могла такъ скоро явиться. Войска Императрицы двигались порознь, съ дальнихъ концовъ. Никто не зналъ, когда ихъ можно ожидать, а тутъ, на бѣду, Оренбургъ не былъ обезпеченъ продовольствіемъ. Зато во время продолжительной и бѣдственной для

города осады, силы мятежниковъ значительно возросли, власть самозванца окрѣпла; его именемъ распоряжались самозванные полковники — въ одну сторону до Уфы, въ другую до Бузулука, также взятыхъ въ осаду. Мѣстопребываніемъ Пугачеву служила слобода Берда, въ 7 верстахъ отъ Оренбурга. Самъ онъ жилъ въ домѣ казака Ситникова, извѣстномъ подъ именемъ «государева дворца». Стѣны свѣтлицы были обиты шумихой, украшены зеркалами; на видномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ Наслѣдника Павла Петровича, вывезенный изъ помѣщичьей усадьбы. На крыльцѣ постоянно находился караулъ изъ 25-ти человѣкъ самыхъ преданныхъ яицкихъ казаковъ; они составляли гвардію Пугачева и конвой. Какъ этотъ конвой, такъ и все полчище самозванца подчинялось Андрею Овчинникову; онъ же командовалъ полкомъ яицкихъ казаковъ; Иванъ Твороговъ — Илецкимъ, Тимофей Падуровъ — Оренбургскимъ, Хлопуша, ссыльно-каторжный, — полкомъ заводскихъ крестьянъ. «Я грамотѣ не знаю, а потому управлять мнѣ людьми не способно», говорилъ онъ Пугачеву, когда тотъ назначилъ его полковникомъ. — «У насъ и дубина служитъ вмѣсто грамоты», отвѣтилъ Пугачевъ: «а вотъ, если что украдешь, то и за алтынъ удавлю».—Калмыки, татары и башкиры также имѣли своихъ начальниковъ; артиллеріей управлялъ солдатъ Калмыковъ, подъ руководствомъ казака Чумакова. Полки дѣлились на роты, по 100 человѣкъ въ каждой, подъ начальствомъ сотниковъ, есауловъ и хорунжихъ. Всѣхъ должностныхъ лицъ выбирали яицкіе казаки, для чего обыкновенно собирался кругъ, и если выбираемый былъ «не по ихъ мысли», казаки кричали: «Не годенъ, не годенъ!» Какъ велико было это сбродное войско, никто доподлинно не зналъ, потому что люди ежедневно прибывали и убывали; нужно полагать, что къ концу года Пугачевъ имѣлъ не менѣе 15 тысячъ и 86 пушекъ. Все это ополченіе было почти безоружно: пѣхота выходила въ бой или съ палками, къ которымъ прикрѣплялся штыкъ, или просто съ дубьемъ, не то — съ плетью; ружья были въ рѣдкость; чаще попадались шпаги, сабли; башкиры стрѣляли своимъ обычаемъ, изъ луковъ. «Буде сдѣлается какая тревога, за неимѣніемъ барабановъ и трубъ, собирали народъ атаманы, сотники и десятники; иногда и самъ самозванецъ бѣгалъ подъ окнами яицкихъ казаковъ, скликая ихъ въ поле».—Каждый полкъ помѣщался особо, въ

своихъ землянкахъ, имѣлъ свое знамя изъ шелковой матеріи, съ изображеніемъ креста или вышитымъ ликомъ Спасителя, иногда — Святителя Николая. Ежедневно полки высылались на сторожевую службу, которая, впрочемъ, исполнялась крайне небрежно. Самъ Пугачевъ почти не вмѣшивался въ управленіе. Всѣ распоряженія дѣлала, такъ называемая, военная коллегія, состоявшая изъ четырехъ судей; главнымъ ея заправилой былъ Шигаевъ. Коллегія выдавала указы, чинила судъ и расправу, распоряжалась по хозяйственной части,—все это безъ вѣдома Пугачева. Онъ держался далеко, при всякомъ удобномъ случаѣ напускалъ на себя важность, точно того требовало его высокое званіе. Просителей принималъ онъ не иначе, какъ сидя въ креслѣ и имѣя по бокамъ двухъ казаковъ: одного съ булавой, другаго съ топоромъ. Всѣ приходившіе кланялись въ землю, послѣ чего цѣловали ему руку. Всегда одѣтый въ казачье платье, Пугачевъ въ торжественныхъ случаяхъ надѣвалъ шаровары малиноваго бархата, голубой шелковый бешметъ, черную мерлушечью шапку съ бархатнымъ дномъ и бѣлую рубаху съ косымъ воротомъ; съ боку прицѣплялъ саблю, за поясомъ торчала пара пистолетовъ. Ходилъ онъ не иначе, какъ поддерживаемый двумя татарками. При такомъ парадномъ шествіи, яицкіе казаки пѣли нарочито сложенную пѣсню, а писарь Иванъ Васильевъ подыгрывалъ на скрипкѣ. Невѣжество самозванца было такъ велико, что онъ дерзалъ на святотатство. Однажды, присутствуя въ церкви Георгія Побѣдоносца, Пугачевъ, послѣ божественной службы, сѣлъ на престолъ, желая тѣмъ увѣрить присутствующихъ, что онъ истинный государь. «Вотъ, дѣтушки, 12 лѣтъ, какъ я уже не сиживалъ на престолѣ.»— Однако нашлись люди, которые отозвались на это неодобрительно: «Если бы и подлинный онъ былъ Царь, говорили они между собой, то не пригоже ему сидѣть въ церкви на престолѣ.»—Къ такимъ рѣчамъ самозванецъ былъ чутокъ и безъ церемоніи вѣшалъ за малѣйшее сомнѣніе въ его личности. Дмитрій Лысовъ, одинъ изъ его полковниковъ, проговорился какъ-то съ-пьяна: «Знаю, откуда проявился нашъ Государь!» На другой же день онъ былъ повѣшенъ. Пугачевскіе шпіоны шныряли день и ночь между населеніемъ Берды, прислушиваясь къ толкамъ. Это не мѣшало казакамъ жить весело, разгульно: они ѣли и пили всласть, потому что все лучшее изъ добычи попадало прямо въ ихъ руки.

Среди же остальнаго сборища происходили ежедневно драки, буйства, насилія и всякія другія безобразія. Слобода Берда обратилась въ вертепъ, гдѣ были забыты и божескіе и человѣческіе законы. Ежедневныя казни стали любимымъ зрѣлищемъ пресыщенной кровью толпы. Нагіе и обезображенные трупы заполняли всѣ сосѣдніе овраги; никто не помышлялъ о томъ, что ихъ нужно убрать. Иногда самъ Пугачевъ, окруженный своей гвардіей, присутствовалъ на этихъ казняхъ. Отъ бездѣлья казаки устраивали скачки или стрѣльбу въ цѣль, при чемъ тѣшился и самозванный «батюшка»: то онъ пробивалъ кольчугу, набитую сѣномъ, то на всемъ скаку попадалъ въ шапку поднятую на копья. Присутствуя на подобныхъ забавахъ, онъ зорко высматривалъ лучшихъ скакуновъ, отбиралъ ихъ у хозяевъ и отправлялъ въ свою конюшню, чтобы имѣть подъ рукою на случай бѣгства. Пугачевъ иначе не выѣзжалъ подъ Оренбургъ, какъ одѣтый въ простое казачье платье и имѣя за собой 5 — 6 заводныхъ лошадей; подъ выстрѣлами же не былъ ни разу.

Прошло 4 мѣсяца блокады. Хлѣбъ у жителей давно вышелъ; его выдавали изъ казенныхъ магазиновъ, но такъ какъ приходилось довольствовать все городское населеніе, то запасы истощались быстро. Лошадей кормили хворостомъ, для рубки котораго высылались особыя команды, часто цѣликомъ попадавшія въ Берду. Положеніе гарнизона и жителей съ каждымъ днемъ все ухудшалось. Никто не зналъ, что творится въ станѣ самозванца, гдѣ войска Императрицы, — всѣ сидѣли какъ въ потемкахъ. Самымъ лучшимъ концомъ этой томительной осады былъ бы штурмъ: отбивши мятежниковъ, гарнизонъ перешелъ бы въ наступленіе и захватилъ въ Бердѣ продовольствіе. Однако, Пугачевъ понималъ, что съ такимъ ополченіемъ какъ у него, взять Оренбургъ невозможно, почему онъ считалъ за лучшее извести его голодомъ. Кромѣ того, въ это время онъ помышлялъ о взятіи Яицкаго городка, куда уже отправилъ часть своихъ силъ.

Между тѣмъ Симоновъ не дремалъ. Какъ только пугачевцы двинулись на Линію, онъ взялся за лопаты и окружилъ окопами лучшую часть города, гдѣ помѣщались, между прочимъ, соборная церковь, войсковая канцелярія, гауптвахта и тюрьмы. На колокольню втащили двѣ 3-хъ-фунтовыя пушки, при которыхъ засѣли лучшіе стрѣлки. По окончаніи всѣхъ работъ Симоновъ перевезъ внутрь укрѣпленія провіантъ,

порохъ, дрова и наконецъ размѣстилъ своихъ солдатъ большею частью по землянкамъ. Весь гарнизонъ этого ретраншамента состоялъ изъ тысячи драгунъ и казаковъ. По первому слуху о приближеніи шайки Симоновъ приказалъ ударить въ набатъ, а по этому сигналу всѣ яицкіе казаки должны были перейти изъ городка въ укрѣпленіе. Однако ихъ явилось только 70. Наканунѣ Новаго года Толкачевъ съ вооруженной толпой шумно явился изъ-подъ Оренбурга; въ этотъ же день ворота ретраншамента затворились,—началась осада, прославившая его доблестныхъ защитниковъ. Мятежники, засѣвши въ высокія избы, или забравшись подъ кровли, били на выборъ пѣхоту, стоявшую по валамъ. Симоновъ приказалъ стрѣлять калеными ядрами. Послѣднія хотя пробивали насквозь городскія постройки, но уходили въ снѣгъ и потухали, не причиняя вреда. Тогда между солдатами вызвалось три охотника: они выскочили изъ укрѣпленія и подожгли ближайшія постройки. Вечеромъ гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и еще зажегъ нѣсколько строеній. Такъ они дѣлали подъ-рядъ нѣсколько дней, пока передъ ретраншаментомъ не очистилась площадь до 100 саж. ширины, въ глубинѣ которой виднѣлись улицы, заваленныя у входовъ. Казаки дѣлали завалы изъ толстыхъ бревенъ; въ избахъ пробивали бойницы, въ различныхъ мѣстахъ насыпали батареи. Тѣмъ не менѣе Толкачевъ написалъ въ Берду, что ему нужна помощь, а пуще всего пушки. Пугачевъ сейчасъ же выслалъ Овчинникова съ 50-ю казаками, 3 пушки, единорогъ, вскорѣ выѣхалъ и самъ. Послѣ обычной встрѣчи Пугачевъ осмотрѣлъ укрѣпленіе и приказалъ вести подкопъ подъ одну изъ фланговыхъ батарей, наиболѣе вредившую казакамъ. Главнымъ мастеромъ выбрали мордвина Якова Кубаря. Работу вели тихо, безъ шума, дѣлали частыя отдушины, сажени на 3—4 одна отъ другой; освѣщали галлерею сальными и восковыми свѣчами. Когда прошли 50 саж., работа была прекращена; вкатили бочку съ порохомъ и прикрыли ее тряпицей. Никому изъ этихъ минеровъ не пришло въ голову, что горнъ нужно забить. 20 января, за 3 часа до разсвѣта, Пугачевъ, спустившись съ Кубаремъ въ мину, самъ поставилъ свѣчу на середину боченка. Когда свѣча догорѣла, послѣдовалъ взрывъ: обрушилась часть рва, при чемъ послѣдній засыпало на половину землей. Еще не успѣлъ разсѣяться дымъ, какъ огромная толпа мятежниковъ, среди которой шли казачки, одѣтыя въ

бешметы, бросилась на штурмъ. Часть мятежниковъ спустилась въ ровъ, откуда пыталась взобраться на валъ; ихъ встрѣтили штыками, а по остальнымъ ударили нѣсколько разъ картечью. Толпа быстро очистила площадь, потомъ, засѣвъ въ домахъ, открыла безвредную стрѣльбу. Тѣ-же, которые спустились въ ровъ, старались подкопать насыпь, рубили заплотные столбы, пытались вскарабкаться наверхъ. Тогда поручикъ Толстопятовъ сдѣлалъ вылазку, выбилъ ихъ оттуда и они, попавши также подъ картечь, почти всѣ были перебиты. Штурмъ продолжался 10 часовъ и обошелся Пугачеву дорого: въ 400 человѣкъ убитыми и ранеными; защитники же потеряли только 15 человѣкъ. Послѣ такой неудачи казаки пристрѣлили Кубаря и стали искать другаго минера. Опять согнали рабочихъ. Галлерею повели на этотъ разъ не прямо, а колѣнами. Самозванецъ самъ слѣдилъ за работой; онъ не давалъ отдыха ни днемъ, ни ночью, ни въ будни, ни въ праздники, кромѣ дня своей свадьбы, которая происходила какъ разъ въ это время. Казаки увѣрили самозванца, что если онъ женится, то «войско яицкое будетъ къ нему болѣе прилежно». Сосватали дочь казака Кузнецова, дѣвицу хорошую, постоянную, но какъ отецъ, такъ и сама невѣста, вовсе не были довольны этой честью: дѣвичье сердце чуяло, что ея суженый не царь, а воръ и самозванецъ. Подъ вѣнцомъ Устинья горько плакала, не смотря на то, что ее величали «благовѣрной императрицей».

— «Именно ли ты Государь?» спросила Устинья, оставшись наединѣ съ Пугачевымъ. «Я потому сомнѣваюсь, что ты женился на простой казачкѣ. Ты меня обманулъ и заѣлъ мою молодость: ты человѣкъ старый, а я молодешенька».

— «Я бороду обрѣю, тогда буду помоложе».

— «Безъ бороды тебя казаки любить не будутъ», отвѣтила несчастная.

Въ полночь на 19-е февраля явился въ укрѣпленіе малолѣтокъ Иванъ Неулыбинъ и объявилъ, что казаки подвели подъ соборную колокольню подкопъ. Едва успѣли вывезти часть пороха, какъ колокольня вздрогнула, потомъ «съ удивительною тихостью начала валиться на ретраншаментъ. На самомъ верху спало 3 человѣка; ихъ снесло на землю, не разбудивъ; пушку съ лафетомъ составило внизъ». Однако 45 человѣкъ все-таки поплатились жизнью. Тотчасъ послѣ взрыва загрохотали въ крѣпости пушки, такъ что казаки не

рѣшились двинуться на приступъ, только слышались понуканія старшинъ: «На сломъ! На сломъ, атаманы-молодцы!» Крики продолжались до самаго утра. На другой день Пугачевъ уѣхалъ въ Берду, поручивъ атаману Каргину осаду городка и охраненіе Устиньи. Хотя старшины являлись къ ней на поклонъ, а Каргинъ ходилъ ежедневно съ докладомъ, Устинья не вмѣшивалась въ ихъ дѣла и вела жизнь затворницы, обездоленной въ расцвѣтѣ красоты и молодости. Теперь казаки повели подкопы по дну Старицы, или стараго русла, чтобы ворваться въ крѣпость разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Осажденные въ отвѣтъ стали буравить землю, удвоили караулы. Несмотря на всѣ тягости мучительной осады, несмотря на соблазнительныя увѣщанія казаковъ, выѣзжавшихъ на переговоры, они оставались вѣрны присягѣ. Запертые тѣсной кучкой на краю крещенаго міра, они не знали, что творится на Руси, гдѣ войска Императрицы, когда можно ожидать отъ нихъ помощи? Только надежда—этотъ лучшій спутникъ жизни — поддерживала бодрость и мужество екатерининскихъ солдатъ, голодныхъ, удрученныхъ, но невходившихъ въ сдѣлку съ явными измѣнниками.

IV.

Подвиги екатерининскихъ войскъ и забвеніе винъ казачьихъ.

Стояла глубокая зима, въ полѣ вьюжило, всѣ дороги занесло сугробами снѣга. Люди и лошади утопали въ заносахъ, и горе путнику, которому приходилось сворачивать въ сторону; онъ тамъ оставался погибать безъ помощи. Люди и природа одинаково ожесточились. Воровскія шайки какъ стаи волковъ рыскали по снѣжнымъ пустынямъ, отыскивая добычу, упиваясь кровью и терзаніемъ замученныхъ жертвъ. Знатность, богатство, честь, красота, невинность, доброе имя—все что украшаетъ человѣка, подвергалось поруганію, насилію, искорененію. Ни предсмертный трепетъ невинныхъ жертвъ, ни вопли, ни укоры или проклятія — ничто не трогало ожесточенныя сердца. Запустѣли села и деревни, города превратились въ вертепы пьянства и разгула. Весь край, обширный, хлѣбородный, пылалъ какъ въ огнѣ, и свои не могли распознать чужихъ:

все спуталось, нашло на всѣхъ умопомраченіе: не знали, гдѣ правда, гдѣ ложь. Войска Императрицы, углубляясь въ край мятежа, подвигались чрезвычайно медленно, съ большимъ трудомъ, съ опаской. Впереди обыкновенно шли лыжники, за ними конница, и потомъ уже по протоптаннымъ слѣдамъ—пѣхота; транспорты съ продовольствіемъ подвигались еще медленнѣе, причемъ задерживали движеніе отрядовъ. Отъ Самары шелъ отрядъ генерала Мансурова, отъ береговъ Камы черезъ Бугульму — отрядъ князя Голицына. Сближаясь къ Оренбургу, они соединились въ Бугурусланѣ; дальше на ихъ пути лежала Татищева. Пугачевъ понималъ, что изъ-за этой крѣпости придется выдержать смертельный бой. Здѣсь каждый клочокъ земли былъ облитъ кровью ея защитниковъ, каждый камень вопіялъ о мщеніи. Всѣ помнили, какъ полгода тому назадъ мятежники, въ опьяненіи успѣха, сдирали съ коменданта кожу, сѣкли головы и вѣшали защитниковъ. Пугачевъ забралъ сюда изъ-подъ Оренбурга все, что у него было лучшаго, поручивъ осаду Шигаеву. Въ числѣ 8-ми тысячъ собраннаго войска, находилось около двухъ тысячъ казаковъ и столько же заводскихъ мужиковъ, превращенныхъ въ пѣхоту; остальное—разный сбродъ.

Къ разрушеннымъ стѣнамъ крѣпости мятежники присыпали снѣжные валы, облили ихъ водой, отчего они обледенѣли и окрѣпли. Самозванецъ самъ разставилъ пушки, назначилъ прислугу, даже приказалъ сдѣлать промѣры и обозначилъ колышками разстоянія отъ крѣпости. Защитникамъ было строжайше приказано, чтобы въ тотъ день, когда Голицыну придти къ крѣпости, люди всячески скрылись, наблюдали тишину, ничѣмъ не выдавая своего присутствія, и къ пушкамъ отнюдь не приступали, пока Голицынъ не подойдетъ на выстрѣлъ.

За три дня до Благовѣщенья выступилъ изъ Переволоцкой авангардъ екатерининскихъ войскъ подъ начальствомъ Бибикова, имѣя впереди чугуевскихъ казаковъ. Послѣдніе подъѣзжали къ крѣпости, кружились, выглядывали—она показалась имъ незанятой. Стоявшій за воротами Овчинниковъ выслалъ бабу съ хлѣбомъ-солью. Она должна была сказать, что населеніе проситъ князя Голицына вступить и занять крѣпость. Однако хитрость не удалась: казаки, подъѣхавши близко къ воротамъ, замѣтили толпу вооруженныхъ людей. Они бросились уходить; Пугачевъ, Овчинниковъ и еще нѣ-

сколько человѣкъ пустились въ погоню. Одного казака, исколотаго копьями, имъ удалось схватить, но онъ успѣлъ только сказать, что у Голицына 5 тысячъ пѣхоты и 70 пушекъ, послѣ чего умеръ. Между тѣмъ, авангардъ занялъ прилегавшую высоту, съ которой крѣпость открывалась какъ на ладони. Князь Голицынъ, осмотрѣвши мѣстность, выслалъ вправо Мансурова съ тремя батальонами, а влѣво генерала Фреймана съ тремя батальонами гренадеръ и владимірцевъ; колонна Бибикова, гдѣ находилось 2 батальона пѣхоты и 3 эскадрона конницы, должна была наблюдать правый флангъ противъ обхода. Войска подходили къ крѣпости, а «злодѣи, засѣвши въ своемъ гнѣздѣ, притаились такъ тихо, что не сдѣлали ни одного выстрѣла, не выслали ни одной партіи, чтобы наждать на себя и не терять напрасно ядеръ.» Спустившись въ оврагъ, войска Императрицы перестроились въ боевой порядокъ: въ 1-й линіи стала пѣхота, во 2-й конница—Изюмскіе и 2 эскадрона Бахмутскихъ гусаръ, 2 эскадрона драгунъ, Архангелогородскіе карабинеры и двѣ роты Чугуевцевъ. Какъ только поставили на высотахъ батареи, изъ крѣпости открылся огонь: 30 пушекъ загрохотали въ отвѣтъ. Ядра, рыская по полю, со свистомъ взметали столбы снѣжной пыли, рыли мерзлую землю, прыгали по обледенѣвшему валу точно мячи. Болѣе трехъ часовъ гремѣла канонада; Голицынъ видѣлъ, что ею дѣла не рѣшить. Онъ подалъ сигналъ къ атакѣ: батальоны пошли на приступъ, подвигаясь уступами съ лѣваго фланга. Генералъ Фрейманъ шелъ во главѣ владимірцевъ и гренадеръ. Мятежники сдѣлали вылазку; ихъ семи-орудійная батарея, поставленная на пригоркѣ, поражала нашу пѣхоту убійственнымъ огнемъ. Атака была такъ стремительна, что два батальона лѣваго крыла остановились, разстроились. «Братцы-солдаты, что вы дѣлаете? кричали казаки. Вы идете убивать свою братьюхристіанъ, защитниковъ Государя Императора Петра III, который самъ здѣсь находится!» Минута была опасная, тѣмъ болѣе, что новыя толпы конницы подваливали къ мѣсту рѣшительнаго боя. Голицынъ поспѣшно переводитъ сюда съ праваго фланга пѣхоту Мансурова, а ему поручаетъ конницу. Мятежники не уступаютъ ни шагу, дерутся отчаянно. Уже вся пѣхота праваго фланга вступила въ дѣло, а успѣхъ не обозначился; въ резервѣ оставался всего одинъ батальонъ. Голицынъ посылаетъ этотъ послѣдній батальонъ; Бибиковъ

получаетъ приказаніе ударить своими егерями и лыжниками во флангъ, а Мансуровъ—двинуть конницу. Въ минуту послѣдняго напряженія силъ, когда резервъ подвигался грознымъ строемъ штыковъ, самъ Голицынъ, молодой и статный красавецъ, устремился въ битву съ приподнятой шпагой: «Впередъ гренадеры! Впередъ, за мной!» Генералъ Фрейманъ, схвативъ знамя, тоже протискался впередъ, среди ожесточенной свалки. Гренадеры, какъ бы пристыженные, опередили своего генерала, заняли высоту, на которой только что стояли казачьи пушки, и вся линія перешла въ рѣшительное наступленіе. Пугачевская конница сробѣла, стала укрываться. Уже сгущались сумерки короткаго зимняго дня, надо было спѣшить прикончить. Съ высоты валовъ обдавали солдатъ картечью, но лыжники и егеря уже спустились въ ровъ, уже карабкались на крутые, обледенѣлые окопы. Когда поднялись и гренадеры, на скользкомъ гребнѣ закипѣла штыковая работа; наконецъ мятежниковъ сбили; они засѣли въ домахъ, и долго еще подъ покровомъ темной ночи пѣхота выбивала ихъ оттуда, а артиллерія очищала улицы картечью. Многіе въ отчаяніи бросались съ крутой стремнины въ Яикъ, гдѣ и «кончали свой животъ». Мансуровъ заблаговременно выслалъ часть конницы съ приказаніемъ перехватить обѣ дороги—въ Илецкъ и Оренбургъ; но Пугачевъ уже успѣлъ проскочить съ четырьмя изъ своихъ сообщниковъ; чугуевцы гнали его версты три, однако не догнали. Болѣе 6 часовъ продолжался этотъ бой, и князь Голицынъ удивлялся, что «встрѣтилъ въ непросвѣщенныхъ людяхъ такое искусство и дерзость». По дорогамъ валялось около тысячи убитыхъ, да въ крѣпости осталось 1300 труповъ. Вся артиллерія самозванца, состоявшая изъ 36 пушекъ, досталась побѣдителямъ, потерявшимъ въ этомъ дѣлѣ 20 офицеровъ и 600 нижнихъ чиновъ — убитыми или ранеными. Всѣ уцѣлѣвшіе «отъ перваго штаба и до послѣдняго солдата» получили отъ Императрицы не въ зачетъ третное жалованье, генераламъ Фрейману и Мансурову она пожаловала ордена, князю Голицыну — помѣстья.

Прискакавъ самъ-четыре въ Берду, самозванецъ поспѣшилъ собрать къ себѣ на совѣтъ наиболѣе ему близкихъ. Рѣчь шла о томъ, что теперь предпринять? Рѣшили идти въ Яицкій городокъ, а пѣшія толпы распустить по домамъ. Шигаевъ приказалъ выкатить нѣсколько бочекъ водки; народъ набросился съ криками, съ шумомъ; произошла свалка, ко-

торая увеличилась еще болѣе, когда Шигаевъ сталъ кидать горстями мѣдныя деньги. Тѣмъ временемъ шли сборы къ походу. Съ 12 пушками, съ яицкими казаками и двумя тысячами остальнаго ополченія Пугачевъ покинулъ Берду. Такимъ образомъ Голицынъ своимъ подвигомъ освободилъ Оренбургъ изъ шестимѣсячной осады. Но Пугачевъ не пошелъ на Яикъ; сдѣлавъ кружный обходъ къ Сакмарскому городку, мятежники заняли проходы передъ д. Каргалы. Ихъ оттуда выбили, и мятежники обратились въ «наглый бѣгъ». Полковникъ Хорватъ съ Изюмскими гусарами и Архангелогородскими карабинерами гналъ ихъ около 7 верстъ. Гусары на плечахъ бѣглецовъ ворвались въ Сакмарскій городокъ, такъ что самозванецъ не успѣлъ зацѣпиться и здѣсь. Подхватя заводныхъ лошадей, онъ поскакалъ на Тагилъ. Только тутъ Пугачевъ опомнился, сталъ считать своихъ сообщниковъ: Максимъ Шигаевъ, секретарь Иванъ Почиталинъ, писарь Максимъ Горшковъ, Тимофей Падуровъ и множество другихъ близкихъ ему людей попали въ руки гусаръ. Съ Пугачевымъ оставалось теперь не болѣе 500 чел., съ которыми онъ скрылся до поры до времени въ Башкирію.

Дней за десять до Благовѣщенья изъ Яицкаго городка былъ пущенъ бумажный змѣй съ привязаннымъ къ нему пакетомъ. Какъ только змѣй сталъ надъ ретраншаментомъ, казали обрѣзали нитку и конвертъ упалъ на землю. Отъ имени Пугачева они уговаривали Симонова не производить напрасно кровопролитія, а лучше покориться; въ противномъ же случаѣ угрожали «звѣрояростной местью». Защитники въ отвѣтъ выпустили нѣсколько гранатъ. Тѣмъ не менѣе положеніе гарнизона становилось безнадежнымъ: продовольствія оставалось не болѣе какъ дней на десять. Уменьшивши дачу, солдатамъ выдавали по $^1/_4$ фунта муки, безъ крупы, безъ соли, — не смотря на трудную службу, на изнурительныя работы. Половина защитниковъ стояла подъ ружьемъ, другая половина могла дремать, сидя. Холодъ и голодъ изводили людей, а тутъ надо было еще копать слуховой ровъ. О вылазкахъ въ ту пору уже не думали, потому что казаки усилили завалы и зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлается въ укрѣпленіи. Кромѣ того, они пускали въ ходъ другія средства: посылали увѣщательныя письма, выкрикивали, что всѣ войска разбиты, что Уфа, Казань, Самара — взяты, а Оренбургъ возьмутъ на-дняхъ. Многія жены солдатъ оставались

въ городкѣ; казаки уговаривали ихъ склонить своихъ мужей къ измѣнѣ, а коменданта посадить въ воду. Въ ретраншаментъ подсылались бѣглые солдаты, погонщики, казаки...

Наконецъ защитники съѣли все, что было припасено. Тогда вспомнили, что въ началѣ осады были брошены на ледъ три убитыхъ лошади: ихъ притащили и грызли кости уже обглоданныя собаками. Нашли какую-то мягкую глину, безъ песку: стали варить изъ нея нѣчто въ родѣ киселя. Кошки, собаки, падаль, ремни, кожа—все, что только можно было жевать, глотали несчастные, утоляя мучительный голодъ. Люди стали пухнуть, умирать. Женщины, терзаемыя голодомъ, издавали жалобные вопли, раздиравшіе душу. Схвативъ полуживыхъ младенцевъ, онѣ бѣгали изъ крѣпости и, валяясь въ ногахъ у казаковъ, умоляли дать кусокъ хлѣба, пріютить въ городкѣ: ихъ прогоняли обратно, исключая казачекъ. Старые солдаты ходили молча, блѣдные, съ воспаленными глазами, пошатываясь; отъ истощенія они падали и умирали безъ стона, безъ звука. Тоска грызла сердце, отчаяніе овладѣвало умами, всякая надежда исчезла. Подсыльщики и бѣглецы заговорили громче, смѣлѣе; измѣна и ропотъ проникали мало-по-малу въ сердца самыхъ закаленныхъ... Но на стражѣ долга стояли начальники, офицеры. Они старались воскресить въ подчиненныхъ надежду на помощь; они ободряли страдальцевъ и увѣряли, что лучше предать себя на волю Божью, чѣмъ служить вору и разбойнику. И увѣщанія подѣйствовали: за все время осады перебѣжало къ самозванцу только 3 человѣка. Наступила Страстная; осажденные уже 15 дней питались глинянымъ киселемъ. Имъ оставалось одно изъ двухъ: или умереть отъ голоду, или умереть на вылазкѣ.

14 апрѣля караульные съ церкви замѣтили, что большія толпы казаковъ выходятъ изъ города, провожаемыя женскимъ населеніемъ. Это извѣстіе впервые ободрило страдальцевъ, точно они «съѣли по куску хлѣба».—Медленно, въ самую распутицу, подвигался по Яицкой Линіи генералъ Мансуровъ. Илецкій городокъ, крѣпости Озерная, Разсыпная, свидѣтели первыхъ успѣховъ самозванца, уже были оставлены мятежниками. Тѣла убитыхъ подъ Татищевой несло половодьемъ внизъ по Яику. Въ Озерной старая казачка бродила дни и ночи надъ Яикомъ, пригребала клюкой плывущіе трупы, причемъ приговаривала: «Не ты ли мой Степушка? Не твои ли

черны кудри свѣжа вода моетъ?» И, видя незнакомое лицо, она тихо отталкивала трупъ и шла дальше. Всѣ эти крѣпости Мансуровъ занялъ безъ сопротивленія. На р. Быковой въ тѣсномъ проходѣ его поджидалъ Овчинниковъ съ пятью сотнями казаковъ и полусотнею калмыковъ, при пяти пушкахъ. Подъ прикрытіемъ своей батареи, Мансуровъ переправилъ сначала 3 эскадрона гусаръ подъ начальствомъ Бедряги, потомъ атамана Бородина съ вѣрными казаками, дальше баталіонъ гренадеръ и егерей. Бедряга одинъ рѣшилъ все дѣло. Онъ ринулся въ атаку и погналъ мятежниковъ, которые потеряли тогда 100 убитыхъ, всѣ пушки и 4 хорунки; Овчинниковъ и Перфильевъ бѣжали въ степь: они послѣ присоединились къ Пугачеву, а Дехтеревъ былъ захваченъ въ плѣнъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ толпа казаковъ въѣхала въ городокъ; раздался ударъ набата, по которому всѣ казаки собрались въ кругъ. Выслушавъ послѣднія вѣсти, кругъ постановилъ связать атамановъ: Каргина, Толкачева, еще 7 человѣкъ болѣе виновныхъ и представить ихъ Симонову. Большая толпа народа двинулась къ ретраншаменту. Тамъ приняли ее за штурмовую колонну и выпалили изъ пушекъ. Въ отвѣтъ раздались крики: «Сдаемся! Покоряемся милосердой матушкѣ Императрицѣ!» Пальба тотчасъ стихла. Казаки, сдавши плѣнныхъ, объявили, что къ дому Устиньи приставленъ караулъ. Голодающій гарнизонъ прежде всего подкрѣпился пищей, доставленной тѣми-же казаками, а на утро 16-го апрѣля и Мансуровъ вступилъ черезъ тѣ самыя ворота, которыя не отпирались съ Новаго года. Радость освобожденныхъ трудно описать. Тѣ, которые отъ голода и болѣзней давно не поднимались, были мгновенно исцѣлены; всѣ разомъ заговорили, забѣгали, благодарили Бога, взаимно поздравляли. Офицеры братски обнимались съ солдатами — бѣда всѣхъ сравняла, всѣхъ сдѣлала братьями. Защитниковъ ожидали щедрыя награды: всѣ они получили годовое жалованье; атаманъ Оренбургскаго войска Могутовъ и старшина Яицкаго войска Бородинъ получили, кромѣ чиновъ, золотыя медали да по тысячѣ рублей денегъ.

Болѣе виновные казаки разбѣжались; всѣ бѣглые, безпаспортные бродяги скрылись. На долю генерала Мансурова выпало очистить край, возстановить прежній порядокъ. Пугачевъ, какъ извѣстно, вынырнулъ еще разъ. Похозяйничавъ на заводахъ, онъ погромилъ Казань и, только разбитый Ми-

хельсономъ, укрылся на Яикъ, гдѣ сами казаки его выдали. Пугачевъ былъ страшенъ не своимъ войскомъ, не пушками, а тѣмъ, что къ нему склонялось населеніе деревень, поселковъ, заводовъ. Онъ обѣщалъ темному люду самое заманчивое—своеволіе: дѣлай, что хочешь, лишь бы признавалъ его государемъ. Главною заботою властей, послѣ усмиренія мятежа, стало умиротвореніе края, залитаго кровью, зараженнаго своеволіемъ. Особенно печальную память оставилъ послѣ себя мятежъ среди казаковъ, гдѣ онъ возгорѣлся и гдѣ прикончился. «Отъ самаго зачатія войска, говорятъ старожилы, не было на Яикѣ такого кровопролитія, такой смуты, такого безначалія. И добро-бы какой непріятель напалъ, а то свои замутились, заколобродили, братъ на брата, сынъ на отца возсталъ!—Были на Яикѣ братья Горбуновы: одинъ братъ, младшій, въ крѣпости былъ, на валу стоялъ, значитъ руку Государыни держалъ, а другой братъ, старшій, на приступъ шелъ и лѣстницу несъ,—значитъ держалъ руку самозванца. Младшій кричитъ съ вала: «Братецъ родимый! Не подходи! Убью!»—А старшій братъ, что съ лѣстницей-то, ему въ отвѣтъ: «Я те дамъ убью! Постой, взлѣзу на валъ, надеру тебѣ вихоръ, впередъ не будешь стращать старшаго брата». Сказалъ это и подставилъ лѣстницу къ валу. Но лишь только занесъ ногу на первую ступеньку, младшій братъ съ валу—бацъ въ него изъ пищали! И покатился старшій братъ въ ровъ. И въ полѣ то же самое бывало: съѣдутся лошади и заржутъ—узнаютъ другъ дружку. По лошадямъ и воины узнавали своихъ семейныхъ. Отецъ, бывало, кричитъ сыну: «Эй, сынокъ! Иди на нашу сторону! Не то убью!» А сынъ отцу въ отвѣтъ: «Эй, батюшка, иди на нашу сторону! Не то убью!» — А тутъ подскочитъ какой-нибудь полковникъ, да и гаркнетъ: «Въ полѣ съѣзжаться—родней не считаться! Бей!» И хватитъ, выстрѣлитъ кто-нибудь изъ пищали—либо отецъ въ сына, либо сынъ въ отца!» Такое-то было кровопролитіе за грѣхи отцовъ»...

Слѣдуетъ сказать, что не всѣ казаки участвовали въ мятежѣ, лишь нѣкоторая часть: многіе были на сторонѣ вѣрнаго слуги царскаго Мартемьяна Бородина, а много было и такихъ, которые не приставали ни къ той, ни къ другой сторонѣ, не зная, гдѣ правда. Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ, старый и умный человѣкъ, пользовался въ войскѣ большимъ почетомъ и уваженіемъ; не будь его, всѣ казаки

поднялись бы за Пугачева. Бородинъ часто появлялся среди бунтовщиковъ и безъ страха обличалъ самозванца. Однажды онъ былъ обезоруженъ и связанъ; одинъ изъ мятежниковъ уже замахнулся на него топоромъ: «Хочешь покориться батюшкѣ нашему Петру Ѳедоровичу? Говори, не то убью!»— «Ахъ ты, разбойникъ!» закричалъ на него Бородинъ: «какъ ты осмѣлился мнѣ это сказать? Сто разъ умру, а не покорюсь обманщику, не повѣрую въ него: онъ плутъ, бродяга!...» Уже топоръ коснулся его головы, но руку злодѣя во-время удержали: Бородинъ долженъ былъ предстать на судъ самозванца. Запертый въ избу, онъ въ ту же ночь былъ освобожденъ своими друзьями.

Какъ бы то ни было, казаки совсѣмъ разорились во время пугачевской смуты; промыслы почти прекратились, а тутъ, къ довершенію бѣдъ, киргизы участили свои набѣги. Они, по обычаю, грабили станицы, травили луга, отгоняли лошадей, уводили въ плѣнъ женщинъ, дѣтей. Самъ султанъ поощрялъ хищниковъ: его ближайшіе родичи водили въ набѣгъ партіи. Это бѣдствіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не вступилъ въ управленіе казачьими войсками Потемкинъ. Прежде всего была рѣшена участь виновныхъ: вмѣстѣ съ Пугачевымъ казнили въ Москвѣ и главныхъ его сообщниковъ: сотника Перфильева, казаковъ Максима Шигаева, Падурова и Василія Торнова; Ивану Зарубину отсѣкли въ Уфѣ голову; 14 человѣкъ послѣ наказанія сослали въ Сибирь, а девять, выдавшихъ самозванца, получили прощенье. Въ Оренбургѣ судилось 216 казаковъ, большая часть которыхъ также получили прощенье, и только 18 челов. отправлены на службу или на поселеніе. Заботясь болѣе всего о водвореніи мира и тишины въ Яицкомъ войскѣ, Потемкинъ отправилъ на Яикъ публичный манифестъ, въ которомъ благодарилъ всѣхъ казаковъ, остававшихся вѣрными: «достойная ихъ служба, писалъ онъ, праведно воздана будетъ вознагражденіемъ, о которомъ я, по долгу моего надъ войскомъ симъ начальства, съ душевнымъ удовольствіемъ передъ освященнымъ престоломъ Ея Императорскаго Величества ходатайствовать не престану». Первымъ его ходатайствомъ было: «истребленіе изъ памяти» и преданіе вѣчному забвенію всего послѣдовавшаго на Яикѣ. Указомъ 15 января 1775 года повелѣно: «Войско именовать Уральскимъ, и впредь Яицкимъ не называвать; равно Яицкому городку называться отнынѣ Уральскъ». Вмѣстѣ съ этимъ,

вины казаковъ были преданы вѣчному забвенію; комендантство упразднено, всѣ дѣла котораго опять перешли къ атаману. При атаманѣ полагалось быть нѣсколькимъ старшинамъ, изъ наиболѣе заслуженныхъ и почтенныхъ стариковъ. Для укрощенія киргизовъ по Линіи собирались сильные конные отряды, въ тысячу человѣкъ и болѣе, съ пушками. Они проникали въ глубь степей, вторгались въ самыя кочевья орды, брали заложниковъ изъ семействъ, которыя познатнѣе родомъ, отбивали конскіе табуны впредь до возвращенія плѣнныхъ или угнанной скотины. Для усиленія же самой Линіи былъ отправленъ на Уралъ Пермскій пѣхотный полкъ; его расположили по форпостамъ отъ Уральска до Гурьева. Управленіе Потемкина было благодѣтельно и для хозяйства: онъ разграничилъ уральскія воды отъ астраханскихъ, оставилъ за казаками права пользованія солью съ Узенскихъ озеръ. Съ той поры началось мирное разселеніе казаковъ, какъ въ сѣверной хлѣбной полосѣ Урала, такъ и по рѣкамъ Чегану, Деркулу, Узенямъ, по Общему Сырту. Нельзя скрыть, что уральцы и послѣ того нѣсколько разъ выходили изъ повиновенія установленнымъ властямъ, при чемъ дѣло доходило даже до кровопролитія, но, тѣмъ не менѣе, они являются вѣрными сподвижниками нашихъ войскъ—на Линіи, въ Киргизской степи, на прочихъ окраинахъ, наконецъ, въ заграничныхъ походахъ временъ Императора Александра. Особенно велика польза, приносимая ими въ походахъ степныхъ, въ разныхъ экспедиціяхъ, снаряжаемыхъ для изученія края. Никто лучше уральца не знаетъ степи, не выслѣдитъ хищника и не въ состояніи преслѣдовать его до полнаго изнеможенія. Этого мало. При завоеваніи Туркестана бывали случаи, что храбрость и стойкость уральцевъ спасали весь край, выручали наши войска, о чемъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ. Вотъ почему, не смотря на появленіе ослушниковъ, наши Государи до послѣдняго времени цѣнили доблести и боевую службу уральцевъ, доблести, присущія имъ искони, унаслѣдованныя отъ отцовъ и дѣдовъ. Особенно любилъ и баловалъ уральцевъ преемникъ великой Императрицы—Павелъ Петровичъ. Онъ назначилъ въ гвардію одну сотню уральскихъ казаковъ, которая должна была находиться въ Петербургѣ, при Его особѣ; казаки смѣнялись каждые три года. Другая милость была оказана всѣмъ казачьимъ войскамъ: ихъ чины Государь сравнялъ съ армейскими, тогда какъ прежде чинъ маіора или полковника давался какъ осо-

бое отличіе. Въ памяти старожиловъ сохранился слѣдующій случай благосклонности Императора. Однажды онъ присутствовалъ на разводѣ, въ манежѣ, гдѣ въ числѣ прочихъ войскъ стояли уральцы въ своихъ малиновыхъ кафтанахъ, въ такихъ же высокихъ остроконечныхъ шапкахъ, опушенныхъ у кого бобромъ, у кого куницей или выдрой. Впереди могучихъ бородачей стоялъ, повѣсивъ голову, старшина Севрюгинъ.

— «Севрюговъ, что ты пріунылъ?» спросилъ его Императоръ, обходя ряды.

— «Какъ мнѣ не пріуныть, надёжа-Государь! Вѣдь они, дѣтки-то ваши, не даютъ мнѣ покоя, всѣ уши прожужжали: «Всѣхъ де батюшка-Царь наградилъ, а насъ, грѣшныхъ, забылъ».

— «Какъ, что? Ужъ не опять-ли обижаютъ васъ на кухнѣ ухой?»—Государь вспомнилъ, какъ уральцы однажды жаловались, что имъ мало даютъ ухи (щербы).

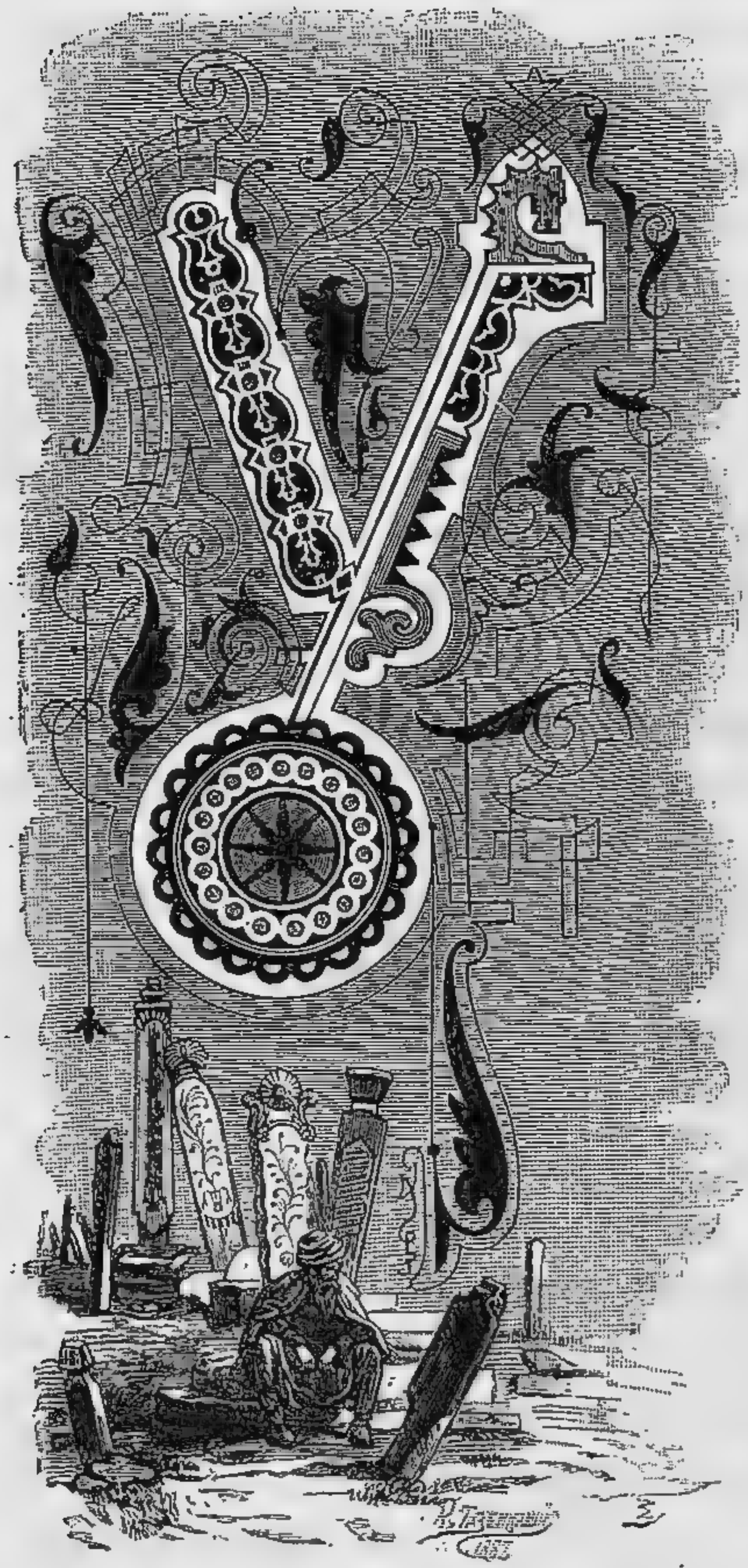
— «Ахъ, надёжа-Царь, совсѣмъ не то: у всѣхъ харунки есть, а у насъ харунки нѣтъ... Вотъ, еслибъ милость была, Ваше Царское Величество!..»

— «Вотъ вамъ харунка! Служите хорошенько!» сказалъ Государь, при чемъ передалъ Севрюгину знамя, стоявшаго рядомъ съ ними, взвода преображенцевъ.—Съ радостью, съ благоговѣніемъ приняли казаки изъ рукъ Царя священную хоругвь, какъ завѣтъ любви и полнаго забвенія винъ.

V.

Уральцы у себя дома.

Уральскихъ, собственно служилыхъ, казаковъ считается 15 тысячъ: почти на 8 донцовъ приходится одинъ уралецъ. Послѣдніе, какъ и донцы, живутъ станицами, или селами, отъ 100 до 200 домовъ каждая, расположенными по правому берегу Урала. Всѣхъ станицъ 29, въ томъ числѣ двѣ Илецкихъ. Рѣка Уралъ—«Золотое дно, серебряна покрышка» кормитъ, поитъ, одѣваетъ, обуваетъ. Онъ течетъ по необозримой степи, безплодной, солонцоватой. Только низменныя мѣста, по берегамъ притоковъ да самой рѣки, обильны луговой травой. На каждаго казака приходится по 427 дес. земли, но земледѣліемъ они занимаются мало, живутъ больше отъ своихъ стадъ, пропитываются рыболовствомъ. Такъ повелось издавна.

Уралецъ—ростомъ не великъ, за то плотенъ, широкъ въ плечахъ; вообще, народъ они красивый, здоровый, кромѣ того, живой, дѣловитый и гостепріимный. Отъ нихъ пахнетъ

старинною Русью. На службѣ они кротки, послушны, въ бою храбры, въ походахъ выносливы на удивленье. Морозовъ уралецъ не боится, потому что морозъ «крѣпитъ»; жару тоже не боится: паръ костей не ломитъ; а воды или сырости — еще того меньше, потому что съизмала привыкъ по своему промыслу возиться въ водѣ. Въ своихъ привычкахъ казаки наблюдаютъ простоту. Они по цѣлымъ годамъ не пробуютъ ни осетрины, ни севрюжины или бѣлужины — товаръ этотъ дорогъ: «Не по рылу», говорятъ. Хозяйки варятъ дома черную рыбу, и то по временамъ, когда разрѣшается ловъ. Въ постные дни хлебаютъ пустыя щи да кашицу; въ скоромные рѣжутъ барановъ, ѣдятъ каймакъ, т. е. упаренное густое молоко; въ походъ берутъ пшеничные хлѣбцы съ запеченными яйцами: «кокурками» называются. И въ своихъ обычаяхъ казаки наблюдаютъ святую старину. Старые казаки никогда у себя не божатся, говорятъ: «Ей-ей», «ни-ни»; не скажутъ «спасибо», а «Спаси тя Христосъ». Входя въ избу, останавливаются на порогѣ и говорятъ: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» какъ это принято въ монастыряхъ или скитахъ. Затѣмъ выжидаютъ отвѣтнаго: «Аминь!» При встрѣчѣ съ незнакомымъ, спрашиваютъ: «Чьи вы?» — Наши имена рѣдко встрѣчаются на Уралѣ: тамъ даютъ имя того святого, котораго празднуютъ за седьмицу до рожденія. Этотъ обычай строго соблюдается. Если казакъ походомъ или въ какое другое время нарушаетъ дѣдовскій обычай, то утѣшаетъ себя тѣмъ, что родительницы замолятъ его грѣхъ. Такъ называется все женское населеніе. Казачки строго хранятъ свято-отеческія преданія. Онѣ отлично знаютъ церковную службу, хозяйничаютъ, ткутъ шелковыя поярки, шьютъ сарафаны, вяжутъ чулки,—другихъ работъ нѣтъ: все, вѣдь, кромѣ рыбы и скота, покупное. Дѣвушки у нихъ стыдливы и скромны; развлекаются въ невинныхъ забавахъ. Такъ, напримѣръ, любимое ихъ развлеченіе «синчикъ», или первый ледъ, на которомъ можно скользить въ нарядныхъ башмачкахъ, выставивъ впередъ ножку; при этомъ онѣ шумятъ, кричатъ, хохочутъ до упаду. Дѣвушкамъ приданаго не даютъ; напротивъ, женихъ долженъ по уговору выдать родителямъ невѣсты «кладку», т. е. денежную помощь, въ размѣрѣ отъ 50 до 200 рублей, смотря по состоянію. Въ старину справляли сороку, т. е. женскій головной уборъ, который замѣнялъ дѣвичью поднизь. Бывали сороки

въ 10—15 тысячъ. Тамъ всѣ дѣвки безприданницы, и этотъ хорошій обычай ведется съ той поры, когда казаковъ было больше, чѣмъ невѣстъ. И дѣти казаковъ ростутъ такъ-же, какъ росли ихъ дѣды и отцы. Съ десяти годовъ они пасутъ табуны или ѣздятъ на рыбную ловлю. Слѣдуя берегомъ, мальчуганъ выставитъ какой-нибудь отмѣтный знакъ и перекликается съ отцомъ, чтобы тотъ могъ во всякое время найти свою повозку или сани. И голодать пріучаются мальчишки съ дѣтства. Лѣтомъ жуютъ отъ жажды свинцовую пульку: это холодитъ; зимой закусываютъ снѣжкомъ. Солодковый корень, водяные орѣхи («челимъ»), лебеда, птичьи яйца, даже земляной хлѣбъ—вотъ чѣмъ пропитывается казаченокъ по нѣскольку дней сряду, попадая въ бѣду. Но зато мальчуганъ всегда долженъ быть опоясанъ; который же распояшется или потеряетъ поясъ, того мать больно прибьетъ: такъ ходятъ только татарчата.

Самый большой праздникъ въ Уральскѣ, когда вступаютъ полки, возвратившіеся съ дальняго похода. Родительницы выѣхали навстрѣчу изъ всѣхъ низовыхъ станицъ, усѣяли всю дорогу отъ города верстъ на 10; вынесли узелки, мѣшечки, стклянипы, штофчики, сулемы,—все это, чтобы накормить, напоить голодныхъ. Вонъ, въ сторонѣ отъ всѣхъ стоитъ древняя старушка, повязанная чернымъ китайчатымъ платкомъ, держитъ въ рукахъ узелокъ и бутылочку, кланяется низехонько, спрашиваетъ: «Подгорновъ, родные мои, гдѣ Маркіанъ?»—«Сзади, матушка, сзади!»—Идетъ вторая сотня.— «Гдѣ же Маркіанъ Елисѣевичъ Подгорновъ, спаси васъ Христосъ и помилуй, гдѣ Подгорновъ?» — «Сзади!» говорятъ. Идетъ 3-я сотня: тотъ-же привѣтъ, тотъ-же отвѣтъ. Идетъ и послѣдняя сотня, прошелъ послѣдній взводъ, а отвѣтъ все тотъ-же: «Сзади, бабушка!» Когда и обозъ проходилъ, то казаки, кивая назадъ головою, говорили: «Тамъ, сзади, родная!» Тутъ только старуха догадалась, что осиротѣла навѣки. Она ударилась о-земь, завопила страшнымъ голосомъ и билась, пока казаки не подняли ее бережно и не свели домой.

Службу уральцы отправляютъ не по очереди, а «подмогой», что считаютъ для себя болѣе выгоднымъ, потому что бѣдный казакъ можетъ поправиться. Войсковое правленіе ежегодно дѣлаетъ денежную раскладку, сколько причитается на каждаго казака «подможныхъ»; оно же ихъ собираетъ и

выдаетъ поступающимъ на службу по охотѣ, «охотникамъ». Тѣ, которые идутъ въ армейскіе полки, получаютъ меньше, примѣрно 200 р., въ гвардейскій эскадронъ больше, напримѣръ 250 рублей. Если казакъ по бѣдности не можетъ внести подможныхъ, онъ остается въ «нѣтчикахъ», а года черезъ 2 или 3, когда за нимъ накопится этихъ «нѣтчиковыхъ» денегъ, его зачисляютъ прямо на службу, при чемъ вычитаютъ изъ его подмоги всю накопившуюся недоимку. Однако ни одинъ казакъ, будучи въ служиломъ возрастѣ, т. е. между 21 и 35-ю годами, не можетъ постоянно откупаться отъ службы; онъ обязанъ прослужить по крайней мѣрѣ хотя одинъ годъ. Богатые казаки поступаютъ въ уральскую учебную сотню, гдѣ они отбываютъ службу въ одинъ годъ, на своихъ харчахъ и квартирѣ, а всѣ остальные идутъ на 3 года въ полки. Это такъ называемые «обязательные», обязаны прослужить. Въ случаѣ призыва всего войска, поднимаются всѣ казаки способные носить оружіе, кромѣ отставныхъ.

Уральцы по преимуществу народъ промысловый, и ведутъ свое дѣло не порознь, а сообща, всѣмъ войскомъ. Точно также и земля принадлежитъ всему войску, надѣловъ нѣтъ; даже луга находятся въ общемъ пользованіи. Войсковое правленіе назначаетъ день, когда начаться покосу, чаще всего на 1 іюня. Каждый казакъ выбираетъ себѣ любое мѣстечко, и въ ночь они уже всѣ на своихъ мѣстахъ. Какъ только покажется солнышко, подается знакъ, по которому казаки начинаютъ обкашивать свои участки. Вся трудность заключается въ томъ, чтобы не захватить больше своихъ силъ. Работаютъ шибко, отрываются только затѣмъ, чтобы испить воды, потому что къ закату солнца дѣло кончается, каждый долженъ обкосить свой участокъ. Если бы кто вздумалъ косить раньше урочнаго дня, того вовсе лишаютъ покоса. Такое же правило и насчетъ рыбной ловли, все равно, хоть бы онъ поймалъ одну рыбу. У нихъ три поры улова: зимній, весенній и осенній.

Уралъ замерзъ; снѣжная пелена покрыла необозримую степь. Въ воздухѣ тихо, морозно. За 8 верстъ отъ Уральска, въ назначенный день, собрались всѣ казаки, каждый съ длиннымъ багромъ, подбагренникомъ и пешней; у каждаго лошадь, сани,—подъ присмотромъ кого либо изъ семейныхъ. Казаки стоятъ у берега и ждутъ сигнала: они намѣчаютъ

въ это время мѣста. Морозный воздухъ вздрогнулъ: грянула сигнальная пушка. Въ тотъ же мигъ всѣ бросаются стремглавъ на рѣку; каждый пробиваетъ прорубь, поддѣваетъ багромъ рыбу и, чтобы она не сорвалась, подхватываетъ ее малымъ багромъ, или подбагренникомъ. Почти каждый ударъ даетъ добычу, особенно въ хорошемъ мѣстѣ. Поглядите, вонъ дюжій казакъ: даже упарился, не смотря на то, что въ одной рубахѣ! Въ три маха онъ просѣкъ ледъ, забагрилъ рыбу и теперь кричитъ, точно его рѣжутъ: «Ой, братцы, помогите! Не вытащу бѣлуги, сила не беретъ... Скоро, скоро!»—По этому зову бросился къ нему одинъ изъ артельныхъ, живо подбагрилъ, помогъ вытащить рыбу на ледъ. Казаки всегда дѣйствуютъ артелью, человѣка по 3—4, по 5—6, иногда и больше; вся выручка дѣлится между ними поровну. Хорошія мѣста, или «ятови», гдѣ красная рыба зимуетъ, замѣчаются еще съ осени, когда рыба ложится. Тысячи рыболововъ толкутся на такомъ мѣстѣ, въ кусочки искрошатъ ледъ, иной раза три въ водѣ по шею побываетъ—ничего! Другой изловчится да на комочкѣ льда приспособится—такъ и плыветъ къ берегу; рыба у него привязана къ ногамъ, въ рукахъ и зубахъ рыболовная снасть. Покончивъ на томъ мѣстѣ, артели спускаются внизъ по рѣкѣ, продолжая ловлю такимъ же порядкомъ.—Лѣтняя и осенняя ловли продолжаются по шести недѣль и, само собой разумѣется, на лодкахъ. Опять цѣлое войско вышло, точно на войну. На тѣсной и быстрой рѣкѣ толпятся тысячи бударокъ—негдѣ яблоку упасть, не то что вынуть сѣти. Казаки плаваютъ попарно, вытаскиваютъ рыбу, «чекушатъ» (оглушаютъ) и сваливаютъ въ бударки. Тутъ, кажется, всѣ другъ друга передушатъ, передавятъ и до вечера не доживутъ: крикъ, шумъ, брань, суматоха на водѣ, какъ въ самой жаркой рукопашной. Бударки трещатъ, казаки, стоя въ нихъ, чуть не клюютъ носомъ воды—вотъ всѣ потонутъ!—ничуть не бывало. Всѣ живы, здоровы, разойдутся, а съ разсвѣтомъ опять то же самое начнутъ на слѣдующемъ рубежѣ—и такъ вплоть до низовыхъ станицъ. Саратовскіе и московскіе купцы слѣдятъ съ берега да готовятъ денежки: по вечерамъ бываетъ обыкновенно раздѣлка.—Это осенній ловъ. И на лѣтній ловъ есть свои законы, свои правила, отъ которыхъ прежде, бывало, никто не смѣлъ отступить, подъ страхомъ строгой кары. Старые казаки, все равно какъ истые охотники, оживляются, когда рѣчь зайдетъ о рыбѣ:

у нихъ глаза разгораются, брови двигаются, высокій лобъ сіяетъ. У такого не дрогнула бы рука приколоть всякаго, кто вздумалъ бы напоить скотъ изъ Урала во время хода рыбы. «Рыба тотъ же звѣрь, шума и людей боится: уйдетъ, а тамъ ищи ее!»

И море не страшно казаку. Онъ хаживалъ по немъ съ дѣтства, не только изъ Гурьева въ Астрахань, но и дальше, въ глубь, куда казаки пускаются часто на бударкахъ за лебедями; отъ нихъ въ пользу идетъ пухъ, перья. Какъ истые моряки, казаки умѣютъ лавировать, бороться съ бурями, приспособлять снасти. Особенно славятся гурьевцы. Этотъ ни за что не разстанется съ моремъ, съ которымъ онъ сроднился, безъ котораго жить не можетъ; отъ моря гурьевецъ богатѣетъ. Какъ бы въ отместку за всѣ благодѣянія, сердитое море нерѣдко лишаетъ казака послѣдней копѣйки, дѣлаетъ его нищимъ, пускаетъ по міру; мало того, подчасъ оно втянетъ его въ середину и тамъ, на просторѣ, играетъ его жизнью. Морской зимній промыселъ носитъ названіе «аханнаго», отъ слова «аханъ» сѣть.

На льду Урала, въ виду своихъ домовъ, собралось все населеніе Гурьева — казаки, семейные, работники киргизы. Идетъ тихій говоръ, прощаются матери съ сыновьями, жены съ мужьями; разлука долгая, дальняя: кто знаетъ, что можетъ случиться? Въ животѣ и смерти Богъ воленъ. — Атаманъ подалъ знакъ. Промышленники перекрестились: «Прощайте, родные, молитесь Богу!» и разсѣлись по санямъ. Взвились, полетѣли добрые кони; загудѣлъ подъ санями ледъ, раздались веселыя, удалыя пѣсни. Примѣрно черезъ часъ аханьщики въ устьѣ Урала; это отъ Гурьева 14 верстъ. Тутъ, въ виду пустыннаго моря, они останавливаются, чтобы запастись топливомъ, поздороваться съ батюшкой «Синимъ моремъ» да выпить про его бурную милость чарку водки. Отсюда казаки, погуторивъ, разъѣзжаются въ разныя стороны: одни ѣдутъ вправо, другіе влѣво, а третьи, самые зажиточные — прямо въ открытое море, искать добычи въ глуби. У нихъ и снасти лучше, у нихъ лошадей и работниковъ больше. Впереди ѣдетъ вожакъ; онъ ведетъ за собой всѣхъ прочихъ, вывѣряя путь по компасу, который у него, какъ и у всѣхъ рыболововъ, всегда за пазухой. Устье Урала, сейчасъ шумное, опустѣло; осталось лишь трое саней: то старикъ Чировъ, сидя на облучкѣ, пригорюнился. Онъ забылъ

взять съ собою образъ Николая Угодника, который сопровождалъ его и на Аральскомъ морѣ, и въ Киргизской степи, и на Мангишлакѣ — вездѣ, гдѣ старикъ побывалъ на своемъ долгомъ вѣку. Этотъ образъ спасъ жизнь его родителю, когда подъ Анапой турокъ выстрѣлилъ въ него изъ пищали почти что въ упоръ: басурманская пуля, попавъ въ образъ, разлепешилась. Жутко стало старику, и онъ услалъ за образомъ киргиза-работника.

Далеко отъ береговъ остановились казаки шумнымъ таборомъ; посрединѣ табора разбили кибитку. Изъ нея скоро вышелъ атаманъ и, по старинному обычаю, предложилъ бросить жребій, кому какимъ участкомъ владѣть. Билеты положили въ шапку, прикрыли платкомъ, послѣ чего каждый казакъ подходилъ по-очереди и вынималъ жребій: какой померъ, такой, значитъ, ему достался и участокъ. Въ минуту сдѣлали во льду прорубь и воткнули туда снопъ камыша. Отъ этой точки въ глубь моря провели по компасу двѣ линіи, или два «бакена», обозначивъ ихъ вѣхами,—одинъ правѣе, другой лѣвѣе; по нимъ ужъ располагаются казаки, какъ кому выпало по жребію. Въ серединѣ же, между бакенами никто не можетъ поставить свою сѣть, потому что этимъ путемъ идетъ въ Уралъ рыба. Въ бакенахъ тоже свой порядокъ: казаку положено ставить 50 сѣтей, офицеру 100, генералу 150. Здѣсь опасности нѣтъ, и снасть сохраняется въ цѣлости; на глуби же можно погибнуть въ одинъ часъ, въ одну минуту. Чтобы собраться на глубь, казакъ долженъ обзавестись не менѣе какъ четырьмя лошадьми. Въ Гурьевѣ есть семейства, которыя выѣзжаютъ на 20—30-ти лошадяхъ. Казаки ѣдутъ верстъ за 50 отъ берега. Тамъ артели разстаются, каждая выбираетъ себѣ любое мѣстечко, иные уѣзжаютъ еще дальше. На избранномъ мѣстѣ ставятъ войлочныя кибитки, «кошары»; ихъ окружаютъ санями, къ санямъ привязываютъ лошадей, укрытыхъ попонами. И люди, и лошади одинаково пріучены переносить всѣ невзгоды среди пустыннаго моря, гдѣ гуляютъ-бушуютъ суровые вѣтры, кружатся снѣжные вихри, гдѣ небо и земля скрываются изъ глазъ на многіе дни. Лошади, вмѣсто воды, довольствуются снѣгомъ или мелко-истолченымъ льдомъ. Съ утра до вечера промышленники ходятъ по рядамъ своихъ ахановъ, подтянутыхъ подъ ледяной корой, и пересматриваютъ, не запуталась ли гдѣ рыба. Если попадетъ, напримѣръ, бѣлуга въ 20 или

25 пудовъ, то ужъ вытаскиваютъ ее лошадью. Такія бѣлуги, впрочемъ, теперь въ рѣдкость, а прежде попадались и въ 50 пудовъ. Казаку, выѣхавшему на десяти лошадяхъ, надо поймать 500 пудовъ рыбы, чтобы хорошо заработать.

Прошло 6 недѣль, какъ аханьщики покинули свои дома. На вольныхъ водахъ они рыбачили на глубинѣ четырехъ саженъ; дальше, по совѣту атамана, не заходили, но рыба ловилась тутъ плохо, въ бакенахъ лучше. Они уже помышляли, выбравъ аханы, ѣхать домой, какъ вдругъ въ половинѣ февраля сильнымъ южнымъ вѣтромъ взломало ледъ, почти вплоть до устьевъ Урала; не успѣли еще аханьщики опомниться, какъ вѣтеръ завернулъ отъ сѣвера, и ихъ разнесло, разсѣяло по морю на льдинахъ. Болѣе двухсотъ человѣкъ казаковъ и киргизовъ уплыли тогда отъ родныхъ береговъ. Это было въ 1843 году. Ахнули гурьевцы, когда узнали объ этомъ безпримѣрномъ относѣ. Не было семьи, гдѣ бы не тосковали по своимъ родичамъ. О помощи и думать нечего: дожди лили каждый день, ледъ на Уралѣ совсѣмъ пропалъ; правда, у морскаго берега еще держался, но такой рыхлый, что по нему не ступить. Аханьщики бѣдовали ужасно. Вотъ плыветъ небольшая артель Затворникова, молодаго казака 22-хъ лѣтъ; съ нимъ 4 киргиза, 2 казачьихъ подростка да двое русскихъ рабочихъ. Льдина имъ попалась тонкая и послѣ двухъ недѣль до того искрошилась, такъ измельчала, что стала погружаться; аханьщики стояли на ней по щиколотку въ водѣ. Въ такой крайности Затворниковъ столкнулъ 5 лошадей. Бѣдныя животныя не сразу утонули. Плавая возлѣ льдины, онѣ вскидывали на нее ноги и жалобно ржали. Затворниковъ въ сердцахъ, схвативъ полѣно, сталъ бить своихъ лошадей по головамъ—и жалость, и злоба разомъ имъ овладѣли. Но это мало помогло: льдина часъ отъ часу исчезала, вешнее солнце уже въ ту пору жарко пригрѣвало. Затворниковъ бодрился самъ и ободрялъ своихъ горемычныхъ товарищей, которые выли на-взрыдъ или, припавъ ко льдинѣ, лежали точно мертвые; киргизы, сидя съежившись, по временамъ вздыхали, повторяя шопотомъ: «Алла! Алла!»

Наступила ночь, 20-я по счету; хлѣба оставалось всего 2 мѣшка. Когда разсвѣло, у Затворникова защемило на сердцѣ; онъ почуялъ, что это послѣдній день въ его жизни: солнце выходило румяное, горячее; стаи птицъ вились около исче-

зающей льдины; по временамъ ее окружали тюлени, глядѣвшіе съ завистью—имъ такъ хотѣлось погрѣться на солнышкѣ. Кругомъ—чисто, какъ зеркало, ни льдинки, ни какой другой примѣты; аханьщиковъ несло въ невѣдомую глубь. Затворниковъ сдвинулъ всѣ сани, связалъ ихъ веревками, въ надеждѣ хоть сколько нибудь продержаться на такомъ ненадежномъ плоту. Послѣдній овесъ, какой еще оставался, онъ разсыпалъ и подпустилъ къ нему лошадей, чтобы онѣ насытились вдоволь передъ концомъ жизни. Бѣдныя твари понюхали овесъ, но ѣсть не стали. Передернуло Затворникова: «Ну, думаетъ, близко смерть.... успѣть бы покаяться?».... Вдругъ у него въ глазахъ что-то мелькнуло, точно черное пятнышко; всматривается — оно все ближе, ближе... Наконецъ онъ ясно различаетъ троихъ людей и лошадь—тоже плывутъ на льдинѣ. — «Видно такіе же горемыки!» подумалъ Затворниковъ. Дѣйствительно, то былъ казакъ Курбетевъ, съ мальчикомъ и киргизомъ. Судьба свела страдальцевъ и—къ счастью Затворникова, потому что онъ сейчасъ же перешелъ на льдину Курбетева, которая была гораздо крѣпче. Мало этого, Курбетевъ сейчасъ же надоумилъ дѣлать бурдюки. Въ нѣсколько часовъ лошадей не стало: на мѣсто ихъ явились бурдюки. Аханьщики надули ихъ воздухомъ, на подобіе пузырей, потомъ подвязали ихъ подъ сани, по 2 бурдюка на каждыя. Едва успѣли сладить съ этой работой, какъ льдина Курбетева изломалась на мелкіе кусочки. Тогда аханьщики разсѣлись по санямъ, взялись за оглобли, за лошадиныя лопатки, служившія имъ вмѣсто веселъ, и повернули лицомъ въ родимую сторону. По временамъ они выходили на встрѣчныя льдины, гдѣ отдыхали или пополняли бурдюки воздухомъ, послѣ чего снова садились на свои плоты. Однажды навстрѣчу имъ попалась льдина, на которой стояли сани съ привязанной лошадью. Аханьщики, придержавши льдину, хотѣли было снять ихъ, но къ удивленію своему увидѣли, что на днѣ саней сидитъ скрючившись человѣкъ, стиснувъ въ окоченѣлыхъ рукахъ мѣдную икону. Снявши съ мертвеца шапку, въ немъ узнали казака Чирова, того самаго, который кручинился, что позабылъ образъ Угодника. Застигнутый врасплохъ и отбитый отъ людей, старикъ, вѣрно, умеръ съ голоду. «Царство тебѣ небесное, добрый старикъ!» сказали аханьщики, перекрестивши трупъ. На ихъ глазахъ льдина Чирова столкнулась

съ другой, немного побольше: сначала пошла ко дну лошадь, потомъ сани съ покойникомъ. Морская пучина скрыла ихъ навѣки.

Судьба артелей была разная. Блуждая по морю изо-дня-въ-день, то подъ дождемъ, то подъ жгучими лучами солнца, аханьщики подавали о себѣ знаки. Днемъ они поднимали вверхъ шесты, на которыхъ развѣвалась рогожа или кошма, а ночью дѣлали маяки съ огнемъ, для чего на самый конецъ шеста втыкали тюленью шкуру съ жиромъ, немного пониже — пукъ зажженой мочалы. Жиръ таялъ и каплями падалъ на мочалу, отчего послѣдняя еще больше разгоралась, но горѣла плавно, медленно — все равно какъ свѣтильня. Отъ нечего дѣлать, аханьщики били на льдинахъ тюленей, заготовляли бурдюки, весла; остальное время лежали по своимъ кошарамъ или выглядывали астраханцевъ. Эти добрые люди уже не разъ выручали изъ бѣды казаковъ, свозили ихъ на своихъ промысловыхъ судахъ или въ Астрахань, или въ Гурьевъ, смотря куда ближе.

Еще пять дней плавала артель Затворникова и Курбетева. Вѣтеръ кружилъ по морю ихъ утлые плоты, мало повинующіеся жалкому подобію веселъ. Наконецъ, на шестой день наши аханьщики повстрѣчали судно тюленьихъ промышленниковъ. Астраханцы немедленно доставили ихъ въ Гурьевъ.— «Слава Богу,» говорили обрадованные гурьевцы: «ужъ коли Затворниковъ выплелся, такъ другіе и подавно должны выѣхать».

VI.

Трехдневный бой подъ Иканомъ.

Заслуги уральцевъ, ихъ труды и кровь, пролитая въ степяхъ Средней Азіи, не были забыты. 6 мая 1884 года, въ памятный для Россіи день совершеннолѣтія Августѣйшаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, уральцамъ было пожаловано «Общее войсковое георгіевское знамя». Въ Царской грамотѣ были подробно прописаны всѣ ихъ заслуги:

«Почти трехвѣковая отлично-усердная служба и непоколебимая преданность Престолу и Отечеству вѣрно-любезнаго Намъ Уральскаго казачьяго войска всегда вызывало особое Монаршее къ нему благоволеніе въ Бозѣ почившихъ предковъ Нашихъ. Начавъ первую боевую службу свою, какъ показываютъ историческіе документы, въ 1591 году, участіемъ въ походѣ Царскихъ войскъ противъ шамхала Тарковскаго, Уральское войско съ той поры служило живымъ оплотомъ государства, охраняя значительную часть границы его отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ и, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, принимало участіе и во внѣшнихъ войнахъ, являя всегда примѣръ самоотверженія и воинской доблести при исполненіи своего служебнаго долга; при завоеваніи же Туркестанскаго края и водвореніи въ немъ порядка, оно, съ самыхъ первыхъ шаговъ туда Нашихъ войскъ, несло непрерывные труды и ознаменовало себя въ многочисленныхъ бояхъ, въ особенности же въ 1864 году, въ дѣлѣ противъ коканцевъ подъ Иканомъ, подвигами отваги и мужества». Въ заключеніе грамоты было сказано: «Да послужитъ священная сія хоругвь символомъ неизмѣнной преданности вѣрнолюбезнаго Намъ Уральскаго казачьяго войска Престолу и Государству на грядущія времена, и да осѣнитъ она храбрыхъ сыновъ Урала на высокіе подвиги чести и славы при защитѣ отечества».

По завѣту Петра Перваго русскіе люди подвигались въ глубь Средней Азіи съ двухъ сторонъ: отъ Урала и со стороны Сибири. Шли впередъ не потому, чтобы жаждали новыхъ земель, а въ силу необходимости: того требовали выгоды торговли, обереженіе границы отъ разбойничьихъ наѣздовъ тамошнихъ народовъ. Наши караваны подвергались разграбленію, русскіе промышленники и казаки—не десятками или сотнями, а тысячами—томились въ неволѣ: ихъ продавали на рынкахъ хивинскаго ханства, какъ рабочую скотину. Но прежде чѣмъ добраться до Хивы, главнаго разбойничьяго гнѣзда, пришлось втянуться въ долгую войну, построить на берегу Каспія укрѣпленія, овладѣть теченіемъ Сыръ-Дарьи, штурмовать коканскія и бухарскія крѣпости. Завоеваніе Туркестана будетъ разсказано особо. Здѣсь же пока припомнимъ, что на рубежѣ этой многолюдной и обширной страны остановились нѣсколько Оренбургскихъ и Сибирскихъ линейныхъ батальоновъ. Суровыя, опаленныя зноемъ лица старыхъ николаевскихъ солдатъ ясно говорили, что они прошли тяжелую школу труда, лишеній, что они не мало настрадались въ непривычной для нихъ странѣ. Десятки лѣтъ подвигались шагъ за шагомъ линейцы въ киргизскихъ степяхъ, прожигаемые палящими лучамисо лнца или шли навстрѣчу зимнимъ буранамъ. Трудно сказать, чѣмъ они больше поработали—штыкомъ ли, лопатой или топоромъ? Сегодня линейцы лежали въ канавѣ, съ ружьемъ на прицѣлкѣ, а завтра копали землю, насыпали бруствера, рубили деревья. Имъ приходилось то взбираться по зыбкой лѣстницѣ на высокія

стѣны коканской крѣпости, то мѣсить глину, дѣлать кирпичъ, выводить стѣны, класть своды. На пустынныхъ берегахъ Сыръ-Дарьи или Каспійскаго моря появились пароходныя пристани, церкви, госпитали, казармы, сады — все это построено руками линейцевъ; каждый камень, каждая щепотка земли — дѣло ихъ рукъ. Зато какихъ-нибудь семь линейныхъ батальоновъ не только покорили, а обстроили пограничную линію отъ Урала до китайской границы. Рядомъ съ линейнымъ солдатомъ шелъ казакъ, этотъ его вѣрнѣйшій другъ, окрещеный именемъ «Гаврилыча». Сколько разъ запасливый и смѣтливый Гаврилычъ выручалъ линейца изъ бѣды? Сегодня онъ подѣлится съ нимъ хлѣбушкомъ, завтра дастъ испить водицы, послѣзавтра подвезетъ усталую «крупу» на своей лошадкѣ. Онъ берегъ его сонъ, очищалъ ему путь, добывалъ баранту, рядомъ съ нимъ ковырялъ землю, стоялъ на валу. Кромѣ того, что уральцы составляли гарнизоны дальнихъ степныхъ укрѣпленій, они, какъ уже сказано, наряжались во всѣ экспедиціи для изслѣдованія края, они гонялись по степямъ за разбойничьими шайками; уральцы же составляли почетный конвой киргизскихъ султановъ, нашихъ друзей. И первый подвигъ въ Туркестанскомъ краѣ, подвигъ прогремѣвшій на всю Среднюю Азію, совершенъ уральскими казаками. Это было въ 1864 году, когда наши взяли города Туркестанъ и Чемкентъ; отъ Ташкента же, по малочисленности силъ, пришлось отступить. На усиленіе передоваго отряда была послана изъ форта Перовскій уральская сотня, подъ начальствомъ есаула Сѣрова. 1-го декабря Сѣровъ вступилъ въ Туркестанъ, а черезъ три дня его уже отправили на розыскъ. Прошелъ слухъ, что за городомъ появилась шайка въ нѣсколько сотъ человѣкъ; надо было ее разогнать, потому что какъ разъ въ это время выряжался транспортъ въ Чемкентъ.

На праздникъ Варвары, послѣ полудня, Сѣровъ выступилъ изъ города со своею сотней. Въ ней находился сотникъ Абрамичевъ, 5 урядниковъ, 98 казаковъ и 4 артиллериста при горномъ единорогѣ. Отъ встрѣчныхъ киргизовъ казаки узнали, что сел. Иканъ, отстоящее въ 20 верстахъ отъ города, уже занято непріятелемъ, но въ какомъ именно числѣ, киргизамъ неизвѣстно. Стало уже темнѣть, когда сотня подходила къ Икану, правѣе котораго горѣли огни. Сѣровъ остановился и послалъ киргиза Ахмета узнать,

что это за огни? Киргизъ скоро вернулся съ отвѣтомъ: «Непріятеля такъ же много, какъ камыша въ озерѣ». Тогда Сѣровъ отвелъ свою сотню нѣсколько назадъ, занялъ канавку, которую раньше намѣтилъ, и приказалъ спѣшиться. Казаки живо развьючили верблюдовъ, окружили себя завалами изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ, лошадей уложили въ середину, а сами залегли по краямъ. Между тѣмъ коканцы сверху ихъ замѣтили. Не успѣли еще казаки приладиться, какъ конная толпа, приблизившись «тихимъ молчаніемъ», вдругъ, съ визгомъ и оглушительнымъ крикомъ кинулась въ атаку. Уральцы дали залпъ, артиллеристы угостили картечью, что сразу поубавило азіатскій пылъ. Много убитыхъ, раненыхъ осталось на мѣстѣ. Оправившись, коканцы съ криками: «Алла! Алла!» налетѣли вторично—опять ихъ отбили съ такой же потерей. Еще раза 2—3 они повторили атаку, наконецъ оставили уральцевъ въ покоѣ. Въ виду небольшой кучки казаковъ коканцы расположились станомъ, среди котораго скоро запылали костры. Опасность часъ отъ часу становилась очевиднѣй: уйти ночью нельзя, бороться въ открытую—нѣтъ мочи, оставалось приподнять завалы да дождаться выручки. Къ счастью, среди уральцевъ находились люди бывалые, со знаками отличій, которые не разъ встрѣчались съ коканцами въ полѣ; были между ними даже севастопольцы. Такіе люди не робѣютъ, не падаютъ духомъ, что бы тамъ ни случилось, а распорядительность офицеровъ довершила остальное. Непріятель всю ночь палилъ изъ своихъ трехъ орудій; казаки отстрѣливались изъ единорога, пока не сломалось въ немъ колесо. Съ разсвѣтомъ огонь усилился. Гранаты и ядра все чаще да чаще ложились въ отрядъ, убивали лошадей, ранили людей. Въ то же время къ непріятельскому стану то и дѣло подбѣгали изъ Икана сарбазы: это коканская пѣхота, стрѣлявшая изъ ружей. Казаки больше мѣтили въ артиллеристовъ, снимали джигитовъ, подъѣзжавшихъ ради удальства поближе; попадали въ начальниковъ, отличавшихся своимъ нарядомъ, лошадьми и конскимъ уборомъ. Многіе вызывались было броситься въ штыки, однако Сѣровъ не позволилъ. Имъ и въ голову не приходило, что передъ ними не шайка бродячая, а цѣлая коканская армія, съ пѣхотой, артиллеріей, обозомъ, боевыми припасами—силой отъ 10 до 12 тысячъ! Алимкулъ, правитель ханства коканскаго, послѣ удачной защиты Ташкента распустилъ

слухъ, что идетъ къ себѣ домой, а, между тѣмъ, обошелъ нашъ передовой отрядъ, выдвинутый къ Чемкенту, и прямо двинулся на Туркестанъ, въ надеждѣ его отнять. Въ случаѣ удачи онъ могъ бы надѣлать намъ большихъ хлопотъ. Время было зимнее, глухое, никто не ожидалъ отъ кокан-цевъ такой прыти. Какъ же злились они теперь, что горсть «урусовъ» разрушила ихъ тонкіе разсчеты! Атаковать отрядъ открыто они боялись, считали, что онъ гораздо больше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и придумали плесть изъ хвороста щиты, чтобы, прикрываясь ими, «идти подкатомъ, т. е. подъѣзжать на двуколесныхъ арбахъ. Казаки видѣли, какъ арба за арбой подвозили хворостъ. Они продолжали отстрѣливаться такъ же спокойно, мѣтко, какъ въ первую минуту боя; всѣ 4 артиллериста полегли у своего единорога; уральцы заступили ихъ мѣсто, при чемъ должны были перетаскивать на рукахъ подбитое орудіе. Около 2 ч. пополудни, со стороны города, раздались орудійные выстрѣлы; казаки были увѣрены, что къ нимъ поспѣшаютъ на помощь: они участили пальбу, все чаще и чаще поглядывали назадъ—вотъ-вотъ покажется выручка. Здоровые встрепенулись, точно въ нихъ удвоились силы; раненые ожили: приподнимая головы, они глядѣли своими мутными очами туда же... Пальба то прекращалась, то снова усиливалась; сомнѣнія не могло быть ни малѣйшаго—это наши: они сейчасъ появятся изъ-за бугра... Но пальба вдругъ смолкла, еще одинъ-другой выстрѣлъ—и прикончилась. Казаки опять остались одни. А дѣло было такъ. По выстрѣламъ отъ Икана въ городѣ догадались, что казаки отбиваются, и на утро комендантъ выслалъ небольшой отрядъ, въ полтораста человѣкъ, съ двумя пушками, но съ такимъ приказаніемъ, что если непріятель окажется черезчуръ силенъ, то въ бой съ нимъ не вступать, а отойти назадъ. Въ такомъ большомъ городѣ какъ Туркестанъ всего-то находилось $2^1/_2$ роты, такъ что каждый защитникъ былъ на счету. Отрядецъ не дошелъ до казаковъ версты 3—4, какъ былъ окруженъ сильными толпами конныхъ, угрожавшихъ отрѣзать его отъ города. Тогда онъ повернулъ назадъ, съ трудомъ уже пробился къ Туркестану, а въ 6 ч. вечера непріятель разсыпался въ городскихъ садахъ. Въ цитадели явственно слышались звуки непріятельскихъ трубъ. Положеніе защитниковъ многолюднаго города, въ виду окружавшей ихъ измѣны, также становилось опаснымъ.

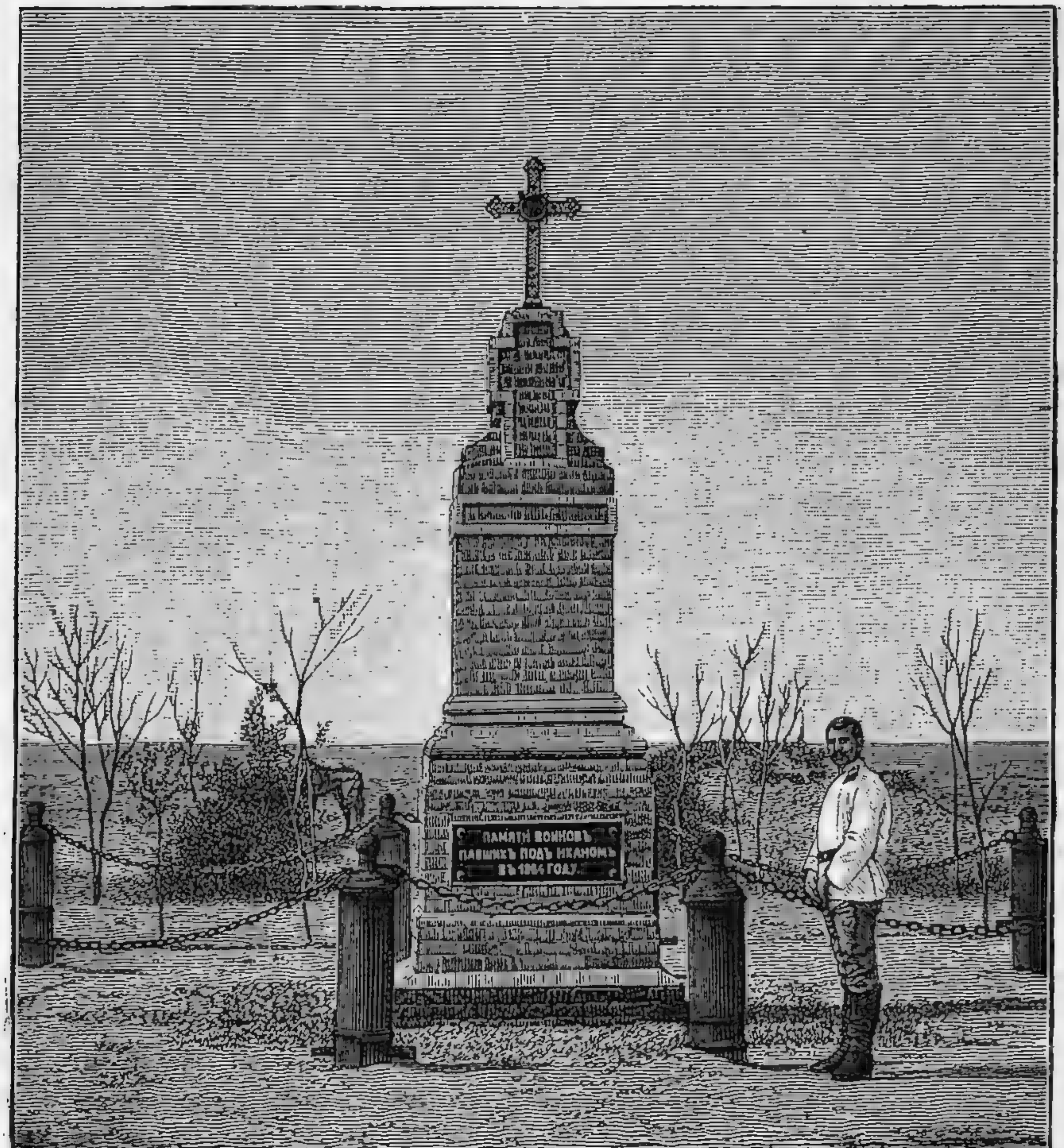
Былъ удобный случай соблазнить казаковъ на уступку. Алимкулъ прислалъ записку: «Куда теперь уйдешь отъ меня? Отрядъ, высланный изъ Азрета,—такъ назывался у нихъ Туркестанъ,—разбитъ и прогнанъ назадъ; изъ тысячи твоихъ—Алимкулъ, видно, плохо считалъ, коли сотню принялъ за тысячу—не останется ни одного; сдайся и прими нашу вѣру: никого не обижу!» Доблестный командиръ сотни не отвѣчалъ; казаки отвѣтили за него мѣткой пальбой. Къ ночи они насыпали нѣсколько новыхъ заваловъ, подтащили убитыхъ лошадей, верблюдовъ и приготовились дорого продать свою жизнь. Всѣ думали какъ одинъ, розни не было.

Наступила ночь. Сѣровъ написалъ записку коменданту. Бравые казаки Борисовъ и Акимъ Черновъ, съ киргизомъ Ахметомъ, вызвались доставить ее въ городъ. Они надѣли поверхъ полушубковъ ружья, взяли по револьверу и, принявъ напутствіе, исчезли въ темнотѣ. То пробираясь между огней, то между коканскихъ разъѣздовъ, избѣгая встрѣчныхъ партій, эти отважные люди появились въ 9 ч., точно выходцы съ того свѣта, въ городскихъ воротахъ.

Пересидѣли въ истомѣ уральцы другую ночь,—вотъ и праздникъ заступника русской земли, святителя Николая! «Заступится ли онъ за насъ грѣшныхъ?» думалъ каждый про себя. А, между тѣмъ, казаки насчитали 16 щитовъ, готовыхъ двинуться подкатомъ. Сѣровъ выступилъ изъ-за валовъ и подалъ знакъ рукой, что хочетъ говорить. Съ ихъ стороны подошелъ коканецъ съ ружьемъ. Сѣровъ, поглядывая на дорогу, завязалъ переговоры. Въ этихъ переговорахъ прошло около двухъ часовъ, и, должно быть, коканцы замѣтили, что нашъ есаулъ хочетъ только оттянуть время: щиты придвинулись, трое пѣшихъ приближались незамѣтно, ползкомъ.—«Ваше благородіе! закричали казаки: уходите, стрѣлять будемъ!» Въ 7 часовъ утра закипѣлъ отчаянный бой. Непріятель палилъ жарко, наступая разомъ съ трехъ сторонъ. Всѣ лошади были перебиты, 37 чел. лежали уже мертвые; раненые, припавъ ничкомъ къ землѣ, молча ждали смерти; остальные выглядѣли не лучше мертвецовъ: глаза красные, воспаленные, голова какъ въ огнѣ, лица черныя, измученныя; во рту пересохло. Они уже забыли, когда ѣли, жажда мучила ихъ ужасно. Въ какомъ-то чаду казаки отбили 4 атаки, одна за другой. Дальше держаться они были не въ силахъ, но пробиться надѣялись: отчаяніе способно придать

нечеловѣческую силу. Заклепавъ свой единорогъ, уральцы собрались въ кучку, крикнули, что было мочи, «ура!» и ринулись наудалую. Бывали случаи, что кучка бойцовъ геройски умирала подъ напоромъ тысячной толпы, но тутъ случилось нѣчто необычайное: горсть пѣшихъ казаковъ, голодныхъ, изнуренныхъ трехдневнымъ боемъ, пробивается успѣшно черезъ непріятельскую конницу. Въ рукахъ у нихъ были только ружья; была еще дерзкая отвага, готовность умереть. Это-то и устрашило коканцевъ, встрѣтившихъ впервые мужество, несвойственное азіатамъ. Они не посмѣли напасть сразу, сокрушить однимъ ударомъ, а подвозили на крупахъ своихъ лошадей пѣшихъ сарбазовъ, и тѣ ужъ разстрѣливали проходившихъ мимо уральцевъ. Но если кто-либо изъ послѣднихъ, истекая кровью, падалъ на землю, то конные налетали съ дикимъ восторгомъ на свою жертву и спѣшили отрѣзать у несчастнаго голову. Часто мѣткая пуля снимала такого хищника въ минуту его торжества, когда онъ поднималъ свою добычу. Жутко, обидно становилось на душѣ за такое издѣвательство! Всякій шелъ, пока только могъ влачить свои ноги; раненыхъ вели подъ руки до полнаго истощенія силъ. То тамъ, то тутъ среди небольшой кучки шепталъ казакъ: «Прощай, товарищъ!» Это значитъ, приходилъ ему конецъ. Сотнику Абрамичеву пуля попала въ високъ—онъ пошелъ подъ руку; другая ударила въ бокъ—онъ продолжалъ переступать; наконецъ разомъ двѣ пули прострѣлили ему ноги. «Рубите скорѣе голову, не могу идти!» вскрикнулъ сотникъ отчаяннымъ голосомъ, склоняясь къ землѣ. Послѣ едва узнали его истерзанный трупъ.

Тяжекъ былъ пройденный путь! Онъ обозначался слѣдами крови, изломанными ружьями, обезглавленными трупами.— Зимній день кончался, начинало темнѣть. Напрягая послѣднія силы, уральцы все шли да шли... Наконецъ, подъ самымъ городомъ, они услыхали ружейные залпы, все ближе, ближе, а вотъ, съ пригорка, бѣгутъ имъ навстрѣчу съ радостными криками наши солдаты... Вздохнули казаки свободно, перекрестились: то была вторая выручка, высланная какъ разъ во-время, чтобы принять на руки уцѣлѣвшихъ бойцовъ. Ихъ уложили на подводы. Такъ на подводахъ и провезли страдальцевъ прямо въ лазаретъ. «Иканская» сотня, какъ ее называютъ теперь, потеряла половину своего состава; сверхъ того, 36 чел. были ранены, артиллеристы тоже, 4

Памятникъ воинамъ павшимъ подъ Иканомъ въ 1864 году.

(Сооруженъ на мѣстѣ битвы въ 1884 году).

урядника убиты. Государь Императоръ пожаловалъ тогда всѣмъ иканскимъ «героямъ» знаки отличія военнаго ордена, а есаулу Сѣрову—Георгія 4-й степени и слѣдующій чинъ.

На Уралѣ издавна повелся обычай отправлять ежегодно въ столицу, такъ называемый, «царскій кусъ», состоящій изъ лучшей икры и большихъ осетровъ. Въ слѣдующій послѣ того нарядъ попали трое иканцевъ: урядники Борисовъ, Черновъ и казакъ Агафоновъ. Ихъ пожелалъ видѣть Августѣйшій атаманъ. Обласканные имъ и обнадеженные Царскою милостію, уральцы явились въ Зимній дворецъ. Тутъ они имѣли счастье видѣть въ Бозѣ почившаго Императора Александра Втораго.—«Знаете ли вы, спросилъ у нихъ ласково Государь, послѣ того какъ поздоровался, что вашъ единорогъ взятъ обратно въ Ташкентѣ?» Казаки отвѣчали утвердительно. Его Величество, еще милостиво побесѣдовавъ, назначилъ ихъ въ гвардейскій эскадронъ и, кромѣ того, пожаловалъ уряднику Борисову серебряный темлякъ, Чернову — серебряную медаль на георгіевской лентѣ; Агафонова же произвелъ въ урядники.

И до сихъ поръ въ чести участники этого славнаго дѣла. Въ 1889 году исполнилось 25 лѣтъ со времени Иканскаго дѣла. О нихъ вспомнилъ Августѣйшій атаманъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, и прислалъ отъ себя: генералъ-маіору Сѣрову подарокъ, есаулу Мизинову 300 рублей, а 15 урядникамъ и казакамъ, оставшимся въ живыхъ, по 50 р. каждому. Ко дню Св. Николая были собраны въ Уральскъ всѣ участники боя, вмѣстѣ съ георгіевскими кавалерами. Наканунѣ они помолились за упокой убіенныхъ, а въ день праздника, послѣ литургіи и торжественнаго молебствія, иканцы, съ генераломъ Сѣровымъ во главѣ, и всѣ кавалеры стали передъ фронтомъ казачьихъ рядовъ. Тутъ присутствовалъ наказной атаманъ, все войсковое начальство; во фронтѣ находилась учебная сотня и казачій № 3 полкъ. Атаманъ обошелъ ряды, поздравилъ съ Царскимъ праздникомъ, потомъ сказалъ слѣдующее: «25 лѣтъ тому назадъ уральская сотня есаула Сѣрова покрыла себя славой въ трехдневной битвѣ подъ Иканомъ. Подвигъ этотъ составляетъ украшеніе и гордость всего Уральскаго казачьяго войска въ его трехвѣковой жизни на службѣ Царю и Отечеству! Не много осталось отъ этой сотни послѣ боя въ живыхъ, а къ настоящему дню число ихъ еще стало меньше. Воздадимъ же этимъ немногимъ пред-

ставителямъ славной сотни подобающую имъ честь... Героямъ Икана, слушай, на кра-улъ!» Два хора музыки заиграли войсковой маршъ. Послѣ того войска прошли мимо нихъ и наказного атамана церемоніальнымъ маршемъ. За роскошнымъ обѣдомъ пили ихъ здоровье и славили все уральское войско.

По распоряженію преосвященнаго Неофита, епископа Туркестанскаго, ежегодно совершается въ городѣ Туркестанѣ, за спасеніе котораго подвизались иканцы, заупокойная служба по павшимъ въ бою. Церковь, какъ мать, Царь-отецъ, соратники, какъ братья единой семьи,—всѣ одинаково чествуютъ живыхъ героевъ и памятуютъ объ умершихъ.

КУБАНЦЫ.

I.

Войско «вѣрныхъ» черноморцевъ.

«Зруйновали (разрушили) Запорожье
Буде колись треба (нужно)»...

Въ одинъ голосъ запѣли запорожцы, покидая Сѣчь, свое родное гнѣздо, внезапно окруженное русскими войсками въ Духовъ день 1775 года [1]). Сѣчь была разрушена, войсковая казна отобрана, селенія и земли, лежавшія по лѣвую сторону Днѣпра, причислены къ Азовской губерніи, а по правую — къ Новороссійской, подъ управленіе князя Потемкина. Часть запорожцевъ ушла въ Турцію, остальные разбрелись по хуторамъ или же осѣли на помѣщичьихъ земляхъ, поступили на оброкъ. Казалось, все было забыто: и вѣковая слава, и грозное имя, наводившее трепетъ на враговъ христіанскаго міра; въ тяжкой подневольной работѣ у плуга, казалось, замеръ воинскій духъ сыновъ Украйны, погасла доблесть, стяжавшая почетное званіе «лыцарей». Такъ только казалось; но на самомъ дѣлѣ посмертная пѣсня Запорожья сбылась раньше, чѣмъ думали сами «лыцари». Трудами Свѣтлѣйшаго было присоединено къ русской державѣ цѣлое татарское царство, Крымъ; турки обозлились: миръ съ ними висѣлъ на волоскѣ. Кому теперь поручить обереженіе новыхъ владѣній? Кого пустить впередъ на стражѣ прочаго войска? — Потем-

[1]) Смотри статью «Запорожское братство». «Общедоступная военно-историческая христоматія», книга Вторая, стр. 173.

кинъ вспомнилъ о запорожцахъ, этихъ заклятыхъ врагахъ мусульманства. Онъ понималъ, какую пользу можетъ принести это братство, сплоченное, воинственное, незнавшее страха и, къ тому же, отлично знакомое съ Крымомъ и съ краемъ, гдѣ предвидѣлась война. Князь Таврическій призвалъ на службу разсѣянныхъ казаковъ. На этотъ разъ онъ окружилъ ихъ отеческимъ попеченіемъ, обласкалъ, какъ ласкаютъ обиженныхъ дѣтей. Намѣстникъ обширнаго края, знатный вельможа, недоступный для прочихъ, самъ входилъ во всѣ нужды братчиковъ, устраивалъ ихъ, одѣвалъ, любовно бесѣдовалъ. И запорожцы радостно откликнулись на зовъ «вельможнаго пана». Снова воскресло братство, на челѣ котораго явились вожди, достойные носить булаву Сагайдачнаго. Братство, вмѣстѣ съ новымъ именемъ «Войско вѣрныхъ казаковъ» получило въ даръ отъ Императрицы землю на вѣчное владѣніе; начальство надъ нимъ было поручено первому кошевому атаману въ русской службѣ, подполковнику Сидору Бѣлому. Князь Потемкинъ передалъ ему черезъ Суворова бывшее въ Запорожьѣ большое бѣлое знамя, малыя знамена для куреней, булаву, нѣсколько перначей и новую печать съ надписью: «Печать коша войска вѣрныхъ казаковъ»; по серединѣ печати былъ вырѣзанъ воинъ, опоясанный саблей и державшій въ одной рукѣ мушкетъ, въ другой—знамя съ крестомъ. Казаковъ раздѣлили по полкамъ, какъ и въ арміи; конные полки поступили подъ начальство Захара Чепѣги, усерднаго помощника кошеваго атамана, а пѣшіе—подъ начальство Антона Головатаго, войсковаго писаря; всѣ офицерскія должности были заняты казаками, получившими армейскіе чины, съ правомъ обшивать свои чекмени такими же галунами, какіе носили въ ту пору на офицерскихъ камзолахъ. Пѣшихъ казаковъ одѣли въ зеленыя черкески, конныхъ—въ синія, съ откидными рукавами, съ обложкой по борту изъ золотаго или серебрянаго снурка; шаровары оставлены турецкія, широкія. На вызовъ Потемкина откликнулись и тѣ изъ «невѣрныхъ», которые поселились въ турецкой землѣ; многіе изъ нихъ, особенно молодые, присоединились къ войску «вѣрныхъ» казаковъ, такъ что въ короткое время собралось безъ малаго 3 тыс. конныхъ и $9^1/_2$ тыс. пѣшихъ. Сидоръ Бѣлый поставилъ на скорую руку первый кошъ за днѣпровскимъ лиманомъ, съ кинбурнской стороны; но прочное устройство осѣдлости было отложено на будущее время, въ

виду открытія военныхъ дѣйствій. Войско получило всѣ способы для веденія войны. Его снабдили лодками, артиллеріей, оружіемъ, огнестрѣльными припасами; ему было положено жалованье, провіантъ. И казаки подвизались съ успѣхомъ на морѣ и на сушѣ, пѣшіе и конные. Первые ихъ подвиги, какъ во времена запорожскихъ походовъ, были совершены противъ турецкаго флота.

Въ то время, когда армія Потемкина медленно подвигалась къ Ѳчакову, въ виду этой крѣпости происходили частыя схватки между турецкимъ и нашимъ флотомъ. Въ гребной флотиліи, состоявшей подъ начальствомъ принца Нассау, находилось 80 казачьихъ лодокъ, державшихъ охрану. 16 іюля Гассанъ-паша поднялъ изъ-подъ Очакова весь свой флотъ съ тѣмъ, чтобы истребить нашу гребную флотилію. Съ трудомъ пробрались турки черезъ отмели, выстроились противъ нашего лѣваго фланга и открыли на всю ночь пальбу. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня грозная линія ихъ кораблей, фрегатовъ и мелкихъ судовъ тронулась на всѣхъ парусахъ. Увѣренные въ побѣдѣ османы съ презрѣніемъ смотрѣли на наши лодки, галеры, пловучія батареи. Принцъ Нассау открылъ огонь; правый флангъ флотиліи велъ контръ-адмиралъ Алексіано. Черезъ часъ 70-пушечный турецкій корабль сѣлъ на мель, за нимъ другой, 80-ти-пушечный, подъ вымпеломъ адмирала. Гребная флотилія приблизилась, казаки дерзко бросились на-абордажъ. Изумленію турокъ не было предѣловъ, когда они увидѣли себя окруженными своими вѣковыми врагами. Ихъ ненависть перешла въ ярость: долго, отчаянно они защищались, но казацкая сабля взяла верхъ, какъ и въ былые годы. Въ то же время пловучія батареи, метавшія брандскугели и каленыя ядра, подожгли нѣсколько другихъ судовъ, запылавшихъ въ огнѣ. Послѣ четырехъ-часового боя Гассанъ-паша приказалъ начать отступленіе: онъ потерялъ 2 тыс. убитыхъ; 1½ тыс. остались въ плѣну. Въ этой битвѣ палъ кошевой «вѣрнаго» войска, храбрый атаманъ Сидоръ Бѣлый. Гребная флотилія пустилась преслѣдовать разбитаго непріятеля. Когда онъ проходилъ мимо Кинбурна, Суворовская батарея осыпала флотъ калеными ядрами; многія суда были взорваны, другія притоплены. Тутъ казаки, мстя за смерть любимаго кошевого, бросились на разстроеннаго непріятеля вторично и сократили его флотъ еще на половину; остальной разсѣяли въ жаркой погонѣ. Такимъ обра-

зомъ, почти весь турецкій флотъ, стоявшій подъ Очаковымъ, былъ уничтоженъ. За такія молодецкія дѣла казаки, въ числѣ прочихъ, получили благодарность главнокомандующаго. На мѣсто Бѣлаго, по ихъ желанію былъ назначенъ Захаръ Алексѣевичъ Чепѣга, которому Потемкинъ подарилъ въ знакъ уваженія дорогую саблю.

Во время осады Очакова Гассанъ-паша вторично появился съ флотомъ, укрѣпилъ близь-лежащій островъ Березань, снабдилъ оттуда крѣпость продовольствіемъ и спокойно отплылъ въ Цареградъ. Укрѣпленіе сильно досаждало Потемкину.

— «Головатый, какъ бы взять Березань?» сказалъ онъ однажды начальнику своего конвоя.

— «Возьмемъ, ваша свѣтлость! А крестъ будетъ за то?» спросилъ хитро Головатый.

— «Будетъ, будетъ, только возьми,» отвѣчалъ свѣтлѣйшій.

— «Чуемо», сказалъ Головатый и вышелъ отъ князя, какъ ни въ чемъ не бывало.

7 ноября, поутру казаки подплыли къ острову; турки встрѣтили ихъ жестокимъ огнемъ съ береговыхъ батарей. Мужественно выдержавъ этотъ огонь, казаки сами сдѣлали залпъ, послѣ чего бросились въ воду и полѣзли на батареи съ быстротою кошекъ. Оторопѣлые турки перебѣжали въ укрѣпленіе, откуда сейчасъ же посыпалась картечь. Тогда казаки повернули противъ укрѣпленія турецкія же пушки, втащили еще свои и открыли настоящую канонаду. Все это было продѣлано такъ быстро, такъ умѣло, что турки совершенно растерялись. Завидя вдали движеніе нашихъ лодокъ и нѣсколькихъ фрегатовъ, они выкинули бѣлый флагъ. Побѣдители потеряли 29 чел.; зато взяли 320 плѣнныхъ, 23 орудія, 150 бочекъ пороху, большой запасъ хлѣба и нѣсколько знаменъ, за которыя Потемкинъ приказалъ выдать по 20 руб. за каждое. Фельдмаршалъ остался весьма доволенъ взятіемъ Березани. И дѣйствительно, глядя теперь на эту скалу, не знаешь чему дивиться — дерзости сѣчевиковъ или природѣ турокъ такъ легко поддаваться страху? — Прежде всѣхъ явился къ Потемкину Головатый и, подходя, запѣлъ: «Кресту твоему поклоняемся, владыко», послѣ чего положилъ ему въ ноги ключи отъ крѣпости. — «Получишь, получишь», сказалъ ласково князь и надѣлъ на него Георгія.

На Николая казаки участвовали въ общемъ штурмѣ Оча-

кова и находились на правомъ крылѣ, вмѣстѣ съ донцами. Крѣпкій замокъ Гассанъ, какъ уже извѣстно, безъ труда перешелъ въ ихъ руки.

До какой степени вкоренилось между бывшими сѣчевиками братство, и съ какимъ трудомъ они приспособлялись къ новымъ порядкамъ, доказываетъ слѣдующій случай, бывшій за время осады. Одинъ чиновный казакъ въ чемъ-то провинился, и когда свѣтлѣйшій объ этомъ узналъ, то приказалъ Головатому, который самъ же носилъ чинъ полковника, чтобы онъ отъ себя пожурилъ виновнаго. На другой день Головатый, являясь съ рапортомъ, доложилъ, что приказаніе его свѣтлости исполнено въ точности: «пожурили виновнаго по-своему».—«Какъ же вы его пожурили?» спросилъ князь.—«Какъ пожурили? А просто: положили, та кіями откатали такъ, что едва всталъ....»—«Какъ! Маіора? закричалъ свѣтлѣйшій: да какъ вы могли?...»—«Да и правда насилу смогли, едва вчетверомъ повалили: не давался. Однако справились. А що за біда, що вінъ маіоръ? Маіорство его не при чему, воно за нимъ и осталось!»—За оказанныя въ этомъ году услуги войско, кромѣ Высочайшаго благоволенія, удостоилось получить наименованіе «Черноморскаго», — названіе, которое оно носило со славою и честью 70 лѣтъ.

Черноморцы раздѣляли всѣ труды и походы, пока не кончилась турецкая война. Конные полки открывали движеніе непріятеля, доставляли въ опасныхъ мѣстахъ провіантъ и снаряды, держали пикеты, разъѣзды, а главное — служили арміи проводниками черезъ хорошо имъ знакомыя очаковскія степи. Пѣшіе казаки шныряли на своихъ лодкахъ вдоль морскаго побережья или въ камышахъ Дуная, открывали слѣды непріятеля, штурмовали его корабли и даже крѣпости. Такъ, при содѣйствіи черноморцевъ, были взяты Килія, замокъ Тульча, крѣпость Исакча. 18-го ноября 1790 года Дунайская флотилія, подъ начальствомъ Рибаса, приблизилась Килійскимъ гирломъ къ крѣпости Измаилу. Антонъ Головатый съ 12 лансонами и казачьими лодками сталъ ниже крѣпости, а Рибасъ со своей флотиліей—выше. На другой день обѣ флотиліи открыли канонаду по крѣпости и непріятельскимъ судамъ, а въ это время были заложены на островѣ Чаталѣ, какъ разъ противъ крѣпости, наши батареи. Передъ рѣшительнымъ сраженіемъ Антонъ Головатый получилъ отъ Рибаса на свое судно брейдъ-вымпелъ, дабы «столь почетный командорскій

знакъ служилъ вождю храбрыхъ моряковъ-черноморцевъ на казачьей флотиліи честью и славой».

Утромъ 20 ноября обѣ флотиліи, подъ прикрытіемъ огня своихъ батарей, смѣло подошли къ крѣпости на картечный выстрѣлъ и открыли жестокую канонаду. Въ то время, когда наши отважные моряки Ахметовъ и Поскочинъ громили турецкія суда подъ самымъ бастіономъ, Головатый набросился на ихъ флотилію: 90 судовъ погрузились въ воду или сгорѣли подъ натискомъ «вѣрныхъ» черноморцевъ; турки потеряли въ этотъ день 118 орудій; ихъ флотъ пересталъ существовать, оставались сухопутныя твердыни, которыя довелось брать Суворову. Въ знаменитомъ штурмѣ участвовало болѣе 6 тыс. черноморцевъ. Во тьмѣ ночной тихо двигались на веслахъ впереди прочей флотиліи 145 лодокъ съ пѣхотой и черноморцами; за ними слѣдовала остальная флотилія — бригантины, шлюпки, пловучія батареи. Подъ градомъ ядеръ и картечи наши войска высадились на берегъ и тотчасъ принялись за разрушеніе непріятельскихъ батарей; потомъ, въ числѣ прочихъ колоннъ, черноморцы вступили въ городъ, причемъ случайно наткнулись на Капланъ-Гирея, извѣстнаго татарскаго витязя. Окруженный татарами и турками, онъ накинулся на черноморцевъ, вмигъ отнялъ у нихъ двѣ пушки и готовъ былъ раздавить слабую колонну, если бы не выручили ее 3 батальона егерей. Съ превеликимъ трудомъ они осилили четырехтысячное скопище, на трупахъ котораго палъ самъ Капланъ, его пять сыновей и лучшіе наѣздники Крыма.

За доблестные подвиги вожди черноморцевъ удостоились Высочайшей награды: бригадиръ Чепѣга получилъ тогда Георгія 3 класса, полковникъ Головатый—Владиміра 3 степени, есаулъ Кутина и писарь Котляревскій произведены въ полковники; кромѣ того, 500 черноморскихъ офицеровъ награждены слѣдующими чинами; всѣмъ войсковымъ чиновникамъ, наравнѣ съ офицерами арміи, пожалованы золотые знаки съ надписью: «за отмѣнную храбрость», а на другой сторонѣ: «Измаилъ взятъ 11 декабря 1790 года»;—казакамъ розданы серебряныя медали съ вензелемъ Императрицы, и также съ надписью: «За отличную храбрость при взятіи Измаила декабря 11-го 1790». Черноморцы, побывавши въ такой передрягѣ, довольно дешево отдѣлались: 500 убитыхъ и раненыхъ.

Еще въ началѣ этого года Потемкинъ получилъ отъ Императрицы слѣдующій рескриптъ: «Пріемля за благо ревностные

труды ваши по устроенію войскъ казацкихъ, которыя въ теченіи настоящей съ турками войны не одинъ разъ на тверди и водахъ отличилися усердіемъ и храбростью, Всемилостивѣйше соизволяемъ, чтобы вы, по главному надъ ними начальству, именовались великимъ Гетманомъ нашихъ казацкихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ и пребываемъ всегда вамъ Императорскою нашею милостью благосклонны».

Новый гетманъ отблагодарилъ черноморцевъ, какъ подобало его великому сану. Онъ назначилъ имъ подъ поселеніе привольную землю между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ, по берегу Чернаго моря; кромѣ того, подарилъ имъ собственныя богатыя рыбныя ловли на Тамани. Черноморцы начали было уже заселять вновь отведенную землю, при чемъ основали свой кошъ въ селеніи Слободзеѣ, какъ случилось большое несчастье: ихъ покровитель и защитникъ передъ трономъ, великій гетманъ внезапно скончался, не успѣвъ испросить Высочайшей грамоты на отведенную землю. Его смерть почти совпала съ окончаніемъ войны. Торжество военной славы омрачилось горестнымъ событіемъ, принятымъ близко къ сердцу. Заплакали черноморцы, напѣвая подъ бандуру:

«Устань батьку, устань Грицьку!
Великій Гетьмàне!»

Не всталъ гетманъ на зовъ своего «вѣрнаго» и любимаго войска! Въ память его казаки изготовили большое бѣлое атласное знамя, которое и донынѣ хранится въ Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ; его окружаютъ два голубыхъ знамени, сооруженныхъ въ томъ же году собственно для войска доблестнымъ кошевымъ Захаромъ Чепѣгой.

Не успѣли черноморцы опомниться, не только что обжиться или устроить свой бытъ, какъ получили приказаніе готовиться къ новому переселенію, на Кубань. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошли недобрые слухи, что казачій урядъ будетъ вовсе уничтоженъ, что изъ нихъ составятъ легкоконные полки, для охраненія Кубани, куда станутъ посылать ихъ по-очередно. Войско собралось на раду печальное, убитое; приговоръ рады былъ таковъ же: «Что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ». Однако они тотчасъ же выслали есаула Гулика для осмотра пожалованной земли, а въ то же время обрядили въ Петербургъ депутатовъ съ тѣмъ, чтобы они испросили грамоту на вѣчное владѣніе. Въ депутаты выбрали Головатаго, двухъ маіоровъ и 5 казаковъ.

Пока есаулъ Гуликъ странствовалъ по дикимъ пустырямъ Черноморья, Головатый съ товарищами распинались въ столицѣ за судьбу своего войска. Долго они не могли получить доступъ къ Императрицѣ. Вельможи пышнаго двора недоумѣвали, какъ можно ввести во дворецъ этихъ полудикихъ людей? Го́ловы у нихъ бритыя, говорятъ они не по-людски, точно мычатъ, вмѣсто отвѣта: «Эге», «та ні», «а тожь»— такихъ словъ, вѣдь, никто не пойметъ! Однако Головатый, благодаря старымъ знакомствамъ, добился, что пріемъ депутаціи былъ назначенъ въ одно изъ воскресеній.

Наступилъ желанный день. Съѣхались во дворецъ придворные, чужеземные посланники, министры; съѣхался весь генералитетъ. Въ тронной залѣ чинно всѣ ожидали выхода Императрицы. Вдругъ входятъ въ залу черноморцы: впереди Головатый въ зеленомъ чекменѣ (бешметѣ), обшитомъ полковничьими галунами, въ бѣлой черкескѣ, широкихъ шароварахъ и въ красныхъ съ серебряными подковами сапогахъ. Весь обвѣшанный орденами, покручивая свои длинные усы, онъ сурово посмотрѣлъ на всѣхъ и сталъ на указанномъ мѣстѣ. Обѣдня кончилась, говоръ въ залѣ утихъ, и вотъ Государыня величественно вступила между двумя рядами. Медленно и съ кроткой улыбкой она подошла къ черноморцамъ. Старый запорожецъ оживился, его глаза заблистали радостью; онъ громко и ясно произнесъ по-русски привѣтствіе отъ своего коша. Государыня ласково выслушала и подала ему руку. Головатый упалъ на колѣни, залился слезами, при чемъ троекратно облобызалъ царскую руку. Государыня еще съ минуту простояла, потомъ удалилась въ свои покои. Въ тотъ же день была объявлена воля Императрицы, чтобы Головатый подалъ записку о нуждахъ войска Черноморскаго. Записку сейчасъ же составили и подали куда слѣдуетъ. Въ ней Головатый изобразилъ жалкое положеніе бывшихъ сѣчевиковъ, принужденныхъ поспѣшно подниматься въ далекую окраину, распродавать скотъ, свои убогіе пожитки, а надолго ли?—про то они не вѣдаютъ.

Пока записка ходила по рукамъ, Головатый проживалъ въ столицѣ. Всѣ знаменитые вельможи наперерывъ зазывали его къ себѣ на обѣды, на вечера, съ жадностью слушали его разсказы про Сѣчь, про нравы и обычаи запорожцевъ. Большинство русскихъ людей того времени признавало въ нихъ не больше какъ разбойниковъ, буйныхъ, непосѣдлыхъ. Часто

Головатый бралъ съ собой бандуру и, по просьбѣ хозяевъ, пѣвалъ старыя казацкія пѣсни, то заунывныя, отъ которыхъ щемило сердце и навертывались слезы, то—разгульныя, отъ которыхъ кружилась голова, сами собой ходили ноги. Депутатовъ приглашали на всѣ придворныя празднества. Особенно ласково относился къ нимъ Великій Князь Константинъ Павловичъ. Однажды, проходя мимо Головатаго, онъ завертѣлъ пальцами, точно хотѣлъ завернуть за ухо чуприну, при чемъ спросилъ у него, отчего это черноморцы завертываютъ свою чуприну непремѣнно за лѣвое ухо.

— «Всѣ знаки достоинства и отличій, ваше высочество, какъ-то: сабля, шпага, ордена, носятся на лѣвомъ боку, то и чуприна, какъ знакъ удальства и храбрости, должна быть завернута за лѣвое ухо.»

Императрица узнала, что Головатому хочется заглянуть въ ея комнаты, и тотчасъ приказала показать депутатамъ весь дворецъ, сверху донизу. Когда ихъ ввели въ ея собственный кабинетъ и показали на столъ, гдѣ пишетъ Государыня, Головатый схватилъ перо, благоговѣйно его поцѣловалъ и положилъ обратно на столъ.

30 іюня 1792 года въ Сенатѣ былъ полученъ Высочайшій указъ, въ которомъ говорилось, что войску казачьему Черноморскому, собранному покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ изъ вѣрныхъ казаковъ бывшей запорожской Сѣчи, дана жалованная грамота на островъ Фанагорію со всѣми угодьями и землями между Кубанью и Азовскимъ моремъ. А въ грамотѣ, данной черноморцамъ, послѣ перечисленія ихъ боевыхъ заслугъ, было сказано, что «войску Черноморскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ; на производство жалованья кошевому атаману, войсковымъ старшинамъ и прочіе по войску расходы повелѣвается отпускать по 20 тыс. рублей на годъ; предоставляется пользоваться свободною торговлею и вольною продажею вина на черноморскихъ земляхъ, равно впадающихъ въ погрѣшности судить и наказывать войсковому начальству, но важныхъ преступниковъ отсылать къ губернатору таврическому. Высочайше жалуется знамя войсковое и литавры, кромѣ тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и войсковой печати, которыя отъ покойнаго фельдмаршала, по волѣ Императрицы, уже войску доставлены».

Черезъ 2 недѣли депутаты прибыли въ Царское Село, во

дворецъ, принести Государынѣ благодарность за ея великую милость къ войску Черноморскому. Головатый выступилъ впередъ и съ благоговѣніемъ произнесъ: «Всемилостивѣйшая Государыня! Ты насъ приняла яко матерь. Мы воздвигнемъ грады, населимъ села и сохранимъ безопасность предѣловъ. Наша преданность и усердіе къ Тебѣ, любовь къ отечеству пребудутъ вѣчны, чему свидѣтель Всемогущій Богъ».—Допустивши къ рукѣ, Императрица пожаловала Головатому золотую шпагу, а всему войску—на золоченомъ блюдѣ хлѣбъ-соль съ вызолоченой солонкой, украшенной двуглавымъ орломъ; всѣ остальные депутаты были награждены слѣдующими чинами, въ томъ числѣ и младшій сынъ Головатаго. Передъ отъѣздомъ изъ столицы имъ вручили Высочайшую грамоту въ богатомъ ковчегѣ, знамя, литавры, войсковую печать, а для кошеваго—саблю, усыпанную драгоцѣнными камнями. Все это депутаты бережно уложили и повезли съ собой. Между тѣмъ кошевой отрядилъ пятисотенный конный отрядъ, который встрѣтилъ депутатовъ за 30 верстъ отъ Слободзеи. На праздникъ Успенья собралось въ кошъ все «вѣрное» войско и построилось въ двѣ лавы, по обѣ стороны главной улицы. Около церкви стоялъ уже высокій помостъ, покрытый турецкими коврами, а на немъ столъ, прикрытый парчею для царскихъ подарковъ. По лѣвую сторону помоста стали полукружіемъ старшины съ булавами, знаменами и значками; по правую—духовенство въ полномъ облаченіи. Кошевой Чепѣга и войсковой писарь ожидали на возвышеніи. Какъ только подъѣхали депутаты, раздались одинъ за другимъ три пушечныхъ выстрѣла, послѣ чего старшины вышли навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью отъ войска. Головатый, принявъ хлѣбъ-соль, пошелъ между лавами; передъ нимъ несли штабъ-офицеры Монаршій хлѣбъ-соль, покрытый матеріей; самъ Головатый держалъ блюдо съ грамотой; одинъ изъ его сыновей несъ письмо кошевому, другой—жалованную саблю. Все время палили изъ пушекъ. Но вотъ орудія замолкли, Головатый сталъ говорить привѣтствіе. Послѣ краткой рѣчи онъ передалъ кошевому по порядку всѣ Высочайшіе дары, послѣ чего препоясалъ его саблей. Кошевой поцѣловалъ хлѣбъ-соль, а грамоты передалъ войсковому писарю, который сейчасъ же ихъ прочелъ во всеуслышаніе. Послѣ этого Чепѣга привѣтствовалъ отъ себя все войско, собранное на тотъ случай. — «Ой, спасибі жъ нашей матери, за ея ми-

лости», отвѣчали задушевно черноморцы. — Когда духовенство двинулось въ церковь, штабъ-офицеры понесли столъ съ подарками и поставили его передъ иконой Спасителя. Екатеринославскій архіепископъ Амвросій началъ божественную литургію, послѣ которой былъ торжественно отслуженъ молебенъ съ многолѣтіемъ, при звонѣ колоколовъ, учащенной пальбѣ изъ пушекъ и ружей. Изъ церкви царскіе дары отнесли въ домъ кошевого, гдѣ Монаршій хлѣбъ раздѣлили на 4 части: одну назначили положить въ войсковую церковь, другую—отправить на Тамань, товарищамъ, третью—раздѣлить по полкамъ, а четвертую—оставить на столѣ у кошевого. Тутъ же пили старшины царское здоровье. Часть гостей осталась обѣдать у него, другая отправилась къ Головатому, неся съ большой церемоніей остатокъ царскаго хлѣба. И тутъ и тамъ долго гуляли, по старому казацкому обычаю, какъ въ былое время гуляли запорожцы въ своей Сѣчи.

Еще до прибытія Головатаго войско вырядило на Тамань пѣшихъ казаковъ, которые отплыли въ числѣ 4 тысячъ, подъ командой полковника Саввы Бѣлаго; черезъ двѣ недѣли послѣ войсковаго праздника выступилъ и кошевой съ пятью полками, со всѣмъ штабомъ и обозомъ; два полка были пока оставлены на мѣстѣ. Въ концѣ октября, поздней осенью, пришли казаки къ границамъ Черноморья, на р. Ею, изнуренные долгимъ и труднымъ походомъ. Здѣсь они перезимовали, а въ слѣдующемъ году окончательно заняли всю кубанскую границу. Вскорѣ подошелъ и Головатый съ обоими полками и съ семействами переселенцевъ. На первыхъ порахъ жутко показалось черноморцамъ: край новый, совсѣмъ имъ незнакомый; земля необитаема, со многими заросшими камышемъ рѣчками и болотами. Люди, не находя нигдѣ пріюта, зарывались въ землѣ и въ этихъ мрачныхъ, сырыхъ убѣжищахъ проводили зиму и лѣто. Надо было приложить много труда, чтобы оживить мертвую пустыню, а черноморцы пришли, можно сказать, съ голыми руками; у кого было какое хозяйство, бросили на мѣстѣ, за невозможностью поднять. Но сюда явились особые люди, черпавшіе силу въ тѣсномъ, неразрывномъ братствѣ. Оно ихъ выручало въ былые годы, ради него они бросили родныя степи, насиженныя вѣками мѣста. И тутъ оно сослужило свою службу. Черноморцы заселили необитаемый край хуторами и куре-

нями (станицами), воздѣлали землю, развели сады, пчелъ, насыпали запруды, устроили мельницы, поставили храмы Божіи, оградили Кубань пикетами и на долгіе годы стали вѣрными стражами далекой окраины. Въ Карасунскомъ кутѣ, близъ Кубани, черноморское войско основало городъ Екатеринодаръ, въ память своей благодѣтельницы.—По примѣру запорожскаго коша, здѣсь была построена крѣпость и по сѣчевому уставу курени, или казармы, для помѣщенія бездомнаго товариства; среди крѣпости поставили Свято-Троицкую походную церковь, гдѣ нынѣ возвышается недавно отстроенная каменная; 38 станицъ, разбросанныхъ по Кубанской землѣ, получили названіе запорожскихъ куреней, а два прибавлены вновь: Екатериновскій — въ честь Императрицы и Березанскій — въ память славнаго подвига. Надъ лиманомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Лебяжьяго, черноморцы основали обитель, преимущественно для своей же братіи изъ казаковъ. Въ этотъ монастырь перешла большая часть ризницы изъ Покровской церкви, что была на Сѣчи, и изъ Кіевскаго Межигорскаго монастыря, содержимаго на средства коша. Мирное заселеніе края и его обогащеніе подвигалось медленно, не такъ скоро, какъ сказывается. Прошли не годы, а десятки лѣтъ, пока луга покрылись стадами барановъ или скота, зацвѣли сады, зашумѣли водяныя мельницы, укрѣпились станицы, зазвонили въ храмахъ колокола. Переселенцы явились сюда въ числѣ 17 тыс., но многіе изъ нихъ не перенесли болѣзней, неизбѣжныхъ въ странѣ болотъ и частыхъ тумановъ. Пока одни устраивались, другіе день и ночь стояли на кордонахъ вдоль Кубани.

«Кубань! Кубань! Сколько на рубежѣ твоемъ провели черноморцы безсонныхъ ночей! Сколько пролито казачьей крови на защиту края!...» восклицаетъ черноморецъ, описавшій судьбы своей родины.

II.

Черноморская Кордонная Линія.

По излучинамъ Кубани, отъ Воронежскаго редута внизъ до Бугаза, почти на 300 верстъ длиною, Чепѣга поставилъ рядъ кордоновъ, получившихъ названіе Черноморской Кордонной Линіи. Въ верхніе кордоны Чепѣга ставилъ отъ 50 до 60 казаковъ, при старшинѣ, а въ нижніе—отъ 25 до 30 чел. Кордоны окапывались глубокимъ рвомъ, съ бастіонами, обсаженными колючимъ терновникомъ; внутри ставили жилье для людей и навѣсы для лошадей. Между кордонами въ болѣе опасныхъ мѣстахъ насыпали батареи и ставили пикеты. Батареи — это были тѣ же кордоны, только вооруженные пушками; что касается «бикетовъ», то они были гораздо меньше: на 8—10 защитниковъ, и походили на круглыя, точно врытыя

въ землю, корзины, окруженныя небольшимъ ровикомъ. Надъ каждымъ изъ названныхъ укрѣпленій возвышалась на четырехъ подпоркахъ, такъ называемая, «вышка». Посрединѣ ея камышевой крыши, подобранной кверху пучкомъ, торчалъ шпиль съ перекладиной. На обоихъ концахъ перекладины качались плетеные шары, въ родѣ коромысла съ ведрами. Это вѣстникъ тревоги, «маякъ», какъ его называли казаки. Когда сторожевой завидитъ съ вышки непріятеля, онъ кричитъ: «Черкесы! Богъ съ вами!»—«Маячь же, небоже!» отвѣчали ему внизу. Шары поднимались вверхъ: они «маячили» тревогу. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ укрѣпленія врывалась въ землю высокая жердь, обмотанная пенькой и сѣномъ и извѣстная подъ именемъ «фигуры». Если въ темную ночь непріятель прорвалъ гдѣ-нибудь Линію, прежде всего загорались «фигуры», проливая багровый свѣтъ по берегу. Учащенные выстрѣлы, топотъ коней, крики, ревъ быковъ, блеяніе баранты — вотъ признаки ночной тревоги. И часто на зеленомъ холмѣ, возлѣ «фигуры», стоитъ покачнувшись крестъ: то палъ въ одиночномъ бою постовой казакъ. На всемъ длинномъ протяженіи Кордонной Линіи раскинулись плавни и болота, покрытыя непроглянымъ лѣсомъ камыша, скрывавшимъ въ своихъ трущобахъ дикаго кабана. Воздухъ пахнетъ гнилью; миріады комаровъ и мошекъ носятся тучами, не щадя ничего живаго. Въ такомъ-то краю проводили черноморцы жизнь, въ трудѣ, лишеніяхъ, вѣчной опаскѣ. Пластуны въ своихъ поискахъ за черкесомъ рыскали по плавнямъ, гдѣ на каждомъ шагу натыкались на дикихъ звѣрей, угрожавшихъ страшными клыками. Бывали случаи, что храбрецы, обознавшись, стрѣляли другъ въ друга. А сколько было тамъ потрачено удальства, хитрости, терпѣнія—про то вѣдаетъ лишь мать сыра-земля, сокрывшая ихъ кости!

По ту сторону Кубани жили горскіе народы разнаго наименованія: шапсуги, бжедухи, абазинцы, нахтухайцы и др. Всѣ они признавали своимъ верховнымъ повелителемъ турецкаго султана, владѣвшаго тогда Анапой. Анапскому пашѣ было поручено наблюдать и управлять черкесскими народами. Однако горцы были послушны только тогда, когда паша принималъ ихъ сторону или же явно поощрялъ вражду къ русскимъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они дѣлали, что хотѣли. До переселенія войска закубанскіе горцы привыкли пользоваться лугами и пашнями по сю сторону Ку-

бани, даже временно здѣсь проживали. Съ прибытіемъ русскихъ черкесы собрали свой хлѣбъ, забрали хозяйство и ушли безъ всякой вражды. Первое время сосѣди жили какъ будто въ ладу. Черкесскіе князья частенько наѣзжали въ Екатеринодаръ, гдѣ всегда находили радушную встрѣчу. Они толковали, какъ бы лучше сохранить миръ, кунàкались, пили, ѣли, послѣ чего возвращались довольные къ себѣ въ горы. Многіе князья напрашивались въ русское подданство, клялись соблюдать вѣрность, бывали даже случаи переселенія цѣлаго племени—только все это продолжалось не долго. Отчасти природное хищничество, старая привычка пощипать сосѣда, отчасти подстрекательства турокъ вызывали частые набѣги закубанцевъ, отчего жизнь въ Черноморьи рано сложилась на военную ногу. Особые вооруженные отряды охраняли всю ночь станицы; всѣ находившіеся въ пути еще до солнечнаго заката собирались подъ защиту ближайшаго кордона; пограничные поселенцы ходили не иначе, какъ вооруженные съ головы до ногъ. Въ темныя ненастныя ночи, пробираясь между нашими секретами, черкесы воровали скотъ, уводили плѣнныхъ, увѣчили, мучили несчастныя жертвы. Бывали примѣры, что, подрѣзавъ плѣннымъ жилы, бросали ихъ въ плавняхъ на съѣденіе комаровъ, а кого уводили въ горы, того ожидало мучительное рабство. Кордонная служба съ каждымъ годомъ становилась все труднѣе и труднѣе: болѣе опасные кордоны пришлось усилить до 200 защитниковъ; во многихъ мѣстахъ насыпали новыя батареи, увеличили число пикетовъ. Съ первымъ свѣтомъ дня сторожевой поднимался на вышку, откуда зорко глядѣлъ на Кубань. Когда же наступали сумерки, спѣшенные казаки расходились съ постовъ и украдкой залегали берегъ въ опасныхъ мѣстахъ, по 2—3 чел. вмѣстѣ. Это «залога». Казаки, оставшіеся на постахъ, держали лошадей въ сѣдлѣ, чтобы по первому выстрѣлу скакать сломя голову, куда призываетъ опасность. Кромѣ того, вдоль Линіи, по прибрежнымъ тропинкамъ, или «стежкамъ», сновали конные разъѣзды. Стежки прокладывались по мѣстамъ скрытнымъ, между кустарникомъ, камышомъ. Разъѣздамъ дѣлали частую смѣну, потому что горцы имѣли обыкновеніе подстерегать на засадахъ. Перекинутъ черезъ стежку арканъ-либо лозу, пропустятъ мимо себя разъѣздъ, потомъ гикнутъ и гонятъ на арканъ, отчего всадникъ съ лошадью падаютъ на землю. Послѣ та-

кихъ случаевъ казаки стали ѣздить гуськомъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Послѣдній разъѣздъ снималъ залогу, но въ сильные туманы залога не снималась вовсе, разъѣзды ходили до полудня. Зимой, когда Кубань покрывалась льдомъ и можно было ожидать нападенія въ большихъ размѣрахъ, пѣшія залоги замѣнялись усиленными разъѣздами.—Ни темень, ни вьюга, ни стужа—ничто не избавляло казаковъ отъ трудностей кордонной службы. На кордонѣ хоть бывало жилье, сходились люди, дымилась труба—можно отогрѣться, отвести въ бесѣдѣ душу. Но вотъ вернулся изъ поиска казакъ на свой пикетъ, гдѣ нѣтъ другаго пріюта, кромѣ шалаша: разведетъ огонекъ, подсядетъ мрачный, съ тяжелой думой, съ морщинами на лбу. Онъ голоденъ, усталъ, продрогъ. Хорошо еще, если подойдетъ котъ да замурлычитъ; тогда морщины на лбу расправятся, вспомнитъ казакъ родную хату, вспомнитъ родную семью—ему станетъ легче, онъ гладитъ кота по шерсткѣ... Черноморцы умѣли держаться противъ непріятеля даже въ этихъ корзинахъ, которыя назывались «бикетами». Приказный Сура съ десятью товарищами долго отбивался отъ скопища шапсуговъ, пробиравшагося на разгромъ Полтавскаго куреня. Казаки не обращали вниманія на обычное приглашеніе горцевъ: «Эй, Иванъ, гайда за Кубань!» и мѣткими залпами осаживали толпу при каждомъ ея натискѣ. Они не только отбились, но спасли Полтавскій курень. Послѣ того черкесы перестали нападать на пикеты, а, пускаясь въ набѣгъ, оставляли небольшія партіи для наблюденія, чтобы казаки не могли оповѣстить сосѣдніе кордоны.

На первыхъ порахъ своего водворенія черноморцы имѣли право только защищаться, прогонять хищниковъ обратно, но самимъ ходить въ горы для наказанія или возвращенія своего добра строго запрещалось. Какъ Императрица, такъ и ея ближайшіе преемники—Императоры Павелъ, Александръ I—желали тишины, поддержанія сосѣдской дружбы. Однако кротость и уступчивость не повели ни къ чему, дерзость горцевъ только возрастала: азіаты повинуются лишь страху, уважаютъ только силу. Едва было снято запрещеніе, связывавшее насъ по рукамъ и по ногамъ, началась война, война безпощадная: черноморцы мстятъ за каждый набѣгъ; они вносятъ мечъ и огонь въ горные аулы, въ неприступныя лѣсныя трущобы, казнятъ хищниковъ, возвращаютъ добычу, предаютъ

пламени ихъ запасы и селитьбы, послѣ чего отходятъ къ себѣ за Кубань. На короткое время водворялась тишина, черноморцы отдыхали. Теперь горцы, въ свою очередь, собираются въ силы, переходятъ цѣлыми отрядами Кубань, нападаютъ на станицы, на кордоны, гдѣ творятъ то же самое; встрѣтившись съ казаками, грудь съ грудью, бьются насмерть. И такъ—изъ года въ годъ, десятки лѣтъ тревожной боевой жизни, пока черкесы не покинули Кавказъ. Для усиленія Линіи назначались егерскіе полки. Соединенныя дружины егерей и черноморцевъ много разъ водилъ преемникъ Чепѣги атаманъ Бурсакъ; имя его стало грозой въ горахъ Кавказа.

Однажды, по веснѣ 1809 года, вышковой Новогригорьевскаго кордона замѣтилъ, будто въ плавнѣ что-то зашумѣло, о чемъ далъ знать постовому начальнику сотнику Пахитонову. Послѣдній тотчасъ выступилъ навстрѣчу черкесамъ и сдѣлалъ уже нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, оповѣщая тѣмъ сосѣднія станицы, но потомъ, переговоря съ вышковымъ, вернулся на постъ. Черкесовъ переправилось около 2 тыс., а казаковъ и солдатъ считалось только сто. Не смотря на свою малочисленность, защитники такъ удачно отбивались картечью, что непріятель продержался не болѣе получаса, послѣ чего отступилъ, потерявши около сотни раненыхъ и много убитыхъ. Пахитоновъ со своей слабой командой пустился преслѣдовать; сначала горцы отступали, потомъ, получивъ изъ-за Кубани подкрѣпленіе, дружно какъ одинъ бросились въ шашки. Пахитоновъ былъ раненъ, казаки и артиллерійская прислуга перебиты. Изъ артиллеристовъ осталось только двое: одному пуля угодила въ сумку съ зарядами, отчего произошелъ взрывъ, растерзавшій канонира; другой лишился чувствъ. Лишь только артиллерія замолкла, горцы обскакали фланги и теперь уже смѣло врубились въ ряды. Они отбили пушку, сѣкли казаковъ, вязали плѣнныхъ. Правда, около 2-хъ сотенъ черкесовъ пало на штыкахъ и пикахъ, но нашихъ-то уцѣлѣло всего 25 человѣкъ, успѣвшихъ добѣжать до кордона. Пахитоновъ остался подъ стѣнами; команду принялъ штабсъ-капитанъ Фетисовъ. Всѣ уцѣлѣвшіе засѣли теперь съ ружьями въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ; они еще надѣялись отстоять свое послѣднее убѣжище. Тогда черкесы перебросили въ кордонъ кучи зажженнаго навоза, отъ котораго загорѣлись постройки, и пожаръ

распространился по всему кордону. При видѣ такой бѣды, Фетисовъ собралъ свою команду и объявилъ слѣдующее: «Братцы! Теперь все равно погибать — отъ огня ли, отъ непріятеля. Спасайтесь, кто куда потрафитъ!» Растворили калитки, бросились изъ кордона, но лишь тремъ казакамъ да двумъ солдатамъ удалось какъ-то въ дыму проскочить къ обрыву, откуда они бросились прямо въ Кубань. Всѣ прочіе попали въ неволю. Новогригорьевскій постъ былъ разграбленъ и сожженъ. Черкесы разнесли по горамъ вѣсть о взятіи кордона, съ пушкой, съ артиллерійскими запасами и уже мечтали разорить всю Черноморію. Чтобы посбавить у нихъ спѣси, ровно черезъ мѣсяцъ пятитысячный отрядъ подъ начальствомъ атамана Бурсака перешелъ на тотъ берегъ у Александровскаго поста. Тутъ находились конные и пѣшіе полки черноморцевъ при 6 орудіяхъ, батальонъ егерей и гарнизонная рота. На пути къ рѣчкамъ Шедуккѣ и Маттѣ атаманъ сжегъ нѣсколько ауловъ измѣнника Баты, много разъ клявшагося въ преданности Россіи. Жители удалились въ горы. Сначала черкесы вовсе не показывались, но дальше, пользуясь лѣсной мѣстностью, стали появляться партіями, около 500 чел. каждая. Бурсакъ шелъ впередъ, пролагая путь пушечными выстрѣлами. Онъ безъ пощады разорялъ аулы и жегъ всѣ притоны. Когда отрядъ уперся въ дремучіе, непроходимые лѣса, атаманъ остановился на ночлегъ. Горцы собрались уже въ числѣ двухъ тысячъ; ихъ удерживали на должномъ разстояніи лишь пушечнымъ огнемъ. На другой день Бурсакъ опять вступилъ въ землю Баты. 18 ауловъ поплатились за гибель Новогригорьевскаго поста. Множество хуторовъ, пасѣкъ, запасы хлѣба, сѣна, — все было истреблено, до основанія. Черкесы потеряли въ схваткахъ болѣе 500 убитыхъ и до 300 раненыхъ. Отрядъ возвращался обремененный добычей; казаки гнали стада быковъ, тысячи барановъ.

Въ томъ же году прибылъ въ Черноморію Новороссійскій губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье, извѣстный устроитель города Одессы. Онъ надѣялся привлечь на свою сторону горцевъ мирными переговорами, для чего были вызваны въ Екатеринодаръ всѣ знатнѣйшіе закубанскіе владѣльцы. Генералъ уговаривалъ ихъ жить въ дружбѣ съ черноморцами, угощалъ, дарилъ цѣнными подарками, деньгами, — и князья на все соглашались, пока ѣли и пили; вернувшись же за Кубань,

ничего не исполнили. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ подобрали 3 сотни самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, прокрались возлѣ Петровскаго поста, гдѣ неподалеку засѣли въ топкихъ болотахъ ждать проѣзда генерала. Конечно, приманкою служилъ богатый выкупъ за щедраго вельможу. Къ счастью, постовой начальникъ, есаулъ Иваненко во-время провѣдалъ ихъ коварный умыселъ. Съ командой отборныхъ казаковъ, съ пушкой, онъ подошелъ къ мѣсту засады и послѣ залпа бросился на «ура!» Черкесы сразу побѣжали. Отважный сотникъ ринулся въ погоню, при чемъ захватилъ въ плѣнъ четырехъ наѣздниковъ. Всѣ 60 казаковъ получили отъ Государя по серебряному рублю, а Иваненкѣ дали крестъ. Въ память этого событія насыпали въ томъ мѣстѣ батарею, названную по имени генерала Емануиловскою.

Въ началѣ слѣдующаго 1810 года, вблизи Ольгина поста, вторгнулись въ предѣлы Черноморіи 4 тысячи горцевъ подъ начальствомъ самыхъ именитыхъ князей. Они раздѣлились по значкамъ на четыре партіи; пѣшіе стали по кордону, конные понеслись грабить станицы. Полковникъ Тиховскій разослалъ во всѣ концы гонцовъ съ вѣстью объ опасности и въ то же время вырядилъ особаго гонца къ атаману. Этому послѣднему только и удалось добраться, потому что всѣ дороги оказались перехвачены. Однако въ Ивановской станицѣ маіоръ Бахмановъ успѣлъ собрать жителей и свою небольшую регулярную команду. Горцы бросились поджигать дома; Бахмановъ дружнымъ ударомъ въ штыки заставилъ ихъ ретироваться и даже преслѣдовалъ огнемъ. Между тѣмъ, Тиховскій, видя, что предстоитъ разореніе всего края поспѣшно выступилъ противъ остальнаго скопища со всей своей командой; къ нему присоединился есаулъ Гаджановъ, прискакавшій на помощь съ Ново-Екатерининскаго поста. Черкесы тотчасъ же атаковали небольшой конный отрядъ, состоявшій всего-то изъ 200 всадниковъ. Тиховскій, не въ первый разъ встрѣчавшій враговъ грудью, спѣшился; бывшее съ нимъ орудіе дало подъ-рядъ 3 картечныхъ выстрѣла. Черкесы, неждавшіе такого отпора, стали поспѣшно подбирать убитыхъ, съ намѣреніемъ уходить, но въ это время перебѣжали Кубань пѣшіе резервы. Бой закипѣлъ снова—упорный, кровопролитный. Пѣшіе черкесы то изводили огнемъ, то кидались въ шашки, силясь раздавить кучку казаковъ. Послѣдніе чередовались черезъ ружье: убійственнымъ мѣткимъ

огнемъ они сокращали число враговъ; картечь рвала толпу на куски. Прошелъ часъ, другой, третій—казалось, никакія силы не могли разорвать тѣсное кольцо людей, готовыхъ умереть. На исходѣ четвертаго черкесы утомились, потеряли много убитыхъ; надежда на успѣхъ пропала. Они вторично приступили къ уборкѣ тѣлъ, какъ тутъ подскакала къ нимъ на помощь конная партія, отбитая маіоромъ Бахмановымъ. У черноморцевъ опустились руки. Артиллерійскіе снаряды вышли, патроны были на исходѣ; почти половина казаковъ лежали ничкомъ, безъ движенія, остальные теряли силы; кто молча истекалъ кровью, кто громко призывалъ смерть. Не смотря на то, слабые остатки жизни вызвали послѣдній подвигъ. Полковникъ Тиховскій при помощи Гаджанова поднялся съ трудомъ на ноги, одушевилъ казаковъ и ударилъ съ ними «въ ратища». Черкесы, выдержавъ отчаянный напоръ, приняли ихъ въ шашки. Тогда весь израненый, собравъ послѣднія силы, Тиховскій ринулся съ уцѣлѣвшими казаками на проломъ. Разрубленный горцами, онъ палъ на полѣ чести, рядомъ съ нимъ—его вѣрные сподвижники, заплатившіе своею жизнью за спасеніе края. Ихъ оказалось 140, кромѣ двухъ хорунжихъ и четырехъ есауловъ. Есаулъ Гаджановъ съ 16 казаками, пользуясь темнотою ночи, успѣли скрыться, но большая ихъ часть перемерла послѣ, отъ ранъ; всѣ же остальные, съ пушкой, уведены въ горы. Кромѣ того, изъ станицъ было увлечено тогда 50 плѣнныхъ, захвачено 2 тыс. рогатаго скота, $1^1/_2$ тыс. овецъ, сотня лошадей. Но и черкесамъ не дешево обошелся этотъ набѣгъ: они покинули на мѣстѣ болѣе 500 убитыхъ, а сколько увезли съ собой, осталось неизвѣстнымъ. На мѣсто кроваваго побоища прискакалъ изъ Мышастовской станицы есаулъ Голубь, но все ужъ было кончено: мѣсяцъ освѣщалъ изрубленные трупы, тихо струилась по талому льду человѣческая кровь, смѣшиваясь съ грязью, а тамъ, къ сторонѣ рѣки, раздавался глухой конскій топотъ, прерываемый по временамъ ревомъ упрямыхъ быковъ, подгоняемыхъ ударами шашекъ. Нынче это мѣсто украшено памятникомъ. Жестоко отомстилъ Бурсакъ за кровь черноморскую, за разрушеніе мирныхъ селитьбъ. Ровно черезъ 4 недѣли онъ былъ ужъ за Кубанью—въ землѣ черченейцевъ и абадзеховъ. Занявъ оба берега рѣки Супъ, онъ отправилъ отсюда одну колонну вправо, другую самъ повелъ влѣво. Въ 6 часовъ

утра обѣ колонны вступили въ дѣло. Застигнутые врасплохъ, горцы защищались отчаянно; тѣ же, которые не успѣли вооружиться, спасались въ бродъ черезъ рѣчку. Ожесточились казаки. Они рубили враговъ, не взирая ни на полъ, ни на возрастъ. Бурсаку едва удалось спасти въ пылавшихъ аулахъ 14 мужчинъ и 24 женщины. Мѣдная посуда, турецкія ткани, бумажный холстъ, оружіе, рогатый скотъ, овцы, лошади—были забраны казаками; все остальное предано безпощадному огню. Когда казаки вьючили добычу, кругомъ все пылало, горцы бѣжали въ лѣса. Потеря казаковъ въ этомъ дѣлѣ была ничтожная, а добыча велика. Изъ нея Бурсакъ выбралъ богатый лукъ со стрѣлами въ колчанѣ и отличное ружье въ подарокъ Дюкъ-де-Ришелье.

16 лѣтъ атаманствовалъ Ѳедоръ Яковлевичъ Бурсакъ. Много добра онъ сдѣлалъ родному краю, который любилъ какъ отецъ и устроялъ какъ мудрый хозяинъ. Богатырскаго роста, величавый и степенный, Бурсакъ, не смотря на свои преклонные годы, казался лѣтъ на 20 моложе, еще когда онъ гнулъ подковы и свалилъ однажды разъяреннаго быка. Подобно всѣмъ именитымъ украинцамъ того вѣка, атаманъ жилъ въ простотѣ, строго соблюдая обычаи старо-казацкаго быта, особенно по части гостепріимства. Герцогъ Ришелье при посѣщеніи Екатеринодара долженъ былъ два раза садиться за столъ, при чемъ гости, особенно французы, непривыкшіе къ малорусскому хлѣбосольству, высиживали за обѣдомъ и за ужиномъ по три часа. По обычаю, гостей обносили каждымъ кушаньемъ три раза; по третьему разу хозяинъ возглашалъ: «Во славу Святыя Троицы!»—Въ эту минуту раздавались одинъ за другимъ три пушечныхъ выстрѣла, за которыми слѣдовало громовое «ура»: то кричали казаки, выстроенные передъ домомъ атамана. На сонъ грядущій гости, по примѣру хозяина, выпивали по 3 стакана чаю и по столько же рому. Однажды за обѣдомъ герцогъ спросилъ: «Атаманъ, сколько у васъ дѣтей?» — Бурсакъ меньше всего думалъ о дѣлахъ домашнихъ.—«Трофимъ, спросилъ онъ у казака, стоявшаго за его стуломъ: сколько у меня дѣтей?» — «Одиннадцать дітокъ, пане атамане», отвѣтилъ казакъ. — «Всѣ мальчики?» продолжалъ допрашивать Ришелье, едва удерживая смѣхъ. — «Трофимъ, сколько у меня дочерей?» — «Четверо дівчатъ, батьку», отвѣчалъ невозмутимо сѣдой черноморецъ. Атаманъ получилъ прозвище

Бурсака потому, что обучался въ Кіевской бурсѣ. Своими частыми походами за Кубань онъ таки принудилъ горцевъ просить мира. Правда, миръ былъ не проченъ, не долго онъ продолжался, но все же казаки имѣли время хоть вздохнуть, сберечь лишняго кормильца семьѣ. А люди въ ту пору были дороги: обширный край еще пустовалъ. Въ закубанскихъ походахъ участвовали почти всѣ казаки, способные носить оружіе; по хуторамъ и станицамъ оставались лишь малолѣтки съ мамками да сестренками. Богатая земля лежала втуне. Въ 1820 году на помощь черноморцамъ явилось 25 тыс. малороссійскихъ казаковъ. Эти бѣдняки пришли съ пустыми руками, голодные и заморенные. Но въ самое короткое время черноморцы собрали въ ихъ пользу большой, по тогдашнему времени, капиталъ, подѣлились хлѣбомъ, скотомъ, лошадьми, овцами, всѣмъ, что сами имѣли, что только могли удѣлить изъ своихъ скудныхъ достатковъ. Часть переселенцевъ осѣла на Кордонной Линіи, которая по приказанію Ермолова стала въ ту пору заселяться станицами. Здѣсь и земля была лучше, тутъ ловилась рыба, водился звѣрь и птица. Такъ какъ переселенцы получали на 2 года льготу, то многіе изъ черноморцевъ охотно выселялись на Линію. Чтобы лучше обезопасить эти селитьбы отъ нечаянныхъ набѣговъ, поселенцамъ разрѣшили рубить на той сторонѣ лѣсъ, изъ котораго они ставили свои первыя постройки.

Дѣла на Кордонной Линіи замѣтно улучшились съ назначеніемъ ея начальникомъ донскаго войска генерала Власова. Бдительный, неутомимый и отважный, онъ напомнилъ черноморцамъ времена первыхъ кошевыхъ—Чепѣги, Бурсака, когда врагъ чуялъ казацкую силу и съ трепетомъ ждалъ расправы за каждую учиненную имъ на Линіи пакость. Дошло до свѣдѣнія Власова, что турецкій султанъ прислалъ въ Анапу судно съ товарами и деньгами. Горскіе князья разгласили въ горахъ, что у нихъ есть султанскій фирманъ, призывающій всѣхъ правовѣрныхъ на борьбу съ гяурами, что въ Анапу назначенъ новый паша съ войсками, и что война уже объявлена. За Кубанью охотно вѣрили самымъ нелѣпымъ слухамъ, особенно буйныя головы. Огромное скопище придвинулось къ Кубани. На другой день послѣ Покрова 1821 г. передовые прискакали на Петровскій постъ съ извѣстіемъ, что непріятель подошелъ къ Давыдовкѣ. Власовъ, который случился въ это время на посту, собралъ все,

что было подъ рукой: 600 конныхъ и 65 пѣшихъ казаковъ. Поздно вечеромъ, въ бурную осеннюю погоду Власовъ выступилъ съ отрядомъ, выслѣдилъ переправу и пропустилъ партію мимо. Горцы пошли на хутора, стоявшіе за 15—30 верстъ. Какъ только направленіе непріятеля обозначилось, Власовъ послалъ вслѣдъ ему сначала одну небольшую команду, потомъ другую, подъ начальствомъ есаула Залѣскаго. Казаки повели дѣло отлично, занявши непріятеля ружейной пальбой. Тутъ подоспѣла на помощь еще одна сотня съ орудіемъ изъ Славянскаго поста. Власовъ послалъ и ее вслѣдъ черкесамъ. Только что грянула отъ нихъ пушка, какъ въ ту же минуту запылали по Линіи маяки, раздались перекатомъ выстрѣлы, означавшіе тревогу. Горцы, не понимая въ чемъ дѣло, оторопѣли. Въ темнотѣ, на далекомъ разстояніи и за спиной пылали огни, палили пушки, трещали ружья. Шапсуги совсѣмъ струсили. Напрасно старшины пытались ихъ уговорить. Они повернули назадъ къ Кубани, но тутъ ждала ихъ облава: прямо въ лицо выпалила имъ картечью пушка, поставленная при дорогѣ; они отхлынули влѣво — тутъ съ двумя орудіями встрѣтилъ ихъ Власовъ: опять залпъ картечи. Тогда горцы, потерявъ надежду пробиться, бросились вразсыпную. Власовъ несся наперерѣзъ, двинувъ главный отрядъ слѣва, такъ что горцамъ оставалось спасаться въ прогнойный Калаускій лиманъ. Покуда было можно, казаки гнали ихъ, рубили шашками, пронизывали пиками; тѣ, которымъ удалось скрыться, погибли большею частью въ болотѣ, вмѣстѣ съ лошадьми. По собственному сознанію шапсуговъ, они потеряли болѣе тысячи воиновъ и 20 князей. Казакамъ досталось въ добычу 500 лошадей, множество прекраснаго оружія, 2 значка. И по сю пору жители находятъ въ болотахъ черкесскія шашки и панцыри. Императоръ Александръ I пожаловалъ Власову орденъ св. Владиміра 2 класса; а войско черноморское поднесло ему оправленную въ золото саблю, на клинкѣ которой была изображена Калауская битва. Войсковой старшина Журавскій, начальникъ Петровскаго поста, и есаулъ Залѣскій получили также Владимірскіе кресты.

Съ тѣхъ поръ прошло 70 лѣтъ; замолкъ громъ оружія на Кубани, край умиротворился, но многіе горцы и донынѣ вспоминаютъ въ заунывной пѣснѣ Калаускую битву. Упавшіе духомъ черноморцы ободрились. Власовъ жилъ, точнѣе

сказать, скитался по Кордонной Линіи. Едва онъ узнавалъ о сборищѣ, то не дожидалъ, пока оно явится, самъ переходилъ Кубань и вызывалъ его на бой или предавалъ пламени аулы безпокойныхъ. Бывали случаи, что партія уходила отъ него и натыкалась на него вторично. Русскіе отряды бороздили въ ненастную осень и въ суровую зиму по закубанскому краю. Въ пылавшихъ селеніяхъ черкесы гибли сотнями — или отъ огня, или отъ казацкаго оружія; нерѣдко женщины, предпочитая смерть неволѣ, бросались въ бурные потоки. Кромѣ множества плѣнныхъ, преимущественно изъ племени абадзеховъ и шапсуговъ, войска загоняли цѣлыми тысячами стада, вывозили цѣнное имущество, состоявшее изъ дорогой посуды, шелковыхъ одеждъ, турецкихъ матерій, нарядпаго оружія, богатой конской сбруи, щегольской одежды, панцырей, превосходныхъ аргамаковъ, — все это шло на поправленіе домашняго хозяйства обѣднѣвшихъ казаковъ. Власовъ всю военную добычу отдавалъ казакамъ. Однажды онъ разыскалъ въ аулѣ мѣдную шестифунтовую пушку турецкаго издѣлія; она хранится понынѣ, какъ диковинка, въ войсковомъ арсеналѣ; другой разъ вывели изъ неволи черноморца, сидѣвшаго въ цѣпяхъ, въ глубокой ямѣ. Судьба плѣнныхъ братьевъ особенно кручинила казацкое сердце.

Не смотря на всѣ попеченія Власова о благоденствіи черноморскаго войска, оно мало поправлялось. Тяжелая служба на Кордонной Линіи, вѣчныя тревоги и опасенія за свои стада и табуны, за нажитое добро, наконецъ плѣненіе отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ, горькая доля которыхъ была хорошо извѣстна, все, взятое вмѣстѣ, не красило жизнь черноморца, не могло его обогатить. Особенно тяжела была служба въ отрядахъ, которые по нѣскольку мѣсяцевъ блуждали отъ одного поста къ другому, проводили дни и ночи подъ открытомъ небомъ, — вѣчно хмурымъ и непривѣтливымъ, то обливавшимъ ихъ дождемъ, то обсыпавшимъ мокрымъ снѣгомъ. Постовые казаки могли хоть обогрѣться у своихъ печурокъ, а отрядные должны были довольствоваться скудными бивачными огнями, да и то не всегда, смотря по вѣстямъ. Въ особенно тревожные мѣсяцы лазутчики то и дѣло шныряли, при чемъ подавали вѣсти не всегда вѣрныя, а чаще всего сбивчивыя, отчего отряды понапрасну только вязли въ непролазной грязи. Зато черноморцы въ ежедневныхъ схваткахъ, въ частыхъ поискахъ освоились съ врагомъ,

узнали его нравъ, привычки, во многомъ стали ему подражать. Здѣсь они имѣли передъ собой лучшую конницу въ мірѣ, легкую, подвижную, въ блестящихъ кольчугахъ, съ превосходнымъ оружіемъ, на арабско-персидскихъ коняхъ. Черкесъ, можно сказать, рожденъ для войны. Ради добраго оружія, онъ не пожалѣетъ ни золота, ни серебра, ни любимой дочери. Чтобы добыть булатный клинокъ, онъ разрываетъ прахъ отцовъ; чтобы добыть хорошую винтовку, онъ продастъ за море красавицу-дочку. Сберечь родовое оружіе у нихъ то же, что у насъ сберечь доброе имя. Хотя черкесъ обвѣшанъ оружіемъ съ головы до ногъ, у него все прилажено, ни что не бренчитъ, не болтается. Самъ онъ чутокъ какъ звѣрь, ходитъ по землѣ неслышно; его конь не ржетъ въ засадѣ. Сѣдло у черкеса легкое, никогда не испортитъ спины, хоть бы лежало цѣлую недѣлю. Кони ихъ отлично выѣзжены, легки, выносливы и добронравны. Никто, кромѣ арабовъ, не ухаживаетъ такъ за лошадью и никто такъ не школитъ ее какъ черкесы. Конюшни у нихъ не такія какъ у насъ, съ окнами, съ широкими воротами, нѣтъ: это самыя темныя закуты, чтобы лошадь пріучалась видѣть ночью лучше, чѣмъ видитъ кошка.

Пѣсни и сказанія, переходя изъ поколѣній въ поколѣнія, разжигали страсть къ набѣгамъ. Пѣшихъ хищниковъ, которые пробираются за добычей ползкомъ, украдкой, черкесы называютъ «психадзе», что значитъ по-русски «водяные псы». Когда же горецъ выѣхалъ изъ аула на добромъ конѣ, съ зарядомъ въ ружьѣ, съ кускомъ сыра въ сумкѣ и съ арканомъ въ торокахъ, онъ—«хеджретъ», что значитъ «бѣглецъ», бездомовникъ. Казацкія войны много расплодили такихъ бездомовниковъ, которые «свинцомъ засѣвали, подковой косили, шашкой жали»; для хеджрета жизнь—копѣйка, голова—наживное дѣло. По одеждѣ это послѣдніе бѣдняки, по оружію—первые богачи. Самая вожделѣнная награда для хеджрета, если красавица, дочь хозяина, на большомъ пиру подастъ ему руку и поведетъ въ танецъ. За такую ласку, особенно за сложенную въ честь его пѣсню, онъ пойдетъ куда угодно: онъ не моргнетъ глазомъ подъ русской картечью, не дрогнетъ передъ грознымъ штыкомъ. — Только нѣсколько дней въ году, во время ледохода, Кубань служила преградой для набѣга. Въ полую воду черкесы переправлялись на бурдюкахъ, при чемъ пѣшіе подвязывали ихъ подъ мышки, а кон-

ные—къ переднимъ лопаткамъ. Встрѣчая русскихъ на открытыхъ равнинахъ, они бросались въ шашки, но у себя умѣли отлично скрываться за деревьями, за камнями. И горе, бывало, нашимъ, когда попадали въ дремучіе лѣса, въ мрачныя ущелья: какъ изъ-подъ земли выростали черкесы, бросаясь въ рукопашную съ кинжаломъ въ одной рукѣ, съ шашкою въ другой. Едва отрядъ выходилъ на поляну, они мгновенно исчезали: «вырастаютъ несѣяные, пропадаютъ некошеные», говорили про нихъ казаки. Хеджреты никогда не сдавались въ плѣнъ, предпочитая смерть.

Ловкость черкесовъ, ихъ лихое наѣздничество славились на Кавказѣ издавна, почему сынамъ Запорожья, привыкшимъ имѣть дѣло съ татарами, надо было поступиться многимъ, въ горной войнѣ непригоднымъ, чтобы не остаться въ накладѣ. Пѣшіе казаки скоро приспособились; изъ черноморской пѣхоты выдѣлился особый разрядъ воиновъ, изучившихъ своего врага до тонкости: это были пластуны. Конница же не такъ скоро могла потягаться, прежде всего потому, что степные татарскіе кони во многомъ уступали черкесскимъ; потомъ, вооруженіе и снаряженіе черноморца было тяжелое, не такъ ловко пригнано, а надъ ратищемъ запорожца черкесы даже смѣялись. Между тѣмъ, оно, какъ наслѣдіе отцовъ, было у нихъ въ большомъ уваженьи. Однако время и нужда взяли свое. Между молодыми казаками стало прививаться щегольство оружіемъ и конскимъ уборомъ; легкость и подвижность всадника брали явный перевѣсъ въ набѣгѣ и схваткѣ; черкесская джигитовка мало-по-малу входила въ народный обычай. Черкесская одежда, сбруя, оружіе, конь— стали возбуждать зависть, явилось соревнованіе: сначала обрядились офицеры и урядники; ихъ примѣру оставалось послѣдовать казакамъ.

III.

Полувѣковая служба.

Вмѣстѣ съ защитой своей новой родины, черноморцы дрались на разныхъ концахъ Руси съ ея общими врагами. Не было ни одного случая, чтобы они не исполнили наряда, не пошли туда, куда ихъ призывала державная воля. Еще при жизни блаженной памяти Императрицы Екатерины черноморцы вырядили въ Польшу два доброконныхъ полка, подъ начальствомъ опытныхъ полковниковъ Высочина и Малого; кошевой Чепѣга получилъ приказанiе заѣхать по пути въ столицу. Здѣсь онъ былъ допущенъ къ рукѣ, послѣ чего приглашенъ къ царскому столу. За обѣдомъ Императрица прислала для него вина; по окончанiи стола, собственноручно наложила на тарелку персиковъ и винограду. Съ разрѣшенiя Госуда-

рыни Чепѣга осматривалъ всѣ царскіе покои, кунсткамеру, арсеналъ и прочія достопримѣчательности какъ въ Царскомъ Селѣ, такъ и въ Петербургѣ. Подобнымъ вниманіемъ старому запорожцу была оказана «великая честь». При отпускѣ Императрица благословила кошевого хлѣбомъ-солью, пожаловала саблю, украшенную алмазами, причемъ сказала ему на прощанье: «Бей, сынокъ, враговъ отечества.» На царской кухнѣ черноморцамъ, въ числѣ прочей провизіи, спекли пирогъ съ рыбою въ аршинъ длиною. Въ августѣ, черезъ 2½ мѣсяца похода, полки пришли на Волынь, гдѣ поступили подъ начальство Дерфельдена. Вмѣстѣ съ этимъ генераломъ они прошли боемъ до самой Праги, частью въ авангардѣ, частью въ арріергардѣ; бывали въ разъѣздахъ, стояли на пикетахъ и во всѣхъ случаяхъ отличали себя храбростью и мужествомъ; въ ихъ руки часто попадали цѣлыя польскія банды. Подъ начальствомъ великаго Суворова черноморцы участвовали въ общемъ штурмѣ г. Праги. За успѣхъ этого послѣдняго дѣла Чепѣга получилъ генеральскій чинъ и орденъ св. Владиміра 2-й степени; всѣмъ офицерамъ Государыня пожаловала золотые знаки, а казакамъ—серебряныя медали съ надписью: «За трудъ и храбрость». Послѣ того казаки еще годъ простояли кордономъ и только въ декабрѣ 1795 г. вернулись въ Черноморію. Тутъ была объявлена война персіянамъ. Графъ Зубовъ отписалъ кошевому, чтобы казаки были наряжены въ походъ самые отличные способные отбывать не только пѣшую или конную службу, но привычные къ морю, чтобы дѣйствовать на лодкахъ. 26 февраля слѣдующаго года, Головатый, отслуживъ напутственный молебенъ, выступилъ въ походъ со своимъ тысячнымъ отрядомъ. Тогдашній таврическій губернаторъ Жегулинъ прислалъ своимъ любимымъ черноморцамъ икону Спаса, 25 рублей на молебенъ да 200 рублей на горілку, чтобъ они роспили за здоровье «милостиваго батька кошеваго и его», т. е. Жегулина. Въ Астрахани Головатый сѣлъ на суда и отплылъ въ Баку. По пріѣздѣ сюда главнокомандующаго, графа Зубова, черноморцы, по казацкому обычаю, встрѣтили его подъ развернутыми знаменами, въ лавахъ, при чемъ троекратно выпалили изъ ружей. Зубовъ былъ очень доволенъ. Онъ просилъ Головатаго вписать его въ списки черноморцевъ войсковымъ товарищемъ, а своего сына Платона—полковымъ есауломъ; всѣмъ участникамъ похода приказалъ выдать тройную пор-

цію вина. Изъ Баку черноморцы отплыли на островъ Сару противъ Талышинскаго берега, гдѣ имъ довелось отбывать больше морскую службу. Часть казаковъ подъ начальствомъ Смолы ходила по Курѣ, доставляя въ армію провіантъ; остальные забирали подъ руку Государыни персидскіе острова, рыбьи и тюленьи промыслы, помогали штурмовать персидскія крѣпости и въ то же время оберегали Талышинское ханство отъ набѣговъ татаръ. Однажды казаки отбили на морскомъ поискѣ нѣсколько киржимъ, частью пустыхъ, частью съ товарами. Сильнымъ порывомъ вѣтра одну киржиму, подъ командой лейтенанта Епанчина, отбило отъ прочихъ и понесло къ непріятельскому берегу. На суднѣ находились 10 черноморцевъ, изъ нихъ еще двое больныхъ, и армянскіе купцы съ товарами. Съ берега ихъ замѣтили: около полутораста персіянъ выѣхало на вѣрную добычу. Лейтенантъ Епанчинъ пересѣлъ съ двумя матросами въ лодку, посадивъ еще 4-хъ купцовъ, и отплылъ съ ними къ стоявшему невдалекѣ нашему боту, а казаковъ покинулъ спасаться, какъ знаютъ. Черноморцы не испугались, не смотря на то, что всѣ армяне, бывшіе въ киржимѣ, залѣзли подъ палубу. Первымъ долгомъ они выбрали за старшаго Игната Сову. Когда персіяне выкинули на своихъ лодкахъ красный флагъ, Сова приказалъ распоясать одного армянина и поднять его поясъ, также краснаго цвѣта. Персіяне отвѣтили градомъ пуль; казаки съ своей стороны ударили изъ ружей: «съ уговоромъ: безъ промаху», при чемъ уложили всѣхъ персидскихъ старшинъ; потомъ стали выбивать «підстаршихъ панківъ». Персіяне сразу притихли; многіе со страху попрятались за борты. Такъ, не солоно похлебавъ, повернули они къ берегу.—«Еще казацкая слава не сгинула, писалъ Головатый, если 8 человѣкъ могли дать почувствовать персіянамъ, що въ черноморцівъ за сила!» Вскорѣ казаки потеряли этого любимаго ими вождя, главнаго печальника о своихъ нуждахъ: Антонъ Андреевичъ Головатый умеръ въ началѣ 1797 года. Почти въ то же время все Черноморье оплакивало кончину своей благодѣтельницы Императрицы Екатерины, до конца жизни благоволившей къ войску «вѣрныхъ» казаковъ. Вслѣдъ за ней сошелъ въ могилу и братолюбивый отецъ черноморской семьи, Захаръ Алексѣевичъ Чепѣга. Не смотря на генеральскій чинъ, онъ оставался вѣренъ обычаямъ старины, соблюдалъ въ одеждѣ, въ обычаяхъ ту же простоту,

которой держались старые запорожцы. Послѣ Чепѣги атаманы назначались уже не по выбору войска, а Высочайшей властью. Тогда же вмѣсто прежняго войсковаго управленія была учреждена Войсковая канцелярія, въ которой, кромѣ атамана и старшинъ, должны были засѣдать особые лица по назначенію Государя.

Въ тяжелую годину Отечественной войны черноморцы не отстали отъ другихъ областей государства. Войсковая казна отправила 100 тыс. рублей, да болѣе 14 тыс. было собрано доброхотныхъ даяній. Кромѣ того, въ концѣ 1811 года, выступила въ походъ гвардейская сотня, сформированная по Высочайшему повелѣнію. По переходѣ нашихъ войскъ черезъ границу эта сотня состояла все время при особѣ Государя Императора; она участвовала въ знаменитой атакѣ французской конницы подъ Лейпцигомъ, разсказанной на стр. 117. 4-й конный полкъ участвовалъ въ партизанскихъ дѣйствіяхъ подъ начальствомъ князя Кудашева и атамана донцовъ Платова. Когда подъ городкомъ Цейцомъ французы укрѣпили высоты своими батареями, князь Кудашевъ, дѣйствіемъ артиллеріи, заставилъ ихъ сняться съ позиціи. Едва французы тронулись, конница помчалась въ атаку; впереди ея неслись черноморцы. Они первые ворвались въ городокъ, спѣшились и пошли штурмовать фабричныя постройки, откуда засѣвшій непріятель открылъ ружейный огонь. Казаки вмѣстѣ съ гусарами выбили французовъ, при чемъ взяли въ плѣнъ 36 офицеровъ, 1400 солдатъ, отбили знамена, пять пушекъ. По возвращеніи изъ Силезіи черноморскій полкъ отправился на родину, а гвардейская сотня вступала, въ числѣ прочихъ войскъ, въ столицу Франціи.

По примѣру своего отца Павла Петровича и державнаго брата Александра Павловича, покойный Императоръ Николай Павловичъ такъ же благоволилъ къ войску Черноморскому. Какъ уже извѣстно, онъ поставилъ во главѣ всѣхъ казацкихъ силъ, — а силы эти нынче не малыя: 200 тысячъ слишкомъ, — своего старшаго сына и Наслѣдника Престола. Наказному атаману Безкровному удалось отнять подъ Анапой въ числѣ прочаго оружія богатѣйшую турецкую саблю, которая была отправлена Его Высочеству. Въ осадѣ этой крѣпости участвовало 4 черноморскихъ полка, получившихъ знамена съ надписью: «За отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12 іюня 1828 года». Многіе изъ участниковъ, уже

старыми казаками, съ длинными сѣдыми усами, черезъ 26 лѣтъ явились въ рядахъ пластунскихъ батальоновъ на защиту Севастополя *). Въ томъ же, двадцать восьмомъ году, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на берегахъ Дуная откликнулись братья черноморцевъ, бывшіе сѣчевики. Надо припомнить, что послѣ разгрома Сѣчи часть запорожцевъ ушла въ Турцію, гдѣ получила въ даръ землю и основала, такъ называемую, Задунайскую Сѣчь. Хотя они жили безбѣдно, пользуясь хорошими угодьями и большими рыбными ловлями на Дунаевцѣ, но тоска по родинѣ, измѣна христіанскому знамени, грызла сердце казацкое, смущала душу христіанскую, привыкшую видѣть въ мусульманахъ враговъ своей вѣры и отчизны. Однако число запорожцевъ не уменьшалось, потому что ихъ курени быстро пополнялись бѣглецами съ Руси, особенно крѣпостными. Вся «запорожская регула», забытая на берегахъ Кубани, здѣсь соблюдалась во всей строгости: женатый никакъ не могъ попасть въ войско — развѣ обманомъ. Такъ и сдѣлалъ Осипъ Михайловъ Гладкій, покинувшій на родинѣ, въ Золотоношскомъ уѣздѣ, жену и четырехъ дѣтей. Въ числѣ прочихъ запорожцевъ онъ усмирялъ грековъ, возставшихъ противъ турокъ, а за годъ до объявленія войны русскимъ былъ избранъ кошевымъ. По обычаю, султанъ утвердилъ это избраніе особымъ фирманомъ. Какъ только обозначилось, что турки готовятся къ войнѣ, кошевой распустилъ слухъ, что запорожцевъ не оставятъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, а выселятъ въ Египетъ; потомъ, въ тайнѣ, сталъ склонять къ переходу въ Россію сначала куренныхъ атамановъ, наконецъ и остальное товариство. Большинство было согласно, но люди, за которыми на совѣсти оставался какой-нибудь грѣхъ, а также бѣглые помѣщичьи крестьяне или бывшіе военные поселяне наотрѣзъ отказались, потому что боялись стать за то въ отвѣтѣ. Тогда на сходкѣ кошевой смѣло объявилъ, что всѣ вины будутъ имъ отпущены. Въ этомъ онъ былъ обнадеженъ письмомъ измаильскаго градоначальника генерала Тучкова. Въ величайшей поспѣшности запорожцы разобрали свою походную церковь, уложили ее въ лодки, и, покинувъ большую часть имущества, вышли Дунаевцемъ въ море, затѣмъ черезъ Килійское гирло поднялись къ крѣпости Измаилу. Представленные Государю Императору,

*) См. «Черноморскіе пластуны подъ Севастополемъ».—Общедоступная Военно-Историческая Христоматія, кн. Вторая, стр. 329.

запорожцы повергліись къ стопамъ Его Величества, находившагося въ ту пору при своей арміи. Государь, принявъ отъ кошевого грамоты и регаліи, жалованныя турецкими султанами, произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ, и я прощаю. Я знаю, что̀ вы за люди!»—Когда Государь спросилъ у кошевого, женатъ ли онъ и гдѣ его семья? Гладкій отвѣчалъ, что онъ холостъ.

Въ это время главная квартира русской арміи была сильно озабочена переправой. Непріятельскій берегъ казался такъ хорошо укрѣпленнымъ, что не знали, гдѣ бы лучше сдѣлать высадку. Государь обратился за совѣтомъ къ Гладкому. А такъ какъ запорожцы, кромѣ рыбной ловли, промышляли охотой, ходили, напримѣръ, на кабана, то они тотчасъ припомнили, что на томъ берегу есть мѣсто верстъ на 20 поросшее камышемъ, въ родѣ плавни, гдѣ турки никакъ не могутъ ожидать высадки. Тамъ, по ихъ словамъ, поперекъ плавни тянется земляной валъ, то поднимаясь, то опускаясь подъ водой, а въ одномъ мѣстѣ онъ расширяется въ площадку, на которой можно собрать цѣлую дивизію. Кошевой просилъ разрѣшенія съѣздить разыскать конецъ вала, гдѣ онъ упирается въ берегъ. Гладкій съ однимъ изъ куренныхъ атамановъ побывали ночью на томъ берегу, прошли до широкой поляны, обсаженной деревьями, потомъ, сдѣлавши на камышахъ замѣтку, вернулись и просили доложить Государю. Чтобы удостовѣриться въ справедливости ихъ словъ, Государь послалъ въ слѣдующую ночь одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ: все оказалось вѣрно. Тогда войска перенесли на рукахъ 42 запорожскихъ лодки какъ разъ противъ указаннаго мѣста, и въ ту же ночь началась переправа дивизіи Рудзевича. Часть запорожцевъ подвозила солдатъ, а остальные были разставлены вдоль вала для указанія дороги. Дивизія Рудзевича двинулась съ музыкой и барабаннымъ боемъ въ тылъ ближайшей турецкой крѣпости Исакчи; въ то же время дунайская флотилія, подъ начальствомъ Гамалѣя, сдѣлала фланговую атаку. Турки, пораженные ужасомъ, покинули крѣпость, которую Рудзевичъ сейчасъ же занялъ. Послѣдній пришелъ въ такой восторгъ, что объявилъ кошевому, что если онъ не будетъ сегодня полковникомъ, то онъ, Рудзевичъ, не хочетъ быть генераломъ, отдастъ свои эполеты Государю. Какъ тутъ пріѣзжаетъ флигель-адъютантъ

съ приказаніемъ, чтобы кошевой на своей лодкѣ и со своими гребцами прибылъ къ Государю. Осипъ Михайловичъ сѣлъ за рулевого, 12 куренныхъ атамановъ взялись за весла, и когда переѣхали въ Измаилъ, Государь, оставивъ свою свиту, одинъ вошелъ въ запорожскую лодку и приказалъ опять грести въ Исакчу. Здѣсь паша поднесъ ему ключи крѣпости, и здѣсь же Государь, вынувъ изъ чемодана полковничьи эполеты и Георгіевскій крестъ, собственноручно навѣсилъ ихъ Гладкому, а 12-ти куреннымъ пожаловалъ знаки отличія военнаго ордена. На той же лодкѣ Государь проѣхалъ къ своей флотиліи поблагодарить моряковъ за молодецкое дѣло. Изъ запорожцевъ былъ составленъ пятисотенный полкъ подъ названіемъ «Пѣшаго дунайскаго казачьяго полка». Осипъ Михайловичъ Гладкій сдѣланъ командиромъ полка, куренные атаманы назначены за офицеровъ. Казакамъ поручили наблюдать за исправностью моста, а Гладкій на все время войны былъ прикомандированъ къ главной квартирѣ. Государь Императоръ, покидая армію, приказалъ Гладкому слѣдовать за собой. Въ Одессѣ онъ представилъ его Императрицѣ, которая обласкала и пригласила бывшаго кошевого къ своему столу. По окончаніи войны Гладкій, по приказанію Государя, отправился на Кавказъ выбрать удобныя мѣста для поселенія своего войска. Пока онъ тамъ ѣздилъ, пришло въ столицу донесеніе, что кошевой имѣетъ въ Полтавской губерніи жену и четырехъ дѣтей. Государь, хотя и былъ обманутъ, но нисколько не разгнѣвался. Напротивъ, онъ велѣлъ доставить двухъ его дѣтей въ Петербургъ для воспитанія на счетъ казны. И кошевого онъ встрѣтилъ ласково, выслушалъ докладъ объ осмотрѣ земли и только потомъ спросилъ, отчего Гладкій скрылъ отъ него правду? Осипъ Михайловичъ доложилъ, что въ присутствіи всѣхъ запорожцевъ ему иначе нельзя было поступить: товарищи перестали бы ему вѣрить и во всемъ остальномъ. Государь вполнѣ его одобрилъ. Обласканный монаршими милостями Гладкій поспѣшилъ на родину, въ Полтавскую губернію. Въ глубокую зиму онъ подъѣхалъ къ бѣдной хатѣ, въ деревенскомъ захолустьѣ, гдѣ нашелъ въ сборѣ всю свою семью, покинутую имъ 10 лѣтъ тому назадъ. Велика была радость бѣдной матери, осиротѣлыхъ дѣтей, еще больше изумленіе односельчанъ, знававшихъ его въ ту пору, когда онъ ходилъ въ простой казацкой сермягѣ.

Прослывшіе въ свое время «невѣрными» запорожцы были поселены на берегу Азовскаго моря, между Маріуполемъ и Бердянскомъ, подъ именемъ Азовскаго казачьяго войска, наказнымъ атаманомъ котораго считался Осипъ Михайловичъ. Въ проѣздъ Государя на Кавказъ черезъ Керчь, Гладкій встрѣчалъ его въ числѣ прочихъ начальствующихъ лицъ. Государь, минуя другихъ, подошелъ прямо къ нему и милостиво сказалъ: «Здравствуй, мой вождь и витязь Осипъ Михайловичъ!» — Такъ высоко цѣнилъ Монархъ заслуги кошевого, снявшаго грѣхъ со своихъ братьевъ-запорожцевъ!

Вообще, покойный Государь при всякомъ удобномъ случаѣ выражалъ свое благоволеніе къ войску Черноморскому. Въ 1844 году исполнилось 50 лѣтъ со времени водворенія казаковъ на Тамани. Государь прислалъ къ этому времени большое бѣлое знамя св. Побѣдоносца Георгія. Для торжественнаго пріема новопожалованнаго знамени были собраны въ Екатеринодаръ атаманы всѣхъ черноморскихъ куреней. Каждаго изъ нихъ сопровождали малолѣтки и престарѣлые казаки, служившіе еще въ «славномъ войскѣ Низовомъ Запорожскомъ». Старики сходились порадоваться торжеству молодежи да вспомнить на закатѣ дней славныя времена матушки-царицы; подростки были призваны затѣмъ, чтобы передать своимъ уже внукамъ, какъ они принимали царскія милости. На войсковой праздникъ получили приглашеніе мирные черкесы и даже немирные шапсуги. Стеченіе народа по случаю троицкой ярмарки было необычайное. Среди воинскаго стана, у порога атаманской ставки, вкопали старый чугунный единорогъ, дуломъ вверхъ; по обѣ стороны ставки приготовили изъ зеленаго дерна длинные столы. По особому наряду, охотники набили къ этому дню множество фазановъ, утокъ, зайцевъ, кабановъ, оленей, козъ; рыбаки наловили разныхъ сортовъ рыбы. Посуду приготовили старую, казацкую, деревянную. Къ Николину дню все было кончено. Лагерь сталъ наполняться народомъ, валили конные и пѣшіе, скрипѣли черкесскія арбы. Ровно въ полдень зазвонили во всѣ колокола, что означало пріѣздъ въ городъ владыки. Къ вечеру войска выстроились передъ лагеремъ. Къ атаманской ставкѣ собрались всѣ чины войскового управленія, позади котораго встали въ рядъ 59 станичныхъ атамановъ; между ними, въ перемежку, размѣстились старики съ подростками. Снова зазвонили колокола: то выѣхалъ изъ города владыка,

преосвященный Іеремія, прослѣдовавшій прямо въ атаманскую ставку. Здѣсь, противъ дверей, помѣщался во весь ростъ портретъ Государя; у его подножья лежали серебряныя литавры, трубы, атаманскія булавы, перначи, древнее казацкое оружіе, фальконеты; на большомъ столѣ лежало распростертое новое знамя, осѣненное сверху старыми, временъ Екатерины, Павла, Александра I. Преосвященный благословилъ знамя, послѣ чего наказной атаманъ Завадовскій вбилъ первый гвоздь; потомъ, по старшинству, молотокъ переходилъ изъ рукъ въ руки, начиная съ владыки и кончая присутствующими казаками. Въ лагерѣ царствовала тишина: пѣшіе батальоны держали на караулъ, конные полки—сабли на-голò, устремивъ взоры въ атаманскую ставку, откуда глухо отдавался стукъ молота. Прибивкой знамени закончилось торжество перваго дня. Всю ночь горѣлъ въ ставкѣ огонь; знамя охранялъ почетный караулъ изъ урядниковъ. На другой день, въ 8 час. утра, изъ крѣпости раздались три выстрѣла, на которые отвѣчали въ лагерѣ. Это былъ призывъ къ литургіи, совершаемой преосвященнымъ. Когда началось чтеніе Евангелія, загорѣлась учащенная пальба въ крѣпости и въ лагерѣ. Такъ же праздновали въ былые дни и запорожцы свои большіе праздники, открывая перекатную пальбу по валамъ Сѣчи. Словамъ любви и мира вторилъ громъ оружія: «Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ». За послѣдними тремя выстрѣлами, означавшими окончаніе литургіи, войска стали за лагеремъ въ ружье. Они расположились покоемъ вокругъ высокаго амвона; четвертую сторону каре заняли старцы, подростки и ученики войсковаго училища. Обширная поляна пестрѣла тысячами собравшагося народа; конные черкесы держались по-одаль, пѣшіе тѣснились въ общей толпѣ.

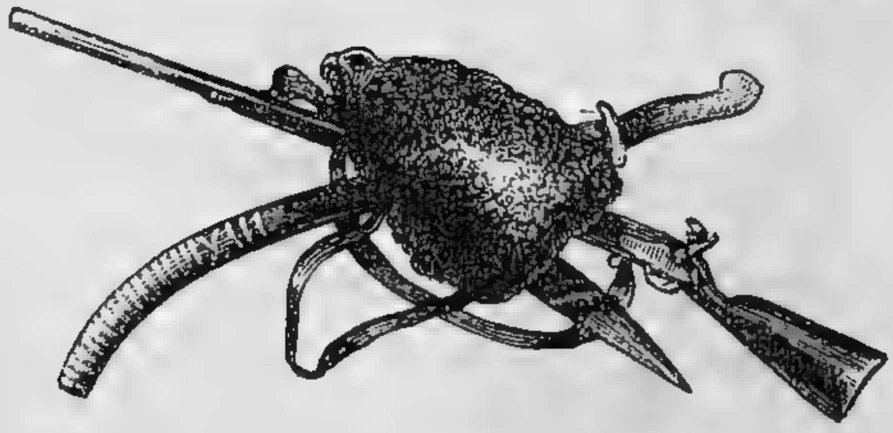
По прибытіи въ лагерь высшаго начальства и преосвященнаго, знамя вынесли къ войскамъ. Громъ барабановъ и звукъ оружія привѣтствовали его появленіе. Затѣмъ послѣдовало освященіе знамени, совершенное епископомъ соборне съ архимандритомъ Діонисіемъ и 75 священнослужителями, собранными со всего Черноморья. Послѣ многолѣтія войсковой атаманъ прочелъ Высочайшую грамоту, при которой пожаловано знамя. Музыка заиграла «Боже Царя храни», раздались пушечные залпы, загремѣло «ура» громовое, несмолкаемое; за войсками его подхватили всѣ присутствующіе, все слилось въ одинъ торжественный отвѣтъ словамъ Монарха;

даже горскія дружины гикнули въ честь русскаго Царя. На томъ берегу Кубани, у аула Бжегокой, стояли, внимательно вслушиваясь, хамышейцы. Они въ восторгѣ загикали, открыли пальбу и, бросившись въ рѣку, присоединились на своихъ борзыхъ коняхъ къ ликующему войску. Утихли бурныя выраженія восторга, наступила тишина: архипастырь, съ крестомъ въ рукахъ и взоромъ поднятымъ къ небу, сказалъ краткое назиданіе, какъ слѣдуетъ хранить завѣтъ чести, послѣ чего, благословивъ, передалъ его наказному атаману. Этотъ послѣдній принялъ войсковую святыню, опустившись на колѣни. Затѣмъ началась присяга на вѣрность новому знамени; послѣ присяги его обнесли по рядамъ и водрузили въ жерло стараго турецкаго единорога. Войска вернулись въ лагерь, гости сѣли обѣдать. За дерновыми столами черноморцы «временъ Очакова и покоренія Крыма» угощались родными запорожскими блюдами. Круговой «михаликъ» переходилъ изъ рукъ въ руки между сѣдыми сподвижниками Потемкина, Суворова, Бѣлаго, Чепѣги, Головатаго и Власова. Старики помолодѣли, вспомнили былое время. Одинъ столѣтній чубатый черноморецъ, украшенный очаковскимъ крестомъ, разсказывалъ, какъ они во тьмѣ карабкались на неприступную Березань, какъ сняли часовыхъ, переодѣлись сами турками и врасплохъ накрыли гарнизонъ. Другой вспомнилъ «батька» Харька Чепѣгу, какъ тотъ подплывалъ на челнахъ къ стѣнамъ Хаджибея, что теперь называется Одессой, и поджигалъ подъ носомъ у янычаръ турецкіе магазины; третій указывалъ на берегу Кубани мѣсто, гдѣ, 50 лѣтъ тому назадъ, онъ вбилъ первый колъ кордоннаго оплота.... На правомъ флангѣ лагеря роскошествовали по своимъ обычаямъ до 500 человѣкъ горцевъ мирныхъ и дикихъ, ненадежныхъ друзей и заклятыхъ враговъ. Они были приглашены раздѣлить радость черноморцевъ, повеселиться, позабывъ на время кровавыя встрѣчи съ оружіемъ въ рукахъ. Вездѣ, и въ атаманской ставкѣ, и за дерновыми столами, въ лагерѣ и среди горцевъ было обычное радушіе, изобиліе во всемъ — вездѣ ѣли, пили, славили Царя и матушку Русь святую. Угостившись добре, два сѣдыхъ запорожца, усатыхъ, съ роскошными чупринами, бойко и плавно отбивали «казака» подъ войсковую музыку; выпивши по ковшу горѣлки, они садились другъ противъ друга и пѣли забугскія пѣсни, сложенныя Головатымъ; потомъ, опять подкрѣпившись, лихо отбивали «гай-

дука» — земля дрожала, у людей захватывало духъ, глядя на широкій казацкій разгулъ. — А знамя тихо развѣвалось надъ волнами народа, переливавшими съ мѣста на мѣсто. Молодой казакъ глядѣлъ на него молча, и ему чудилось, что двуглавый орелъ расправляетъ свои крылья, силится подняться на тѣ синія горы, политыя братскою кровью....

Вечеромъ зажглись потѣшные огни, взлетѣли ракеты, зашипѣли бураки, заискрились огромныя разноцвѣтныя литеры Н, А, М — между такихъ же узорчатыхъ красивыхъ елокъ. Огромный вензель Государя Императора былъ виденъ на той сторонѣ Кубани. Въ то время, когда въ атаманской ставкѣ черноокія казачки усердно отплясывали подъ бальную музыку, войсковой пѣвческій хоръ въ сотый разъ затягивалъ любимую черноморцами пѣсню:

«Ой, годі намъ журиться,
Треба перестати:
Заслужили отъ Царицы,
За службу заплати!»...

IV.

Пластуны.

Теперешніе пластуны можетъ быть и не знаютъ, съ какихъ временъ повелась ихъ служба и самое званіе. Еще запорожцы въ днѣпровскихъ камышахъ залегали пластомъ, высматривая подолгу то татарскій чамбулъ, то непріятельскій разъѣздъ. Въ числѣ 40 куреней значился Пластунскій курень, товариство котораго исполняло, вѣроятно, эту трудную и опасную службу. На Кубани пластуны явились главнѣйшими стражами Кордонной Линіи. Они были разбросаны по всѣмъ постамъ особыми партіями и всегда держались на самыхъ передовыхъ притонахъ, батареяхъ, гдѣ имѣлись сигнальныя пушки. Когда непріятель наступалъ слишкомъ быстро и въ большихъ силахъ, пластуны палили «на гасло», на тревогу. Подражая походкѣ и голосу разныхъ звѣрей, они умѣли подхо-

дить и выть по-волчьи, кричать оленемъ, филиномъ либо дикой козой, пѣть пѣтухомъ—и по этимъ сигналамъ подавали другъ другу вѣсти, собирались въ партіи. Отъ прочихъ казаковъ пластуны отличались какъ по виду, такъ и по одеждѣ, даже въ походкѣ. Ходятъ они неуклюже, переваливаясь, какъ бы нехотя; изъ-подъ нависшихъ бровей глаза глядятъ сурово, лицо совсѣмъ бронзовое отъ загара и вѣтровъ; черкеска на пластунѣ истрепанная, вся въ заплатахъ; папаха порыжѣлая, вытертая, хотя всегда заломленная на затылокъ; чеваки — изъ кожи дикаго кабана, щетиной наружу. Таковъ былъ старый пластунъ на Кубани, подъ Севастополемъ, на берегахъ Дуная. За плечами у него сухарная сумка, въ рукахъ добрый штуцеръ съ тесакомъ, на поясѣ разная мелочь: пороховница, пулечница, отвертка, шило, иногда котелокъ, иногда балалайка или скрипка. Кромѣ забавы, скрипка выручала зачастую изъ бѣды. Пластунъ Омелько Вернигора, будучи на льготѣ, ходилъ часто на охоту за аубань. Послѣ удачной охоты онъ захаживалъ въ мирные аулы и потѣшалъ молодежь игрой на скрипкѣ. За то его угощали и подчасъ ссужали арбой перевезти за Кубань убитаго кабана. Дѣвушки и «баранчуки» особенно его жаловали; если онъ долго не навертывался, даже скучали. Охота за Кубанью была въ ту пору дѣломъ опаснымъ, требовала большой оглядки. И Омелькѣ не разъ случалось въ своихъ дальнихъ поискахъ встрѣчаться въ одиночку съ немирными. Эти встрѣчи долго сходили ему съ рукъ: онъ не прятался, а черкесы дѣлали видъ, будто его не замѣчаютъ. Наконецъ выпала Омелькѣ и недобрая встрѣча: шапсуги подстрѣлили его въ ногу и накрыли лежачаго. Затѣмъ, извѣстное дѣло, засадили въ яму. Сидитъ подстрѣленный пластунъ, думаетъ свою думушку. Онъ давно бы выбрался на свѣтъ Божій, да нога болитъ, подстрѣлена. Какъ только дошла объ этомъ вѣсть въ мирные аулы, черкешенки взялись за дѣло такъ горячо, что скоро пластунъ былъ выкраденъ ихъ же молодежью. Такіе случаи считались на Кубани дѣломъ обычнымъ. Былъ еще пластунъ Строкачъ, котораго знало все Черноморье, да не только Черноморье, всѣ черкесы его знали. Тоже ходилъ на охоту, только, Богъ его знаетъ, почему-то излюбилъ черкесскіе камыши; когда же вернется, бывало, домой, сосѣди замѣчаютъ у него то новую винтовку въ серебрѣ, то шашку съ дамасскимъ клинкомъ или кинжалъ новый за поясомъ.

Какъ-то онъ вернулся съ пустыми руками, невеселый; товарищи пристали къ нему и заставили его разсказать свое горе. «Забрался я, говоритъ Стро̀качъ, въ черкесскія плавни и вижу, что не туда попалъ, куда хотѣлось; ну, думаю, дѣлать нечего, останусь. Только что хотѣлъ свернуть съ битой дорожки въ камышъ, глядь: черкесъ бѣжитъ. Отскочилъ я шаговъ пять и схоронился въ густомъ камышѣ. Сижу и думаю: что бы, напримѣръ, сдѣлалъ черкесъ, если бы на моемъ мѣстѣ былъ? Пропустилъ бы онъ меня или убилъ? — Убилъ бы, думаю, и черкеску мою взялъ, и надъ тѣломъ моимъ наглумился.... Такъ меня эта думка, знаете, разсердила, что взвелъ я курокъ и стрѣльнулъ. Напугать только хотѣлъ, а онъ въ самомъ дѣлѣ съ коня хлопнулся; конь побѣжалъ въ обратную. Хотѣлъ перехватить его — нѣтъ: шустрый такой, ушелъ. Онъ-то мнѣ и напакостилъ! Жалко, думаю, коня, а еще жальче черкеса: на чемъ онъ теперь поѣдетъ? Подбѣгаю къ нему, хочу руку подать, а онъ не встаетъ; зачерпнулъ воды — не хочетъ. Бѣда, думаю: что тутъ дѣлать? Распоясалъ я его, — знаете, какъ они перетягиваются? — снялъ шашку, на себя повѣсилъ — не бросать же ее? Нѣтъ, не дышетъ, хоть ты, что хочешь! Давай скорѣй снимать винтовку, пороховницу, кинжалъ; снялъ бурку, черкеску. Совсѣмъ, кажется, легко ему стало, а онъ не ворушится! Затащилъ я его въ терновый кустъ, пошелъ самъ дальше, и такъ мнѣ его жалко. Надо, думаю, ему пару сыскать: что̀ ему одному лежать? Онъ вѣрно привыкъ семейно жить. Прошелъ этакъ четверть версты, вижу, ѣдутъ за мной человѣкъ 10 черкесовъ. Э, думаю, смерть моя пришла! Какъ приструнилъ я, какъ приструнилъ, такъ, я вамъ скажу, и лисица не догнала бы меня. А черкесы тоже, какъ припустятъ, какъ припустятъ, такъ въ глазахъ и помутилось, душа замерла — не отъ страху, нѣтъ, ей Богу: отъ жалости, что одинъ, скучно.... Островокъ тамъ есть, такой славный: кругомъ трясина и топь такая, что ни зимой, ни лѣтомъ не проѣдешь. Шлепнулъ я въ эту трясину, са̀ме по поясъ, дальше увязъ по шею; карабкаюсь, что есть мочи, и выбрался на островокъ. Ну, думаю, слава тебѣ Господи! Теперь еще потягаюсь! Только что успѣлъ спрятаться за кустъ, и черкесы вскочили въ плавню. Я схватилъ черкеску, что съ убитаго у меня невзначай осталась, раскинулъ ее сверху, а самъ перескочилъ въ другой кустъ, по-

томъ дальше.... Одинъ дурный и выстрѣлилъ въ черкеску. Всѣ туда бросились, думали, угорѣлые, что я убитъ. Накинулъ я тогда на кустъ бурку, прикрылъ ее папахой, да вмѣсто того, чтобы бѣжать дальше, разобрала меня охота потѣшить себя: какъ шарахнулъ въ самую кучку, ажъ перья посыпались. Озлобились они здорово, кинулись къ моему кусту: не тутъ-то было—я вже сидѣлъ за дальнимъ. Однако по всѣмъ примѣтамъ, мнѣ бы пропадать тутъ надо; всего оставалось камышомъ шаговъ 200, дальше—чистая поляна, негдѣ зацѣпиться. Думалъ, что они задержатся буркой: пока расчухаютъ, я успѣю перебѣжать чистоту, а вышло совсѣмъ другое. Сколько-то черкесовъ бросились къ кусту, а одинъ прямо на меня съ гвинтовкой въ рукахъ; такъ и лѣзетъ, бестія, въ самую гущину, безъ всякой опаски. Э, думаю, убить тебя не убью, а проучу, на всю жизнь будешь помнить: «А тю, дурний!» крикнулъ ему въ ухо, сколько было силы. Какъ вскочитъ отъ меня черкесъ, какъ побѣжитъ, и гвинтовку свою выпустилъ... Я ее заразъ прибралъ: теперь у меня 2 заряда; черкесовъ же осталось только четверо: бо ранилъ одного, перепугалъ до смерти другого.

«Стали черкесы смѣяться надъ своимъ товарищемъ, что онъ съ переляку (испугу) и гвинтовку бросилъ. Смѣются, ажъ мнѣ весело стало.—«Эй, Иванъ, шалтанъ-болтай-гайда сарай!» кричатъ мнѣ изъ-за кустовъ.—«Чорта зъ-два, озвался я по—ихнему: еще кого-нибудь убью, а меня не підстрѣлите, чортови діти!...» Имъ хотѣлось взять меня живьемъ, потому чести больше; свои же могутъ засмѣять, если узнаютъ, что насѣли на одного.... Передумалъ я это, что имъ стрѣлять не приходится, да какъ завихрилъ—въ одинъ духъ перемахнулъ чистоту, даже самъ себѣ удивился. Черкесы стрѣляли, да ничего: руки-то дрожатъ при скорости; кинулись догонять—не такія ноги, чтобъ догнать пластуна! Вскочилъ я въ камышъ, взялъ вправо, влѣво, и легъ подъ кочкой. А камышъ тамъ, знаете, какой?—какъ лѣсъ стоитъ, казакъ съ пикой схоcвается! Послушаю—шолохтятъ невіри: я опять прилягу, выжду; а какъ пройдутъ и полѣзу вслѣдъ за ними, такъ, чтобы не розниться отъ ихъ шаговъ, да все въ сторону, въ сторону—то въ одну, то въ другую: двое сутокъ вылазівъ, а не піймали! тільки дуже проголодався. Спасибо, на кордоні поівъ борщу, то стало легше....» Въ послѣдній набѣгъ закубанцевъ, старый пластунъ, уже въ чинѣ сотника,

былъ посланъ съ сотней такихъ же молодцовъ на ту сторону, перехватить обратный путь. Среди бѣла дня они прокрались кустами и заняли опушку лѣса, не будучи замѣчены постовыми горцами, сидѣвшими на высокихъ деревьяхъ, откуда тѣ слѣдили за движеніемъ своей партіи. Набѣгъ былъ неудаченъ; остатки разбитой партіи попали подъ выстрѣлы пластуновъ. Это было въ 1862 году, а въ турецкую кампанію 77 — 78 годовъ, Строкачъ вызвался уже по охотѣ. Сказываютъ, что 80-ти-лѣтній старикъ живъ и понынѣ — то рыбачитъ на Кубани, то вырѣзываетъ изъ дерева ложки и чарочки — это любимое занятіе всѣхъ пластуновъ.

Если пластунъ и попадетъ въ желѣзный ошейникъ хеджрета, то не долго въ немъ будетъ сидѣть, выкрутится. Да и пользы отъ него хозяину мало. Что ни спросятъ, одинъ отвѣтъ: «не вмію», а на умѣ одно: какъ бы уйти! И непремѣнно уйдетъ. Одного черноморца водили по всѣмъ горамъ: никто не хотѣлъ покупать, пока не догадались отпилить ему чубъ. Это было вскорѣ послѣ переселенія. Въ болѣе недавнее время прославился пластунъ Бѣлозоръ. Онъ два раза бѣжалъ изъ плѣна; когда попался третій разъ, его заковали въ кандалы и, продержавъ нѣкоторое время въ ямѣ, заперли въ саклю, прикованнаго при помощи ошейника желѣзною цѣпью къ столбу. Полгода онъ провелъ въ такомъ положеніи. На его счастье три хозяина, которымъ онъ принадлежалъ, перессорились между собой и одинъ изъ нихъ снялъ съ пластуна свой ошейникъ. Плѣннику полегчало; онъ сталъ теперь обдумывать свое бѣгство. Однажды джигиты уѣхали на охоту, оставивъ Бѣлозора на попеченіе прислуги. Случай былъ подходящій, и пластунъ отлично имъ воспользовался. Онъ началъ забавлять свою стражу шутливыми разсказами, смѣшными выходками, потомъ пѣлъ пѣсни, игралъ и наконецъ, когда сняли съ него оковы, пустился въ присядку. Это продолжалось съ ранняго утра до полуночи; караульщики такъ измаялись, что уснули какъ убитые; Бѣлозоръ растянулся первымъ, повидимому безъ чувствъ. Но какъ только все утихло, онъ разомкнулъ при помощи гвоздя свои оковы и полѣзъ черезъ окошко,—дверь-то была заперта снаружи. Окошечки въ сакляхъ маленькія, Бѣлозоръ въ немъ-то и застрялъ; была минута, что онъ не могъ двинуться ни впередъ, ни назадъ... Тутъ бѣдняга понатужился и вылѣзъ весь изорванный, исцарапанный до крови. Уже наступалъ

разсвѣтъ; Бѣлозоръ быстро сообразилъ что ему далеко не уйти и бѣжалъ не къ Кубани, какъ задумалъ раньше, а въ горы, гдѣ скрывался нѣсколько дней, пока не обшарили всѣ плавни. — И въ знойное лѣто, и въ суровую зиму эти терпячіе люди идутъ безбоязненно навстрѣчу всѣмъ бѣдамъ; чутко стерегутъ приближеніе врага, первые встрѣчаютъ его своими мѣткими выстрѣлами, первые приносятъ вѣсти на посты. Повстрѣчавшись съ непріятелемъ, они никогда не дадутъ подавить себя многолюдствомъ. Были примѣры, что 5 — 6 пластуновъ несли на своихъ плечахъ цѣлую партію: присядутъ за первымъ кустомъ, приложатся и ждутъ, грозя вѣрной смертью. Горцы начнутъ оглядываться, нѣтъ ли засады, пускаются въ обходъ, иногда бросаются въ шашки — анъ тамъ торчатъ лишь папахи: пластуновъ и слѣдъ простылъ. Когда горцы пытались взять Крымское укрѣпленіе, что за Кубанью, они выслали сначала партію джигитовъ. Бабичъ, въ свою очередь, отрядилъ 40 пластуновъ, чтобъ ихъ отогнать. Черкесы отвели ихъ за нѣсколько верстъ, потомъ сразу обнаружили свои силы: оказалось большое скопище, примѣрно отъ 2 до 3 тысячъ; бо̀льшая его часть бросилась подъ укрѣпленіе, остальные окружили пластуновъ. Крыжановскій былъ между ними за старшаго. Онъ укрылъ ихъ подъ обрывомъ рѣченки, за большой колодой, послѣ чего началось отсиживаніе. Ни силой, ни хитростью горцы не могли одолѣть кучки пластуновъ: они били на выборъ, не теряя ни одного заряда даромъ, не торопясь — мѣтко, спокойно. Прошло болѣе двухъ часовъ, пока укрѣпленіе отбилось и могло подать помощь героямъ этой замѣчательной самообороны.

Пока не было за Кубанью нашихъ укрѣпленій, пластуны проникали въ горы, сторожили непріятельскія партіи, слѣдили за ихъ передвиженіями. При этомъ, скрывая свой собственный слѣдъ, они то «задкуютъ», т. е. пятятся назадъ, или топчатся на мѣстѣ; по слѣдамъ же непріятеля узнаютъ силу партіи, когда она прошла и куда направитъ первый ударъ. Въ закубанскихъ укрѣпленіяхъ пластуны проводили дни и ночи въ поискахъ, оберегали наши пастбища, сѣнокосы, рубки дровъ и огороды. Нечаянныя нападенія стали дѣломъ невозможнымъ. Когда начальство снабдило укрѣпленія на случай штурма ручными гранатами, пластуны стали брать ихъ съ собой на поиски. Въ крайности, если не было

иного спасенія, они зажигали гранату, швыряли въ носъ шапсугамъ, а сами — давай Богъ ноги, съ приговоромъ: «Ну-те жъ, ноги, та не лускайте!» — Въ набѣгахъ нашихъ отрядовъ, громившихъ аулы, пластуны рыскали впереди, какъ ищейки, оберегали безопасность войскъ, намѣчали кратчайшій путь, снимали горскіе пикеты. — Вотъ въ темную непроглядную ночь, отрядъ перешелъ Кубань и повернулъ влѣво, черезъ плавни. Кони спотыкаются, фыркаютъ, пушки прыгаютъ по кочкамъ, никакъ не убережешься, чтобы подойти тихо. Версты за три отъ аула отрядъ остановился, вырядили четырехъ пластуновъ осмотрѣть, нѣтъ ли пикетовъ и можно ли идти дальше. Пройдя половину пути, пластуны замѣчаютъ — въ кустахъ что-то блеститъ. — «Это огонекъ, говорилъ урядникъ, слухайте хлопці: оцей бікетъ безпріминно надо вничтожить. Ще трошки підийдемъ, а далі полізимо. Якъ дамъ вамъ повістку по-шакалячему, то зразу кидайтесь и давите ихъ.» — Пластуны вошли въ дремучій лѣсъ; чѣмъ дальше углублялись, нога все тише и тише становилась на сучья и кочки. За 200 шаговъ они поползли. Еще немного, урядникъ пискнулъ: они остановились, а онъ поползъ дальше. Костеръ догоралъ. Подлѣ него сидѣли 4 черкеса, пятый ходилъ на часахъ; два, должно быть, что-то варили, остальные вели бесѣду. Прошло съ четверть часа, урядника нѣтъ; между тѣмъ, поднялся сильный вѣтеръ, нагнало тучи, грянулъ громъ, засверкала молнія. Черкескій огонекъ разгорѣлся пуще, а сами они, закутавшись въ бурки, протяжно завыли: «Алла! Алла!» — «Псъ!» отозвался урядникъ: «Ты, Петро, кинешься на часового и положи его отъ разу, а потомъ намъ помогай; ты, Хома, на того, что подлѣ огня лежитъ; а мы съ тобой, Герасимъ, управимся съ остальными. Съ Богомъ!» Вынули пластуны кинжалы, полѣзли... Глядитъ Петро, а часовой такой здоровенный, что и въ темной хатѣ былъ бы замѣтенъ, да дѣлать нечего: бросился, охватилъ его правой рукой, а лѣвой всадилъ ему кинжалъ прямо подъ сердце. И не пискнулъ бѣдняга. Тогда Петръ бросился къ одному изъ спящихъ, всадилъ ему кинжалъ между плечъ: горецъ заревѣлъ такъ, что лѣсъ дрогнулъ. Завязалась борьба: то горецъ лежалъ внизу, то Петръ хрипѣлъ подъ нимъ. Ужъ рука черкеса поднялась, сверкнулъ кинжалъ, но Петръ увернулся и опять очутился сверху: теперь онъ ждалъ, пока помогутъ товарищи. Однако черкесъ сразу какъ-то утихъ,

кинжалъ самъ собой выпалъ изъ рукъ. Когда Петръ обернулся назадъ, то увидѣлъ, что Герасиму приходитъ конецъ: уже два раза пырнулъ его кинжаломъ горецъ, замахнулся въ третій.... Тигромъ наскочилъ на него Петръ, прикончилъ, а все-таки дядьку Герасима не могъ воскресить! Плакать было некогда, обобрали убитыхъ черкесовъ, тѣла затащили въ кусты, кровь притоптали, какъ будто бикетъ ушелъ въ обходъ. Урядникъ умудрился взять живьемъ одного черкеса; ему завязали ротъ и пошли дальше. На обратномъ пути пластуны подняли тѣло товарища.—Ни одна собака не залаяла: такъ ловко подвели они войска; обложили аулъ кругомъ, пролежали ночь, а съ разсвѣтомъ бросились въ середину. Тутъ ужъ конецъ извѣстенъ.

Въ прежнее время пластуны принимали къ себѣ въ товарищи по собственному выбору. Кромѣ смѣтки и терпѣнія, пластунъ долженъ хорошо стрѣлять, потому что одинъ потерянный выстрѣлъ губитъ все дѣло; онъ долженъ быть хорошимъ ходокомъ, что необходимо для продолжительныхъ поисковъ въ лѣсахъ, болотахъ или закубанскихъ топяхъ. Впрочемъ, бывали случаи, что пластуны сами зазывали къ себѣ какого-нибудь необстрѣленнаго «молодика»: значитъ, его отецъ былъ славный пластунъ, сложившій свои кости на плавнѣ. Вообще, у пластуновъ свои, совсѣмъ особые обычаи, повѣрья, примѣты; они знаютъ заговоръ отъ вражеской пули, отъ укушенія гадюки; они умѣютъ лѣчить самыя опасныя раны, останавливать кровь.

Къ своей трудной службѣ пластуны подготовляются въ той же школѣ — въ плавняхъ, въ лѣсахъ, гдѣ водится въ изобиліи дикій кабанъ, олень, дикая коза, волкъ, лисица, барсукъ, выдра. На охотѣ за кабаномъ требуется подчасъ хитрость, подчасъ отвага. Однажды два пластуна, отецъ съ сыномъ, залегли ночью на кабаньемъ слѣду. Только разсвѣло, слышатъ они пыхтѣнье, хрускъ: огромный черный кабанъ ведетъ свою семью къ водопою. Пластуны дали знать о себѣ, и кабанъ, насторожившись уши, остановился какъ вкопанный. Отецъ выстрѣлилъ первый. Раненый кабанъ шарахнулся было впередъ, потомъ повернулся и покатилъ вслѣдъ за своимъ стадомъ. Пока старый пластунъ, недовольный своимъ выстрѣломъ, собирался зарядить винтовку, его сынъ со всѣхъ ногъ махнулъ по горячему слѣду. Слышитъ онъ трескъ очерета, видитъ кровавую струйку, а кабана не замѣчаетъ въ

густомъ камышѣ. Вдругъ его что-то толкнуло въ ноги, и больно, будто косой, хватило по икрамъ. Пластунъ упалъ на-взничь и очутился на спинѣ кабана. Тряхнулъ свирѣпый звѣрь спиной, однимъ махомъ располосовалъ черкеску съ полушубкомъ отъ пояса до затылка. Еще одинъ взмахъ клыка, и пластуну надо бы разстаться съ жизнью, но въ это мгновенье раздался мѣткій выстрѣлъ: пуля угодила звѣрю въ самое рыло, пониже лѣваго глаза, при чемъ расщепила его клыкъ, острый какъ кинжалъ. Съ разинутою пастью растянулся кабанъ во всю свою трехъ-аршинную длину. «А что, хлопче, будешь теперь гнаться, да не оглядаться?» спросилъ отецъ, дѣлая сыну перевязку. Обѣ его икры были прохвачены до костей.—Изъ такой-то выучки выходили старые пластуны. Есть и другіе промыслы, гдѣ казакъ привыкаетъ къ тому, что его ждетъ на службѣ. Около табуновъ, незнакомыхъ со стойломъ, онъ дѣлается наѣздникомъ; около стадъ, угрожаемыхъ звѣремъ,—стрѣлкомъ. Съ малолѣтства онъ свыкается съ невзгодами пастушеской жизни. Въ поискахъ за своимъ стадомъ изощряется распознавать мѣста, какъ въ ясный день или темную ночь, такъ и въ дождь или туманъ. Въ степномъ одиночествѣ казакъ учится терпѣнію, становится чутокъ, зорокъ, что идетъ ему на пользу послѣ, въ одиночрыхъ караулахъ, засадахъ.—Изъ такихъ-то казаковъ набираютъ теперь батальоны пластуновъ.

Въ случаѣ всеобщаго призыва, черноморцы, переименованные недавно въ Кубанцевъ, выставляютъ грозную силу въ $74^1/_2$ тыс.: такое число казаковъ считается въ служиломъ возрастѣ. У нихъ своя артиллерія, конница, свои пѣшіе баталіоны; они могутъ составить отдѣльный корпусъ, воевать своими силами. Не смотря на долгіе годы мира, на то, что нынѣшній казакъ сдружился больше съ плугомъ, сталъ «хліборобомъ», кубанцы сберегли завѣты украинской старины, какъ уральцы хранятъ старину русскую. На Кубани еще не забыто то доброе старое время, когда черноморцы величали другъ друга «братомъ», а кошевого «батькомъ»; когда «лыцари» жили подъ соломенной крышей, въ свѣтличкахъ о трехъ окнахъ; когда казацкія жены и матери ѣзжали попросту въ старинныхъ кибиткахъ, а казаки носились на стременахъ. Тогда за дружеской бесѣдой пили родную варенуху, заѣдали мнишками; подъ цымбалы отплясывали «журавля» да «метелицу»; тогда вѣрили, что того, кто никогда не огля-

нулся, не возьметъ ни пуля, ни сабля. Память отцовъ еще жива и свято чтится среди этого добродушнаго, простаго и гостепріимнаго воинства. А призывный кличъ войны бурлитъ запорожскую кровь. Подобно сподвижникамъ Богданка, гетмана Хмельницкаго, атамановъ Сѣрка, Бѣлаго, Чепѣги и многихъ другихъ прославленныхъ вождей Украйны, Запорожья и Черноморья, ихъ внуки такъ же предпочитаютъ смерть позорной неволѣ, такъ же любятъ и воспѣваютъ старинную доблесть.

V.

«Горѣли, сгорѣли, а не сдались!»

Прошло три года, какъ замеръ звукъ оружія на Лѣвомъ флангѣ Кавказской Линіи: смирился Дагестанъ, поступилась Чечня; уже старый Шамиль жилъ на покоѣ, и тамъ, гдѣ прежде карабкались по обрывамъ скалъ или пробирались дремучимъ лѣсомъ, мирно проходилъ одинокій путникъ, не опасаясь засады, свободно двигался транспортъ, нагруженный провіантомъ или срочными вещами. А на Правомъ флангѣ все еще кипѣлъ бой, все еще горцы надѣялись отстоять себѣ свободу жить, какъ хотятъ, грабить, когда вздумаютъ. По пятамъ враговъ кубанцы, рядомъ съ прочими войсками, подвигались все дальше и дальше за Кубань, душили волка въ его собственной ямѣ. Дорого отдавали намъ горцы свою родную землю еще дороже платился за нее русскій солдатъ и казакъ свою

собственною кровью и костьми. Какъ въ Чечнѣ закрѣпляли каждый шагъ впередъ постройкой укрѣпленій, такъ же и за Кубанью возникали укрѣпленія, передовые посты. Они стерегли выходы изъ ущелій, стояли въ опасныхъ мѣстахъ, но, между тѣмъ, были не велики и слабы защитой. Въ числѣ такихъ постовъ стоялъ одиноко, окруженный на пушечный выстрѣлъ вѣковымъ лѣсомъ, въ землѣ непокорныхъ натухайцевъ, Липкинскій постъ. Его круглая насыпь возвышалась въ видѣ холма, изъ-за котораго сиротливо глядѣла единственная пушка. Пластуны Липкинскаго поста обитали въ тѣсномъ помѣщеніи, построенномъ въ расщелинѣ горы, куда рѣдко заглядывало солнышко; такое же убогое помѣщеніе занималъ сотникъ Горбатко, одинокую жизнь котораго раздѣляла его вѣрная жена Марьяна.

Всѣхъ защитниковъ на Липкинскомъ посту считалось 34 человѣка, въ томъ числѣ урядникъ Иванъ Молька, но каждый изъ нихъ несъ службу за десятерыхъ. Этихъ людей нельзя было обмануть, что-нибудь отъ нихъ вывѣдать. Горбатко, извѣстный у горцевъ подъ именемъ «султана», считался хитрѣе чорта. Однажды натухайцы выпросили у мирныхъ горцевъ арбу съ быками, нарядили своего джигита въ женское платье, закутали его съ ногъ до головы въ чадру и посадили съ трехлѣтнимъ мальчишкой; другой горецъ сѣлъ за кучера. Въ сильный дождь арба, проѣзжая мимо поста, какъ будто невзначай опрокинулась: марушка стала кричать благимъ матомъ, ребенокъ тоже запищалъ. Человѣкъ 20 пластуновъ выбѣжало съ поста; одинъ добрый человѣкъ захватилъ даже топоръ, но хитрый горецъ просилъ, чтобы его жену пріютили на время въ казармѣ. Доложили сотнику. Тотъ вышелъ самъ, далъ какое-то лѣкарство въ пузырькѣ, сунулъ малюткѣ 4 куска сахару, бубликъ, однако на постъ не пустилъ, даже ребенка не позволилъ внести въ казарму. Къ тому же и дождь пересталъ. Хитрость горцевъ, желавшихъ вывѣдать внутренность укрѣпленія и число казаковъ, не удалась. Зато они держали защитниковъ почти какъ въ тюрьмѣ, хотя, впрочемъ, пластуны никогда не оставались въ долгу. Однажды они пробрались въ горы, верстъ за 20, гдѣ украли корову. Мальчишка-пастухъ это видѣлъ и далъ знать въ аулъ. Черкесы сѣли на лошадей — въ догонку; ѣздили, ѣздили—нѣтъ пластуновъ, точно провалились сквозь землю. Горцы подумали, что они корову убили, гдѣ нибудь забро-

сили, а сами скрылись. Вышло не такъ. На другой же день, на высокомъ шестѣ, среди поста, красовалась напоказъ коровья голова со шкурой. Горцы сдѣлали по ней нѣсколько выстрѣловъ, посмѣялись, съ тѣмъ и разъѣхались. Такъ проводили время заброшенные въ горы пластуны Липкинскаго поста. Наступила осень 1862 года, теплая, чудесная. Это лучшее время на Кубани, когда и люди, и скотъ отдыхаютъ послѣ знойнаго лѣта съ его жгучими вѣтрами. Только не радовала она нашихъ затворниковъ: сердце чуяло что-то недоброе. Хотя кругомъ было все то же, такъ же мрачно глядѣлъ лѣсъ, по его опушкѣ проходили партіи черкесовъ, повременамъ стрѣляли въ крѣпость, но со всѣмъ этимъ они свыклись. Невѣсть отчего тоска разбирала все пуще и пуще. Паня Марьяна, чтобы отвлечь свою тяжелую думку, взялась за винтовку и выучилась стрѣлять такъ хорошо, что попадала въ пень за полтораста шаговъ. И эта утѣха скорое ей прискучила; старые пластуны тоже насупились, молча готовили патроны; многіе почему-то надѣли чистыя сорочки, точно наступалъ праздникъ или передъ смертнымъ боемъ...

А въ это самое время огромная партія натухайцевъ стояла въ сборѣ у Неберджаевскаго ущелья. Князья и лучшіе джигиты держали совѣтъ, куда направить свой ударъ. Одни желали броситься на Липкинскій постъ, другіе совѣтовали переждать да пройти прямо на станицы, третьи, напротивъ, старались отговорить отъ набѣга, потому что партія приподзала, упустивъ лучшее время. Близость Липкинскаго поста искушала джигитовъ, и хотя болѣе опытные старшины совѣтовали ни въ какомъ случаѣ не трогать пластуновъ, такъ какъ это дѣло опасное, ихъ голоса были заглушены криками молодежи: «Долой трусовъ! Развѣ мы хуже пластуновъ? Мы всѣ готовы поклясться надъ священнымъ оружіемъ, что возьмемъ надъ ними верхъ: долой трусовъ!» — Неизвѣстно, чѣмъ бы кончились эти споры, еслибы въ ту пору не раздались 2 выстрѣла со стороны Липкинскаго поста; минуты черезъ двѣ ударила пушка, а вскорѣ завыли волки. То пластуны подавали тревожныя вѣсти: они подстрѣлили разъѣздъ и замѣтили приближеніе партіи. Тревога подлила масла въ огонь: молодежь, всегда жадная на подвигъ, заставила умолкнуть старшинъ. Отрядъ двинулся впередъ. Джигиты заскакали съ двухъ сторонъ и оцѣпили укрѣпленіе, чтобы не выпустить ни одного пластуна; пѣхота раздѣли-

лась на двѣ части: одна толпа, примѣрно около 2 тысячъ, двинулась на приступъ, другая, въ тысячу человѣкъ, заняла дорогу. Къ пѣшей толпѣ присоединились джигиты. Пластуны уже сидѣли за гребнемъ, уже поджидали враговъ. На 100 шаговъ они дали залпъ, повторили его,—и сотни горцевъ какъ не бывало. Толпа съ остервенѣніемъ ринулась къ оградѣ и открыла пальбу, безтолковую пальбу, потому что горцы толкали другъ друга, стрѣляли то вверхъ, то внизъ, не причиняя вреда, а въ то же время каждая пуля изъ-за гребня находила себѣ жертву. Старшины придвинули остальную пѣхоту, но это только увеличило давку и безпорядокъ. Тогда раздалась команда: «Гайда на заборъ!» Сотни отважныхъ стали сгоряча карабкаться, ихъ подсаживали, поддерживали, но тутъ они натыкались на грозный штыкъ или увѣсистый прикладъ,—трупы въ страшныхъ корчахъ валились назадъ, на головы штурмовавшихъ. Ихъ топтали свои же, среди отчаянныхъ криковъ и воплей. Послышались голоса: «Бросимъ! Нельзя взять!» Въ отвѣтъ на это раздались насмѣшки старшинъ: «Что, джигиты, струсили? Не вы-ли клялись оружіемъ осилить гяуровъ?» Муллы запѣли священныя молитвы, возбуждавшія храбрость. Во второй разъ ринулись отважно горцы, опять полѣзли на заборъ, опять встрѣчали то же самое—штыки, приклады, отъ ударовъ которыхъ трещали ихъ головы. Въ безсиліи, въ досадѣ, не зная что дѣлать, черкесы снова открываютъ безполезный огонь. Прошло немного времени, какъ раздалась новая команда: «Руби заборъ!» Отобрали сотню самыхъ ловкихъ, поставили ихъ возлѣ воротъ и заставили рубить; убитаго или усталаго замѣняли другимъ. Изъ укрѣпленія, между тѣмъ, послышался голосъ сотника Горбатка. Стали прислушиваться, но за стрѣльбой, за стукомъ топоровъ, доходили лишь отдѣльныя слова: «Дѣды, отцы, Самъ Богъ!... Штыкомъ, штыкомъ! Два, три, подавай!..» Только и слышался его одинокій голосъ; пластуновъ, какъ будто, и не бывало на посту: они работали молча; слышенъ былъ еще женскій голосъ: «Есть! есть!» что не мало удивляло горцевъ. Но вотъ раздался трескъ: упалъ заборъ, сажени на 3 шириной. Волной хлынули горцы въ это отверстіе и опять наткнулись на штыки: передніе пали, задніе навалились, притоптали пластуновъ, но за ихъ спиной, съ приподнятой шашкой, врѣзался въ толпу самъ сотникъ Горбатко. Онъ рубилъ направо, налѣво, кричалъ: «Не робѣй, братцы!» и

опять сверкала его шашка, какъ молнія въ небѣ. Однако его подсѣкли: онъ упалъ на колѣни, чуть слышно повторяя: «Не робѣйте, братцы!» Рядомъ съ нимъ работалъ могучій богатырь,

Залога на берегу Кубани.

съ бородой по поясъ, украшенный крестомъ. Онъ отбивался прикладомъ; когда же перебилъ свой прикладъ на головѣ одного черкеса, то схватилъ другаго за шею и сталъ его душить руками. Сдавленные въ толпѣ, горцы не могли его зарубить, а подсунули кинжалы, отъ которыхъ богатырь-пластунъ свалился возлѣ своего сотника. Тутъ со страшнымъ крикомъ рванулась въ толпу жена сотника, Марьяна. Горцы оторопѣли: они еще ни разу не встрѣчали въ открытомъ бою «марушку». Князья кинулись было ее выручать, но Марьяна, ставъ надъ трупомъ своего мужа, выстрѣломъ убила

одного горца, штыкомъ проколола на смерть другого. Освирѣпѣли горцы, изрубили на куски Марьяну; князья опоздали.

Рукопашная рѣзня прекратилась, но небольшая команда пластуновъ, 7 не то 8 человѣкъ, заперлась въ казармѣ, откуда посылала пулю за пулей: то тамъ, то тутъ падали черкесы. Старшины распорядились обложить казарму хворостомъ и, пока его таскали, пытались вступить въ переговоры. «Сдайтесь, говорили они, мы вамъ худаго ничего не сдѣлаемъ; все равно пропадете; намъ жалко, что такіе храбрые джигиты уйдутъ со свѣта.» Пластунъ, стоявшій у дверей, отвѣчалъ, что не было еще примѣра, чтобы его братья сдавались: «Что хотите, то и дѣлайте съ нами, а лучше всего идите, откуда пришли: мы не будемъ стрѣлять».—«Русскій воинъ не сдается!» крикнулъ другой голосъ изъ казармы. Князья еще долго уговаривали, устрашали огнемъ, ничего не помогло, пластуны стояли на своемъ. — Солнце уже показалось на вершинахъ горъ, черкесы могли ожидать приближенія страшнаго Бабука—такъ они называли генерала Бабича—почему рѣшились прикончить разомъ. Нѣсколько человѣкъ полѣзли на верхъ казармы, но въ это время загорѣлся хворостъ: казарму охватило пламенемъ, пальба прекратилась.... Дымъ началъ душить защитниковъ. Они издавали раздиравшіе душу крики; чаще всего слышалось: «Боже, мой! Боже мой!» однако ни одинъ не выскочилъ, ни одинъ не просилъ пощады. Они умирали въ страшныхъ мукахъ. Горцы, не видавшіе ничего подобнаго, пришли въ изумленіе; въ сердца самыхъ отчаянныхъ проникла жалость къ этимъ безвременно погибавшимъ людямъ.

Князья собрали партію и стали быстро отступать, боясь привлечь пожаромъ подкрѣпленіе. За пять верстъ отъ поста они остановились, сдѣлали привалъ, стали считать убитыхъ, перевязывать раненыхъ. Муллы прочли молитву, всѣ помолились за убитыхъ братьевъ. Послѣ того эфенди, или старшій мулла, сказалъ слѣдующее: «О, до какого стыда мы дожили, правовѣрные, если уже марушка двоихъ у насъ убила! Случай неслыханный между храбрыми горцами! Это позоръ и наказаніе намъ отъ Аллаха! Не означаетъ ли онъ, что мы должны покориться Московіи? Нѣтъ, не то: мы покинемъ родную землю, станемъ искать защиты у правовѣрнаго султана, вмѣстѣ съ нимъ мы ударимъ на Московію, и кровь нашихъ братьевъ, отцовъ не пропадетъ даромъ—ею

обольются гяуры!»—Мулла закрылъ глаза: онъ горько плакалъ; заплакали и горцы. Когда же эфенди открылъ лицо, то громко и протяжно, какъ бы въ укоръ присутствующимъ сказалъ: «Горѣли, сгорѣли, а не сдались!»

«Горѣли, сгорѣли, а не сдались!» повторили хоромъ всѣ горцы.—У нихъ такой обычай, повторять послѣднія слова старшаго.

ТЕРЦЫ.

I.

Гребенское войско и Терское.

Кизляро-Гребенской, Горско-Моздокскій, Волгскій и Сунженско-Владикавказскій — вотъ имена четырехъ полковъ, поселенныхъ въ Терской области и извѣстныхъ нынче подъ общимъ названіемъ Терцевъ. Эти имена напоминаютъ трехвѣковую исторію Терцевъ, ихъ первоначальное водвореніе, переселенія съ мѣста на мѣсто, боевые труды, пережитую славу. Уже судя по двойному названію полковъ можно заключить, что прежде ихъ было гораздо больше: одно время считалось 13 полковъ. Эти старые полки служили какъ бы звеньями той цѣпи, которая была растянута отъ моря Азовскаго до моря Каспійскаго, отъ Бургаза до устья Терека. Черноморская Кордонная Линія оканчивалась урочищемъ «Изрядный Источникъ,» что на Кубани; весь остальной промежутокъ — по верхамъ Кубани, по Тереку, по Сунжѣ примѣрно на 700 верстъ, замкнула Кавказская Линія. Оплотомъ и грозой ея стали линейные казаки, подвиги которыхъ прогремѣли по всѣму свѣту. Кавказская Линія много лѣтъ служила приманкой какъ для тѣхъ, кто жаждалъ славы или отличій, такъ равно и для тѣхъ, кому жизнь опостыла.

На равнинахъ по сю сторону Терека, въ бурныхъ волнахъ рѣкъ, въ скалахъ Кабарды и въ лѣсахъ Чечни—вездѣ воинъ встрѣчалъ смерть: на каждомъ шагу она ждала свою жертву. На смѣну павшихъ бойцовъ являлись другіе—и такъ изъ года въ годъ, десятки, сотни лѣтъ, пока не замирился Кавказъ.

Длинная Кавказская Линія замкнулась не сразу, а по частямъ. По мѣрѣ того, какъ разгоралась борьба, выдвигалось то или другое звено этой цѣпи постовъ, кордоновъ и станицъ. На защиту Линіи шли казаки разныхъ наименованій: съ Дона—донскіе, съ Волги—волжскіе, съ Яика—яицкіе, съ Хопра—хоперскіе, изъ Украйны—украинскіе; сюда шли мирные поселяне, обвыклые въ тревогахъ войны, и селились подъ ружейнымъ огнемъ горцевъ; наконецъ между защитниками Линіи встрѣчались кабардинцы, черкесы, татары, частью крещеные, частью некрещеные. Но корень и начало укрѣпленію Линіи положили искони русскіе люди, православные по вѣрѣ. Остальные пристраивались позже, вплоть до тридцатыхъ, даже сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Давно это было, болѣе 350 лѣтъ тому назадъ, когда Москва наложила свою руку на Рязанскую землю: послѣдняго рязанскаго князя заперли въ тюрьму, его мать Аграфену услали въ монастырь, въ рязанскія волости были посажены московскіе намѣстники. На Дону, въ волости Червленый Яръ, сидѣли до того казаки. Они оберегали Рязанскую землю отъ лихихъ татаръ; между дѣломъ, какъ водилось въ старину, хаживали на Волгу, на Синее море — на промыселъ вольный, казачій. Когда намѣстники Москвы объявили, что теперь надо казакамъ выселяться въ Суздальскую землю и служить по стрѣлецкому уряду, Червленый Яръ зашумѣлъ, заволновался. Удалыя головы не задумались покинуть насиженное мѣсто, построили струги, и какъ только вскрылись рѣки, караванъ отплылъ изъ Червленаго съ пищальной пальбой, съ пѣснями. Знакомымъ путемъ онъ спустился Дономъ до царицынской переволоки, перетянулся на Волгу и отсюда Синимъ моремъ прошелъ въ устье Терека. Жившіе здѣсь татары приняли ихъ дружелюбно, однако казаки не остались съ ними, а, поднявшись еще выше, осѣли на пустопорожнихъ земляхъ по правому берегу Сунжи, возлѣ нынѣшней крѣпости Грозной. Тутъ они поставили свои городки: Червленый, Шадринскій, Кордюковскій, Старогладковскій и Новогладковскій; по гористому же мѣстоположенію получили на-

званіе Гребенскихъ казаковъ. Съ женами и дѣтьми ихъ насчитывалось около 4 тысячъ. Они скоро вошли въ дружбу съ сосѣдними горскими народами—чеченцами и кабардинцами, отъ которыхъ получили на первое обзаведеніе хлѣбъ, скотъ, лошадей и даже «женъ невѣнчальныхъ.» Запуганные татарами, горцы смотрѣли на этихъ пришельцевъ съ Руси, знакомыхъ съ огненнымъ боемъ, какъ на своихъ защитниковъ.

Полтораста лучшихъ людей Кабарды, или, какъ ихъ тогда называли, «Пятигорскихъ Черкасъ», явились въ Москву просить молодаго Царя Ивана Васильевича взять подъ свою державу вольную Кабардинскую землю. Съ кабардинцами находилась и станица Гребенскихъ казаковъ. Тѣхъ и другихъ Государь принялъ ласково, пожаловалъ первыхъ русскихъ поселенцевъ вольною рѣкою Терекомъ съ его протоками и велѣлъ имъ службу служить да беречь свою кабардинскую вотчину. Когда же Царь женился на дочери кабардинскаго князя Темрюка, дѣла этой земли стали ему еще ближе къ сердцу. По просьбѣ тестя и другихъ кабардинскихъ князей высланы были на Терекъ воеводы «съ огненнымъ боемъ и многими людьми», которые построили на лѣвомъ берегу рѣки крѣпкій городъ, названный Теркомъ. Эта первая русская крѣпость на Кавказѣ была поставлена на удобномъ пути между Крымомъ съ одной стороны, Дербентомъ и Шемахой съ другой, почему сразу не полюбилась ни крымцамъ, ни туркамъ. Опираясь на нее, гребенцы скоро сдѣлались хозяевами этого важнаго пути; они держали заставы на переправахъ черезъ Сунжу и ея притоки, караулили проѣзды черезъ горныя тѣснины, ѣздили гонцами, ходили въ проводникахъ или въ охранной стражѣ при караванахъ и наконецъ били царскихъ недруговъ. Когда турки и крымцы постыдно бѣжали изъ-подъ Астрахани въ свои улусы, кабардинцы вмѣстѣ съ гребенцами, гнали ихъ нещадно черезъ голодныя степи, гдѣ осталось болѣе половины турецко-татарскаго полчища. Однако Терскій городокъ простоялъ не долго; по совѣту съ боярами Царь присудилъ его снести и поставить новый въ устьяхъ Терека, ближе къ Астрахани. Опечалились князья Кабарды, когда узнали, что стрѣльцы ихъ покидаютъ; они упросили воеводъ не сносить по-крайней мѣрѣ городскихъ стѣнъ, въ которыхъ и засѣли гребенцы. Такъ какъ городокъ былъ несоразмѣрно великъ, а защитниковъ мало, то князья призвали съ Волги еще вольную ватагу казаковъ; противъ

нихъ ополчились крымцы и ногаи. Много разъ отбивались съ успѣхомъ казаки отъ вражескихъ нашествій, даже платили съ лихвой, какъ тутъ подступилъ съ большой татарской ратью самъ шамхалъ Тарковскій, о которомъ уже упоминалось при исчисленіи походовъ уральцевъ. Послѣ многихъ приступовъ татары отвели воду отъ крѣпости. Чтобы не помереть отъ жажды, казаки стали копать внутри колодцы. Прошло 20 дней томительной осады, наступилъ праздникъ Св. Троицы. Казаки отпѣли молебенъ, прося у Бога дождика. Къ вечеру пошелъ проливной дождь, а на утро крѣпостной ровъ былъ уже полонъ воды. Шамхалъ упалъ духомъ и покинулъ осаду. Въ слѣдующую же ночь казаки догнали его таборъ, многихъ татаръ перебили и вернулись съ богатой добычей. Тѣмъ не менѣе, нашествіе татарскихъ полчищъ совсѣмъ ихъ обездолило: поля были вытоптаны, стада отогнаны; порохъ и снаряды за время продолжительной осады израсходованы. Въ это время казаки прослышали, что царскіе воеводы поставили въ устьѣ Терека другой городокъ, «Новые Терки», и что тамъ собирается новое войско. Сошлись они въ кругъ, думали, толковали и порѣшили бросить свой городокъ. Пушки закопали въ землю, частоколъ, надолбы и всѣ деревянныя строенія сожгли, къ великому неудовольствію кабардинскихъ князей. Мамсрюкъ, младшій братъ Темрюка, подговоривши сотни три волжской вольницы, перешелъ съ нею къ Новымъ Теркамъ, а прочіе гребенцы опять разселились по своимъ старымъ мѣстамъ.

Русскіе удальцы издавна охотно посѣщали устье Терека, гдѣ находили обильныя угодья для рыбнаго и звѣринаго промысла; многіе оставались тутъ на зимовлю, а лѣтомъ ходили промышлять въ море. Сюда же спасались воровскія шайки отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ, очищавшихъ Волгу. Кромѣ русскихъ людей, въ этомъ укромномъ углу находили пріютъ выходцы изъ горцевъ и степныхъ кочевниковъ: кабардинцы, чеченцы, черкесы, ногаи—народъ такой же отпѣтый, на все готовый. Когда воеводы прибыли изъ Астрахани, чтобы ставить тутъ городокъ, вольница явилась къ нимъ съ повинной и оказала на первыхъ порахъ большую помощь. Такимъ поведеніемъ она выслужила свои вины, получила царское прощеніе. Узнавши про то, часть яицкихъ казаковъ также явилась съ повинной. Войско еще умножилось тѣмъ, что сосѣдній кабардинскій князь, родичъ Темрюка,

по имени Джанклишъ, билъ отъ себя челомъ Царю Ивану Васильевичу; да съ Сунжи, какъ уже сказано, прибылъ съ дружиной вольницы Мамсрюкъ. Изъ такихъ-то сходцевъ, русскихъ и нерусскихъ, повелось другое войско, Терское, которое отличалось отъ Гребенскаго своимъ разноязычіемъ и наклонностью къ морскому промыслу. Разноплеменность Терскаго войска еще болѣе увеличилась, когда съ ливонскихъ и литовскихъ городовъ стали насылать сюда въ большомъ числѣ плѣнниковъ, что конечно также умножило войско. Терцы жили и управлялись по старымъ казацкимъ обычаямъ, но нарядъ на службу зависѣлъ отъ царскихъ воеводъ. Новокрещеные и вообще всѣ казаки нерусскаго происхожденія подчинялись роду князей Джанклиша: его сыну Сунчалею, внуку Муцалу и правнуку Каспулату.

Русскій городокъ подъ охраной казаковъ разросся въ большой многолюдный городъ, украсился садами и многими общественными зданіями, какъ напримѣръ: караванъ-сараи, бани, таможенные дворы, приходскія церкви, монастырь, гдѣ крестились иновѣрцы, гостиные дворы и т. п. Въ Теркахъ заторговали шибко: сюда съѣзжались купцы изъ Каффы, что въ Крыму, изъ персидскихъ городовъ, изъ нашей Астрахани. Одинъ верблюжій караванъ смѣнялся другимъ; персидскіе «бусы-кораблики» сегодня разгружались, завтра снова нагружались. —Кромѣ сторожи и развѣдокъ, казаки отбывали государеву службу въ дальнихъ походахъ. Соединенныя дружины гребенцовъ и терцевъ чаще всего водили потомки князя Джанклиша. Они любили казачью удаль и прославили ее въ горахъ Кавказа. Кромѣ того, эти вѣрные слуги царскіе часто вступались въ распри воеводъ съ казаками и приводили ихъ на-миръ, въ доброе согласіе. То хорошее для терцевъ старое время продолжалось недолго; вскорѣ начались бѣды.

Кахетинскій царь Александръ просилъ у Государя помощи противъ ихъ стараго и общаго недруга шамхала Тарковскаго, владѣнія котораго примыкали однимъ бокомъ къ Тереку. Вскорѣ послѣ смерти Ивана Васильевича Грознаго, воевода Хворостининъ получилъ повелѣніе выступить изъ Астрахани съ ратными людьми на Терекъ къ старому городку, откуда вмѣстѣ съ гребенцами наступать на владѣнія шамхала. По веснѣ 1594 года воевода съ пятитысячной ратью былъ уже на Терекѣ, гдѣ къ нему присоединилось Гребенское войско. Хитрый шамхалъ очистилъ передъ русскими не

только переправу на Сунжѣ, но даже уступилъ безъ боя Тарки, свою столицу. Засѣли въ немъ русскіе, стали его укрѣплять. Работали въ знойное лѣто, на самомъ солнцепекѣ, что съ непривычки породило болѣзни; особенно изводила злая лихорадка; кромѣ того, оказался недочетъ въ припасахъ. Между тѣмъ, полчища шамхала облегали городъ все тѣснѣе и тѣснѣе, а обѣщанная царемъ Кахетіи помощь не являлась. Чаще и чаще случались схватки и, какъ ни храбръ былъ воевода Хворостининъ, однако видѣлъ, что дѣло можетъ кончиться въ худую. Составили совѣтъ, на которомъ долго не спорили. Въ темную ночь, побросавъ всѣ лишнія тяжести, русскіе тайкомъ покинули городъ. Шли, шли и вдругъ, при свѣтѣ луны, замѣтили, что сбились съ дороги, бредутъ въ болото. Гребенцы бросились въ разныя стороны и разыскали пастушка. Пока съ его помощью выбирались на дорогу, наступилъ день. Тутъ налетѣла конница шамхала; вдали, въ облакахъ пыли, настигали пѣшіе. Отбиваясь отъ конницы, Хворостининъ приказалъ бросить тяжелый нарядъ (артиллерію), всѣ повозки, даже съ ранеными и больными воинами— лишь бы поскорѣе отойти. Какъ голодные волки бросились татары на добычу, и наши ратники слышали вопли замученныхъ. Въ полдень надвинулась уже вся сила басурманская. Впереди толпы шли муллы, держа надъ головами священные свитки, и пронзительно завывали стихами корана. Русская рать то останавливалась, при чемъ строилась «въ кольцо» и отбивалась всѣми силами, то продолжала движеніе, угрожаемая спереди и сзади, сдавленная съ боковъ. Только по закатѣ солнца она добралась до Сулака, гдѣ битва сама собой стихла. Хворостининъ привелъ на Терекъ едва четвертую часть; изъ тысячи гребенцевъ вернулось 3 сотни.— Черезъ 10 лѣтъ походъ повторился. На этотъ разъ подступила къ Таркамъ 10-ти-тысячная рать, въ которой находились оба казачьи войска—Гребенское и Терское. Воеводы напомнили русскимъ воинамъ о гибели братьевъ въ этой предательской землѣ и такъ успѣли ихъ одушевить, что тѣ поклялись передъ распятіемъ сложить свои головы. Бутурлинъ повелъ стрѣльцовъ съ одной стороны, Плещеевъ—боярскихъ дѣтей и казаковъ съ другой. Хотя городъ оказался уже укрѣпленнымъ, но войска сразу имъ овладѣли; улицы и площади были завалены множествомъ убитыхъ. Шамхалъ бѣжалъ въ горы къ аварскому хану, поручивъ оборону

страны своему сыну Муту. Воеводы принялись вторично за городскія стѣны; прежде всего они заложили на верхнемъ уступѣ, гдѣ стояли двѣ высокихъ башни, каменную крѣпость. Работы шли успѣшно, пока не пристигла зима, а вмѣстѣ съ тѣмъ не повторилась та же бѣда—припасы были на исходѣ. Воеводы были вынуждены отпустить половину стрѣлецкихъ полковъ въ Астрахань. А тѣмъ временемъ султанъ Мутъ не дремалъ. Онъ успѣлъ поднять на ноги весь Дагестанъ, собралъ кумыковъ, пригласилъ ногайцевъ, такъ что въ короткое время собралось подъ его начальствомъ до 20-ти тысячъ. Съ этимъ скопищемъ Мутъ подступилъ къ Таркамъ. Въ ту пору защитники питались уже остатками толокна и вяленой говядины; даже казаки не могли нигдѣ промыслить. Истощенные голодомъ, изнуренные трудами, русскіе люди все-таки оборонялись; особенно вредили непріятелю высокія башни, съ которыхъ отборные пищальники стрѣляли безъ промаха. Вдругъ одна изъ башенъ взлетѣла на воздухъ, даже горы вздрогнули, и въ ту же минуту все скопище ринулось на штурмъ. Русскіе не испугались, отбили приступъ. Однако лучшіе стрѣлки и казаки погибли подъ развалинами башни, уничтоженной подкопомъ. Султанъ Мутъ также потерпѣлъ не малый уронъ. Зашла рѣчь о мирѣ. Послѣ недолгихъ переговоровъ, согласились на томъ, что русскіе отойдутъ безпрепятственно на Терекъ, больныхъ же и раненыхъ оставятъ до выздоровленія въ городѣ, на попеченіи шамхала; порукой въ томъ, что ихъ доставятъ въ Терки, будетъ служить сынъ Мута, взятый въ заложники. Шамхалъ утвердилъ договоръ шертью на коранѣ, самъ клялся и 10 сановниковъ; сына отдалъ въ аманаты.

Съ пѣснями, подъ грохотъ бубенъ выступила рать, направляя путь къ тому же Сулаку. И въ станѣ татарскомъ шло ликованье: то былъ праздникъ Байрама. Муллы завыли молитвенные азамы и, войдя въ азартъ, объявили всенародно отпущеніе въ клятвѣ, данной «гяурамъ». На радостяхъ Мутъ приказалъ отдать сотни тузлуковъ, припасенныхъ по случаю его свадьбы съ дочерью аварскаго хана, на угощеніе своихъ полчищъ. Скрытно, какъ волки, стаями, двинулись татары по слѣдамъ русскихъ. Они настигли ихъ на первомъ же ночлегѣ за р. Озень, гдѣ ратники безпечно варили кашу. Упившись бузой, наѣздники врѣзались въ середину стана, такъ что русскіе не могли устроиться, не успѣли зарядить пища-

лей. За конными нахлынули пѣшія толпы, вооруженныя длинными кинжалами. Ратные люди, стиснутые въ кучи, отбивались стойко, мужественно, въ плѣнъ не сдавались. Воевода Бутурлинъ, богатырь съ длинной сѣдой бородой, собственноручно изрубилъ въ куски аманата,—но то былъ не сынъ султана, а подставной татаринъ, приговоренный къ висѣлицѣ. Прошло нѣсколько часовъ страшной рукопаши, обагрившей рѣчку кровью. Пали оба воеводы, полегла вся русская рать. Но и татарамъ не дешево обошлось ихъ вѣроломство: самъ султанъ былъ убитъ изъ первыхъ. Раненые, покинутые въ Таркахъ, погибли самою мучительною смертью: ихъ таскали по улицамъ, надъ ними издѣвались женщины, ругались мальчишки.

Два такихъ похода сильно поубавили боевую силу казаковъ. Были и другія бѣды, изводившія казаковъ, особенно терскихъ. Они обитали, какъ уже сказано, около Новаго Терка, въ мѣстахъ низменныхъ, болотистыхъ, а, слѣдовательно, лихорадочныхъ, къ тому же, подверженныхъ частымъ наводненіямъ. Терпя нужду въ хлѣбѣ и питаясь одной «рыбенкой», терцы годъ отъ году хирѣли, вымирали цѣлыми семьями. Многіе погибали на морскомъ промыслѣ. Не только голытьба, но люди семейные, жившіе въ пригородныхъ слободахъ, даже гребенцы—болѣе домовитые—соблазнялись приманкой богатой поживы. Послѣ удачнаго морскаго набѣга, казаки переряжались изъ своихъ сермягъ и лаптей въ бархатные кафтаны, въ сафьянные сапожки; щеголяли въ атласныхъ рубахахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ, и шапкахъ, унизанныхъ жемчугомъ. Только эти богатства приходили не даромъ. Сердитое море много проглотило казачьихъ тѣлъ, да и схватки съ караванами обходились не дешево, тѣмъ болѣе, что казаки набѣгали на «бусы-кораблики» на своихъ досчаникахъ или въ утлыхъ челнахъ. Ко всѣмъ испытаніямъ терцевъ надо еще прибавить два нашествія кубанскаго сераскира Казы-Гирея, погромившаго ихъ юрты; городокъ едва отбился. Однимъ словомъ, ко времени воцаренія Петра Великаго, осталось терскихъ казаковъ едва ли третья часть, не больше тысячи. Чтобы прикрыть несчастный городокъ отъ татарскихъ нападеній, астраханскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ уговорилъ гребенскихъ казаковъ переселиться изъ-за Сунжи на лѣвый берегъ Терека, что они охотно исполнили. Повыше Сунженскаго устья гребенцы поставили Червленый городокъ,

а остальные четыре по Тереку внизъ, на разстояніи 80-ти верстъ. Такимъ образомъ 1712-й годъ нужно считать началомъ заселенія Кавказской Линіи, о которой было говорено раньше. Спустя 10 лѣтъ, устья Терека навѣстилъ самъ Царь. Осмотрѣвъ Терки, онъ увидѣлъ его малолюдство, бѣдность казачью и приказалъ перевести остатки Терскаго войска на Аграхань. Къ малолюдному Терскому войску была выселена тысяча семейныхъ донцовъ. Тутъ, на болотистой Аграхани, зарывшись въ землянки, тѣ и другіе промаялись еще 12 лѣтъ, пока всѣ завоеванія великаго Царя не отошли опять же къ персіянамъ. Терское войско водворили тогда на Терекѣ, при вновь построенной крѣпости Кизлярѣ. Оно осѣло здѣсь такимъ малолюдствомъ, что едва могло выставить на службу 600 казаковъ: старые терцы 200, да переселенцы, или «семейные», какъ ихъ долго называли, — 400 чел. Послѣдніе поставили свои три городка особо, между гребенцами и крѣпостью Кизляромъ. При окончательномъ устройствѣ Кавказской Линіи, что было въ 1836 году, Терско-Кизлярское войско переименовано въ Кизлярскій полкъ. Такимъ образомъ, оно составило второе звено Кавказской Линіи; первымъ же ея звеномъ были и остались гребенцы.

II.

Какъ они жили и отправляли Государеву службу.

Не смотря на то, что гребенцы были искони русскіе люди, по плоти и духу, они, войдя въ сосѣдство и дружбу съ горскими народами, позаимствовались отъ нихъ многими обычаями, особенно пригодными въ воинскомъ быту. Кабардинцы давали тогда моду въ горахъ: имъ подражали черкесы, старались подражать грубые и бѣдные чеченцы. Одежда кабардинца состояла изъ верхняго зипуна съ открытой грудиной и бешмета, обшитаго галунами; деревянные патронташи, или хазыри, обдѣланные въ кость, иногда въ серебро, смотря по достаткамъ, носились прежде на поясѣ, потомъ ужъ перешли на грудь. Праздничная шапка была круглая, съ узкимъ мѣховымъ околышкомъ и суконнымъ верхомъ, также обшитымъ галунами; будничная-же шапка — высокая изъ чернаго бараньяго мѣха. Защитой отъ дождя и снѣга служилъ башлыкъ; бурка замѣняла кабардинцамъ плащъ, служила постелью, одѣяломъ и шатромъ. Какъ плащъ, она прикрываетъ все снаряженіе всадника и

въ то-же время предохраняетъ его отъ сабельныхъ ударовъ; при горячемъ отступленіи, когда нужно спрыгнуть съ кручи, ее набрасываютъ на глаза коню. «Сѣделечко черкасское» даже упоминается въ казачьихъ пѣсняхъ, какъ самая желанная и цѣнная добыча. Богатые князья и уорки покрывали себя доспѣхами московскаго издѣлія; кольчуги, шишаки, стальные поручни—все это было не по карману казакамъ, но одежду и все прочее снаряженіе, равно выправку, ухватки лихого наѣздничества они скоро переняли отъ рыцарей Кабарды. Въ свою очередь, гребенцы стали примѣромъ подражанія и зависти для другихъ, позднѣйшихъ поселенцевъ Кавказской Линіи. Какъ черноморцы прославились своимъ пластунствомъ, въ такую-же славу вошла лихость и удаль линейцевъ. На нихъ пріѣзжали взглянуть лучшіе наѣздники изъ англичанъ и венгерцевъ. Они переносились съ быстротою молніи, летали со стремнинъ и переплывали бѣшеные потоки, крались какъ кошки въ глубокихъ ущельяхъ или дремучихъ лѣсахъ, исчезали въ травѣ или подъ бугромъ, лежа неподвижно со своимъ вѣрнымъ конемъ. Что касается жилья, гребенцы ставили свои дома по-русски, прочно, окружая ихъ общей оградой или городкомъ съ вышками. Зато внутреннее убранство во многомъ было сходно съ кабардинскимъ: въ одномъ углу висѣло на стѣнѣ оружіе, разные доспѣхи; въ другомъ стояла постель, а на самомъ видномъ мѣстѣ, на полочкахъ, блестѣла нарядно разставленная домашняя посуда; въ красномъ углу, какъ водится, висѣлъ кіотъ съ образами. Если случались въ гостяхъ у казака кабардинцы или кумыки, образная пелена поднималась вверхъ, скрывая такимъ образомъ святыню. Вмѣсто телѣги гребенцы стали употреблять двухколесную арбу и ѣздить на быкахъ; конь-же остался для сѣдла. Легкій кабардинскій плугъ и самый способъ обработки земли, гдѣ пашутъ мелко, также цѣликомъ перешелъ къ казакамъ. Кромѣ земледѣлія, трудолюбивые гребенцы издавна занимаются разведеніемъ винограда, шелковичныхъ червей и марены, что идетъ на краску.—«Гдѣ виноградная лоза, говорятъ на Терекѣ, тамъ и женская красота, тамъ и мужская храбрость и веселая бесѣдушка за чапурой родительска вина». Гребенцы сбывали свое вино въ Терки, а марену продавали наѣзжимъ персидскимъ купцамъ. И рыбкой они пользовались: въ Терекѣ водился лосось, въ родѣ нашей семги, рыба очень вкусная. Такъ какъ на пра-

вомъ берегу издавна рыбачили чеченцы и кумыки, то этотъ промыселъ не считался особенно доходнымъ.

Въ домашнемъ быту терскихъ и гребенскихъ казаковъ всѣ работы исполняла женщина, съ придачей въ помощь ей работника, ногайца или чеченца. Казакъ-же зналъ только служебные наряды да походы, зналъ однѣ побѣжки—то на тревогу около своихъ городковъ, то на подмогу какому-нибудь кабардинскому князю, затѣвавшему усобицу; еще по душѣ ему были ночные наѣзды подъ ногайскіе табуны, а въ ину пору молодецкіе поиски на Синее море. Тутъ ужъ терцы давали урядъ. Во времена затишья казаки ходили «въ гульбу», т. е. травить звѣря или стрѣлять птицъ. Около гребенскихъ городковъ въ лѣсахъ водились дикіе кабаны, козы, кошки; тамъ перелетали съ вѣтки на вѣтку терскіе фазаны, плодились журавли съ двумя хохликами и разная другая мелкая птица. Съ особенной охотой казаки ходили по наряду въ кабардинскія горы бить оленей и «штейнбоковъ», по-нашему горныхъ козловъ, которыхъ нарочито доставляли къ царскому столу. Оставаясь дома, казакъ въ досужее время ладилъ плетень, чистилъ ружье, вязалъ уздечку. Всѣмъ остальнымъ дѣломъ, включая и заботу о конѣ, заправляла казачка. Она сѣдлала коня, подводила его мужу, а по возвращеніи съ похода она-же первая съ низкимъ поклономъ его встрѣчала, водила коня по двору и снимала сѣдло; но горе казаку, если его саквы оказывались пусты!..

Какъ повелось у другихъ казаковъ, войсковой кругъ рѣшалъ всѣ дѣла, касающіяся войска. Онъ-же судилъ виновныхъ. Въ этомъ случаѣ казаки слѣдовали мудрому правилу черноморцевъ, которые говорили про виноватаго: «Берите его, да бийте швидче (скорѣе), а то вiдбрешется (отоврется)!» Однажды на Дону посадили въ воду московскаго воеводу Карамышева за то, что онъ не скинулъ шапки при чтеніи царской грамоты, а стоялъ «закуся бороду.» Ежегодно войско избирало вольными голосами свою старшину, или начальство: войскового атамана, которому вручалась насѣка, или палица, оправленная въ серебро; войскового есаула, наблюдавшаго за порядкомъ въ войскѣ, за исполненіемъ постановленій войсковаго круга; войскового хорунжаго, который хранилъ знамя и выносилъ его въ кругъ предъ лицо атамана, или-же бралъ на свое попеченіе во время походовъ. Войсковой писарь, или впослѣдствіи дьякъ, въ эту давнюю

пору, когда мало занимались отпиской, былъ невеликій человѣкъ. Гораздо больше значилъ, чѣмъ всѣ упомянутыя лица, совѣтъ почтенныхъ казаковъ, отличенныхъ по своему уму, заслугамъ войску или сабельнымъ рубцамъ. Совершенно такое-же устройство имѣлъ каждый отдѣльный городокъ, и станичный кругъ судилъ своего казака тѣмъ-же, завѣщаннымъ отъ отцовъ, обычаемъ: «Такъ установили отцы», говаривали старые казаки, противъ чего никто не смѣлъ прекословить.

Въ нѣкоторыхъ городкахъ старина и ея завѣты соблюдались строже, въ другихъ слабѣе. Такъ жители Червленой станицы издавна отличались большимъ хлѣбосольствомъ, привѣтливостью; женщины тамъ держали себя свободнѣе, казаки слыли первыми наѣздниками. Въ другихъ городкахъ глядѣли какъ-то суровѣе; отъ нихъ вѣяло точно холодомъ: это мрачные постники, побывавшіе въ иргизскихъ монастыряхъ. Отъ нихъ исходило нареканіе на червленскихъ, что тамъ вѣра не крѣпка. Когда гонимые на Руси расколоучители стали скрываться въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ окраинахъ, они, между прочимъ, излюбили Куму и Терекъ. Число скитовъ, а равно и скитниковъ, съ каждымъ годомъ умножалось. Скитами назывались маленькія уединенныя крѣпостцы, огражденныя высокимъ частоколомъ и охраняемыя постами съ высокихъ деревьевъ. Въ скиту устраивалась обыкновенно молельня, гдѣ ставили старые образа, восьмиконечные кресты; тамъ молились двуперстнымъ сложеніемъ, читали и пѣли по старопечатнымъ книгамъ, ходили по солнцу. Молитва и чтеніе въ безмолвіи лѣсной пустыни, видъ согбеннаго старца въ клобукѣ и мантіи, нерѣдко въ желѣзныхъ веригахъ, привлекалъ казаковъ, искавшихъ духовнаго утѣшенія. Предвѣщанія отшельниковъ, обрекшихъ себя на нищету и опасности скитальческой жизни, получили силу пророчествъ; простодушные казаки повѣрили, что спасеніе можно найти только въ старопечатныхъ книгахъ. Скоро скитники стали находить пріютъ въ самыхъ городкахъ, почему православные храмы закрывались и пастыри оставались безъ пасомыхъ. Но казаки, чтя церковную старину, никогда не были изувѣрами: они старовѣры, но не раскольники.

Воинскій урядъ терцевъ или гребенцевъ ни въ чемъ не отличался отъ порядковъ въ остальныхъ казачьихъ дружинахъ. Походные казаки, прежде чѣмъ сѣсть на-конь или въ струги, разсчитывались на десятки, полусотни и сотни; тутъ-

же выбиралось вольными голосами походное начальство, начиная съ десятника и кончая походнымъ атаманомъ. Если послѣдній приходился по душѣ казакамъ, они творили съ нимъ чудеса храбрости. Власти такого атамана не было предѣла: жизнь и смерть ослушника зависѣли отъ единаго его слова или единаго знака. Службу казаки начинали въ то время рано, по 15-му году; освобождались отъ нея лишь люди престарѣлые да калѣки безногіе, но, бывало, что и старецъ древній карабкается на вышку, чтобы постеречь станицу, пока вернутся походные казаки. Малолѣтки, становясь въ ряды, поступали какъ-бы подъ опеку своихъ сродниковъ. Ихъ оберегали въ походѣ, прикрывали своею грудью въ кровавой свалкѣ. Зато на привалахъ или ночлегахъ, когда старые казаки отдыхали, малолѣтки пріучались къ сторожевой службѣ, какъ это водилось у горцевъ: они оберегали коней, обходили дозоромъ, окликали встрѣчныхъ.

Съ водвореніемъ гребенцовъ на лѣвомъ берегу Терека одинъ пятисотенный полкъ постоянно находился на Государевой службѣ; на него отпускалось изъ казны денежное и хлѣбное жалованье; прочіе казаки отбывали службу на мѣстѣ и служили по казацкому выраженію «съ воды да съ травы», т. е. безъ всякаго содержанія. За полученіемъ денежнаго жалованья ежегодно выряжалась съ Терека зимовая станица съ войсковымъ атаманомъ. Казаки очень дорожили этимъ правомъ предстать предъ царскія очи, слышать себѣ похвалу и получить подарки. Войскового атамана жаловали по обычаю почетною саблей и серебрянымъ ковшемъ; войсковаго есаула, писаря, сотника и казаковъ—когда деньгами, когда соболями. Иногда станица привозила на родину Высочайше пожалованныя знамена. Уже въ то далекое время прошла по Руси молва объ испытанной вѣрности и воинской доблести казаковъ, сидѣвшихъ на Терекѣ. Про нихъ говорили, что они не знаютъ заячьяго отступленія: при встрѣчѣ съ врагомъ многочисленнымъ схватываются съ коней и бьются на мѣстѣ. Такъ у нихъ повелось изстари и такъ осталось навсегда. Въ совмѣстныхъ и дальнихъ походахъ съ ратными людьми, казаки, будучи въ маломъ числѣ, съумѣли отличить себя, подать примѣръ неслыханной въ ту пору отваги. Въ украинскихъ походахъ временъ Царя Алексѣя Михайловича, они были подъ Чигириномъ, въ нынѣшней Кіевской губерніи, гдѣ съ царскими ратными людьми «лю-

дей турскихъ и крымскихъ побили, съ чигиринскихъ горъ окопы ихъ, городки, обозы, наметы, пушки и знамена сбили, многіе языки поймали, — отчего визирь турскаго султана и крымскій ханъ, видя надъ собой такіе промыслы и поиски, отъ обозовъ отступили и пошли въ свои земли». — Такъ было сказано въ царской грамотѣ, данной Каспулату Черкасскому, водившему казаковъ.

Въ малолѣтство Петра Великаго гребенцы и терцы ходили добывать Крымъ; когда-же Царь двинулъ свою рать подъ Азовъ, казаки вышли навстрѣчу передовому корпусу Гордона къ царицынской переволокѣ; потомъ, вмѣстѣ съ прочими войсками, раздѣляли труды и славу успѣха. Сильно закручинился Царь, когда пришлось снова вернуть Азовъ въ руки невѣрныхъ. Онъ добывалъ море, искалъ выгодныхъ путей русской торговлѣ, а море не давалось. Тутъ-то онъ надумался двинуть въ Хиву воинскій отрядъ, чтобы завязать съ ней торговлю, а потомъ, современемъ, пройти кратчайшимъ путемъ въ Индію, которая сулила еще больше выгодъ. Въ 1717 году у Гурьева городка собралось 6,000 войска, въ томъ числѣ Гребенскій полкъ и часть терцевъ. Въ памяти гребенцевъ остался разсказъ казака Ивана Дёмушкина, участника несчастнаго похода. Иванъ Дёмушкинъ ушелъ въ походъ молодымъ, а вернулся сѣдымъ какъ лунь старцемъ, глухимъ, подслѣповатымъ. Не зналъ онъ даже, что городокъ Червленый перенесенъ на другое мѣсто. Ползаетъ ветхій днями старикъ по городищу, ищетъ воротъ, разыскиваетъ плетни, свою улицу и домишко, гдѣ онъ возросъ, гдѣ онъ игрывалъ еще малымъ ребенкомъ—ничего не находитъ, кромѣ заросшихъ бурьяномъ покинутыхъ ямъ; ни людей, ни слѣдовъ людскихъ—все сгинуло, пропало навѣки! Удрученный горемъ старикъ повернулся къ рѣкѣ и надрывающимъ отъ слезъ голосомъ воскликнулъ:

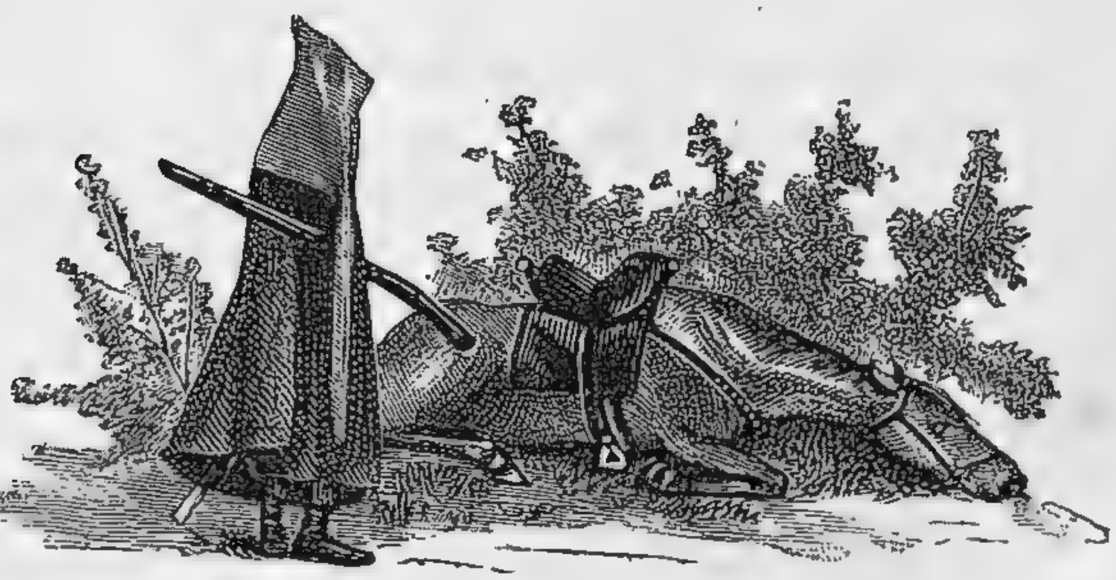
«Скажи мнѣ, Терекъ Горынычъ, батюшка ты нашъ родимый, что сталось съ нашимъ городкомъ Червленымъ?» — Тронулся Горынычъ воплемъ старца, поднесъ ему сулукъ чистой какъ слеза водицы и утѣшилъ его извѣстіемъ, что городокъ здравствуетъ донынѣ; потомъ, полюбопытствовавъ, сталъ разспрашивать: «Откуда странникъ ты бредешь и самъ ты кто таковъ?»—Тутъ Иванъ Дёмушкинъ присѣлъ на камешекъ и повѣдалъ скорбную повѣсть о хивинскомъ походѣ.

«Вѣдомо тебѣ, Терекъ Горынычъ, какъ мы взяли отъ

отцовъ и матерей родительское благословеніе, какъ распрощались съ женами, съ дѣтьми, съ братьями да сестрами и отправились къ Гурьеву городку, гдѣ стоялъ князь Бековичъ-Черкасскій. Съ того сборнаго мѣста начался нашъ походъ безталанный, черезъ недѣлю или двѣ послѣ Красной горки. Потянулась передъ нами степь безлюдная, жары наступили нестерпимыя. Идемъ мы песками сыпучими, воду пьемъ соленую и горькую, кормимся казеннымъ сухарикомъ, а домашнія кокурки давно уже повышли. Гдѣ трафится бурьянъ, колючка какая, сваримъ кашу, а посчастливится, подстрѣлимъ сайгака, поѣдимъ печенаго мяса. Недѣли черезъ три кони у насъ крѣпко исхудали, а еще черезъ недѣльку стали падать, и казенные верблюды валиться почали. На седьмой или восьмой недѣлѣ мы дошли до большихъ озеръ: сказывали яицкіе казаки, рѣка тамъ больно перепружена. До этого мѣста киргизы и трухмены два раза нападали, — мы ихъ оба раза какъ мякину по степи развѣяли. Яицкіе казаки дивовались, какъ мы супротивъ длинныхъ киргизскихъ пикъ въ шашки ходили, а мы какъ понажмемъ халатниковъ да погонимъ по-кабардинскому, такъ они и пики свои по полю побросаютъ; подберемъ мы эти шесты оберемками, да послѣ на дрова порубимъ и каши наваримъ. Такъ то.—У озеръ князь Бековичъ приказалъ дѣлать окопъ: прошелъ, вишь, слухъ, что идетъ на нашъ отрядъ самъ ханъ хивинскій съ силой великой басурманской. И точно, подошла орда несмѣтная. Билась она три дня, не смогла насъ одолѣть, на четвертый—и слѣдъ ея простылъ. Мы тронулись къ Хивѣ. Тутъ было намъ небесное видѣніе. Солнышко пекло, пекло, да вдругъ стало примеркать; дошло до того, что остался отъ него одинъ краешекъ. Сдѣлались среди бѣла дня сумерки. Въ отрядѣ все притихло, на всѣхъ нашелъ страхъ. Лошади и верблюды ежатся, какъ бы чуютъ звѣря. Мы крестимся, говоримъ про себя: «Господи Іисусе!» а какіе были въ отрядѣ татары, тѣ раскинули по песку свои епанчи и стали дѣлать поклоненіе явленному въ денную пору молодому мѣсяцу. Прошло полчаса, коли не больше, потомъ солнце начало мало-по-малу открываться, прогонять бѣсовскій мракъ и опять засвѣтило во всю силу. Пошелъ по отряду говоръ, только невеселый говоръ. Всѣ старые люди — казаки, драгуны, астраханскіе купцы, — въ одинъ голосъ сказали: «Сіе знаменіе на радость магометанъ, а намъ не къ добру». —

Такъ оно и вышло. За одинъ переходъ до Хивы, ханъ замирился, прислалъ князю Бековичу подарки, просилъ остановить войско, а самого князя звалъ въ гости въ свой хивинскій дворецъ. Бековичъ взялъ съ собою нашихъ гребенскихъ казаковъ, 300 человѣкъ, подъ копми еще держались кони; и я съ дядей Іовомъ попали въ эту честь. Убрались мы въ новые чекмени, надѣли бешметы съ галуномъ; коней посѣдлали наборной сбруей, и въ такомъ нарядѣ въѣхали въ Хиву. У воротъ насъ встрѣтили знатные ханскіе вельможи, низко кланялись они князю, а намъ съ усмѣшкой говорили: «Черкесъ-казакъ якши, рака будетъ кушàй!»—Ужъ и дали они намъ рака, измѣнники треклятые!—Повели черезъ городъ, а тамъ были заранѣе положены двѣ засады. Идемъ мы это уличкой, по 2, по 3 рядомъ—больше никакъ нельзя, потому уличка узенькая, изгибается какъ змѣя, и заднимъ не видать переднихъ. Какъ только миновали мы первую засаду, она поднялась, запрудила уличку и бросилась на нашихъ заднихъ, а вторая загородила дорогу переднимъ. Не знаютъ наши, впередъ ли дѣйствовать или назадъ. А въ это время показалась орда съ обоихъ боковъ и давай жарить съ заборовъ, съ крышъ, съ деревьевъ. Вотъ въ какую западню мы втюрились! И не приведи Господи, какое началось тамъ побоище: пули и камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, даже пиками трехъ-саженными донимали насъ сверху, знаешь, какъ рыбу багрятъ зимой на Яикѣ. Старшины съ самаго начала крикнули: «Съ конь долой, ружье въ руки!» а потомъ подаютъ голосъ: «Въ кучу, молодцы, въ кучу!»—Куда-жъ тамъ въ кучу, коли двумъ человѣкамъ обернуться негдѣ!—Бились въ растяжку, бились не на животъ а на смерть, поколь ни одного человѣка не осталось на ногахъ. Раненые и тѣ отбивались лежачіе, не хотѣли отдаваться въ полонъ. Подъ конецъ дѣла, нашихъ раненыхъ топтали въ переполохѣ свои же лошади, а хивинцы ихъ дорѣзали. Ни одинъ человѣкъ не вышелъ изъ треклятой трущобы, всѣ полегли. Не пощадили изверги и казачьихъ труповъ: у нихъ отрѣзывали головы, вздѣвали на пики и носили по базарамъ. Бековича схватили раненаго, какъ видно не тяжело, поволокли во дворецъ и тамъ вымучили у него приказъ, чтобы отрядъ расходился малыми частями по ауламъ, на фатеры; а когда разошлись такимъ глупымъ порядкомъ, въ тѣ поры однихъ побили, другихъ разобрали

по рукамъ и повернули въ ясыри. Послѣ того какъ Бековичъ подписалъ такой приказъ, съ него еще живого сдирали кожу, приговаривая: «Не ходи, Давлетъ, въ нашу землю, не отнимай у насъ Амудари-рѣки, не ищи золотыхъ песковъ».—Я безотлучно находился съ боку дяди Іова. Когда спѣшились, онъ велѣлъ мнѣ держать коней, а самъ все отстрѣливался. «Держи, держи, говорилъ: дастъ Богъ отмахаемся, да опять на-конь и погонимъ ихъ поганцевъ!..» Тутъ покойникъ неладно изругался, а меня вдругъ трахнуло по головѣ, и я повалился безъ чувствъ лошадямъ подъ ноги. Очнулся не на радость себѣ, во дворѣ одного знатнаго хивинца; дворъ большой, вокругъ меня народъ, а дядина голова, смотрю, торчитъ на пикѣ. На меня надѣли цѣпь какъ на собаку, и съ того страшнаго дня началась моя долгая, горькая неволя. Нѣтъ злѣе каторги на свѣтѣ, какъ жить въ ясыряхъ у бусурманъ!»—Хивинскій плѣнникъ кончилъ свой разсказъ. Когда онъ поднялъ глаза, то увидѣлъ что по лицу Горыныча катятся дробныя слезы. — «По комъ ты плачешь, Терекъ Горынычъ?» — «По гребенскимъ моимъ по казаченькамъ. Какъ-то я буду отвѣтъ держать передъ грознымъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ?» печально промолвилъ Горынычъ.—Кромѣ Ивана Дёмушкина вернулся еще Шадринскаго городка казакъ Петръ Стрѣлковъ. Послѣдняго до самой смерти звали «хивиномъ», и это прозвище унаслѣдовали его дѣти.

III.

Кавказская Линія.

По границѣ Черноморья протекала Кубань, раздѣлявшая два враждебныхъ стана; на Линіи такое же значеніе имѣлъ Терекъ, впослѣдствіи Сунжа и другія кавказскія рѣки. И тамъ, и тутъ казаки больше оборонялись, а горцы нападали, отчего сложились особыя привычки, особыя военныя сноровки. Терекъ заправлялъ всѣмъ ходомъ дѣла. Онъ бурлитъ—казакъ лежитъ; онъ молчитъ — казакъ не спитъ, точно слышитъ: «Не спи, казакъ, во тьмѣ ночной, чеченецъ ходитъ за рѣкой».—На Линіи жизнь была особая, тревожная. Подъ охраной станицы находилось не только все домашнее, но и по-

левое хозяйство. Какъ только скрывалось кавказское солнышко, все живое спѣшило подъ защиту ограды. Въ опустѣломъ полѣ тихо и осторожно ѣдетъ вооруженный, закутанный въ бурки и башлыки, ночной разъѣздъ. А тамъ, на берегу рѣки, залегъ невидимый ночной секретъ, слушаетъ въ оба, не плещетъ ли Горынычъ? Прошла тревожная ночь, наступаетъ разсвѣтъ. Однако же никто не тронется изъ станицы, прежде чѣмъ не съѣдутся утренніе разъѣзды, да не объявятъ, что вездѣ тихо. Ни въ какую работу, ни въ какую поѣздку казакъ не отправлялся безъ оружія, даже отдыхалъ подъ сѣнью родительской винтовки. Когда казаки выходили на работу въ сады, ихъ провожали подростки и тихонько занимали посты на высокихъ деревьяхъ. Внизу раздавалась дѣвичья пѣсня:

«Въ саду дѣвушки гуляли,
Со травы цвѣточки рвали,
Вѣночки плели,
Всякая себѣ»....

а наверху бодрствовалъ братишка. Если же бдительность ослабѣвала, то слѣдовалъ «расплохъ». Подобно шакаламъ или гіенамъ выростали изъ земли чеченцы—эти мастера на засады — мгновенно производили рѣзню и хватали добычу: отгоняли скотъ, лошадей, уводили женщинъ, дѣтей; остальное, чего не могли взять, безжалостно разрушали, истребляли огнемъ. А не то, бывало, подползутъ темной ночью вдвоемъ, втроемъ, вырѣжутъ кинжалами прорѣху въ плетнѣ и выводятъ черезъ нее коровъ либо быковъ, что тамъ ближе случится. На такія продѣлки были особенно способны абреки. Какъ только ударялъ колоколъ, висѣвшій у съѣзжей избы, мгновенно вскипала тревога. Для тревоги не было урочнаго часа; она прерывала и работу, и забаву, плачъ и веселье; она нарушала самые святые обряды. Однажды при выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, былъ выхваченъ молодой. По тревогѣ выбѣгалъ станичный резервъ; погоня неслась за Терекъ на одинъ перегонъ добраго коня. Иногда удавалось отбить и полонъ, и добычу, но случалось и нарѣзаться на засаду. Тутъ линейцы спѣшивались и бились, пока не получали подмоги или пока не бывали сами перебиты. Если отсталые въ погонѣ завидятъ, что ихъ товарищи стиснуты огромнымъ скопищемъ, они никогда ихъ не покинутъ: пробьются,

чтобы испить вмѣстѣ съ братьями смертную чашу. Самые великіе подвиги стали на Линіи дѣломъ обычнымъ. Былъ однажды такой случай. Казакъ Новогладковской станицы выѣхалъ съ женой въ свой садъ на работу. Абреки, сидѣвшіе за плетнемъ, выждали, когда казакъ сталъ распрягать воловъ, ранили его выстрѣломъ, подхватили его самого, жену, быковъ и подались къ Тереку. Работавшій въ сосѣднемъ саду Василій Дохторовъ, услыхавши выстрѣлъ, побѣжалъ на мѣсто происшествія, оттуда, по слѣдамъ крови, къ берегу. Чеченцы уже успѣли подвязать турлуки и спуститься вмѣстѣ съ добычей на воду. Тогда Дохторовъ сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ и, выхвативъ шашку, бросился въ Терекъ съ крикомъ: «Сюда, братушки, за мной!» — Чеченцы дались въ обманъ: покинули полонъ, сами—дальше, на-утекъ. Дохторовъ взвалилъ раненаго товарища себѣ на плечи, а женѣ подалъ налыгачъ, которымъ связываютъ быковъ. Съ такими-то трофеями побѣдитель торжественно вступилъ въ станицу.—Его наградили крестомъ.

Между станицами стояли отдѣльные посты, или небольшія плетеныя крѣпостцы, съ вышкой для постового казака. Днемъ наблюдали съ вышки, на ночь выряжались секреты, какъ на Кубани. При большихъ тревогахъ не только всѣ постовые казаки спѣшили примкнуть къ резервамъ, но садился на-конь всякій, кто былъ въ ту пору дома. Это случалось обыкновенно въ морозныя зимы, когда Терекъ покрывался льдомъ. Собираясь въ большихъ силахъ на Линію, горцы всегда задавались мыслію смести казаковъ съ лица земли и пройти до самаго Дона, гдѣ, по ихъ мнѣнію, кончается Русь. Сборы производились тайно, но свойственная азіатамъ болтливость и страсть къ вѣстямъ породили ремесло лазутчиковъ: эти ночныя птицы разносили по станицамъ угрожающія вѣсти, какъ только горцы садились на коней. Чаще всего они, впрочемъ, служили и нашимъ, и вашимъ.

Такъ же почти было и на всей Кавказской Линіи: такая же тревожная жизнь, одинакіе порядки. Разница лишь въ томъ, что гребенцы поставили свои городки раньше, остальные пристроились позже. Такъ, въ началѣ царствованія императрицы Екатерины, въ лѣсистомъ урочищѣ Мездогу было построено небольшое укрѣпленіе, названное Моздокомъ, для прикрытія переселившихся сюда преданныхъ намъ ка-

бардинцевъ. Вскорѣ форпостъ этотъ былъ превращенъ въ сильную крѣпость, вооруженную 40 пушками; для прислуги при орудіяхъ выселили съ Дона сто семейныхъ казаковъ, населившихъ Луковскую станицу. Такъ какъ горская команда оказалась слишкомъ слаба и ненадежна, то тогда же перевели съ Волги болѣе 500 семей и поселили ихъ пятью станицами между Моздокомъ и Гребенскимъ войскомъ, каждую станицу вооружили трехъ-фунтовыми пушками, а для артиллерійской службы вызвали еще 250 семей съ Дона; подъ названіемъ канонировъ ихъ распредѣлили по всѣмъ станицамъ по-ровну. Это линейное поселеніе получило названіе Моздокскаго полка. Кабардинцы недружелюбно смотрѣли, какъ подъ носомъ у нихъ строилась сильная крѣпость. По ихъ проискамъ Шабазъ-гирей, крымскій калга, выступилъ съ громаднымъ полчищемъ татаръ и закубанскихъ горцевъ, къ которымъ пристало 500 некрасовцевъ. Это было въ 1774 году. Половина орды вступила въ Кабарду, чтобы поднять ее противъ новой крѣпости, а другая, числомъ до 10 т., бросилась на станицы Моздокскаго полка. Четыре станицы были сметены въ одинъ мигъ; казаки съ семействами укрылись въ пятую, Наурскую, которая считалась лучше укрѣпленной. Шесть дней татары приступали къ валамъ и шесть дней казаки отбивались, не сходя съ валовъ. Костры не потухали ни на минуту: старики и женщины грѣли смолу, кипятили воду и обливали ею сверху, когда ожесточенный врагъ карабкался на брустверъ; если не хватало воды, защитники не жалѣли горячихъ щей, лишь бы чѣмъ-нибудь сдержать бушевавшія толпы. Стоя рядомъ съ мужьями и братьями, моздокскія казачки метали въ гущу непріятеля топоры, косили его косами, кололи ухватами, вилами. Въ то же время, подростки и ветхіе старцы перетаскивали, кряхтя, чугунныя пушечки, куда приказывалъ Савельевъ. Дѣломъ всей защиты заправлялъ Иванъ Дмитріевичъ Савельевъ, извѣстный впослѣдствіи кавказскій генералъ. Чтобы уберечься отъ сильнаго огня наурцевъ, татары поставили на арбы деревянные щиты; подъ ихъ защитой, скопище двинулось на штурмъ, съ оглушительнымъ воемъ, при усиленномъ метаніи стрѣлъ. Казалось, наступалъ послѣдній часъ геройской защиты. Непріятель вскарабкался на валъ; въ кровавой рукопашной все смѣшалось: свои и чужіе, старые и малые. Послѣднія силы напрягали наурцы. Среди вопля сражавшихся, треска и уда-

ровъ оружія, они слышали ободряющіе крики некрасовцевъ, стоявшихъ въ сторонкѣ: «Подержитесь, братья, еще, еще немного! Сбейте его, нехристя! Сегодня же сбѣжитъ: все равно съ голоду помретъ—жрать ему нечего!»

Разсказываютъ, что казаку Перепорху удалось счастливымъ выстрѣломъ изъ своей пушечки сорвать высокую ставку калги, при чемъ ядро свалило на-смерть его любимаго племянника, юношу-красавца. Тутъ калга, пораженный горемъ, повернулъ свою орду вспять.—Какъ бы то ни было, но наурцы отбились, и хотя 4 станицы лежали въ развалинахъ, зато уцѣлѣлъ Моздокъ, главный оплотъ Линіи, которая мало-по-малу обстроилась вновь. Долго еще при встрѣчѣ кабардинца съ обожженымъ лицомъ, линеецъ не пропускалъ случая спросить: «А что, досъ (пріятель), не щи ли въ Наурѣ хлебалъ?» И кабардинцы никакъ не могли забыть того стыда, что ихъ отбили бабы.

Изъ другой половины Волгскихъ казаковъ, числомъ около 5 тысячъ, былъ составленъ Волгскій полкъ, поселенный пятью станицами рядомъ съ Моздокскимъ, отъ Моздока до Новогеоргіевска, значитъ вверхъ по Тереку и по верховьямъ Кумы, примѣрно верстъ на 200. Случилось такъ, что казаки этого полка были въ отлучкѣ, въ дальнемъ походѣ, о чемъ провѣдали горцы и напали на одно изъ передовыхъ укрѣпленій. Тутъ отбились отъ нихъ картечью. Тогда горцы бросились на сосѣднюю беззащитную станицу, въ надеждѣ сорвать на ней свою неудачу. Каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли на валахъ густые ряды вооруженныхъ казаковъ; при первомъ появленіи партіи, выпалила даже сигнальная пушка. Горцы прошли мимо, станица уцѣлѣла. А это оказались волгскія казачки: онѣ поспѣшно обрядились—которая въ башлыкъ, которая въ бурку—и, подхвативъ подростковъ, высыпали на валъ съ вооруженіемъ, присвоеннымъ женскому полу: съ ухватами, кочергами, метлами и т. п. Сперва онѣ разсчитывали только «помаячить,» но затѣмъ, если бы пришлось, могли за себя и постоять.

Остальная часть передовой Линіи замкнулась частью поселенцами съ Дона, частью изъ однодворцевъ Слободско-Украинской губерніи. Они составили три полка, расположенные вдоль Кубани: Кавказскій, примкнувшій къ чер-

номорцамъ, Кубанскій и Хоперскій по сосѣдству съ Кавказскимъ. Но этимъ заселеніе Линіи не кончилось. По мѣрѣ углубленія, обнажались верхи рѣкъ впадающихъ въ Терекъ и Кубань; прочное ихъ занятіе заключалось въ постройкѣ укрѣпленій и водвореніи станицъ, населенныхъ казаками. Такъ возникли поселенія Горскаго, двухъ Владикавказскихъ, Сунженскихъ и Лабинскихъ полковъ. Горскій полкъ водворилъ Ермоловъ между моздокцами и волгцами, при чемъ главной ихъ станицей назначилъ Екатериноградскую. А названіе свое полкъ получилъ оттого, что къ нему была причислена горская команда, проживавшая въ Моздокѣ; но эти «моздокскіе братья» не хотѣли брататься съ казаками; они какъ волки глядѣли больше въ лѣсъ. Гораздо надежнѣе оказались крестьяне, переименованные въ казаки, какъ напр. это было въ Ставропольскомъ полку. Они быстро «оказачивались», потому что росли на Линіи и мужали среди бранныхъ тревогъ, сжились и сроднились съ неутомимыми и закаленными борцами за ея охрану. Вообще же, заселеніе передовыхъ Линій шло такимъ порядкомъ, что старые линейцы то по охотѣ, то по жребію или станичнымъ приговорамъ покидали дѣдовскіе очаги и шли въ горы со своими семействами, имуществомъ; мѣста ихъ пополнялись выходцами съ Руси. Окончательно упрочилась и замкнулась Кавказская Линія сравнительно недавно, въ концѣ сороковыхъ годовъ; при Барятинскомъ полки, поселенные по Кубани съ ея притоками, получили общее названіе Кубанскаго войска, а полки по Тереку съ его притоками — Терскаго войска. Такимъ образомъ, старыя и славныя имена Линейцевъ и Черноморцевъ были преданы забвенію. — Конечно, если бы горцы оставались тѣми же добрыми друзьями, какими мы знали ихъ вначалѣ, не было надобности выводить на Линію столько людей, тратить столько денегъ на сооруженіе крѣпостей. Прежде нищіе, чеченцы вдругъ стали алчны къ золоту, вообще къ легкой наживѣ путемъ грабежа; кабардинцы и безъ того слыли за народъ воинственный; у нихъ издавна славилось удальство и храбрость. Но тутъ были и другія, болѣе важныя причины, раздувшія кровавую долголѣтнюю борьбу на жизнь или смерть. Среди горцевъ по временамъ появлялись проповѣдники, которые пытались то силою своего слова, то мнимыми чудесами или похвальбой соединить доселѣ разрозненныя и враждебныя племена, возжечь въ нихъ нена-

вистъ къ пришельцамъ, т. е. русскимъ, и разомъ ополчить противъ враговъ Магомета. Лучше другихъ удалось это дѣло Шамилю, который умѣлъ подчинить себѣ горцевъ, управлять ими всевластно, посылать на вѣрную смерть; но пророки стали появляться гораздо раньше. Таковъ былъ напримѣръ шейхъ Мансуръ, родомъ чеченецъ, изъ селенія Алды, занятіемъ пастухъ. Чеченцы повѣрили его розсказнямъ, будто среди ночи явились къ нему два всадника и приказали именемъ Божіимъ идти на проповѣдь. Раздѣливъ скудные достатки между бѣдными, Мансуръ сталъ пророчествовать, причемъ обѣщалъ награду тѣмъ, кто ему повѣритъ, и грозилъ вѣчнымъ срамомъ своимъ противникамъ. «Когда наступитъ время сражаться, говорилъ пророкъ, тогда каждый изъ васъ получитъ отъ меня по небольшому ножу, который при каждомъ взмахѣ противъ христіанъ будетъ удлиняться, колоть и рубить невѣрныхъ, а противъ магометанъ будетъ скрываться. Всѣ жители русскихъ селеній послѣдуютъ нашему закону». Жители селенія Алды, по его примѣру и внушенію, перестали курить табакъ, пить бузу, начали одѣваться по-турецки и составили вокругъ пророка особую стражу. Однажды онъ сказалъ своимъ приближеннымъ: «Сегодня я умру, но вы меня не хороните до другаго дня, и ежели я въ этотъ срокъ не возстану изъ мертвыхъ, то тогда погребите». Прикинувшись мертвымъ, Мансуръ пролежалъ безъ движенія цѣлыя сутки, потомъ возсталъ ко всеобщему удивленію. Разсказъ о его смерти и воскресеніи быстро разнесся по чеченскимъ ауламъ. Слава о его пророчествахъ и чудесахъ разошлась и за предѣлы Чечни: о немъ прослышали кумыки, лезгины, кабардинцы. Мансуръ только этого и ждалъ. Онъ принялъ званіе шейха и потребовалъ, чтобы всѣ вокругъ него соединились, забыли вражду, прекратили между собою грабежи, воровство и строго соблюдали законъ Магомета. Всѣмъ же ополчившимся на брань Мансуръ посулилъ вѣчное блаженство. Бывшій тогда старшимъ начальникомъ на Линіи генералъ Потемкинъ, двоюродный братъ князя Таврическаго, приказалъ усилить посты, а полковнику Піери двинуться съ отрядомъ въ Алды, сдѣлать увѣщаніе чеченцамъ и попытаться захватить пророка.

4 іюля 1785 г. Піери выступилъ отъ Наура съ полкомъ Астраханцевъ, батальономъ кабардинскихъ егерей, двумя ротами Томскаго полка и сотней терцевъ. Оставивъ на Сунжѣ

весь обозъ, онъ пошелъ дальше налегкѣ. Дорога пролегала дремучимъ лѣсомъ; она была такая узенькая, что по ней могли идти рядомъ не болѣе четырехъ человѣкъ. При всемъ томъ, аулъ былъ захваченъ врасплохъ и сожженъ, но пророкъ успѣлъ скрыться. Когда отрядъ сталъ отходить къ Сунжѣ, его окружили алдынцы и жители сосѣднихъ деревень. Солдаты отступали мужественно, шагъ за шагомъ, какъ вдругъ, на половинѣ дороги, полковникъ Піери былъ убитъ наповалъ, маіоръ Комаровскій смертельно раненъ. Потеря въ такую минуту двухъ начальниковъ совершенно разстроила отрядъ, тѣмъ болѣе, что чеченцы, всегда пылкіе въ бою, замѣтили это и стали насѣдать сильнѣе. Егеря побѣжали первые, послѣ чего отрядъ превратился въ нестройную, бѣжавшую безъ оглядки толпу, которую горцы совершенно безнаказанно полосовали шашками. Немногіе добѣжали до Сунжи, да и то не всѣ изъ нихъ переплыли на свою сторону. Первую удачу Мансура народъ приписалъ его чудесамъ. Съ разныхъ мѣстъ и большими толпами стекались горцы подъ его знамена, а черезъ недѣлю уже въ разныхъ мѣстахъ начались нападенія на Линію. Мансуръ пріобрѣлъ такую власть, что сталъ казнить безъ суда и расправы. Его послѣдователи распространяли въ горахъ новое ученіе, возбуждали народъ къ возстанію: заволновалась Кабарда, возмутился Дагестанъ. Въ концѣ августа, стоявшіе на пикетахъ гребенцы донесли Кизлярскому коменданту, что огромное скопище, примѣрно въ 10 т., переправляется черезъ Терекъ въ 15 верстахъ отъ города. Здѣсь были чеченцы, кабардинцы, лезгины, но, главнымъ образомъ, кумыки.

По вѣстямъ лазутчиковъ кизлярцы давно съ тревогой ожидали, что надъ ними разразится гроза нашествія. Городъ опустѣлъ, многіе повыѣхали въ Астрахань; женщины и дѣти бѣгали по улицамъ съ плачемъ, старики глядѣли мрачно, изподлобья; даже казаки, отправленные наканунѣ за Терекъ, заклинали другъ друга постоять за родныя станицы, а въ случаѣ, если не одолѣютъ «пастуха-волка», то падать спиною въ Терекъ. — По-утру, когда за Терекомъ обозначились черныя тучи пыли, армянскіе и русскіе священники пошли по улицамъ съ молебнымъ пѣніемъ, окропляя христіанъ св. водою. Въ тотъ же день толпы непріятелей разсыпались въ городскихъ садахъ, грабили дома, жгли постройки, рубили фруктовыя деревья; пророкъ не въ силахъ былъ со-

брать и разомъ двинуть ихъ на штурмъ. Такъ прошли цѣлыя сутки. Тѣмъ временемъ бригадиръ Вишняковъ приготовился къ встрѣчѣ. Защита ретраншамента, прикрывавшаго Кизляръ, была поручена князю Бековичу-Черкасскому съ терцами; Томскій полкъ, подъ начальствомъ Лунина, сталъ сзади, а для защиты собственно города былъ составленъ особый отрядъ въ $2^1/_2$ тыс., въ которомъ, кромѣ пѣхоты, находились гребенскіе и терскіе казаки. Вечеромъ 20 августа скопище бросилось на ретраншаментъ, откуда разомъ его окатили изъ всѣхъ орудій; часть его отхлынула, часть засѣла во рву, гдѣ, впрочемъ, пробыла не долго, потому что всѣхъ засѣвшихъ выбили терцы. На другой день горцы атаковали стоявшій открыто Томскій полкъ. Изъ каре встрѣтили ихъ батальнымъ огнемъ, потомъ потихоньку стали отходить назадъ. Когда горцы бросались въ шашки, полкъ останавливался, кидался въ штыки и снова отходилъ. Едва онъ скрылся въ воротахъ, всѣ орудія открыли учащенный огонь, вскорѣ очистившій поле битвы, усѣянное сотнями труповъ. — Кизляръ былъ спасенъ. По донесенію Лунина, особенно храбро защищаясь терцы, бывшіе подъ начальствомъ князя Черкасскаго, и гребенцы съ атаманомъ Сохинымъ.

Хотя скопище Мансура потерпѣло неудачу, и самъ онъ на время скрылся въ горахъ, но съ той поры хищническіе набѣги не прекращались, такъ что небольшіе русскіе отряды, передвигались съ мѣста на мѣсто, должны были охранять длинную и въ ту пору еще не заселенную Линію отъ прорыва какъ большихъ, такъ и малыхъ партій. За неимѣніемъ другой конницы, особенно тяжкіе труды выпадали на долю казаковъ, которые только и могли выслѣдить хищниковъ, а въ случаѣ пораженія преслѣдовать ихъ по пятамъ. По приказанію Потемкина въ концѣ октября полковникъ Нагель поспѣшно выступилъ изъ Моздока, чтобы помѣшать Мансуру, успѣвшему собрать новое скопище, увлечь кабардинцевъ. Въ отрядѣ Нагеля находились терцы, гребенцы и донцы. Только что отрядъ сталъ подниматься въ горы, какъ нечаянно наткнулся на горцевъ, занявшихъ лѣсъ и сосѣднія ущелья. Это было на границѣ Кабарды, возлѣ Григоріополиса. На разсвѣтѣ 30 октября они атаковали нашъ отрядъ, но отбитые, по своему обычаю, засѣли опять въ ущелья, откуда открыли огонь. Нагель выслалъ казаковъ съ гренадерами Московскаго и Карабинернаго полковъ, которые проникли въ ущелья и

очистили ихъ частью штыками, частью шашками. Горцы скрылись въ лѣсъ. Тогда Мансуръ приказалъ запрудить всѣ горныя рѣчки, что заставило Нагеля перемѣнить свою стоянку. Пророкъ принялъ это движеніе за отступленіе и уже приказалъ возвѣстить въ горахъ полную побѣду. 2 ноября онъ двинулъ на русскихъ все двадцатитысячное скопище. Казалось, онъ долженъ былъ раздавить нашъ малочисленный отрядъ. Справа гарцовали въ своихъ нарядныхъ панцыряхъ лихіе наѣздники Кабарды, имѣя во главѣ князя Дола; съ тыла надвигалась, точно туча, огромная толпа кумыковъ, которую велъ подъ священнымъ знаменемъ самъ пророкъ, шейхъ Мансуръ; слѣва устремились тавлинцы, и съ фронта приближалось главное скопище изъ чеченцевъ. Воздухъ огласился гиканьемъ, криками, возгласами, призывающими гибель на головы русскихъ; свистѣли стрѣлы, трещали ружья— дымъ стоялъ коромысломъ, и лишь неподвижно, ощетинившись, грознымъ строемъ вросло въ землю русское каре, ожидая команды. Тавлинцы нападали отчаянно, съ остервенѣніемъ; прочіе держались больше вдалекѣ, пострѣливая изъ-за кустовъ или камней. Дружный залпъ и ударъ въ штыки разсѣяли тавлинцевъ. Тутъ пророкъ воспламенилъ кумыковъ. Они покатили передъ собой бревенчатые щиты. И щиты не устрашили русскихъ. Московцы, селенгинцы и гренадеры разрушили эти подвижныя стѣны штыками, послѣ чего вынеслись въ карьеръ казаки съ астраханскими драгунами. Они погнали кумыковъ, какъ обезумѣвшее стадо барановъ. Пророкъ ускакалъ изъ первыхъ. Все свое имущество горцы покинули въ ущельяхъ, гдѣ долго потомъ казаки находили бурки, котелки, оружіе и разную рухлядь. Большая часть приверженцевъ пророка искала прощенія и помилованія; кабардинцы смирились; однако поймать Мансура все-таки не удалось по причинѣ наступленія ненастья и холодовъ. Онъ нашелъ пріютъ у закубанскихъ народовъ. Какъ разъ въ ту пору турки готовились къ войнѣ. Анапскій паша, въ надеждѣ, что Мансуръ подниметъ противъ русскихъ всѣхъ горцевъ, принялъ его ласково и обнадежилъ помощью султана. Дѣйствительно, Мансуру еще разъ удалось составить ополченіе среди воинственнаго населенія Кабарды, только прокомандовалъ онъ имъ недолго. Генералъ Текели, смѣнившій Потемкина, нанесъ ему такое пораженіе, что пророкъ удиралъ по вершинамъ снѣговыхъ горъ, теряя по пути старыхъ

и малыхъ «вѣрныхъ» его знамени. При штурмѣ крѣпости Анапы, когда русскіе уже овладѣли городомъ, пророкъ спрятался въ погребъ. Онъ не хотѣлъ сдаваться, пока не пригрозили ему, что взорвутъ его на воздухъ. Тогда только онъ вышелъ. Сосланный послѣ допроса въ Шлюссельбургскую крѣпость, Мансуръ умеръ въ заточеніи; но сѣмена вражды, заброшенныя имъ въ горохъ Кавказа, принесли свои горькіе плоды.

IV.

Лѣвый флангъ и Правый.

Новые поселенцы, выдвинутые на Линію позже, скоро съ ней освоились. Ни въ чемъ не желая отставать, они соревнуютъ со старыми бойцами, какъ бы принявшими завѣтъ своихъ отцовъ отстоять родные берега. Въ мелкой хищнической войнѣ много значатъ сноровки: одинъ неосторожный шагъ—и человѣкъ гибнетъ, одинъ нечаянный выстрѣлъ портитъ задуманное дѣло; зазѣвался часовой—пылаютъ станицы, рѣжутъ людей, отгоняютъ стада. А походы въ ненастье, въ суровыя зимы, встрѣчи съ непріятелемъ въ лѣсахъ Чечни, въ ущельяхъ Ка-

барды или равнинахъ прикубанскихъ — опять вызывали смѣтку, какимъ именно способомъ легче взять надъ нимъ верхъ? Въ такой боевой школѣ закалялись даже войска регулярныя, служившія оплотомъ линейцамъ, какъ напр. пѣхотные полки — Кабардинскій и Куринскій, драгунскій Нижегородскій — полки, выросшіе на Линіи, составившіе себѣ неувядаемую славу. Изъ этой школы выходили генералы, главнокомандующіе.

Въ дистанціи Волгскаго полка стоялъ Патрикѣевскій постъ. Уже двѣ недѣли шныряли лазутчики съ донесеніями о сборѣ кабардинцевъ. Генералъ Мейеръ, шефъ Казанскаго полка, передвинулъ къ Патрикѣевскому посту часть своихъ казаковъ. Линейцы не пошли на постъ, гдѣ горцы могли ихъ замѣтить, а, разъѣхавшись по-волчьи, расположились невдалекѣ, по глубокимъ балкамъ. Въ полночь услыхали на посту всплески волнъ: то былъ знакъ, что кабардинцы переправляются. Только успѣла ихъ толпа выбраться на берегъ, какъ сотникъ Софіевъ вынесся изъ ближайшей засады, и молча, безъ выстрѣла, ударили волгцы. Кабардинцы оторопѣли, храбрѣйшіе наѣздники рванулись было впередъ, но ихъ тутъ же изрубили шашками, а между тѣмъ съ другой стороны неслись еще три сотни. Отбитые отъ брода, кабардинцы ринулись въ Малку съ крутого обрыва. Сколько покалѣчилось людей и лошадей при этомъ смертельномъ прыжкѣ—про то вѣдаетъ лишь Малка. Казаки съ берега открыли пальбу по безобразной кучѣ людей и животныхъ, гдѣ живые топтали мертвыхъ, а мертвые топили живыхъ. Это было въ августѣ 1804 года, — время особенно тревожное на Правомъ флангѣ Линіи. Черезъ мѣсяцъ послѣ описаннаго случая Мейеръ выступилъ на р. Золку съ батальономъ казанцевъ и четырьмя сотнями казаковъ. Но кабардинцы уже его упредили, успѣвъ переправиться черезъ Малку. Отрядецъ, свернувшись въ каре, продолжалъ движеніе, имѣя за флангами волгскихъ и моздокскихъ казаковъ; донской же полкъ Крюкова, выѣхавъ впередъ, пробирался между густыми зарослями бурьяна. Кабардинцы, ничего не подозрѣвавшіе, валили густою толпой; впереди ѣхали знатнѣйшіе князья въ своихъ парадныхъ доспѣхахъ. Казаки вдругъ вынеслись изъ бурьяна прямо навстрѣчу: одна сотня мчалась противъ шести тысячъ. Донцы врѣзались въ середину, гдѣ находились отборные всадники; сотникъ Шуруповъ такъ далеко занесся съ шестью казаками,

что пропалъ безъ вѣсти. Послѣ жаркой схватки кабардинцы взяли верхъ: они смяли, опрокинули донцовъ. Самъ Крюковъ, раненый стрѣлой въ ногу, уже попалъ въ ихъ руки. На помощь командиру бросился казакъ Упарниковъ: его изрубили въ куски; тогда прорубились сквозь толпу два урядника, Петрухинъ и Банниковъ: передъ ихъ безумной отвагой непріятель спасовалъ. Крюковъ былъ спасенъ. Теперь кабардинцы обрушились на пѣхоту: маленькое каре очутилось въ волнахъ конницы, запрудившей его спереди и съ фланговъ; тылъ оберегали линейцы. Въ одиночныхъ схваткахъ отличались тѣ и другіе: рубились на шашкахъ, отбивались штыкомъ. Фельдфебель Сумцовъ уложилъ знаменитаго черкесскаго богатыря Ашибъ-Оглу. Донцы, между тѣмъ, успѣли оправиться: вынесся полкъ Персіянова, со своимъ лихимъ командиромъ впереди. Тутъ горцы не выдержали, дали тылъ; линейцы устремились по слѣдамъ. Была уже темная ночь, когда разбитые кабардинцы прискакали на Малку, но переправа оказалось занятой моздокскими казаками, скакавшими напрямикъ. Снова закипѣлъ бой на жизнь и на смерть: кабардинцы силились овладѣть переправой, линейцы ихъ не пускали. Мейеръ, подойдя съ пѣхотой, поспѣшно разставилъ ее малыми засадами и, когда все было готово, гаркнулъ молодецкимъ голосомъ: «Казаки назадъ!»—Разгоряченные боемъ кабардинцы увязались было за казаками, но пѣхота охватила ихъ «какъ неводомъ», со всѣхъ сторонъ. Разметанные залпами, они кидались какъ безумные то впередъ, то назадъ; наконецъ, не видя иного спасенія, бросались внизъ, исчезая въ ночномъ мракѣ. Было 10 час. ночи, бой продолжался съ четырехъ. На полѣ битвы валялось болѣе сотни тѣлъ; остальныхъ успѣли подхватить. Плѣнные показали, что въ отрядѣ находилось отъ 6 до 7 тысячъ, въ томъ числѣ 6 муллъ, много владѣтельныхъ князей и узденей. Они имѣли намѣреніе, отдохнувши на Золкѣ, напасть ночью на Георгіевскъ, откуда пробраться на Кубань, въ тылъ отряду Лихачева.

На Терекѣ было то-же самое, причемъ обѣ стороны ожесточались съ каждымъ годомъ все больше и больше. Слова «пардонъ» или «аманъ» тамъ были неизвѣстны: бились, пока рука могла держать оружіе, пока боецъ дышалъ. Однажды въ темную ночь прокрались къ посту 3 чеченца и дали выстрѣлъ по часовому. Донской урядникъ Щепакинъ съ десятью казаками погнался за ними и, проскакавши

верстъ 20, замѣтилъ, что у него въ тылу появилась сильная конная партія. Казаки бросили въ добычу чеченцамъ своихъ лошадей, а сами скрылись въ кусты, гдѣ успѣли отсидѣться, не смотря на то, что на каждаго изъ нихъ приходилось по 20 враговъ. Въ другой разъ небольшая партія пробралась черезъ Терекъ, потомъ махнула къ Маджарамъ, на берега Кумы,—конецъ не малый! Однако по свѣжей сакмѣ ее открыли и съ разныхъ сторонъ началось преслѣдованіе. Долго летали чеченцы, какъ въ заколдованномъ кругу, наконецъ когда кони обезсилѣли, они ихъ зарѣзали и засѣли въ первой встрѣчной ямѣ. Окруженные линейцами, чеченцы сначала отстрѣливались, потомъ, перестрѣлявши всѣ заряды, разбили о камни свои пистолеты, ружья, переломали шашки и остались съ одними кинжалами. Казаки поняли въ чемъ дѣло: они бросились толпой; въ глухой свалкѣ прошло нѣсколько минутъ, раздалось 2—3 выстрѣла, потомъ все смолкло... Гдѣ-то на Кубани 2 горца отбивались въ лѣсу, за колодой, отъ цѣлой сотни донцовъ полка Аханова. Подърядъ 12 часовъ они посылали, чередуясь, выстрѣлъ за выстрѣломъ. Много донцовъ они уложили и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта исторія, если бы линейцамъ не удалось выманить разомъ 2 выстрѣла, послѣ чего они мгновенно бросились въ шашки. Возлѣ Екатеринограда чеченцы схватили какъ-то ѣхавшаго безпечно солдата, который подъ угрозой смерти разболталъ, что станичный табунъ пасется подъ прикрытіемъ казачатъ, а всѣ старые казаки находятся въ отлучкѣ. Дѣло было въ позднюю осень: ночи темныя, длинныя, такъ что чеченцы успѣли на своемъ берегу, покрытомъ густымъ кустарникомъ, прорубить просѣку для прогона лошадей; другая половина партіи переправилась черезъ Терекъ выслѣживать табунъ. Передъ свѣтомъ они наѣхали, гикнули — лошади шарахнулись. Однако бойкіе казачата сейчасъ же открыли пальбу, да такую мѣткую, что многихъ чеченцевъ уложили на-смерть; одинъ казаченокъ, самый смѣтливый, полетѣлъ оповѣстить станицу. Но оттуда уже по первымъ выстрѣламъ вынесся конный резервъ; съ сосѣднихъ постовъ тоже скакали резервы. По приказанію сотника Лучкина часть казаковъ усѣлась на бударки, на плоты—что было подъ рукой—и, спустившись внизъ по Тереку, перехватила переправу. Казаки принялись глушить чеченцевъ чѣмъ попало—веслами, баграми, при-

кладами. Рѣка обагрилась кровью; на ея мутныхъ волнахъ закачались трупы людскіе и конскіе—ни одинъ чеченецъ не добрался до берега. Самъ же Лучкинъ переправился выше того мѣста и бросился на другую половину партіи, поджидавшую табунъ; къ казакамъ вскорѣ присоединились 2 эскадрона нижегородцевъ. Чеченцы бѣжали, покинувъ много лошадей и оружія. Лучкину достался тогда чудесный вороной конь, легкій какъ птица, съ которымъ онъ уже не разставался. Вообще, горцы умѣли пользоваться ослабленіемъ Линіи, что случалось въ тѣ поры часто, когда войска уходили на завоеваніе приморскихъ городовъ: Баку, Дербента и другихъ. Хищники, прокрадываясь сильными партіями, громили цѣлыя станицы, при чемъ жгли, рѣзали, хватали сотнями въ полонъ. Мирные поселенцы, запуганные, израненые, спасались по лѣсамъ, не смѣя вернуться на свои пепелища; тамъ же, гдѣ только ожидали погрома, жили точно на бивакахъ: все крестьянское добро лежало сложенное на возахъ, часовые слѣдили съ колоколенъ за передвиженіемъ шаекъ. Поля въ ту пору стояли невоздѣланныя, начинался голодъ. Въ Ставропольскомъ полку сильная партія горцевъ ворвалась въ селеніе Каменнобродское. Жители искали спасенія въ храмѣ Божіемъ. Запоры были сломаны и потоки крови обагрили церковный помостъ. Горцы увели тогда 350 чел. полону, отогнали весь скотъ, сожгли хутора, вытоптали озимые посѣвы. Дерзость чеченцевъ возрастала по мѣрѣ удачи. Однажды проѣзжалъ между гребенскими станицами генералъ Дельпоцо, командующій войсками. На поворотѣ дороги изъ чащи кустарника выскочило около 20 горцевъ. Изрубить трехъ конвойныхъ гребенцовъ и кучера было для нихъ дѣломъ минуты; раненаго генерала связали, перекинули черезъ сѣдло и увезли въ горы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда были открыты слѣды его пребыванія, начались переговоры о выкупѣ. Нашъ посланный ужаснулся при видѣ почтеннаго воина, запертаго въ саклѣ, съ тяжелыми оковами на рукахъ и ногахъ, съ желѣзнымъ ошейникомъ на замкѣ и прикованнаго цѣпью къ столбу; полуодѣтый генералъ валялся на кускѣ рваной овчины. Горцы запросили сначала арбу серебра, но потомъ, спуская понемногу, удовлетворились восемью тысячами рублей, которые были раздобыты слѣдующимъ образомъ. Гребенцы съ двумя ротами пѣхоты отогнали множество скота, ходившаго между

Терекомъ и Сунжею; скотъ этотъ немедленно распродали: часть пошла на выкупъ Дельпоцо, остальное выдано потерпѣвшимъ отъ набѣговъ. Вожаками чеченскихъ партій почти всегда являлись абреки. Такъ называли горцевъ, давшихъ клятву не щадить ни своей крови, ни крови людей, истреблять ихъ какъ дикихъ звѣрей. «Если сердце мое забьется къ кому-нибудь любовью или жалостью, пусть родная земля не приметъ меня, пусть вода не утолитъ моей жажды, хлѣбъ не насытитъ меня, а прахъ мой пусть осквернится кровью нечистаго животнаго»—такъ клялись абреки, а поклявшись исполняли свои страшные обѣты. Абрекъ считалъ счастливою минутою жизни проскакать подъ сотней ружейныхъ стволовъ, нахлобучивъ на глаза кабардинку, и врѣзаться въ середину русскихъ. Но они какъ звѣри были одинаково опасны и для своихъ горъ. Для русскихъ, встрѣча съ ними обходилась дорого: абреки никогда не сдавались. Въ самый разгаръ обоюдной ненависти былъ назначенъ главнокомандующимъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, имя котораго пронеслось грозой по ущельямъ и горамъ Кавказа. Объѣхавши Линію, онъ прежде всего намѣтилъ выселеніе мирныхъ горцевъ, или «мирныхъ мошенниковъ», какъ онъ ихъ называлъ; затеречныя земли, по его мнѣнію, должны были отойти къ казакамъ, гдѣ они издавна держали свои сады. Подъ прикрытіемъ сильныхъ отрядовъ, войска приступили къ постройкѣ укрѣпленій на берегахъ Сунжи; тогда возникли Преградный Станъ, Усть-Мартанскій редутъ, Злобный окопъ, крѣпость Грозная; отъ нихъ небольшой рядъ укрѣпленій, связавшихъ Сунженскую Линію съ Владикавказомъ. На сообщеніяхъ между ними, а равно на сообщеніяхъ между Терекомъ, были прорублены широкія просѣки, по которымъ могли двигаться войска и транспорты. Чеченцы поняли, что̀ имъ готовитъ «Ярмулъ», и вступили въ смертельную борьбу. О подвигахъ русскихъ войскъ въ тѣ времена разсказано подробно въ другомъ мѣстѣ *). Передовыми бойцами какъ въ походахъ, въ битвахъ, такъ и въ охранѣ при вырубкѣ лѣсовъ, являлись линейные казаки. Ермоловъ сперва ихъ не одобрялъ, но послѣ ряда подвиговъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ самъ, сталъ думать иначе. «Изъ всѣхъ казаковъ, существующихъ въ Россіи, говорилъ онъ, нѣтъ имъ подобныхъ.

*) См. «Наступленіе въ Чечню и Дагестанъ». «Общедоступная Военно-Историческая христоматія», кн. Вторая, стр. 294.

Я никогда не видалъ, чтобы линеецъ стрѣлялъ попусту; никогда не видѣлъ, чтобы онъ скакалъ подъ непріятельскими пулями—всегда ѣдетъ шагомъ». А, нужно замѣтить, Ермоловъ не любилъ хвалить даромъ.

Покончивъ съ Чечней, Алексѣй Петровичъ принялся за Кабарду. Послѣ цѣлаго ряда походовъ здѣсь также была проведена новая Линія, отъ Владикавказа до верхней Кубани; укрѣпленія располагали при выходахъ горныхъ рѣкъ Баксая, Чегема, Уруха; въ промежуткахъ ставили посты. Кабардинцы умоляли остановить постройку укрѣпленій. «Просьбы безполезны, отвѣчалъ Ермоловъ, я сказалъ, что укрѣпленія будутъ, и они строятся.»—До Ермолова никто изъ вождей Кавказа не дѣйствовалъ такъ смѣло, рѣшительно и никто не каралъ такъ сурово, какъ онъ. «За земли, которыми вы пользуетесь, писалъ Алексѣй Петровичъ кабардинцамъ, вы должны отвѣтствовать и защищать ихъ отъ прорыва разбойниковъ».

Начальникомъ всѣхъ казачьихъ резервовъ въ Кабардѣ онъ назначилъ нижегородскаго драгуна штабсъ-капитана Якубовича. Этотъ неутомимый наѣздникъ, можно сказать, не сходилъ съ коня. Со своими линейцами, не менѣе его отважными, на все готовыми, Якубовичъ часто углублялся въ нѣдра горъ, разрушая тѣмъ самые тайные замыслы враждебныхъ князей. Разсказываютъ, что въ 1823 году, на Святую недѣлю, онъ проникъ съ казаками къ подножію Эльборуса, этого снѣжнаго великана, торчащаго конусомъ въ $6^1/_2$ верстъ высоты. Среди могильной тишины, въ царствѣ вѣчныхъ снѣговъ, казаки Якубовича слышали звонъ христіанскихъ колоколовъ. По ихъ догадкамъ, тамъ поселились некрасовцы, бѣжавшіе изъ Кабарды отъ нашего сосѣдства. Глубокіе снѣга помѣшали Якубовичу удостовѣриться въ справедливости догадокъ. Слава о немъ какъ лучшемъ джигитѣ, разнеслась по горамъ Кавказа: знатнѣйшіе князья искали его дружбы, славили его безкорыстіе, рыцарскіе поступки. Якубовичъ никогда не бралъ выкупа за плѣнныхъ женщинъ и дѣтей; одну красавицу-княгиню онъ самъ оберегалъ, стоя по ночамъ у ея шатра. Мужъ этой княгини сталъ послѣ того его вѣрнѣйшимъ другомъ и часто извѣщалъ о сборѣ закубанцевъ. По одеждѣ и вооруженію Якубовичъ ни въ чемъ не отличался отъ горцевъ, но превосходилъ храбростью самыхъ храбрѣйшихъ: онъ всегда бросался въ битву первымъ.

Одного слуха о появленіи Якубовича было достаточно, чтобы удержать горцевъ отъ нападенія; его посланные проходили между ауловъ безоружные, и никто не смѣлъ ихъ тронуть. Въ Кабардѣ Якубовичъ пробылъ не долго: его перевели на Кубань, гдѣ дѣла также были плохи. Между тѣмъ, кабардинцамъ предстояло одно изъ двухъ: или переселиться на равнину, т. е. покориться русскому царю, или уходить къ черкесамъ, покинувъ родныя горы. На общемъ совѣщаніи сосѣдей рѣшено было освободить Большую Кабарду и разгромить Линію. Началось дѣло схватками, кончилось боями.

Въ полночь на Вербное Воскресеніе партія въ 50 человѣкъ появилась изъ-за Кубани и напала на хутора Темижбекской станицы. Сторожа успѣли ударить въ набатъ, но горцы, бросившись по избамъ, вырѣзали нѣсколько человѣкъ, а 19 увлекли въ полонъ; хутора были выжжены. Раньше другихъ напали на слѣдъ хищниковъ урядникъ Кавказскаго полка Каширинъ съ постовой командой и урядникъ Кубанскаго полка Авериновъ со станичнымъ резервомъ. Соединившись, они смѣло пустились за Кубань; маіоръ Пирятинскій, бывшій тогда за старшаго въ Кавказской станицѣ, едва могъ собрать 40 линейцевъ. Онъ бросился съ ними сначала на хутора; тамъ ужъ все было кончено. Тогда онъ повернулъ назадъ, на Кубань. Тутъ, съ вершины высокаго холма, Пирятинскій увидѣлъ, какъ небольшая горсть казаковъ несется во весь духъ за партіей горцевъ, не замѣчая того, что въ двухъ верстахъ сзади отъ нея приближается другая партія, несравненно сильнѣйшая. При видѣ этой западни Пирятинскій бросается самъ за Кубань. Но его скоро замѣтили. Черкесы тоже не хотятъ выпустить изъ рукъ вѣрную добычу: съ двухъ сторонъ они бросаются на скакавшихъ впереди линейцевъ. Авериновъ растерялся: «Спасайся, кто можетъ!» крикнулъ онъ, потерявъ разсудокъ. Резервъ шарахнулся назадъ, но спинамъ загуляли черкесскія шашки. Пирятинскій, навстрѣчу которому неслась теперь вся эта ватага, очутился въ незавидномъ положеніи; но мужество и чувство долга подсказали ему, что дѣлать: «Стой, слѣзай!» скомандовалъ онъ. Не успѣли его казаки сплотиться, какъ на нихъ налетѣли бѣглецы; впереди всѣхъ скакалъ окровавленный Авериновъ, съ крикомъ: «Бѣгите, спасайтесь, не то перерубятъ!» — Многіе поддались было страху, хотѣли бѣжать, но офицеры заступили имъ дорогу, угрожая смертью.

Кубанцы опомнились: они сплотились и перестали думать о жизни. Цѣлый день кружились черкесы около кучки бойцовъ, однако ничего не могли подѣлать: они три раза кидались въ шашки — ихъ три раза отбили; предлагали сдаться—имъ не отвѣчали. Въ послѣдней атакѣ шапсугскій старшина Бей-султанъ, закованный въ панцырь, одинъ врѣзался въ кучку казаковъ и взмахнулъ шашкой надъ головой маіора. Въ это мгновеніе схватился съ нимъ сотникъ Найденовъ, а казакъ Якимовъ выпалилъ въ него изъ пистолета. Шапсугъ только успѣлъ выскочить: его подхватили уже мертваго. Теперь черкесы смутились, тѣмъ болѣе, что замѣтили приближеніе новыхъ резервовъ. То скакалъ самъ командиръ кубанцевъ маіоръ Степановскій. Черкесамъ ничего больше не оставалось, какъ по-добру по-здорову убираться. Изъ 60 или 70 казаковъ, бывшихъ въ дѣлѣ, ранено 30, убито 15, и то по винѣ сотника Аверинова, потому что Пирятинскій потерялъ только 7.

Еще болѣе дерзкое нападеніе было сдѣлано на станицу Круглолѣсскую, гдѣ черкесы убили 90 душъ и увели въ плѣнъ 350; однѣхъ лошадей угнали до 600, да скота 800 штукъ. Хищники не пощадили даже праха отцовъ: они разрывали могилы въ поискахъ скрытыхъ богатствъ. Многолюдная цвѣтущая станица обратилась въ развалины, покрытыя трупами обезображенныхъ жертвъ, обломками оружія, разбитыми сундуками, дымящимся тряпьемъ. Населеніе всей Линіи пришло въ ужасъ отъ такого погрома. Требовались мѣры рѣшительныя, и Ермоловъ послалъ своего начальника штаба Вельяминова. Стянувъ сильные резервы, Вельяминовъ самъ выступилъ за Кубань, и разгромилъ какъ ногайскіе, такъ и черкесскіе аулы по обоимъ Зеленчугамъ — по Малому и Большому. Такъ называются притоки Кубани. Всю эту экспедицію вынесли на своихъ плечахъ линейцы, при поддержкѣ конныхъ орудій. Полторы тысячи плѣнныхъ были частью отправлены на казенныя работы, частью розданы въ станицы. Тѣмъ не менѣе, набѣги, угонъ скота и лошадей не прекращались. За два дня до Покрова 1823 года Вельяминовъ вторично двинулся за Кубань. Отрядъ состоялъ изъ 3,000 пѣхоты при 16 орудіяхъ и 8 сотенъ линейцевъ— Кубанскаго, Кавказскаго, Волгскаго и Хоперскаго полковъ. Войска шли по ночамъ, днемъ скрывались въ глубокихъ балкахъ. Когда бывшій впереди Якубовичъ далъ знать, что

онъ переправился за Лабу и стоитъ подъ самыми аулами, Вельяминовъ выслалъ ему 6 сотенъ линейцевъ. Изъ трехъ ногайскихъ ауловъ не ушелъ ни одинъ человѣкъ, кромѣ владѣтельнаго князя Мансурова, покинувшаго даже свое семейство. Вельяминовъ, простоявъ еще недѣлю на Лабѣ, поднялъ свой отрядъ, обремененный множествомъ плѣнныхъ, огромной добычей, и повелъ его обратно. Черкесы по обыкновенію провожали, но на этотъ разъ довольно слабо. Въ полдень подулъ сильный встрѣчный вѣтеръ; отрядъ медленно подвигался, не дорогой, а прямо цѣлиной, между густыхъ зарослей бурьяна. Черкесы сообразили, какой страшный вредъ они могутъ нанести. Во весь духъ обскакали стороной отрядъ и скрылись изъ виду. Не болѣе какъ черезъ четверть часа пахнуло гарью, потомъ повалилъ дымъ, и пошла навстрѣчу огненная стѣна. Поднялась тревога: обозы и артиллерія повернули назадъ. Но сухой бурьянъ разгорался все пуще и пуще: бѣда грозила страшная. Къ счастью, кто-то догадался поджечь траву сзади, отчего вскорѣ очистилось мѣсто, гдѣ отрядъ расположился уже въ полной безопасности. Между тѣмъ, еще не потухло пламя спереди, какъ сквозь него проскочилъ Якубовичъ; за нимъ рванулось 3 сотни спѣшенныхъ линейцевъ и цѣпь Навагинскаго полка. Черкесы остолбенѣли, когда увидѣли передъ собой этихъ отчаянныхъ людей. Раздался дружный залпъ, скрестились шашки, пошли въ ходъ кинжалы, приклады, прошло не больше 10 минутъ предсмертной борьбы, среди удушающаго смрада—и горцы, совершенно разбитые, бѣжали безъ оглядки. Случись на ту пору ихъ больше, злую шутку могли-бы сыграть!

По отъѣздѣ Вельяминова Правый флангъ остался на попеченіи Кацырева, вождя суроваго, но опытнаго. А тогда опытность и храбрость замѣняли силу. Рѣка Кубань на протяженіи 250 верстъ, отъ границъ Черноморья до Баталпашинска, оборонялась только двумя полками: Кубанскимъ и Кавказскимъ, да пятью батальонами пѣхоты при 35 орудіяхъ. Но это были особые, «кавказскіе» солдаты. Въ 6 дней они проходили Кабарду, т. е. 300 верстъ, потому что иначе не поспѣвали-бы всюду. Одѣвались они по-кавказски: въ куртки разнаго покроя, лохматыя черкесскія шапки, пестрыя рубахи и синія холщевыя шаровары; навьюченные сверху донизу ранцами, сумками, мѣшками, они, тѣмъ не менѣе, глядѣли

отважно, врагамъ спуску не давали. Кацыревъ никогда не держалъ войска на виду, а размѣщалъ ихъ или въ ближайшихъ селеніяхъ, или въ скрытыхъ мѣстахъ лагерями; въ нужную минуту онъ разсылалъ приказанія собраться всѣмъ къ назначенному мѣсту. Никто никогда не зналъ, куда отрядъ будетъ направленъ. «Веди на такое-то урочище», говорилъ Кацыревъ проводнику, и тотъ велъ. А проводники у него были лучшіе, испытанные, потому что онъ золота не жалѣлъ. Войска дѣлали переходы всегда по ночамъ. Поутру, на разсвѣтѣ, они уже стояли передъ ауломъ, и горе ждало виновныхъ...

Много бѣглыхъ кабардинцевъ, нежелавшихъ покориться русскимъ, поселились на верхней Кубани, вошли въ дружбу съ черкесами и вмѣстѣ составляли сильныя партіи, всегда готовыя броситься то въ Кабарду, то за Кубань. Изъ Кабарды они выселяли земляковъ; за Кубанью, какъ водится, громили станицы. Проходили цѣлые годы, а бѣглые кабардинцы не унимались, такъ что стали сущимъ бѣдствіемъ для поселеній Праваго фланга. Эти тревожныя событія вызвали еще разъ генерала Вельяминова. Весною 1825 года онъ переправился черезъ Кубань у Прочнаго окопа и на четвертый день похода разбилъ свой лагерь на берегахъ Лабы. Были свѣдѣнія, что въ аулахъ кабардинскаго князя Кара-Мурзина уже извѣстно о приближеніи русскихъ. Вельяминовъ отрядилъ князя Бековича-Черкасскаго съ линейцами провѣрить справѣдливость слуха, а также подобрать баранту, покинутую горцами. Три съ половиною сотни казаковъ переправились черезъ Лабу, гдѣ сразу наткнулись на большой конскій табунъ. Взятые подъ допросъ, пастухи показали, что въ аулахъ Кара-Мурзина дѣйствительно всю ночь не спали, но теперь, по всему видно, перестали тревожиться, полагая, что русскій отрядъ еще далеко. Линейцы понеслись въ карьеръ по отлогости горы Ахметъ, пронеслись мимо бесленеевскихъ ауловъ, гдѣ все спало, еще разъ переправились черезъ Лабу и очутились въ узкой, точно расщелина, тѣснинѣ. По-одному, по-два казаки поднимались все въ гору, по едва примѣтной каменистой тропинкѣ. Такъ карабкались они верстъ 20. Съ вершины послѣдняго уступа передъ ними открылся не простой аулъ, а цѣлый городокъ, въ которомъ находилось по крайней мѣрѣ 200 укрѣпленныхъ домовъ съ узкими, какъ амбразуры, окошками. Отступать было уже

поздно: сзади бесленеевцы, спереди эта твердыня, гдѣ могутъ сейчасъ проснуться. Бековичъ зналъ своихъ закаленныхъ сподвижниковъ, зналъ, что ихъ мужество возрастаетъ вмѣстѣ съ опасностью. Онъ объѣхалъ ряды для того только, чтобы заказать казакамъ грабить, прежде чѣмъ кончится бой. Занималась заря, тихая, прекрасная; вершины горъ стали бѣлѣть. Казаки крикнули «ура!» и понеслись вихремъ. Населеніе встрепенулось уже объятое пламенемъ; тамъ и сямъ раздавались выстрѣлы, слышался трескъ горѣвшихъ построекъ, клубы чернаго дыма поднимались къ небу, омрачая румяное утро. Дадымовъ скакалъ впереди Кавказскаго полка и налетѣлъ на самого князя Кара-Мурзина, выскочившаго изъ своей сакли полураздѣтымъ, съ пистолетомъ въ рукахъ. Онъ выстрѣлилъ, но промахнулся.—«Теперь ты мой!» закричалъ Дадымовъ. Пуля поразила главнаго виновника похода въ голову: онъ упалъ мертвымъ. Княгиня выбѣжала съ мѣшкомъ червонцевъ. Казаки мгновенно подхватили золото и понеслись дальше. Жена одного узденя высыпала кучу червонцевъ въ яму, сама подожгла свой дворъ и сгорѣла вмѣстѣ со всѣмъ добромъ. Послѣ боя во многихъ мѣстахъ казаки находили слитки золота и серебра. Вообще, добыча была огромная. Князь Кара-Мурзинъ считался однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ; его всегда окружала многочисленная толпа узденей и джигитовъ. Казаки отогнали до 4,000 головъ скота и лошадей; плѣнные были отправлены впередъ, подъ особымъ конвоемъ.

Въ лагерь на Лабѣ пріѣхала раньше другихъ вдова-княгиня, окутанная съ ногъ до головы густымъ покрываломъ; за ней подъѣхали другія, менѣе знатныя; наконецъ, привезли дѣтей. Видъ плѣнницъ былъ жалокъ. Одна молодая дѣвушка, раненая въ ногу, громко стонала; другая рвала свои длинные прекрасные волосы; тамъ плакали навзрыдъ, тутъ безмолвно обнимались. Рѣзвыя дѣти разыскивали своихъ матерей, которыя, не смотря на всѣ ужасы прошедшей ночи, успѣли припасти для нихъ кусочки родного чурека. Поодаль отъ другихъ стояла, выпрямившись во весь ростъ, жена богатаго узденя, красивая и статная, какъ черный лебедь; ея благородныя черты лица были искажены и страхомъ, и горестью. Такое-же страданіе изображалось на лицахъ почтительно ее окружавшихъ молодыхъ дѣвушекъ, съ длинными косами, въ пестрыхъ халатахъ. Утоливши первый

голодъ и не понимая, что вокругъ творится, рѣзвыя дѣтишки забѣгали, стали прыгать, перекидываться другъ черезъ дружку, и такія откалывали штуки, что приводили въ изумленіе нашихъ солдатъ. «Ахъ, прахъ тебя побери, черномазый! Ну, колѣнце: въ жисть не видалъ!»

V.

Лабинцы и Хоперцы.

ба Зеленчука, Большой и Малый, берега Бѣлой и Лабы, прославились пластунствомъ. Эту часть Линіи оберегали лабинцы, сыны Украйны, слѣдовательно братья черноморцевъ. Лабинская Линія, какъ одна изъ самыхъ передовыхъ и позже устроенныхъ, состояла изъ ряда небольшихъ укрѣпленій, раскинутыхъ на большомъ пространствѣ и соединенныхъ цѣпью слабыхъ постовъ. Многоводныя рѣки, большіе лѣса, заросли и болота, однимъ словомъ, все то, что облегчало нападеніе и затрудняло защиту, вызывали особую бдительность, чрезвычайную осторожность, тонкій разсчетъ. Пластуны стали здѣсь первыми людьми. Пластуновали офицеры, простые казаки, дѣти; даже собаки пріучались нажидать и выслѣживать непріятеля. Ближайшими сосѣдями лабинцевъ были хоперцы, поселенные на верхней Кубани. По дружбѣ и сосѣдству они дѣлили съ

лабинцами радости и горе линейной службы. Хоперцы такъ охохлачились, что въ нихъ даже трудно признать давній отпрысокъ Дона.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ Шамиль, въ ту пору всесильный, прислалъ къ закубанскимъ горцамъ своего ставленника Магометъ-Эмина, принявшаго громкій титулъ шейха. Горцы ждали отъ него великихъ подвиговъ. По веснѣ 1847 года стало извѣстно, что шейхъ пытается прорваться за Кубань. Вдоль Линіи заскакали нарочные съ «цыдулками» или «летучками». Такъ назывались секретныя распоряженія, въ конвертахъ, припечатанныхъ двумя перышками, сложенными накрестъ. Начальникъ Линіи генералъ Волковъ приказалъ запереть всѣ станицы, укрѣпленія и посты, прекратить полевыя работы, усилить дневные разъѣзды, выставить залоги и высылать по ночамъ сильные секреты. Такія мѣры принимались въ крайности.

Между прочимъ, сильная залога изъ 20 доброконныхъ казаковъ 2-го Лабинскаго полка, при урядникѣ Солодухинѣ, была выставлена въ десяти верстахъ отъ станицы Лабинской, близъ устья рѣчки Ходзь, — мѣсто глухое, прикрытое съ обоихъ береговъ Лабы густымъ лѣсомъ. Двое сутокъ залога Солодухина стояла въ «Дубкахъ»; днемъ казаки сторожили свой постъ спѣшенные, держа лошадей въ поводу; ночь проводили въ сѣдлѣ. Кромѣ того, по обоимъ берегамъ Ходзь зорко наблюдалась окрестная мѣстность одиночными пикетами, которые по утрамъ взбирались на высокія деревья, а подъ вечеръ залегали въ секретъ. Къ вечеру третьяго дня разыгралась гроза. Встревоженныя птицы попрятались въ гнѣзда, лишь ласточки сновали надъ рѣкой. Лѣсъ и окрестности сразу охватило тьмой; оглушительные удары, одинъ за другимъ, потрясали воздухъ; сверкнула ослѣпительная молнія, съ шумомъ пронесся градъ, слѣдомъ за нимъ хлынулъ дождь. Казаки искали защиты, кто подъ раскидистымъ деревомъ, кто подъ обрывомъ берега. Въ это время явился къ уряднику казакъ Головинъ съ донесеніемъ, что онъ съ вершины высокаго чинара высмотрѣлъ большую партію горцевъ, которая скрылась теперь подъ обрывомъ. Солодухинъ сейчасъ же услалъ одного казака къ начальнику Линіи, а самъ отправился на указанное мѣсто и своимъ опытнымъ глазомъ опредѣлилъ численность партіи въ 200 чел. Гроза

въ это время пронеслась, солнце бросало косые лучи, прощаясь съ землею. Въ воздухѣ стояла тишина глубокая, невозмутимая, какъ бываетъ только послѣ бури. На смѣну дневному свѣтилу показался молодой мѣсяцъ. При мягкомъ его свѣтѣ горцы стали переправляться черезъ Лабу, не замѣчая того, что старый урядникъ вылѣзъ изъ трущобы, ѣдетъ по ихъ слѣдамъ, все видитъ, даже слышитъ ихъ разговоры. А говорятъ они про то, что въ эту же ночь еще нѣсколько партій пройдутъ между Шалоховскимъ постомъ и Ахметъ-горскимъ укрѣпленіемъ. Сейчасъ же былъ посланъ туда приказный Малюковъ съ пятью казаками; въ Лабинскую поскакалъ второй гонецъ. Передъ свѣтомъ залегъ такой туманъ, что казаки не видѣли головъ лошадей; между тѣмъ до ихъ слуха долеталъ всплескъ воды отъ конскихъ копытъ. Солодухинъ и четыре казака поползли какъ змѣи. Притаившись за кустами и пнями, они насчитали еще до 50 всадниковъ съ однимъ большимъ значкомъ, изъ чего заключили, что тутъ находился самъ шейхъ, Магометъ-Эминъ. Приказный Стрѣльниковъ получилъ приказаніе слѣдить за ними съ четырьмя казаками. Солодухинъ оставался на броду до полнаго разсвѣта. Приказные Малюковъ и Стрѣльниковъ исполнили приказаніе въ точности: они проводили свои партіи вплоть до Кубани, гдѣ шесть партій, соединившись вмѣстѣ, составили одну, силою до двухъ тысячъ. Бросились горцы на Сенгилѣевку, что за Кубанью, но тамъ, по вѣстямъ пластуновъ, ихъ давно ждали и съ позоромъ прогнали.

Въ 1853-мъ году, поздней осенью, русскій отрядъ подъ начальствомъ Евдокимова, погромивъ абадзехскіе аулы, медленно подвигался вверхъ по р. Бѣлой. Изъ сосѣднихъ ущелій наскакивали горцы, джигитовали передъ фронтомъ и снова скрывались. Видимо, они старались задержать движеніе отряда и тѣмъ протянуть время. Были свѣдѣнія, будто въ горахъ что-то затѣвается, а что̀ именно—никто навѣрно не зналъ. Генералъ поручилъ Шпаковскому выбрать 20 самыхъ опытныхъ пластуновъ, проникнуть съ ними въ горы, вывѣдать силу и направленіе партій. Отважные лабинцы забрались за Майкопское ущелье къ Богорсуковскимъ ауламъ. Какъ истые охотники, они расположились цѣпью; Шпаковскій взобрался на утесъ, откуда аулъ и часть ущелья обозрѣвалъ какъ на ладони. Прождали они сколько-то времени и видятъ, что одинокій всадникъ пробирается ущельемъ. Вотъ онъ оста-

новился, выслалъ впередъ собаку разнюхать по зарослямъ, потомъ ужъ смѣло выѣхалъ изъ ущелья и повернулъ къ аулу. Пластуны сразу узнали стараго муллу Абдулъ-Керима, отчаяннаго вожака всѣхъ партій. Онъ остановился въ густой рощицѣ, привязалъ къ дереву коня, а самъ вышелъ на опушку и сталъ глядѣть на минаретъ. Въ аулѣ спали глубокимъ сномъ. На освѣщенномъ луной минаретѣ появился человѣкъ, вытянулся во весь ростъ, потомъ взмахнулъ кускомъ бѣлаго холста и подержалъ его надъ головой. Внизу отвѣтили свѣтомъ, точно вспыхнулъ порохъ. Вскорѣ изъ аула показался пѣшій горецъ, навстрѣчу которому пошелъ мулла. Они долго о чемъ-то говорили, показывая знаками въ ту сторону, гдѣ находился русскій отрядъ. Въ это время конь муллы былъ уже въ рукахъ пластуна Зенченки, а вѣрная его собака плавала въ крови отъ запущеннаго въ нее кинжала. Пластуны Алеменьевъ и Бойко пробрались за мостикъ, перекинутый черезъ рѣчку; старый Мандруйко съ товарищами ползли лугомъ слѣдомъ за горцами, вслушиваясь въ ихъ разговоръ. Вдругъ мулла остановился, схвативъ горца за руку: ему послышался шорохъ въ кустахъ. — «Не ошибся ли ты?» спросилъ у него горецъ.—«Нѣтъ, я слышалъ, что шелестѣли вѣтки. А когда проѣзжалъ Майкопскимъ ущельемъ, то вдали отдавался конскій топотъ: наши такъ не ѣздятъ, это навѣрно казаки!» — Мулла свиснулъ свою собаку, но вѣрное животное уже не могло явиться на зовъ хозяина. Простоявъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, мулла видимо успокоился и пошелъ дальше. Не успѣлъ онъ ступить на мостъ, какъ два дюжихъ пластуна загородили ему дорогу; мулла бросился назадъ—столкнулся съ Мандруйкой, въ котораго сейчасъ же выстрѣлилъ. Пуля пролетѣла мимо. Мандруйко сбилъ муллу съ ногъ, товарищи живо его связали и всунули въ ротъ «мячъ» изъ овечьей шерсти, «щобъ вінъ не вопивъ». Другой горецъ тѣмъ временемъ исчезъ. Но Мандруйко не смутился. Онъ поглядѣлъ на рѣчку и скоро замѣтилъ на поверхности воды пузырьки: «Дивись! Вінъ сховався (спрятался) у воду!» сказалъ старикъ и побѣжалъ внизъ по теченію. Каково же было его удивленіе, когда шаговъ за 200 отъ него выбрался горецъ на берегъ и какъ заяцъ пустился бѣжать по зарослямъ. Мандруйко вернулся сердитый. Теперь семеро пластуновъ, взваливъ муллу на плечи, понесли его къ Шпаковскому. Стало свѣтать. Пластуны, раздѣлившись

на три партіи, разъѣхались на поискъ. Партія Шпаковскаго наткнулась на двѣ конныхъ арбы: хозяевъ забросили въ глубокую балку, кони, равно какъ и оружіе, взяты съ собой, слѣды уничтожены. Мандруйко захватилъ косякъ въ 28 коней, а партія Рибасова подхватила двухъ горцевъ, рубившихъ дрова. У озера Хазырь всѣ три партіи съѣхались, какъ было условлено. Въ полдень густой туманъ растянулся непроницаемой пеленой, зачастилъ мелкій дождичекъ, а это пластунамъ на руку. Дорогу они знали отлично. Въ полумракѣ неслась конная партія, направляя путь къ урочищу Геды, на р. Бѣлой, гдѣ поджидалъ ихъ Евдокимовъ. Верстъ за 10, не доѣзжая мѣста, передовые наткнулись на отару барановъ. Всѣ пластуны съѣхались на совѣтъ, какъ быть съ барантой: отогнать ли ее или лучше объѣхать? — Порѣшили отогнать. По уговору часть пластуновъ должна была скучить отару, остальные налетѣть. — Три чабана, закутанные въ дырявыя бурки, лежали у огонька; они, какъ будто, спали, но за нихъ бодрствовали свирѣпые псы. Когда раздалось ихъ ворчанье, пастухи, поднявшись на ноги, стали обходить отару, подозрѣвая близость волка или шакала. Вдругъ, бѣжавшія впереди собаки съ визгомъ бросились назадъ, пораженныя кинжалами; въ то же мгновеніе поднялись на ноги 5 пластуновъ съ наведенными ружьями. Пастухи окаменѣли. Раздался свистокъ урядника, по которому налетѣли конные пластуны. Перевязать пастуховъ было не долго, и черезъ часъ испуганная баранта, подкидывая своими жирными курдюками, неслась вслѣдъ за козломъ, котораго велъ на арканѣ передовой пластунъ. Плѣнники со связанными назадъ руками и перехваченными подъ брюхомъ лошадей ногами скакали впереди подъ наблюденіемъ трехъ пластуновъ; по сторонамъ мчались боковыя цѣпи, сзади — арьергардъ. Когда они явились въ отрядъ, Евдокимовъ такъ былъ доволенъ ихъ вѣстями, что приказалъ сейчасъ же выдать по «доброй чарці горілки», что всегда составляло лучшую награду пластуну, вернувшемуся изъ дальней или трудной развѣдки.

Въ 4 часа утра отрядъ Евдокимова снялся съ позиціи, а передъ разсвѣтомъ уже стоялъ въ той самой рощѣ, гдѣ мулла подъ ястребиными глазами пластуновъ бесѣдовалъ наканунѣ съ горцемъ. Четыре сотни спѣшенныхъ лабинцевъ тихо облегли аулъ; ракетные станки взобрались на тотъ са-

мый утесъ, съ котораго Шпаковскій наблюдалъ за свиданіемъ; дивизіонъ орудій, пройдя ущельемъ, вытянулся передъ фронтомъ аула. Въ мертвой тишинѣ орудія снялись съ передковъ и, поднявъ дула, грозно смотрѣли на виновныхъ, безмятежно спавшихъ. Когда луна скрылась за высоты, отбрасывавшія на батарею тѣнь, взлетѣла изъ рощи сигнальная ракета. Въ отвѣтъ сверкнулъ изъ фланговой пушки огонекъ, зашипѣли съ утеса одна за другой ракеты, въ аулѣ раздались частые выстрѣлы, мѣстами взвились огненные языки: то наступилъ часъ мщенія за долгія безсонныя ночи, за грабежи и разореніе лабинскихъ станицъ, за плѣненіе братьевъ и сестеръ.

Въ особенно тревожную пору на Лабинской линіи назначали въ секреты мальчугановъ отъ 13 до 17 лѣтъ, изъ дѣтей офицеровъ и урядниковъ; они ходили въ походы и нерѣдко зарабатывали кресты, наравнѣ со старыми казаками, отъ которыхъ получили кличку «бісовы собачата». Эти собачата ни за что, бывало, не уснутъ въ секретѣ; они были вдвое бдительнѣе, вдвое осторожнѣе, чѣмъ старые пластуны; отъ ихъ вниманія не ускользалъ не только всплескъ воды, но даже шорохъ пробужденной птички. Однажды сильный секретъ съ 4 ракетными станками залегъ возлѣ ст. Лабинской; въ немъ находилось трое собачатъ: Потаповъ, Братковъ и Красновскій; старшему изъ нихъ только минуло 15 лѣтъ. Погода стояла отвратительная: мелкій осенній дождь сѣялъ какъ черезъ сито; порывистый вѣтеръ гналъ черныя грозныя тучи; молнія, ослѣпляя глаза, сверкала безпрерывно; удары грома глухо повторялись въ ущельи, точно раскаты отдаленной пальбы. Именно такія ночи, когда добрый хозяинъ не выгонитъ собаки, были лучшими спутниками какъ русскихъ походовъ, такъ и горскихъ набѣговъ. Завернувшись въ бурки и башлыки, пластуны лежали на-сторожѣ; особенно тревожились собачата: имъ во всемъ мерещились горцы, хотя бы то пошевелился сосѣдъ. Вдругъ, вспыхнувшая въ нѣсколькихъ мѣстахъ молнія ярко освѣтила рѣку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большую толпу горцевъ, которые переправлялись прямо противъ пластуновъ. Собачата чуть не вскрикнули: ихъ отправили съ приказаніемъ, чтобы приблизились секреты. Между тѣмъ пластуны, вынувъ изъ чехловъ винтовки, поползли къ обрыву на въѣздъ брода. За оглушительнымъ ударомъ грома наступила тишина. Казаки

ясно слышали всплескъ воды, прорѣзаемой грудью добрыхъ коней, по временамъ храпѣвшихъ. Вотъ уже передовые кони, бултыхая, ступаютъ на землю по прибрежной отмели. Собачата тѣмъ временемъ успѣли вернуться; всѣ секреты сблизились, ждутъ только сигнала. Выпалилъ сотникъ на всплескъ, за нимъ почти мгновенно сверкнули выстрѣлы секретныхъ, пронеслись драконами 4 боевыхъ ракеты. Снизу раздались вопли, проклятія; грузно падали люди и кони. Когда горцы открыли пальбу, секреты, сдѣлавъ свое дѣло, далеко ужъ отползли. По первымъ выстрѣламъ загорѣлся сосѣдній маякъ, что возвѣщало тревогу. Съ угловой станичной батареи грянулъ пушечный выстрѣлъ: яркій брандскугель освѣтилъ зарѣчье какъ разъ противъ мѣста переправы; туда же полетѣли свѣтящіяся ядра, изъ станицы вынесся резервъ. Пока все это происходило, секретные, вскочивъ на лошадей, переправились черезъ Лабу и во весь духъ помчались къ ущелью, чтобы перехватить единственный путь отступленія. Съ превеликимъ трудомъ горцы выбрались наконецъ изъ воды, подобравъ всѣхъ раненыхъ. На полныхъ рысяхъ они уже приближались къ ущелью, когда изъ темной его щели раздался тотъ же ужасный трескъ и зловѣщее шипѣнье ракетъ. Испуганные кони взвились на дыбы, при чемъ топтали мертвыхъ всадниковъ. Тогда, въ отчаяніи, горцы опять устремляются къ Лабѣ — навстрѣчу имъ скачетъ резервъ.... Уже наступило утро, пасмурное, дождливое, а многіе джигиты все еще метались, не зная, куда скрыться. Болѣе сотни осѣдланныхъ коней было согнано въ станицу; казаки потеряли 15 товарищей. Собачата ни на шагъ не отставали отъ прочихъ. Вскорѣ они были зачислены на дѣйствительную службу, и груди ихъ украсились серебряными медалями на георгіевской лентѣ, съ надписью: «За храбрость».—Если старые, сѣдые казаки, надѣвая заслуженный крестъ, походили въ ту пору на малыхъ ребятъ, то какова же была радость этихъ мальчугановъ и какъ гордились ими ихъ заслуженные отцы!

У старыхъ казаковъ была та же повадка, что и на Кубани, а именно: при случаѣ подшутить надъ горцемъ, напугать его до смерти, за что послѣдній расплачивался своею кровью. Между станицами Баталпашинской и Суворовской, на покатой мѣстности, высится одинокій курганъ, какъ часовой надъ привольной роскошной долиной, которая стелется здѣсь на

десятки верстъ. Отъ горцевъ перешло по наслѣдству древнее сказаніе, что ежедневно съ закатомъ солнца на этомъ курганѣ появляется бѣлый всадникъ на бѣломъ конѣ. Онъ выѣзжаетъ навстрѣчу путнику, скачетъ съ нимъ рядомъ, дуетъ страшнымъ вихремъ ему въ лицо и въ уши коню до тѣхъ поръ, пока оба, и путникъ и конь, не падутъ отъ изнеможенія или не умрутъ отъ страха. Тогда только всадникъ ихъ покидаетъ, снова появляется на вершинѣ холма, но какъ только первые лучи солнца озолотятъ его вершину, онъ уходитъ въ нѣдра земли. По сказанію, то была тѣнь убитаго измѣной аталыка, мстившаго людямъ за совершенный ими грѣхъ. У горцевъ существовалъ обычай аталычества, т. е. отдача сыновей на воспитаніе въ чужія руки, почему аталыкъ становился своему питомцу какъ бы вторымъ отцомъ.

Урядникъ Суворовской станицы Переверзневъ ѣхалъ по дѣламъ службы въ Баталпашинскъ. Дорогой онъ наткнулся на дикихъ козъ и, какъ завзятый охотникъ, долго за ними гонялся, пока не притомилъ коня, да и самъ не усталъ порядкомъ. Солнце стояло еще высоко, урядникъ стреножилъ коня и прилегъ на курганѣ, гдѣ тотчасъ уснулъ. Проснулся онъ, оглядѣлся, видитъ, что проспалъ не мало: вдали за синѣющимъ лѣсомъ уже догораетъ заря. Тутъ Переверзневъ вспомнилъ о мертвецѣ и струхнулъ порядкомъ, такъ что морозъ пробѣжалъ у него между плечъ. Однако время было торопиться. Казакъ взнуздалъ коня, сталъ спускаться съ кургана, какъ, вдругъ, вскинувъ глазами, видитъ, что надъ Кубанью двигается точно кучка — все ближе, ближе; наконецъ кучка разсыпается: онъ ясно различаетъ всадниковъ, бѣгущихъ крупной рысью. Переверзневъ скоро смекнулъ, что казакамъ тутъ незачѣмъ быть: очевидно, это горцы. Проскакавши съ версту, партія, человѣкъ 15, стала приближаться шагомъ, при чемъ ясно можно было различить ихъ говоръ. Переверзневу ничего не стоило переждать въ кустахъ, пока партія проѣдетъ, но у стараго хоперца забурлила кровь. Онъ придумалъ разыграть мертвеца, кстати на немъ была бѣлая черкеска, бѣлая папаха, подъ нимъ — бѣлый конь. Вскочивъ мигомъ на коня, онъ медленно поднялся на самую вершину кургана и, озаренный послѣднимъ проблескомъ зари, казался чуднымъ сказочнымъ богатыремъ. Горцы ѣдутъ, болтаютъ, ничего не замѣчая, какъ случись, что у одного изъ

нихъ споткнулся конь и затѣмъ шарахнулся въ сторону. Глаза всѣхъ разомъ вскинулись на курганъ; страхъ попуталъ разсудокъ: повернувъ коней, они пустились вскачь. Съ оглушительнымъ крикомъ, какъ ураганъ; слетѣлъ урядникъ съ кургана, и погнался за горцами съ шашкой на-голо̀, съ винтовкой на погонѣ лѣвой руки. Нагнавъ задняго горца. онъ на скаку хватилъ его шашкой, да еще гикнулъ такъ пронзительно, что кровь могла остановиться въ жилахъ. Теперь горцы погнали своихъ лошадей безъ памяти. Еще восьмерыхъ изрубилъ удалой хоперецъ. Испуганные кони, облегченные отъ ноши, обгоняли партію, что еще пуще усиливало страхъ: горцамъ казалось, что слѣдомъ за ними несется не одинъ мертвецъ, а цѣлое ихъ воинство. Наконецъ они бросились въ Кубань прямо съ кручи, не разбирая путей. Переверзневъ еще ранилъ одного горца на плаву, послѣ чего, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, поѣхалъ на сосѣдній постъ разсказать свою «оказію». Казаки живо переловили лошадей, а на утро стащили убитыхъ. Генералъ Эмануель, узнавши о подвигѣ урядника, выхлопоталъ ему крестъ. Между тѣмъ горцы, уцѣлѣвшіе отъ тяжелой руки хоперца, разсказывали въ горахъ о страшной гибели своихъ джигитовъ. Полузабытое сказаніе снова воскресло въ памяти. Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, однако ни казакъ, ни мирный горецъ не проѣдутъ мимо кургана, чтобы украдкой не взглянуть наверхъ.

Если пластунамъ случалось попадаться въ бѣду, они, какъ и на Кубани, умѣли не только извернуться или выйти сухи, но даже оставить по себѣ память. Пластуны Зимовинъ, Коротковъ и Мамоновъ пробрались въ верховья Лабы, въ боговскіе аулы, гдѣ, нахозяйничавъ довольно, думали возвращаться во-свояси, какъ случилось несчастье. Кунакъ (пріятель) Короткова измѣнилъ ему: спящаго пластуна схватили соннаго въ саклѣ, заковали въ кандалы и бросили въ глубокую яму. Долго и безуспѣшно товарищи разыскивали Короткова, пока случайно не наткнулись на этотъ самый аулъ, даже узнали, какой готовится бѣднягѣ конецъ. Сидитъ въ ямѣ нашъ пластунъ, пригорюнился, перебираетъ въ головѣ семью родную; сердце его ноетъ, жаль ему покидать все дорогое, прощаться съ бѣлымъ свѣтомъ. Вдругъ слышитъ онъ знакомый оклпкъ: «Пу-гу! пу-гу!» Короткова передернуло: не вѣритъ онъ близости счастья! Однако отозвался,

тихо, заунывно. Долго не повторялся отрадный окликъ; сердце у него заколотилось, точно выскочить хотѣло; въ голову ударила кровь. Потомъ, слышитъ, опять филинъ свое: «Пу-гу! пу-гу!» Вскочилъ, гремя цѣпями узникъ, да такъ гаркнулъ въ изступленіи, что проснулся караульщикъ, который ткнулъ въ него прикладомъ. Тогда только Коротковъ опомнился. Между тѣмъ окликъ все ближе, ближе... Не смѣетъ пластунъ объявиться: дюжій горецъ можетъ догадаться, тогда все пропало. Затаивъ дыханіе, онъ только слушаетъ. По маломъ времени оклики стали замирать. На счастье, горецъ вылѣзъ изъ ямы, вѣрно пошелъ за смѣной. Тутъ ужъ Коротковъ, забывъ все на свѣтѣ, сталъ усердно звать своихъ друзей: руки и ноги дрожали, голосъ надрывался. Вотъ филинъ гукнулъ надъ самой ямой.—«Сюда хлопці! Лѣстница съ лѣвой стороны!» Черезъ минуту всѣ три друга очутились вмѣстѣ. Только что они принялись распиливать оковы—отмычки и пила всегда у пластуна за поясомъ—какъ заслышали приближеніе шаговъ. Это были караульные: старый и новый. Послѣдній сталъ спускаться въ яму—тутъ его ждали 2 кинжала. Тѣло горца грохнулось съ шумомъ на дно.—«Что случилось?» спросилъ сверху его товарищъ. Мамоновъ отвѣтилъ съ бранью за убитаго, что онъ оступился и ушибъ себѣ ногу. Обманутый горецъ также полѣзъ въ яму, гдѣ попалъ на тѣ же кинжалы. Покончивъ съ нимъ, пластуны обрядили товарища въ одежду и оружіе убитыхъ, послѣ чего поспѣшили выбраться изъ ямы. Едва Коротковъ увидѣлъ свѣтъ Божій, какъ въ немъ закипѣла месть: онъ уговорилъ товарищей поджечь саклю кунака-измѣнника. Натаскали они втроемъ хвороста, обложили со всѣхъ сторонъ саклю и разомъ подожгли. Аулъ проснулся, поднялась тревога. Каждый старался отстоять и спасти свое добро, а пластуны, какъ ни въ чемъ не бывало, вертѣлись тутъ же, смѣшавшись съ толпой. Вотъ выскочилъ изъ своей сакли кунакъ Короткова, съ просонокъ ничего не понимая, что кругомъ творится; но, спасаясь отъ дыма, нашелъ смерть, гдѣ ее вовсе не ждалъ: онъ прямо наткнулся на врага, и тотъ не промахнулся.

Никѣмъ не замѣченные, пластуны пустились въ лѣсъ. Возлѣ кладбища они заслышали конскій топотъ и скрылись въ кусты. То ѣхалъ навстрѣчу имъ горецъ съ тремя заводными лошадьми въ поводу. Въ воздухѣ просвистѣлъ кинжалъ: горецъ, не пикнувъ, свалился съ коня. Теперь пла-

ступы, всѣ верхами, да еще съ заводнымъ конемъ, мчались по лѣсу какъ птицы. На другой день къ полудню они явились въ Надеждинское укрѣпленіе, гдѣ Коротковъ доложилъ начальнику Зеленчукской Линіи, что горцы собираются сдѣлать набѣгъ. Свѣдѣнія эти, какъ послѣ подтвердилось, были совершенно справедливы.

VI.

Сунженцы.

Новый полкъ, Сунженскій, занялъ мѣста издавна знакомыя, по которымъ много разъ проходили грозные русскіе отряды съ конницей и артиллеріей. По пути впередъ они шли побѣдоносно, громили аулы, разгоняли скопища чеченцевъ. Возвращаясь назадъ, отходили медленно, упорно отбиваясь на каждомъ шагу. И много разъ обагрялась Сунжа русскою кровью отъ временъ первыхъ казачьихъ поселеній до тѣхъ поръ, пока не вспомнили порядки Ермолова. Хотя русскія войска не терпѣли пораженій, но чеченцы все-таки торжествовали, потому что оставались хозяевами на своей землѣ. Тогда, по завѣтамъ Ермолова, начали строить укрѣпленія, заселять подъ

ихъ защитой станицы, рубить просѣки, жечь непокорные аулы, переселять мирные. Такъ образовалась Сунженская Линія. Впереди ея простиралась равнина самая плодородная въ цѣломъ краѣ, мѣстами пересѣченная балками, богато орошаемая горными рѣчками, каковы: Асса, Фортанга, Надхой, Валерикъ, Гехи. Большая часть этой равнины, покатой къ сторонѣ горъ, густо заросла вѣковымъ дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ жили враждебные намъ чеченцы. Они не хотѣли уступить безъ боя лучшія свои земли, отходившія теперь подъ казачьи станицы. И въ то время, когда надо было селиться, строиться, обработывать пашню, выгонять стада, ежедневно вѣстовая пушка по нѣскольку разъ возвѣщала тревогу. Но сунженцы пришли съ Терека, гдѣ росли и мужали ихъ отцы въ бранныхъ тревогахъ. Командиромъ сунженцевъ и вмѣстѣ начальникомъ Верхне-сунженской Линіи былъ Слѣпцовъ, не только опытный вождь, но мудрый правитель и попечительный хозяинъ. Въ четыре года Николай Павловичъ Слѣпцовъ очистилъ отъ непріятеля всю плоскость Малой Чечни и покорилъ два нагорныхъ общества: галашеевцевъ и карабулаховъ. Онъ былъ молодъ; его любили солдаты и офицеры; сунженцы души въ немъ не чаяли, почему Слѣпцовъ могъ выполнять такіе замыслы, которые въ ту пору казались еще слишкомъ смѣлы. Средняго роста, худощавый, онъ былъ статенъ и красивъ; въ его прекрасныхъ глазахъ то свѣтилась ласка и русское добродушіе, то пылалъ огонь рыцарской отваги. Слѣпцова знала вся Чечня; его побаивался самъ Шамиль. Однажды Слѣпцовъ разогналъ десятитысячное скопище, собранное имамомъ для разоренія Сунжи. Матери-чеченки, чтобы унять крикливаго мальчишку, говорили: «Слѣпцовъ идетъ!»—и ребенокъ умолкалъ. Въ то же время злѣйшіе враги приходили къ нему изъ горъ съ просьбою разобрать ихъ ссору. Когда въ дѣлѣ подъ Валерикомъ былъ убитъ наибъ Анзоровъ, Слѣпцовъ приказалъ передать вдовѣ, что онъ очень сожалѣетъ о смерти храбраго воина, и послалъ ей дорогіе подарки. Оружіемъ онъ покорялъ аулы; великодушіемъ, щедростью, быстротою дѣйствій и безумной храбростью — онъ привлекалъ сердца, покорялъ умы обитателей горъ.

Въ 1848 году лѣвый берегъ Сунжи былъ окончательно заселенъ станицами; по правому же берегу стояли разбросанные хутора чеченцевъ, и хотя они часто подвергались

полному истребленію, но такъ же скоро появлялись вновь. Въ темныя ночи чеченцы прокрадывались мимо нашихъ укрѣпленій и тихо, осторожно вновь селились на привольныхъ мѣстахъ подъ сѣнью родныхъ лѣсовъ. Ихъ близкое сосѣдство сейчасъ же обозначалось рядомъ грабежей, безъ чего они не могли спокойно усидѣть. Тогдашній главнокомандующій князь Воронцовъ приказалъ очистить Сунжу отъ этихъ воровскихъ гнѣздъ. Въ ночь на 17-е февраля Слѣпцовъ выступилъ со своимъ отрядомъ, изъ 7-ми ротъ пѣхоты, 11$^1/_2$ сотенъ кавалеріи и конно-ракетной команды, при двухъ орудіяхъ. Войска не останавливаясь шли цѣлую ночь. На переправѣ черезъ Сунжу Слѣпцовъ оставилъ пѣхоту и артиллерію, а съ конницей пошелъ дальше, между рѣками Валерикомъ и Гехи, къ аулу Ясанъ-Юртъ. Дороги не было, шли густымъ лѣсомъ, обходя кучи валежника, чтобъ не дѣлать шуму. За небольшой поляной тянулся опять лѣсъ, до того густой и мрачный, что казался непроницаемъ. Тутъ стояли первые чеченскіе хутора, но они оказались пусты. Слѣпцовъ углубился въ лѣсъ. Какъ всегда, онъ ѣхалъ впереди отряда, и первый увидалъ чеченскій аулъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ, что надъ высокими плетнями, окружающими каждую саклю, торчатъ папахи и сотни продвинутыхъ винтовокъ ждутъ появленія русскихъ. Не успѣла конница выстроиться на площадкѣ, какъ ее встрѣтили дружнымъ залпомъ; нѣсколько пуль прожужжали мимо Слѣпцова. Онъ только молча протянулъ руку къ оградѣ, и казаки стремительно бросились, прежде чѣмъ горцы успѣли зарядить свои ружья. Они отступили въ лѣсъ, откуда продолжали перестрѣлку. Черезъ 2 часа, ни аула, ни окрестныхъ хуторовъ уже не было: темные своды лѣса окутались дымомъ, сквозь который проскакивали языки огня. Зимній день приходилъ къ концу, надо было подумать объ отступленіи; и безъ того трудное въ лѣсахъ Чечни, оно становилось тѣмъ опаснѣе теперь, что у Слѣпцова не было пѣхоты. Три сотни спѣшенныхъ сунженцевъ подъ его личнымъ начальствомъ двинулись въ авангардѣ; сзади сотня владикавказцевъ и милиція; въ серединѣ раненые, плѣнные, вся добыча и коноводы— подъ прикрытіемъ казаковъ. Медленно, шагъ за шагомъ, двигалась маленькая колонна. Какъ только мѣстность немного обнажилась, чеченцы сунулись слѣва, чтобы вырвать плѣнныхъ; но сунженцы, одушевленные присутствіемъ Слѣп-

цова, бросились имъ навстрѣчу съ обнаженными шашками. Потомъ опять ряды сомкнулись, колонна тронулась. Еще ударили чеченцы, и снова авангардъ встрѣтилъ ихъ фронтомъ. Перестрѣлка между тѣмъ не умолкала ни на минуту, только на нее не обращали вниманія. Наконецъ лѣсная чаща кончается, впереди виденъ просвѣтъ, что означаетъ близость поляны. Тутъ горцы, предчувствуя, что добыча ускользаетъ, всѣми силами и разомъ набросились съ праваго фланга. Прозвучала лихая команда, послѣ которой авангардъ и арріергардъ встрѣтили непріятеля дружной атакой, причемъ многихъ изрубили. Бой мгновенно прекратился: вѣрно чеченцы потеряли предводителя. А тутъ вышла навстрѣчу и пѣхота, оставленная на Сунжѣ. Въ 11 часовъ утра войска уже переправлялись на свой берегъ.

Въ лѣто того же 1850-го года возлѣ укрѣпленія Куринскаго, памятнаго читателямъ пребываніемъ Бакланова, производились большія работы по прорубкѣ лѣса, что привлекло цѣлое скопище чеченцевъ. Они не только палили изъ-за Мичика въ лагерь, но ставили батареи, чтобы бомбардировать Куринское. Кромѣ потерь отъ непріятельскаго огня, русскій отрядъ изнемогалъ отъ усиленныхъ трудовъ въ самое жаркое время года, таялъ отъ болѣзней. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи начальникъ Лѣваго фланга генералъ Козловскій просилъ Слѣпцова поднять тревогу въ тылу чеченскаго скопища. Слѣпцовъ откликнулся, хотя на его мѣстѣ не всякій бы рискнулъ на такое опасное дѣло. Ему предстоялъ путь просѣкой, черезъ Шалинскую поляну, а эта поляна была перекопана въ ту пору грознымъ окопомъ въ 4½ версты длиною, съ трехъ-саженнымъ рвомъ по всей его длинѣ и башнями на концахъ; на лѣвомъ флангѣ окопа, у самой опушки лѣса, стоялъ редутъ; правымъ флангомъ онъ упирался въ лѣсъ. Болѣе пяти тысячъ горцевъ трудились надъ этимъ заваломъ, при помощи котораго Шамиль надѣялся отстоять Шалинскую поляну, самую плодородную часть Большой Чечни. Чѣмъ больше берегли его чеченцы, тѣмъ сильнѣе хотѣлось овладѣть имъ пылкому Слѣпцову. Приготовленія къ этому походу были разсчитаны такъ ловко, что обманули всю Чечню. Какъ бы угрожая непокорнымъ ауламъ, Слѣпцовъ выставилъ за Сунжей, на р. Ассѣ, небольшой отрядъ, а въ это время возлѣ ст. Михайловской собралось 5 сотенъ сунженцевъ, 150 донцовъ, конно-ракетная команда и небольшой отрядъ

пѣхоты. Въ ночь Слѣпцовъ повелъ ихъ берегомъ по пути къ Грозной, но съ половины дороги отправилъ пѣхоту назадъ съ приказаніемъ возвращаться открыто, чтобы непріятельскіе пикеты могли ее видѣть; самъ же съ конницей скрылся въ трущобахъ Сунжи, гдѣ пробылъ цѣлый день. Въ это время всѣ чеченскія партіи, бывшія въ сборѣ, разошлись по домамъ въ ожиданіи набѣга. Слѣпцову только и нужно было. Съ дневки онъ написалъ коменданту Грозной письмо съ просьбой помочь ему пѣхотой, такъ какъ свою онъ отправилъ назадъ. Комендантъ обѣщалъ выслать 3 роты съ одной сотней конницы, на сутки, не больше. Вечеромъ 21 августа Слѣпцовъ вынырнулъ изъ трущобы, переправился черезъ Сунжу и пошелъ напрямикъ лѣсами. Обѣщанная изъ Грозной помощь присоединилась на отдыхѣ у Ханкальскаго ущелья. На разсвѣтѣ, въ день коронаціи покойнаго Государя, дѣдушки нынѣшняго, отрядъ перешелъ возлѣ крѣпости Воздвиженской на правый берегъ Аргуни, откуда направился прямо къ Шалинской просѣкѣ. Въ 6 часовъ утра русскіе стояли передъ грознымъ окопомъ. Изъ-за туровъ торчали высокія чеченскія папахи: тамъ сидѣло 500 защитниковъ, при одномъ орудіи; на башняхъ развѣвались значки двухъ наибовъ: Талгика и Лабизана. Слѣпцовъ пустилъ сначала милицію; она бойко взяла съ мѣста, но, встрѣченная дружнымъ залпомъ, отскочила назадъ. Тѣмъ временемъ Слѣпцовъ обозрѣлъ расположеніе окопа и намѣтилъ, какъ сподручнѣе его брать. Пѣхоту онъ повелъ самъ, опушкой лѣса, противъ праваго фланга, а двѣ сотни сунженцевъ, подъ начальствомъ Предимирова, направилъ въ лѣсъ, вправо отъ просѣки, гдѣ стоялъ редутъ. Одною изъ этихъ сотенъ командовалъ тогда князь Дондуковъ-Корсаковъ, бывшій главноначальствующій. Имъ было приказано выслать цѣпь изъ лучшихъ наѣздниковъ, съ тѣмъ, чтобъ завязать перестрѣлку и такимъ образомъ отвлечь вниманіе наиба отъ праваго фланга.—Когда маленькая пѣхотная колонна приблизилась на ружейный выстрѣлъ, горцы запѣли предсмертную молитву, потомъ дали залпъ, послѣ котораго продолжали учащенную пальбу. Солдаты молча добѣжали, спустились въ глубокій ровъ и стали карабкаться по крутому эскарпу на гребень. Прошло нѣсколько тревожныхъ минутъ, пока рѣшилось дѣло: наши овладѣли правымъ флангомъ, горцы отступили къ лѣвому, гдѣ перестрѣлка постепенно разгоралась. Радостнымъ «ура!» привѣтствовали кав-

казцы первый успѣхъ. Слѣпцовъ оставилъ при себѣ одну роту, остальныя отправилъ къ редуту. Солдаты весело бѣжали по гребню бруствера, скидывая прочь туры; впереди ихъ неслись по тому же гребню чеченцы. Изъ редута нашихъ встрѣтили ружейнымъ залпомъ и выстрѣломъ изъ пушки, до сихъ поръ молчавшей. Это не остановило храбрыхъ линейцевъ: они кинулись на штурмъ. Въ ту же минуту наѣздники прекратили стрѣльбу, 2-я Сунженская сотня спѣшилась и вмѣстѣ съ донцами, прибывшими изъ резерва, полѣзла съ другой стороны. Горцы такъ растерялись, что даже не пытались обороняться: покинувъ редутъ, они убѣжали въ лѣсъ. Такъ легко достался въ наши руки окопъ, на возведеніе котораго было потрачено столько времени и труда!

Къ 10 ч. утра прибыло изъ крѣпости Воздвиженской сильное подкрѣпленіе, но и горцы не дремали. Ихъ гонцы разносили повсюду тревогу, сзывая на защиту конныхъ и пѣшихъ. Въ скоромъ времени впереди окопа выросло цѣлое скопище, около $2^1/_2$ т., и расположилось частью противъ редута, частью подальше на просѣкѣ, имѣя въ виду запереть нашъ путь. Отсюда вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ— одинъ, потомъ другой, третій... Въ это время чеченцы, замѣтивъ, что казаки уже садятся на лошадей, поспѣшно затащили свою пушку въ лѣсъ. Дѣйствительно, изъ-за редута выѣзжали крупной рысью 8 казачьихъ сотенъ; рядомъ съ ними, ближе къ опушкѣ, бѣжали егеря. Пѣшіе чеченцы тотчасъ скрылись въ лѣсъ, вслѣдъ за пушкой, но конные оказали удивительную стойкость. Они дали подъ рядъ 2 залпа. Казаки тоже выпалили 2 раза, потомъ, выхвативъ шашки, крикнули «ура!» и понеслись вскачь. Чеченцы пытались было задержать ихъ въ перелѣскахъ; тогда скакавшее рядомъ съ линейцами донское орудіе мигомъ снялось съ передка, ударило картечью, потомъ опять понеслось, снова остановилось и повторило выстрѣлъ, что окончательно принудило чеченцевъ обратиться въ бѣгство. Долго еще казаки гнались за ними, увлеченные побѣдой, а когда возвращались къ окопу, то лѣсъ дрожалъ отъ залихватской пѣсни:

«Пыль клубится по дорогѣ,
Слышны выстрѣлы порой:
Изъ набѣга удалого
Ѣдутъ Сунженцы домой!..»

Вечеромъ весь отрядъ перешелъ на ночлегъ въ Воздвиженское, а на другое утро Слѣпцовъ повелъ его на Сунжу. По обѣ стороны дороги стояли пѣшія и конныя партіи, провожая русскихъ; на Валерикѣ Слѣпцова встрѣтили двое старшинъ немирныхъ ауловъ и поздравили съ побѣдой.—Черезъ мѣсяцъ онъ былъ произведенъ въ генералы; ожидалъ еще георгіевскаго креста 3-го класса, но судьба готовила ему деревянный.

Въ концѣ сентября Слѣпцовъ уже выселялъ послѣдніе аулы чеченской плоскости; наибы Шамиля съ тоской и досадой глядѣли, какъ ихъ покидали послѣдніе защитники праваго берега Сунжи. Тогда перешло подъ защиту русскихъ поселеній болѣе полутораста семей со всѣмъ своимъ имуществомъ. Мирныя занятія по вырубкѣ лѣсовъ, устройству мостовъ, по водворенію казачьихъ станицъ и ауловъ безпрестанно прерывались тревожными вѣстями изъ Нагорной Чечни. Водвореніе мира было задушевнымъ желаніемъ молодого вождя, но онъ никогда не прощалъ измѣны, не позволялъ безнаказанно хозяйничать наибамъ Шамиля. Такъ Слѣпцовъ узналъ, что тѣ самые старшины, которые нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ клялись въ вѣрности, принимаютъ у себя знаменитаго наѣздника Хаджи-Мурата, размѣщаютъ по своимъ хуторамъ и продовольствуютъ его конницу. Не смотря на то, что ихъ большіе и многолюдные аулы были расположены или по уступамъ горъ, или въ дикихъ, неприступныхъ ущельяхъ, откуда вытекаютъ Шалажъ, Валерикъ, Гехи, — Слѣпцовъ быстро собрался и выступилъ въ ночь съ 30 на 31 января. Въ эту экспедицію онъ взялъ въ первый разъ нѣсколько линейныхъ ротъ, стоявшихъ по крѣпостямъ для отбыванія гарнизонной службы. Летучій отрядъ нигдѣ не встрѣтилъ непріятеля, но на половинѣ пути долженъ былъ заняться расчисткой огромнаго завала, сложеннаго изъ деревьевъ, связанныхъ хворостомъ и убитыхъ землей, на что ушло почти два часа трудной работы. Когда стало разсвѣтать, раздались 3 сигнальныхъ выстрѣла: отрядъ былъ открытъ. Слѣпцовъ поскакалъ и увидѣлъ цѣлый рядъ скученныхъ ауловъ, одинъ другого больше; они составляли оплотъ поселенія Нагорной Чечни. Въ то же время густыя толпы чеченцевъ спускались съ верхнихъ уступовъ. Слѣпцовъ возвратился къ отряду и приказалъ начать отступленіе. Путь предстоялъ не легкій: сначала лѣсомъ, потомъ черезъ большую поляну, пересѣченную глубокимъ оврагомъ. Спѣшенные сунженцы отправились

впередъ и заняли опушку лѣса на той сторонѣ поляны, чтобы принять на себя отступавшую пѣхоту. Въ то время, когда они располагались по опушкѣ, чеченцы въ большихъ силахъ перехватили оврагъ. Едва они завидѣли головныя роты, какъ бросились въ шашки—и линейцы, непривыкшіе къ такимъ встрѣчамъ, побѣжали. У Слѣпцова хлынула изо рта струя желчи. Въ пылу гнѣва и стыда онъ не замѣтилъ, что остался совершенно одинъ и пѣшій; кругомъ падали люди. Наконецъ онъ пришелъ въ себя: «Сунженцы, ко мнѣ!» Не успѣлъ затихнуть его повелѣвающій призывъ, какъ 4-я сотня уже окружила своего начальника. Непріятель наступалъ дерзко, намѣреваясь отнять даже пушки. Сунженцы, занимавшіе опушку лѣса, поняли въ чемъ дѣло. Они самовольно ее бросили, перебѣжали черезъ оврагъ и ворвались въ лѣсъ подобно урагану. Чеченцы отошли стройной толпой, остановились, дали залпъ, шаговъ на 30, потомъ еще отошли, выстрѣлили другой разъ, почти въ упоръ—все это сунженцы выдержали, а затѣмъ ринулись въ шашки и ужъ тутъ никому не давали пощады. Они прошли весь лѣсъ, навалили труповъ и вернулись, когда чеченцы скрылись. При дальнѣйшемъ отступленіи они появились снова, но теперь казаки отходили медленно, черезъ оврагъ перекатною цѣпью, артиллерія огрызалась картечью. Послѣ пяти часовъ боя отрядъ потерялъ 50 убитыхъ и 130 раненыхъ,—потеря большая, къ чему Слѣпцовъ не привыкъ. Это несчастное дѣло залегло у него на душѣ тяжелымъ камнемъ. Тутъ онъ въ первый разъ видѣлъ бѣгство русскихъ солдатъ, горько сожалѣлъ, зачѣмъ взялъ въ набѣгъ линейную пѣхоту, и все думалъ, какъ бы доставить ей случай поправиться.

Тѣмъ не менѣе Чечня пріуныла. Слѣпцовъ наносилъ ей мѣткіе удары. Со своими, незнающими отдыха сподвижниками онъ проникалъ въ такія дебри, которыя до сихъ поръ считались недоступны. Вырубка лѣсовъ по верховьямъ горныхъ рѣчекъ открывала къ нимъ свободные пути; раньше или позже, а Нагорная Чечня должна была покориться. Начальникъ Верхне-сунженской линіи не имѣлъ въ своемъ распоряженіи столько войскъ, чтобы разомъ прикончить; тамъ, гдѣ нужны были полки или батальоны, онъ могъ двинуть лишь нѣсколько ротъ. И съ такими-то, можно сказать, ничтожными средствами Слѣпцовъ поражалъ Шамиля въ самое сердце, отнимая у него наиболѣе надежные опорные пункты.

У имама опускались руки. Еще недавно онъ былъ въ полной силѣ; его власти одинаково были покорны лѣса Чечни и горы Дагестана. Казацкой шашкой разгонялись его скопища, топоръ валилъ лѣса; грозный штыкъ проникалъ въ ущелья, разрушалъ аулы на скалистыхъ выступахъ горъ. Новые вожди Кавказской арміи дѣйствовали не только смѣло, но основательно, закрѣпляли за собой каждую пядь земли, добытую русской кровью. Тогдашній главнокомандующій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, самъ старый ветеранъ наполеоновскихъ войнъ уважалъ и высоко цѣнилъ ихъ дарованія, ихъ боевую доблесть. Слѣпцова онъ любилъ какъ сына. И для всей Кавказской арміи, проникнутой духомъ братства, Слѣпцовъ былъ утѣхой, радостной надеждой: его успѣхамъ радовались, его неудачи отзывались болью въ сердцахъ, незнавшихъ, что̀ такое зависть. Для послѣдней экспедиціи, въ которой участвовалъ Слѣпцовъ, составъ отряда былъ опредѣленъ самимъ главнокомандующимъ. На этотъ разъ вошли 5 батальоновъ пѣхоты, саперная команда, 11 сотенъ конницы, 10 орудій и столько же ракетныхъ станковъ. 3-го декабря войска разбили лагерь въ верховьяхъ рѣки Гехи, въ пустынной мѣстности, окруженной лѣсами. На мѣстѣ лагеря должна была вырости крѣпость. Соединивши ее просѣкой съ Урусъ-Мартаномъ, Слѣпцовъ закладывалъ новую Линію, впереди Сунжи: таковъ былъ смѣлый его планъ. Когда началась рубка лѣса, чеченцы съ изумленіемъ глядѣли на присутствіе въ этихъ глухихъ, до сихъ поръ нетронутыхъ мѣстахъ цѣлаго городка-лагеря, гдѣ шумъ и смѣхъ не умолкали цѣлые дни; съ ужасомъ они помышляли о будущемъ, видя, какъ валятся съ трескомъ вѣковые исполины-чинары, какъ расчищаются спуски, устанавливаются ко̀злы, готовятъ настилку....

Въ день чудотворца св. Николая въ русскомъ лагерѣ было отслужено торжественное молебствіе при громѣ пушекъ: войска праздновали именины Государя. Впервые еще въ дебряхъ Чечни раздалось священное пѣснопѣніе христіанскихъ молитвъ, и въ ужасѣ горцы спѣшили оградить завалами свои, теперь обнаженные, аулы. На правомъ берегу Гехи закипѣла работа. Они рубили безъ отдыха днемъ и ночью столѣтніе чинары. Не прошло и трехъ сутокъ, какъ среди поляны возвышалось цѣлое укрѣпленіе, не казистое на видъ, но угрожавшее кровопролитіемъ; 2 тыс. конныхъ и

пѣшихъ стояли въ сборѣ; съ часу на часъ поджидались новыя подкрѣпленія. Наибы получили приказаніе прогнать русскихъ во что бы то ни стало. Слѣпцовъ рѣшился ихъ атаковать.

Утромъ 10-го декабря лазутчики дали знать, что къ чеченцамъ прибыла пушка; въ 2 часа они откроютъ по рабочимъ пальбу. Слѣпцовъ сдѣлалъ распоряженіе, что первый выстрѣлъ изъ непріятельской пушки будетъ сигналомъ общаго нападенія. Послѣ полудня войска 1-й колонны, изъ охотниковъ Сунженскаго и Горскаго полковъ, подъ начальствомъ Предимирова, изъ батальона тенгинцевъ съ Меркуловымъ, незамѣтно вышли изъ лагеря, пробрались въ глубину лѣса и залегли въ ожиданіи сигнала. Имъ предстояло броситься на ретраншаментъ сзади. Войска 2-й колонны, которую составляли батальонъ эриванцевъ, 2 сотни сунженцевъ, 2 сотни милиціи и ракетная команда, подъ личнымъ начальствомъ генерала, спустились въ оврагъ рѣки, гдѣ засѣли подъ обрывомъ. Остальныя же войска, составлявшія 3-ю штурмовую колонну, вышли въ урочный часъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на работу; два орудія стали на позицію впереди лѣса, казаки наблюдали переправу.

Непріятельское укрѣпленіе уподоблялось огромному сооруженію, сложенному изъ лѣсныхъ великановъ и растянувшемуся на три версты въ длину, на версту въ глубину. Въ серединѣ его находился круглый завалъ, или редутъ: онъ охватывалъ 16 хуторовъ, гдѣ хранились боевые запасы и продовольствіе. Вся опушка изъ-подъ вырубленныхъ деревьевъ была обнесена особыми завалами, за которыми стояла неподвижная стѣна угрюмаго, непочатаго лѣса. Между непріятельскими верками торчали огромные пни, служившіе защитой для стрѣлковъ.

Ровно въ 2 часа впереди рабочихъ показался бѣлый клубочекъ дыма: то выпалила чеченская пушка; ядро пронеслось надъ головами и ударило въ землю. Охотники Предимирова, заслышавъ выстрѣлъ, быстро поднялись въ лѣсной чащѣ и такъ же скрытно продолжали обходъ; изъ-подъ обрыва выскочила 2-я колонна; впереди ея понеслись казаки со Слѣпцовымъ во главѣ. Ихъ не устрашили смертельные залпы, не удержали малые окопы: непріятель былъ выбитъ шашками; Слѣпцовъ, упоенный успѣхомъ, остановился передъ бруство-

ромъ большвго редута. Справа дружно работали навагинцы съ подполковникомъ Лукомскимъ, слѣва—эриванцы съ маіоромъ Шатиловымъ. Они очищали длинные фланги окопа отъ засѣвшихъ тамъ чеченцевъ. И 3-я колонна не отстала отъ первой. Рабочіе въ одинъ мигъ побросали топоры и стали въ ружье; казаки, не дождавшись пѣхоты, поскакали вслѣдъ за Слѣпцовымъ. Между тѣмъ навагинцы и эриванцы, покончивъ съ флангами окопа, перебѣжали гребнемъ и окружили чеченцевъ, засѣвшихъ въ кругломъ редутѣ; часть спѣшенныхъ казаковъ присоединилась тотчасъ къ нимъ, а другая побѣжала навстрѣчу обходной колоннѣ. Не далеко успѣли казаки уйти, какъ услышали «ура!» охотниковъ въ тылу завала. Горцы сначала опѣшили передъ нежданнымъ появленіемъ этой колонны, однако скоро опомнились, перебѣжали на заднюю сторону редута, чтобы во-время встрѣтить залпомъ. Бѣжавшіе впереди сунженцы, вмѣсто отвѣта, выхватили шашки, ворвались въ середину, при чемъ овладѣли хуторами. Чеченцы, изумленные такою отвагой, даже разступились передъ ними; потомъ ужъ, сообразивъ, какой опасности подвергалась ихъ единственная пушка, взялись за нее и потащили въ лѣсъ. Спрятавъ ее гдѣ-то въ трущобѣ, они засѣли у опушки въ малыхъ завалахъ. Туда бросился Меркуловъ со своими тенгинцами, которые послѣ короткаго боя очистили штыками всѣ завалы. Этой атакой было закончено хорошо задуманное и блистательно исполненное послѣднее дѣло Слѣпцова.—Въ минуту торжества пронеслась скорбная, потрясающая вѣсть, что его ужъ больше нѣтъ! Смолкъ веселый говоръ, побѣдные клики—горе сковало уста; омрачились лица, тоска сжала солдатское сердце.

Генералъ, какъ сказано, стоялъ въ 50 шагахъ отъ большого редута одинъ, на виду у всѣхъ, верхомъ на бѣломъ кабардинцѣ; красный верхъ его папахи мелькалъ, какъ мишень для выстрѣловъ. Онъ слышалъ «ура!» охотниковъ, потомъ вдругъ пошатнулся въ сѣдлѣ и, повернувъ коня, ухватилъ его за гриву. Все это видѣли конвойные. Когда они подскочили, Слѣпцовъ произнесъ глухимъ голосомъ: «Конецъ! Снимите меня!» — Пуля попала ему подъ сердце, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

— «Команду послѣ меня принимаетъ полковникъ Каревъ», проговорилъ умирающій отрядному квартирмейстеру барону

Сталю. Когда его несли въ лагерь, онъ успѣлъ еще спросить: «Взято ли непріятельское орудіе?» Ему отвѣтили, что завалы взяты, а насчетъ орудія ничего неизвѣстно. — «И за то слава Богу!» отвѣтилъ Слѣпцовъ едва слышно, при чемъ перекрестился. Это были его послѣднія слова: въ лагерь внесли уже трупъ. — Войска возвратились, замерцали огни, было темно, холодно и жутко. Среди глубокой тишины доносились изъ лѣсовъ жалобныя пѣсни въ честь убитыхъ, въ перемежку съ гиканьемъ и радостными воплями по случаю смерти русскаго витязя. На другой день ликовала вся Чечня.

Населеніе Сунжи, отъ мала до велика, вышло навстрѣчу покойнику; плачъ, надрывающій сердце, стоялъ стономъ въ степи. Слѣпыхъ подводили къ гробу; матери сажали на крышку грудныхъ младенцевъ; старики съ укоризною въ глазахъ смотрѣли на сподвижниковъ Слѣпцова. Одинъ сѣдой казакъ упрекнулъ даже коня: «Ишь, волчья сыть! Не умѣлъ уберечь, а самъ-то цѣлъ!»

Главнокомандующій почтилъ память покойнаго особымъ приказомъ по Кавказской арміи: «Остаюсь вполнѣ увѣренъ, что всѣ знали подвиги Слѣпцова и всѣ раздѣлятъ чувство горести, возбуждаемое утратой этого доблестнаго генерала, но въ особенности Сунженскій казачій полкъ, которымъ онъ командовалъ съ 1845 года, который онъ устроилъ, поселилъ, воодушевилъ и прославилъ, съ которымъ сталъ грозою непріятеля и въ рядахъ котораго палъ на полѣ чести.» — Когда родной братъ Слѣпцова просилъ, чтобы ему позволили перевезти драгоцѣнный прахъ на родину, въ Ярославскую губернію, князь Воронцовъ отвѣтилъ, что тѣло покойнаго принадлежитъ Кавказу. По его же ходатайству Государь Императоръ повелѣлъ впредь именовать Сунженскую станицу Слѣпцовской.

Ходила молва, что Слѣпцовъ ждалъ своей смерти. За мѣсяцъ онъ говѣлъ и пріобщался св. Таинъ, а передъ отъѣздомъ изъ Сунженской вручилъ своему старому слугѣ Якову письмо съ надписью: «Послѣднее» — для передачи роднымъ. — Да, смерть часто является желанной гостьей даже въ расцвѣтѣ жизни, въ блескѣ славы, среди братской пріязни и свѣтлыхъ надеждъ. Такъ палъ и Слѣпцовъ, одинъ изъ лучшихъ вождей Кавказа. Свою тайну онъ унесъ въ могилу,

но среди живыхъ оставилъ по себѣ память, которая не умретъ въ пѣсняхъ казачьихъ, чеченскихъ: «Слава его высока и свѣтла, какъ вершина Казбека»—поетъ до сихъ поръ въ своей бѣдной саклѣ усмиренный имъ чеченецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Донцы.

Уральцы.

Кубанцы.

Терцы.